

Дмитрий Манасыпов

РАЙОН 55

ОТРАСНОЕ
СООБЩЕСТВО

Город назывался Радостный. Жили в нем обычные люди: работали, любили, строили планы на будущее. Соседство с секретной военной лабораторией их не беспокоило. Да они и знать не знали, что там происходит.

Города Радостный не стало, зато появился Район-55. Аномальная зона, свой особенный мир.

Район оцеплен войсками. Внутри периметра не осталось людей в привычном смысле — все без исключения подверглись мутациям, телесным или психическим. Кто-то превратился в монстра, а у кого-то открылись сверхспособности. Кто-то сохранил в себе человеческое начало, а кто-то напрочь утратил.

В Район-55 тайком пробираются научные экспедиции — изучать разные виды мутаций, добывать для лабораторий предметы с необычными свойствами. В Район с особыми заданиями посылают спецназ. В поисках острых ощущений в Район проникают туристы, наши и иностранные.

И конечно, сталкеры. Для сталкеров Район-55 — это их мир.

Человек в старой, заношенной «горке», сидел на тёмном, растрескавшемся пне на склоне Ключёвской. Положив на колени карабин «СКС» с простой оптикой, сбросив на землю выцветший рюкзак-«эрдэшку», курил сигарету без фильтра и внимательно смотрел вниз, через зеркальные очки-«капельки», в которых отражалось весеннее солнце.

Низ делился ровно на две половины, рассекаемые давно обмелевшей речкой с дряхлеющим мостом и почти полностью заросшей камышом, затянутой ярко-зелёной ряской. Прямо перед человеком виднелись засыхающие ивы, которые никак не хотели сдаваться перед фактом медленного умирания реки. Длинные ветви лениво колыхались, задевая кончиками за пушистые камышовые хвосты, торчащие на полтораметровой высоте.

По «эту» сторону, где Ключёвская поднималась над всей округой, мягким ковром волновалась высокая трава. Западный и восточный склоны сопки густо заросли клёнами, карагачами и редкими берёзами, со стороны которых веяло сочным запахом ещё молодых листьев. Стрекотали и гомонили птицы, вьющие гнёзда, деловито жужжали пчёлы-трудяги. Прямо на самый кончик ствола карабина, басовито гудя, опустился мохнатый шмель. Посидел-посидел и поднялся в воздух, улетая по своим, шмелиным, делам.

На «той» стороне серела выжженная земля. Торчали перья ржавеющих вертолётных ракет «НУРСов». Темнели воронки от разорвавшихся мин и снарядов.

Почти двухсотметровая полоса, очищенная от всего, заканчивающаяся первыми, невесть как уцелевшими деревьями с посечёнными осколками ветвями. Уходила вдаль пыльная грунтовка, по которой гуляли маленькие смерчки, пересекая давно продавленные на десяток сантиметров вглубь следы танковых гусениц. Остро и зло торчала вверх колючая, стального цвета трава. Изредка доносились непонятные, странные и неприятные звуки, издаваемые невидимыми обитателями леса. Из птиц человеку было видно только одиноко парящий в высоте над лесом крупный хищный силуэт грифа.

И небо...серое, тяжёлое, наполненное плотными тучами. Невидимая граница, пролёгшая между «этой» и «той» стороной, умудрилась поделить пополам даже чистый аквамарин неба.

Человек, сидевший неподвижной статуей, пошевелился, аккуратно туша сигарету о подошву высокого сапога с застёжками. Бросил её на землю, аккуратно вдавив каблуком поглубже. Поднял руку, посмотрел на механические часы, сидевшие на плотно охватившем тёмное, жилистое запястье, металлическом гибком браслете. Чуть качнул головой, как бы соглашаясь с тем, что пунктуальность соблюдена, когда услышал тихие и аккуратные шаги за спиной:

— Добрый день. — Он не стал оборачиваться. — Как всегда вовремя.

— Как всегда. — Собеседник встал рядом, смотря в ту же сторону, раскачиваясь на каблуках высоких, шнурованных ботинок. Тёмный камуфляж, жилет с рядом карманов для магазинов, автомат и «бегунки» на погонах, с полевыми, вышитыми зелёной нитью тремя большими звёздами. — Спасибо за ребят, которых вывел.

— За которых именно ребят, полковник? — Человек в очках чуть улыбнулся краем жёстких губ. — Это вам спасибо. Хотя бы немного могу спокойно вот так здесь посидеть. Есть дело?

— Да. — Полковник кивнул головой. — Нужна твоя помощь...

— Что надо?

Военный аккуратно опустился, присев на корточки. Посмотрел на тот берег, смотрящий на них просветами между деревьев, сплюнул на землю:

— Дело тонкое... по твоему профилю. Проследить, помочь одной группе.

— Куда идут?

— Кчёрту на кулички.

Глава первая: вечер, оставшиеся минуты

Валера ещё раз обтёрся мохнатым, тёмно-красным полотенцем, чувствуя, как быстро бежит кровь по разогретым мышцам. Контрастный душ, жёсткое растирание и нормально — пока усталость почти и не чувствуется.

Тренировка прошла хорошо. Довольные малолетние борцы, честно отпахав на ковре положенное время, разошлись по домам. Серёга, второй тренер, заполнял журнал.

Валера прошлёпал по старенькому линолеуму сланцами, достал из шкафа чистую футболку с эмблемой «Нефтяника», джинсы и стал одеваться.

— Слышь чего, Валерун... — Сергей, продолжая чиркать ручкой, не глядя, щёлкнул переключатель электрического чайника. — А ведь пацаны-то хорошо работают. Не стыдно и на область будет повезти. А Вадьку с Родионом, чем чёрт не шутит, могут и в сборную записать.

— Я тоже так думаю. — Валера, натянувший тугие джинсы, подошёл к стене за своим столом и задумчиво провёл пальцем по собственным грамотам, украшавшим стену. — Потенциал у них обоих — будь здоров. Конечно, работать и работать над ними, но кандидатами от нас точно выйдут.

— Угу... — Его напарник почесал небритый подбородок. — Точняк, могут.

Тренера, не сговариваясь, покивали головами. Они оба любили свою работу, которая не была престижной и высокооплачиваемой. Любили именно чувства и эмоции, которые появлялись на лицах мальчишек-воспитанников, когда они выигрывали схватки.

Оба в прошлом оставили нереализованные возможности. Валера, в своё время шедший на сборную, из-за травмы восстанавливался непозволительно долго.

Сергей...тут случай был сложнее. К работе с детьми его допустили под личную ответственность начальника местного ГУВД. У Серого за спиной была судимость, за нанесение тяжких и превышение пределов допустимой обороны. Рядового мента, только отслужившего срочку и решившего защитить честь сестры — закрыли на пять лет.

— Посмотрим, поработаем. — Валера, подумав, открыл дверцу шкафчика. Стукнув стеклом, поставил на стол два стакана, так редко сейчас встречающихся «граняка». Плеснул по «пятьдесят капель» себе и напарнику. — Будем?

— Будем, едрёна кочерыжка. — Сергей махом опрокинул в себя водку. — Если не помрём. Лишь бы им мясистые пацаны не попались, как мне когда-то.

— Ну да. — Валера поморщился. Достал бутылку с тёплой минералкой, запил. — Самое главное, чтобы мясистые не попались.

— Пошли что ли. — Серый наконец-то закончил чиркать ручкой. — Спать хочется.

— Да пошли. Завтра суббота, отоспаться можно. А чай?

— Да и хрен с ним, Валерище, с чаем-то. — Второй тренер поморщился. — Чай не водка, много не выпьешь.

Валера задумался. Много, не много, но факт — выпить напарник любил. Понятно, что большинство тренеров после тридцати пяти, когда многие надежды полностью разваливались, любили «накатить». Но Сергей пил нехорошо. В одиночку, чуть ли не чокаясь с зеркалом. Работал, правда, так, что не придерёшься, но тем не менее...

Хлопнула дверь. Торопливый бег мягких подошв кроссовок замер у двери. На пороге стоял Мишка, самый маленький из группы:

— Валерий Леонидыч, там, там... — Голос пацана, покрасневшего от бега, сбивался. — Там каблущные, человек пятнадцать, взрослые, а нас всего восемь осталось... Тренера переглянулись, и, не сговариваясь, бросились на улицу...

Надя сидела на лавке перед подъездом, дымя «Вогом», который стрельнула у подружки Кати, высокой, худой и конопатой девицы. Нервничала, изредка матерясь и глотая давно выдохшееся «Жигулёвское». Подруга понимающе и многозначительно молчала. Темнело, небо уже окрасилось в розовый цвет.

Причина нервоза была тривиальна до неприличия: беременность. Всё как обычно и как всегда: день рождения, клубан, похожий на Энрике Иглесиаса красавец, которого привёл кто-то из друзей, танцы-обжиманцы и прочее. Потом две недели встреч, кино и прогулок. И громадное преимущество перед подругами, ведь у красавца, приехавшего учиться в нефтяной техникум с Татарстана, имелась собственная квартира, доставшаяся в наследство от деда.

У него — сессия, у неё — подготовка к выпускному ЕГЭ. Куча времени, которое так весело проводить на большой двуспалке, застеленной шёлковым бельём, попивая «Мартини-Бьянко» из горлышка. Заниматься сексом при свечах, прижиматься к нему, такому красивому и любимому и чувствовать себя если не героиней голливудского фильма, то уж персонажем молодёжного сериала точно.

Был ли бракованным презерватив, или количество активных сперматозоидов у Иглесиаса зашкаливало? А хрен его сейчас разберёт. Как уверяют гинекологи — прерванный половой акт не является хорошим средством для предохранения от нежелательной беременности. И ведь правы оказались все медики, которые об этом твердят (наверняка включая лейб-врача Её величества королевы Великобритании и всех членов королевской семьи). Когда не обратившая внимания на отсутствие месячных Надежда всё-таки решила купить тест, то сразу в этом убедилась.

Сегодня утром она сидела на кипельно-белом унитазе в такой родной и близкой родительской квартире, в которой родилась и выросла. Смотрела то на розовую коробочку с немецкой надписью, валявшуюся под её ногами, на которых красовались мягкие тапочки с мордашками кроликов, то на узенькую картонную полоску в руке.

«Две, их ДВЕ!!!» — хотелось громко орать, но за дверью сонно протопал отец, идущий в ванну, и тут до неё дошло...

Да, всё было красиво и замечательно-романтично. Было да прошло. Надю била крупная дрожь от одной мысли о том, что сейчас внутри неё, где-то там, внизу живота, завёлся паразит. Ненужный ей залётный ребёнок, который, если от него не избавиться, перегораживал ей дорогу к учёбе, студенческой жизни и последующему устройству жизни после неё. Зачем он ей?!

Но...девушка обхватила голову руками, понимая, что ведь если она сделает аборт, то детей потом может и не быть. Об этом талдычила гинеколог во взрослой поликлинике, куда её перевели совсем недавно. Они тогда с Каткой хохотали, вспоминая девчонку, выпустившуюся со школы два года назад с большим животом. Осенью она уже ходила с коляской, в которой тихо и мирно сопел щекастый розовый пупс. А рядом с ними шёл отец, только-только закончивший третий курс ВУЗа.

Тогда ей было весело, а вот сейчас?..

Выйдя на ватных ногах, она быстренько шмыгнула в свою комнату, с головой зарывшись в одеяло. Дождалась, когда хлопнет дверь за мамой, которая вышла последней, захватив младшего брата. Трясущимися пальцами быстро набрала ЕГО номер.

Трубку он взял со второго звонка. Выслушал, помолчал, сказал, что перезвонит. Через час, когда начавшая дёргаться, с блестящими глазами Надя не выдержала и схватила телефон, раздался звонок в дверь.

Десять минут разговора. Трещина в глубине души и неторопливый стук каблуков его модных туфель, удаляющийся по лестнице вниз. Он готов дать ей денег и найти врача, вот и всё. Не забивай себе голову глупостями, сказал ей Иглесиас, которого звали Мансуром, такое бывает. Какая свадьба, и какой ребёнок?! У меня есть невеста, наши родители договорились давно. Да, на дворе двадцать первый век, и мы не на Кавказе. Ну и что? У вас свои обычаи, у нас свои. Подумай, время есть. Едем? Ну, всё, я пошёл...

— Козёл, ёпт. — Катька прищурила глаз, в который попал дым. — Мудак нерусский. Слушай, подруга, не ссы, прорвёмся. Денег даст — сделаешь аборт. Не рожать ведь теперь.

- Аборт? — Надя ссутулилась.

— Нет, блин, выносишь и будешь жить у родителей. Дядя Костя будет рад стать дедом, да, Надь? Эй, ты чё, ревёшь что-ль?

Надя плакала. Молча, давясь сухим, сдавленным плачем, зажав ладонями лицо. И только когда подруга, высившаяся над ней фигурой командора, всё-таки не выдержала, обняв её и прижав к себе, только тогда она разревелась в полный голос.

Мирон матерился, ковыряясь во внутренностях старенького «газона». Мало того, что он остался последним, и уже вечер на дворе...

Драндулет, который его заставил чинить мастер, был одним из самых старых в РОСТО. А учитывая факт того, что Мирон свободно манкировал все занятия по матчасти, факт удачного ремонта казался ему сейчас просто сказочным и недостижимым.

Категория «С» была нужна Мирону по одной причине: армия.

Гребли всех. Больных, косящих, студентов, аспирантов, обеспеченных и не очень. Полгода назад забрали соседа с пятого этажа, Сашку, сына начальника ремонтной службы местной «Роснефти». Деньги папаши не помогли. Мирон бухал на проводах, вливая в себя стакан за стаканом, косясь на подругу призывника, одновременно ревеющую и с интересом приглядывающуюся к другу Сашки, студенту «аэрокоса». В его ВУЗе была военная кафедра, и потому в ближайшее время повестка не светила. Варька, обладавшая в неполные девятнадцать четвёртым размером груди и внешностью фотомодели, ждал полтора года неудачника, отчисленного за прогулы, явно не собиралась.

Мирон, которого судьба его отношений с постоянной подругой интересовала мало, задумался о другом:

Ему, пэтэушнику, обладавшему железным здоровьем, «отменной» характеристикой в местном ГОВД и проживающему с матерью-техничкой, армия грозила точно. Вот только идти куда-нибудь в десантуру или спецназ, ему не хотелось. Единственной лазейкой, которая могла бы обеспечить спокойную, относительно, службу, Мирону представлялась авторота.

Вот и приходилось теперь торчать кверху задом, тупо пялясь в железные ветеранские внутренности и понимая, что Петрович, давно разменявший шестой десяток, хрена лысого поставит нужный балл.

— Урод, бля, педерастичный. — Мирон харкнул, попав то ли в масляный фильтр, то ли в карбюратор. — Сука...

Мученик автомобильной науки спрыгнул с бампера. Отошёл в сторону курилки, сел на лавку и задумался. И тут хлопнула дверь ангара:

— О как! — Мирон ослабил. — Ты-то мне и нужен, лошара.

Перед ним стоял, невесть как забредший в ангар, его одноклассник-неформал Лёшка. Худой, нескладный, длинноволосый, в старых джинсах и майке с надписью «Король и Шут». Практически отличник учёбы. Стоял, глядя на Мирона, никогда не упускавшего возможности зачмарить его, и затравленно озирался на дверь:

— А... — «Ботаник» сглотнул. — Алексея Петр...

— Не видишь, что ли — нет никого. В шары долбишься?! Сюда иди, ушлёпок.

Лёшка обречённо вздохнул, и направился в сторону почти двухметрового «шкафа», радостно скалящегося с самого момента его появления в гараже.

— Короче, умник. — Мирон прикурил. — У тебя ровно пять минут, чтобы понять — чего в этом пылесосе не работает, и что нужно сделать. Понял?

— Понял. — Лёшка покосился на сбитые костяшки своего постоянного кошмара. — Сейчас посмотрю. А...

— А если ты Петрович увидит, то песец тебе, чмо ты болотное.

Александр Анатольевич, врач-патологоанатом городского морга, ужинал.

Степенно и неторопливо ел домашние котлеты с варёной картошкой в сливочном масле, посыпанной зелёным лучком, которые ему принесла подруга, работавшая старшей медсестрой в реанимации. Сегодня у неё был отдых, вот и постаралась, произведя на свет незамысловатое, но от того не ставшее невкусным чудо кулинарного искусства.

Жрец Таната довольно зажмурился, чувствуя, как ледяной струйкой по пищеводу протекла струйка спирта, который он предварительно убрал в холодильник. Водку Александр Анатольевич не любил и не уважал, вполне логично считая, что неразбавленный медицинский куда как лучше продукции непонятного качества, продаваемой в современных супер, и не только, маркетах. А под такие котлеты — так вообще восхитительно.

Патологоанатом давно вёл холостяцкий образ жизни, довольствуясь малым. Ел в основном на работе, дома постоянно употребляя только полуфабрикаты. Из одежды предпочитал джинсы и весёлые футболки со свитерами, то есть то, что не нужно было тщательно гладить. В домашней обстановке у него присутствовал полный минимализм вкупе с анархией, выраженной в валяющихся повсюду носках, футбольных газетах и пустой тары из-под пива, складированной на кухне.

С противоположным полом ситуация была сложной. Женщины относились к нему своеобразно, оценивая прелести спортивного, с интересной внешностью, тридцатилетнего холостяка, владеющего двухкомнатной квартирой адекватно, но при этом довольно быстро исчезали, узнав про характер его работы. Что тому было виной, своеобразность ли работы, или въевшийся в одежду запах формалина напополам со сладковатым ароматом разложения,

Александр Анатольевич не знал.

Посему приходилось ему перебиваться обществом молодых и не очень местных блядушек, временно одиноких жён вахтовиков с Севера и редкими случаями с профессионалками. Последнее было весьма редко, так как в местных палестинах таковые особи отсутствовали, а в командировки Александр Анатольевич ездил редко.

Но за последние пять месяцев в его жизни произошла значительная и весьма приятная метаморфоза, связанная с худой и длинноногой особой, сейчас полулежавшей на продавленном диванчике напротив. Стоит заметить, что при этом из одежды на ней был только халат напарницы Александра Анатольевича, Светланы, сейчас полностью распахнутый и абсолютно ничего не скрывающий. Мера предосторожности, так сказать, на случай нежданного и негаданного визита кого-нибудь из руководства.

Причина метаморфозы была действительно длиннонога, поджара и рыжеволоса. То, что цвет волос у неё свой родной, весьма явно доказывало отсутствие одежды. Звали её Рита, и работала она, как уже было сказано выше, старшей медсестрой в местной реанимации. По возрасту она была старше активно поглощавшего прожаренный мясной фарш врача на три года.

Рита была женщиной умной, адекватной и нормально-стервозной. Обзавелась семьёй она весьма недавно, и ненадолго, разведясь по причине прозаической, и в чём-то, в особенности для бывшего мужа, весьма грустной. Она, по физиологическим причинам, не могла иметь детей. Что саму Риту несколько не смущало, чего нельзя было сказать о её бывшем благоверном. Как результат, в тридцать три года эта милая и абсолютно нефригидная женщина оставалась одинока, проживая в однокомнатной квартире, полученной после развода.

На Александра Анатольевича рыжая медсестра положила свой, ярко-изумрудный взор давно, ещё будучи замужем. Оказавшись снова вольной пташкой, Рита вооружилась многовековым женским и своим небольшим, но от того не менее серьёзным опытом, и принялась за обстоятельную, стратегически просчитанную операцию по завлечению патологоанатома в сети собственной, огненноволосой паутины.

Специфика работы, при которой ей неоднократно приходилось сталкиваться со смертью и повреждениями человеческого организма различной степени тяжести, дала ей изрядную фору. Отторжения, связанного с основой жизнедеятельности и финансового благополучия Александра Анатольевича, не случилось.

Ну, подумаешь! Морг, вскрытия, едкий запах формальдегидных растворов, изжелта-бледные, распластанные на столах тела, куча дешёвой одежды для похорон в кладовке (Александр Анатольевич не брезговал «левым» заработком, упаковывая и провожая чьих-то дорогих покойников в последний путь за умеренную плату, демпингуя цены «Горразнобыта»). Разве это оттолкнёт женщину, перешагнувшую рубеж четвёртого десятка, обладающую стальными нервами и постоянно сталкивающуюся со страшной Гостьей, забиравшей пациентов из палат её отделения?

«Окучивание» претендента на руку и сердце прошло без сучка и задоринки. «Клиент», к тридцати годам приобретший склонность к постоянной спутнице и домашнему уюту, оборонялся обречённо и без активного сопротивления.

К детям Александр Анатольевич относился спокойно и без ажиотажа. Куда как больше его интересовал именно тот аспект, что с Ритой ему не придётся прибегать к врачебному вмешательству при прерывании беременности. Окончательно она поразила его жёстким

сексом в маленькой комнате, примыкавшей к прозекторской, и он сдался.

Сейчас Рита развалилась на диване, наблюдая за партнёром, жадно поглощавшим остывающий ужин. Куда как лучше было бы находиться у него дома, где она давно навела именно тот порядок, который был по душе ей самой. Но...

На стальных, легированных поддонах за стеной лежали три тела. Два совсем молодых пацана, попавших в аварию и бомж, которого привезла «труповозка», вызванная ОВОшниками, которые нашли его в подвале.

Если мальчишек нужно было привести в то состояние, в котором их могли бы завтра похоронить, то бомжа нужно было обследовать, прежде чем отправлять на безымянное кладбище за городом. Так что работы у избранника Риты было много, потому она и пришла. Э-эх, а жаль.

Женщина, потянувшись, закинув руки за голову и разведя в сторону мускулистые бёдра, и улыбнулась, видя, как Александр Анатольевич поперхнулся, чуть не подавившись куском котлеты.

Семёныч, старший прапорщик ППС ГОВД МО Радостный, тщательно мыл руки подсобке круглосуточного торгового павильона-«разливайки» на «Пятаке». Тёр ладони друг о друга, старательно используя брусок тёмного хозяйственного мыла. Вода из крана шла еле-еле текущей струйкой, что раздражало и без того злого Семёныча. Да и раковина была забита, из-за чего в ней стояла на несколько сантиметров розовая от смывой им крови, с пеной от мыла, вода.

— Смыл? — Лидка, дородная ночная продавщица, заглянула в подсобку. — Ну, Семёныч, ты и зверь. Это же надо, так человека отмудохать.

— Рот закрой. — Прапорщик снял с крючка грязное полотенце и начинал вытирать руки. — Я и тебя бы отмудохал, не будь ты бабой. Раньше не могла позвонить, овца?

— Ты чего?! — Женщина напряглась, понимая, что заведённый мент запросто может «выписать» звездюлей и ей. — Что я сделала-то? Ну, пили они в разливайке, и что? Дембельнулся вроде как один, вот и пили. Тихо и мирно, пока Керим не зашёл...

Прапорщик развернулся к ней:

— Сколько раз было говорено, что раз пьют и темно, так звони? Я ведь, если захочу, запросто вашу рыгаловку закрою. Так и передай своему шефу. Мы вам не мешаем водку палёную продавать, налево от хозяина, так?

— Так...

— И с тобой я договаривался, что раз есть мои клиенты, так звонишь. Было дело?

— Было, Паш, но ведь молодые ребята-то. Друг с армии пришёл, я и подумала...

— Ты бы, Лидок, думала поменьше, а то сдаётся мне, что ты точно не головой думаешь. А своим заводом.

— Каким заводом?

— По производству целлюлита, на который ты скоро трусы на рынке найти не сможешь, если жрать в два горла не прекратишь.

Лидкины пальцы, вцепившиеся в косяк, побелели от того, как она их сжала:

— Ну, ты и козёл. — Тихо и отчётливо зло произнесла продавщица. — Хрен с тобой, Семёныч, будут тебе клиенты. Но если ещё раз захочешь от своей Машки налево со мной

сходить — хрен тебе. Понял?

— Да и даром не нужно. — Прапорщик сплюнул и шагнул в сторону двери. — Подвинься, а то не протиснусь.

Семёныч вышел в торговый зал, направляясь к выходу из модуля.

Напарница Лидки, худенькая и зашуганная девушка, торопливо возилась в углу со шваброй, вытирая кровь и сметая осколки стекол. За стеклом двери виднелся зад милицейской «таблетки», на который патруль прапорщика объезжал улицы города. Рядом, бок о бок с ней, уже стояла «газелька» скорой помощи, которую пришлось вызвать сержанту Михайлову. Сам сержант, вместе с третьим патрульным, молоденьким стажёром, курили рядом со служебным автомобилем. Хлопнув дверью Семёныч направился к скорой.

На «Пятак» они заехали планоно и стали свидетелями того, как из крайнего окна «разливайки», уместившейся в самом конце ряда павильонов, вылетает высокий металлический стул.

Внутри бушевала драка. И именно в прошедшем времени. Какой-то пьяный парень в явно дембельском камуфляже старательно избивал полу-татарина полу-азербайджанца Керима, который работал в соседнем ларьке. Ещё двое парней, в усмерть пьяных, крепко его держали. Кто выбил стулом окно было неясно, да то и не интересовало ППСников. Всё бы было ничего, если бы «камуфлированный» не решил доказать факт того, что он не зря служил в войсках дяди Васи Маргелова. И вот это он сделал зря.

Семёныч, и без того злой по причине того, что должен был сегодня отдыхать, пить пиво и смотреть матч любимого «Рубина», думал не долго. Будучи в прошлом мастером спорта по боксу и обладая куда как большей комплекцией чем дембельнувшийся «голубой» берет, он быстро доказал всю абсурдность действия отставного вояки. Пока двое других ментов выкручивали руки дружкам десантника, Семёныч, обработав того, приступил к планомерному нанесению ему телесных тяжких, благо факт нападения на сотрудника при исполнении был налицо.

— Ну чего там? — Прапорщик подошёл к скорой, из дверей которой выбрался врач. — Здорово, Лёх.

— Здравствуй, Паша. — Бывший одноклассник Семёныча достал из кармана мятую пачку «Явы», щёлкнул зажигалкой. — Постарался ты на совесть, ничего не скажешь. Перелом лицевой кости, смещение перегородки носа и выбитые зубы. Не перегнул палку-то, а? Как считаешь, Паша?

— Да срать я на него хотел. — Семёныч сплюнул. — Не хрен на меня кидаться было. Закрою его по полной, говнюка.

— Закроешь-закроешь. — Врач глубоко затынулся. — После выписки гражданина Абросимова из больницы. К слову, Паша, пацан-то ветеран. Дело такое...

— Какое, на хрен, такое?

— Да ты не злись, Паш. Просто на таких ребятишек, как избитый тобой мальчишка, сейчас наш новый президент ставку делает. Льготные кредиты, рабочие места, поступление в учебные учреждения и прочее. Смотри, как бы тебя самого не закрыли, за превышение полномочий и несоответствие принятых тобою мер реальной действительности... А мальчика я увожу в «травму», Паша. Если повезёт, так ему лицо слепят заново, ну а не повезёт, так Квазимодой и останется. На всю жизнь. И отчёт я составлю, и в журнал запись сделаю, ты уж на меня не сердчай, одноклассник.

— А пошёл ты, Лёх, на... — Семёныч ещё раз сплюнул. — Имел я таких ветеранов,

понял? Эй, экипаж, поехали в отдел, сдавать орлов.

Дверцы УАЗика хлопнули, зафырчал двигатель, и «таблетка» покатила в сторону «дворца правосудия».

За павильоном, стоя под козырьком, курила зарёванная Лидка.

Кир шёл вдоль ряда клеток, осматривая свои владения и подданных. Владения были скромные, подданные неразумные и опасные. Но, тем не менее, свою работу Кир любил. А ведь всё началось с детства...

Детство ему выпало сложное, пришедшееся на девяностые, проходило в городе-герое Москве, точнее в будущем Южном её округе. В семье, кроме Кира, было ещё трое детей, родители и бабушка. Родители жестоко пили, изредка работая в «окнах» между месячными запоями. Денег постоянно не хватало, игровых приставок и модных игрушек у детей не было. Единственным развлечением Кира были поездки с бабушкой в цирк или зоопарк, в те дни, когда ей платили пенсию. Вот оттуда и пошла любовь к животным, которые хоть и живут в клетках, но не пьют, любят своих детёнышей, оберегая их до момента взросления.

С учёбой тоже не срослось, и Кир пошёл, когда пришло его время, служить в армию. Вернулся, съехал на съёмную квартиру и пошёл учиться на ветеринара. Из техникума его исключили на третьем курсе за жестокое избиение лиц кавказской национальности, обучавшихся с ним на одном «потоке». Еле-еле удалось отмазаться от суда и прочего, что с ним связано. Как результат: должность зоотехника в разъездном зооцирке. Что Кира, в принципе, полностью устраивало.

— Ты чего нервничаешь, Джим? — Он остановился у клетки с большим орангутангом. — Старина, чёт ты мне не нравишься сегодня...

Джим прыгал по клетке, крича и дёргая стальные пруты. Он был старым и очень большим, с густой, тёмно-рыжего цвета, свалявшейся шерстью. Обычно спокойный и невозмутимый орангутанг немного испугал Кира. Таким он его никогда не видел, и не понимал, что могло вывести из себя старого и умного самца. Зоотехник покачал головой и пошёл дальше, всё больше прислушиваясь к не совсем привычным для него звукам, которые издавали его питомцы.

В соседней с Джимом клетке набирали силу ор и крики семьи шимпанзе, метавшихся по своему «дому». Кир еле успел увернуться от полусгнившей моркови, которую метнула в его сторону Шина, самая взрослая из самок.

Павианы дружно оборали его, только завидев.

Через стенку от них, раскачиваясь на четырёх лапах, разинув пасть и демонстрируя роскошные клыки, ворчал Болго, большая горная горилла, жемчужина зооцирка.

— Да что за чёрт... — Кир торопливо двинулся дальше, подходя к клеткам с хищниками.

Хищников у них было довольно много. Три клетки занимали бурые медведи, общим количеством с медвежатами доходившие до пяти голов. Два белых дополняли общее количество любителей мёда.

Подойдя к ним, Кир оторопело уставился на обычно флегматичных мишек. Все самцы, включая громадного белого Шпаро, молчали. Но при этом амплитуды, в которых роль маятников выполняли медвежьи головы, поразили даже его. Только Машка, загнавшая обоих

медвежат в угол, не раскачивалась. Вместо этого, заметив техника, медведица всей массой прыгнула на прутья, заревев и оскалив пасть. Кир поспешил как можно быстрее уйти, чтобы не волновать её ещё больше. Но и дальше дела были не лучше. Вой и ор нарастал.

Две семьи обычных и одна красных степных волков, да плюс двое больших северных. Все люпусы выли, вытянув лобастые головы на крепких шеях.

Лев и львица. Три маленьких чёрных леопарда, в просторечии называемых пантерами и один большой, африканский. Большой тигр-самец и маленькая самка. Три рыси и семья из четырёх больших манулов, мать и три котёнка. Кошки орали и шипели, а Хан, индийский тигр носился по клетке кругами, изредка терзая ни в чём неповинную деревянную кормушку.

Рогатые, копытные и прочие миролюбивые тоже не подкачали. Олени, антилопы, сайгаки и даже большой африканский буйвол. Большой верблюд-бактриан, стоявший на самом входе в зоопарк. Лесные кабаны. Дикобразы, лемуры имангусты.

Большие пернатые и серпентарий. Полный набор, короче. И всё это мохнатое и пернатое сообщество сейчас выло, ревело, рычало и просто раскачивало клетки, создавая дикую какофонию.

— Успокойтесь уже! — Кир стоял посередине смотровой площадки, ничего не понимающий, нервничающий и немного напуганный.

— Кир, что твориться?! — Сан Саныч, старший зоотехник выскочил из прохода между клетками, натягивая на плечи старенькую «штормовку». — Давно орать начали?

— Да какой давно, Саныч... — Парень повернулся к коллеге. — Пошёл посмотреть минут пять назад, как да что, а они тут уже...

Быстрый топот по доскам настила на входе, запах «Жилетта» и «Капитана Блэка». Исполнительный директор, он же владелец и учредитель зоопарка в одном лице, Женечка Байсагин, явился лично проверить факт безобразия со стороны собственности.

Пухленький, в туго обтягивающих жирный зад джинсах, цветастой гавайке, он остановился рядом с ничего не понимающими зоотехниками, и начал орать и командовать:

— Чего за хрень у вас творится, Саныч?! Почему звери орут, я спрашиваю? Кормили?!

— Нет, ёпт, забыли! — Сан Саныч покосился на толстячка. — Сами-то поняли, что сказали, Евгений Петрович?

— Ты мне поумничай ещё тут!!! — Женечка забрызгал слюной. — А почему тогда крик такой, я вас спрашиваю? А?!!

— Погода может меняться будет, Евгений Петрович... — Кир директора откровенно недолюбливал, но старался всегда быть вежливым. — Мало ли, животные всё-таки...

— А ты ещё поговори у меня, Кир!!! — Медленно, но верно, директор заводился всё больше и больше. — Думаешь не в курсе, что вы с Санычем здесь за шахер-махеры в обход меня делаете?!!

— Что? — Старший зоотехник чуть не подавился дымом от сигареты. — Вы о чём, Евгений Петрович?

— А ты подумай, Саныч... — Байсагин свирепо глянул в его сторону. — Думайте, как зверей заткнуть, понятно? Хоть здесь и старый район этой деревни, нам один хрен проблемы с местными пенсионерами не нужны. Не поспит какая-нибудь баба Люся ночку, а с утра жалобу на нас накатает. И поедем мы с городка дальше, и без денег. Ясно?

— Ясно... — Буркнул Кир в спину удаляющегося начальства. — Что ничего не ясно.

Сан Саныч сплюнул, понимая, что директор прав. Зооцирк разместился на старой площади городка, практически у самой трассы и железнодорожной линии. Невысокие

старенькие дома, с перекосившимися дверями и узкими оконцами. Крохотные «финские» домики, которые когда-то, судя по всему, ставили для самых первых жителей-нефтяников.

И прав был Женечка, именно в том, что жили в них, а вернее доживали, те самые старики.

— Ох...ещё...ещё...м-м-м...а-а-а...а-а-а-а...!

Ногти с тёмным лаком впиваются в кожу спины и затылка. Длинные светлые волосы раскинулись по подушке. Хрипловатое мужское дыхание и тихое женское постанывание. Терпкий, перечный запах и другой, слегка сладковатый аромат. Большие, сильные ладони мнут мягкие бёдра и крепкий, немного располневший зад. Кожу на мышцах пресса чуть колют короткие, отрастающие волосы на лобке. Скрип, всё убыстряющийся и убыстряющийся. Маленькие капли пота в узкой ложбинке между твёрдых шаров груди с острыми, торчащими сосками. Чуть приоткрытые губы, сквозь которые поблёскивают зубы. Выгнутые маленькие женские ступни с напряжёнными пальцами. Пружины продавленного матраса торжествующе звенят и...

Тишина. Свет в окно ложится на две сплетённые фигуры, которые пока не хотят разъединиться, ещё выжимая друг из друга крохи удовольствия. Они лежат на скомканных простынях, наслаждаясь тем моментом, когда ничего вокруг не важно.

Снова скрип. Кровать старая, как и дом, в котором она стоит. Трещат половицы, когда-то любовно выкрашенные коричневой краской. Мужчина садиться на край, щёлкает кнопкой мобильного, смотря на время. Уже темно, вечер плавно перешёл в ночь, а они и не заметили. Рука шарит по полу возле кровати, натывается на коробку с соком.

Женщина смотрит на то, как он пьёт, жадно, торопливыми глотками заливая жидкость в пересохшее горло. Поднимает руку и гладит широкую спину, проводит ногтями по ложбине позвоночника, с обеих сторон окружённой валиками мышц. Привстаёт и прижимается лицом к левому плечу мужчины:

— Сказка просто, до чего хорошо...м-р-р-р. — Трётся щекой об него. — Хочу ещё.

— Да с удовольствием. — Мужчина улыбается. — Сейчас, сейчас... Покурю только.

— Кури здесь, не ходи никуда. — Женщина потягивается, выгибаясь. — Всё равно до утра выветрится. Ну, а если почует, скажу, что курила сама. М-м-м?

— Как скажешь. Слушай, Наташ, а вон что, вообще ничего не подозревает?

— Да откуда ж, Вадик, я знаю. Твой брат, ты и думай, может он подозревать чего, или нет.

Мужчина согласно кивает. Докуривает, стоя у окна, растирает тлеющую сигарету в пепельнице, и убирает в карман своей рубашки, висящей на стуле.

Когда поворачивается, то видит, что Наталья уже стоит на коленях, выгнув спину и чуть покачивая из стороны в сторону блестящими в свете из окна ягодицами. И думать ему сразу не хочется...

Спинка кровати с гулким стуком бьётся о стену дома.

На той же улице, где стоял этот старый, но ещё очень крепкий дом, прямо напротив него, спряталась в темноте красная «Нива».

Егерь сидел на пассажирском сиденье, прихлёбывая из стакана термоса ещё тёплый кофе. Внутри машины табачный дым настолько густым, что ему даже пришлось приоткрыть дверцу, чтобы запустить воздух. Между колен стояла полностью снаряжённая «Сайга», чуть

поблѣскивающая стеклом прицела. Егерь не хотел бы пускать её в ход, но:

Вадим был у него. Это было ясно. На мобильник он не отвечал. Дома его не было. А возле дороги, ведущей в сторону Васильевки, одиноко приткнулся его джип.

У Егеря было очень хорошее зрение и прекрасная память. Ошибиться в том, чей силуэт, подсвеченный огнём зажигалки, он увидел в окне их с Натальей спальни, было невозможно.

Там, где Егерь провёл большую часть молодости, про такое говорили «кысмет». Не судьба и не рок, а именно кысмет...неизбежность. Надо было послушать друзей, а он... и ведь это его брат, младший двоюродный брат...

Город медленно засыпал. Вечер плавно и незаметно превращался в ночь, кутающую всё вокруг в тёмное и густое одеяло.

Люди, почти шестьдесят тысяч, живших в нём, были разными. Добрыми, злыми, скучными, весёлыми, расстроенными и довольными. Они просто жили, идя своей дорогой вперёд, не думая о том, что для выбора времени у них не осталось...

Обычно слегка красноватое, от зарева факелов, небо, на севере неожиданно резко окрасилось в ярко-зелёный цвет...

Альтернатива:

Надя могла послушать своего Иглесиаса-Мансура, и поехать в областной центр, и остаться там на ночь, в палате той клиники, которую он предлагал ей для аборта...

Мансур мог подумать своей уже вполне взрослой головой, и просто быть рядом со всё ещё школьницей, которая несла в себе его ребёнка...

Миرون мог плюнуть на зачёт, свалить домой, и не задерживать до темна нефора Лёху...

Лёха мог попытаться преодолеть собственный страх перед громилой-однорукником и уйти из бокса...

Александр Анатольевич мог забить на «левоту», уйти домой и вернуться рано утром, проведя ночь с Ритой...

Старшая медсестра могла бежать к вновь приобретённому любовнику, а пойти в гости к подруге, которая звала её так настойчиво...

Семёныч мог не избивать бывшего десантника, а скрутить его и быстро доставить в отдел...

Десантник мог попытаться заставить себя не приставать к спокойному и тихому таджику, родители которого переехали в Россию ещё при Горбачёве...

Вадим мог пересилить себя и не пойти к жене старшего брата, пока тот должен был находиться на очередном дежурстве в охотохозяйстве...

Зоотехники Кир и Сан Саныч могли наплевать на вопли зверья и пойти в ближайший кабак, попить пива и думать о работе на утро...

Наталья, жена Егора, которого чаще всего называли Егерем, могла не крутить шашни с его братом. Или, хотя бы, попытаться оттолкнуть от себя Вадима, который, в момент Волны старательно изливал в неё остатки спермы...

Егерь...а что Егерь? Он мог бы остаться на участке, за пару десятков километров от города...

Каждый из них мог, хотя бы насколько-то изменить то, что случилось позднее, когда с севера пришли зелёный свет и Волна. Это не спасло бы никого из них, но дало бы возможность хотя бы окончить жизнь не так страшно, как это произошло с большинством. Кысмет...

Взгляд вперёд -1

Рёв, идущий сверху, вбивающий в землю как колотушка для свай. Громадная, чёрная, ширококрылая тень ложится сверху, проносится, обдавая вонью, ударяя волной воздуха, забрызгивая едкими каплями...

Крик, дикий крик, проходящий через мембраны наушников... Взмах длинного, украшенного булавой костяных шипов, хвоста. Багряные всплески из развороченной спины и перекошенного рта на лице, направленного в мою сторону...

Затвор на себя, вскинуть вверх ствол автомата в бесполезной и обречённой попытке выжить. Вдавить до упора, до скрежета металлических частей внутри, до дёргающих ударов отдачи спусковой крючок. Запах пороха повсюду, так же, как и запах крови...

Взмах широкого, перепончатого, рваного, в прожилках сосудов крыла над головой, и снова рёв. Он заходит на ещё один вираж перед атакой, не реагируя ни на стрельбу, ни на рвущие плоть попадания. Взмах и он летит на меня...

Пасть шире, смок хитрый, знает, как подойти к человеку ближе, как ударить лучше, как плюнуть кислотой наверняка. Эту тварей не проведешь, глупых мы уже отстреляли, остались умные, большие и выжившие на нашу голову. Такие, как эта сволота, несущаяся все ближе, закрывающая собой весь мир, ревущая и растягивающая резиновую пасть, полную острых тонких зубов...

Кровь ударами перфоратора колошматила в висках. Взмокий, хрипло глотающий пересошим горлом воздух, я сидел на краю кровати, сбросив одеяло, пытаюсь унять бившую меня крупную дрожь. Опять, опять!!!

А ведь уверял меня пожилой, смахивающий на Айболита, доктор, что таблетки помогут. Помогли, как же...

Снова и снова возвращаюсь туда, в проклятое и благословенное место, в чёртов Район. Почти каждую ночь иду, бегу, стреляю, тащу на себе окровавленные куски мяса, бывшие ещё недавно друзьями. Не отпускает, не даёт забыть, не становится дальше. Ни хрена! Всегда со мной и во мне, как заноза, которую никак не вытащишь...

Тёплая, мягкая рука легла на плечо. Вторая обхватила впереди, крепко прижимая к нежной и податливой груди. Длинная копна волос накрыла сверху, губы прижались к щеке:

— Снова?

— Ага... прости, разбудил тебя, солнце.

— Да ладно. Не в первый раз. Что сегодня было?

— Смок и туристы. Ох, ёёшеньки-ёё. Не могу забыть и всё тут. Таблетки опять не помогают.

— Плохо. Будем здесь искать другого врача, или в столицу поедем всё-таки?

— Не знаю, не знаю. Смысла нет.

— Ну, конечно, откуда ему быть...э-эх.

Она встала. Прошлёпала босыми ступнями по ламинату, покачивая в свете фонаря за окном всем тем, что я так любил. Елена Прекрасная моя, чудо взъерошенное...

Всё наперед просчитала. Хлопнула дверь холодильника, что-то забулькало, заполняя стакан. Опять шлепки, возвращающиеся в комнату, скрип кресла, в которое она села.

Голубоватый, неровный свет мягко залил две самых прекрасных выпуклости, которые

чуть качнулись, заставив меня еле слышно вздохнуть. Даже мурашки по спине пробежали, и кровь снова застучала сильнее. Правда, не в висках. Щёлкнула зажигалка, выхватив из темноты полные губы и чёткий, скульптурно-правильный нос. И четыре звёздочки на погоне её форменного кителя, брошенного на боковину кресла:

— Сколько же ты вот так ещё сидеть будешь на месте? Деньги пока не кончатся? Так им конец быстро придёт, если в холодильнике вместо пива и водки постоянно будут «Баллантайн» и «Кьянти». На вот, прими снотворного.

— Ещё не скоро закончатся...а там и работу найду. Ты чего?

— Найдёшь, найдёшь. Уже три месяца ищешь, и всё никак. Может к нам всё-таки? Сам понимаешь, возьмут тебя сразу. Форму оденешь, отучишься, командовать станешь...

— Нет уж, милая моя. Не пойду, хватит с меня. Набегался, настрелялся, пора и честь знать.

— Ну, ну. Ладно. — Стакан со стуком опустился на пол. Скрипнуло кресло, отпуская её. Свет снова мягко облил всё, что должно было быть им облитым. Мурашки пробежали ещё раз, ладони толкнули меня в грудь, пружины кровати скрипнули...

Уже намного позднее, когда свернувшись в тёплый клубок и завернувшись в одеяло, она заснула, я встал. Тихо, не шумя, вышел на застеклённый балкон. Было тепло, лето и не думало приближаться к своей середине. Закурил, смотря за окно, глядя на восток.

Ночью небо там, куда я смотрю, всегда с красноватым оттенком. Покуда не сгорит весь газ, закачанный под землю, факелы вокруг Города не погаснут. А, может быть, будут продолжать гореть и тогда. Кто знает?

Она права, конечно. Симптомы у нас у всех одни и те же. Мы долго ищем работу, скрывая от самих себя, что нам это не нужно. Просыпаемся каждую ночь, взмоклише от пота, с бешено бьющимся сердцем. И редко когда кто-то из нас уезжает отсюда.

Потому что там, в паре десятках километров от моей однокомнатной квартиры, небо ночью всегда озарено красным. Там, по периметру, постоянно барражируют вертолёты. Там, за колючкой и линией укреплений, своя жизнь.

Странная, страшная и своя. Вошедшая в плоть и кровь, не отпускающая ни на шаг, заставляющая снова и снова возвращаться.

Ещё одна ночь без сна. Вместо него — опять прокручивать в голове плёнку собственного фильма, вновь уходя туда, где небо красно от жирно дымящих факелов.

Там Район. Там Город. Мой бывший родной город, в который я всё равно вернусь. Как бы не старался уйти — он не отпускает, держит крепче крепкого, напоминает о себе каждый день, не дает забыться ни на минуту, сволочной и нужный, как кислород или вода. Ведь только, оказавшись внутри, ты вдруг ощущаешь себя самим собой, настоящим...

Ветер злобно воеет, рвёт давно ставший чёрным полиэтилен теплицы, когда-то поставленной её рачительным хозяином из крепко сваренных швеллеров и уголков. Ветер дико мечется по пустоши, бывшей раньше полосой садов и огородов, лезет в каждую щель, поднимает густую пелену из пыли и мелкого мусора, пытается выгнать тепло из комбинезона там, где неплотно прилегает один из боковых клапанов. Когда у него это удаётся, он, пройдя сквозь плотную ткань и металлопласт защитных пластин, прямо по голому телу бьёт как зазубренная спинка тяжёлого ножа. И лёгкая морось, отсекаемая, насколько это возможно, козырьком шлема, но всё равно постоянно ложащаяся мелкими каплями на забрало. Её влажная паутина может покрыть всего, с ног до головы, чуть

блестящим ковром. Ткань непромокаемая, но если моросит больше двух дней, то кажется, что сырость, такая липкая и явственная, всё равно заползает внутрь комбеза.

Редкие, закрученные штопором, с белёсой, покрытой лишаями слабо светящегося мха корой, деревья. У большей части то ли листья, то ли иглы, которые начинают странно шевелиться сразу после того, как приближаешься к ним меньше, чем на метр. Стаи больших чёрных ворон, поднимающиеся в низкое, задёрнутое серыми тучами, небо, из-за разрушающихся далёких домов ближайшего, почти пятнадцать лет назад брошенного микрорайона. Той его части, которая сейчас смотрит на нас мёртвыми глазами грязно-жёлтых «хрущёвок», густо украшенных частой паутиной трещин, почти полностью сбивших штукатурку и добравшихся до бетона плит. Одиноко стоящая игла телевизионной вышки, виднеется чуть правее, протыкая волнуемое море, состоящее из крон давно превратившегося в лес Парка. Тогда, в том, добром и хорошем мире, она была выкрашена в чередующиеся красно-белые полосы, от которых сейчас остались непонятного цвета облезшие лохмотья, болтаемые ветром.

Чавкающая сырая земля под подошвами высоких армейских ботинок. Привычная тяжесть «калаша», висящего поперёк груди и рюкзака за спиной. Давно ставшее знакомым и анатомически правильным давление от дыхательной маски на лице и эластичного ремня шлема под подбородком. Без маски здесь, на подходе к Черте, никак. Туман поднимается два раза в день, и если попадёшь в него без неё, то всё, как...

Чёткий писк зуммера анализатора, постоянно считывающего данные окружающей среды и ровная зелень цифр в нижнем углу забрала, там, где встроен «жидкий» монитор. Да, приборы никогда не подскажут больше чем интуиция и опыт, но с ними всё же спокойнее. Некоторые изменения в том, что составляет каждодневную реальность Района — просто так не заметишь.

Мерно, шаг за шагом, идём вперёд и только вперёд. Аккуратно, стараясь держаться любых укрытий. Пять метров и остановка. Поднять «ствол», взять в прицел свой сектор возможного обстрела, дожидаться тех, кто топает позади. Встать с колена и опять двинуть вперёд. Мы уже очень близко к цели. Впереди Черта. Пройти через неё, и, возможно, станет проще.

Если пройти её нормально, и без потерь...

Ага, вот и она, родимая. Как будто железной щёткой по хребту провели. Дисплей шлема мигает, на какое-то время полностью вырубаясь. Вперёд, не сворачивая ни на сантиметр.

Вмятая в землю банка из-под колы, облезшая, почти совсем без краски, блестящая даже без солнца, это первая вешка. Прямо напротив неё, сантиметров через сорок, вбитый железный штырь с номером «пять». Это вторая.

Никогда не доводилось идти по минному полю? Нет? Мне доводилось. И ни хрена не для выполнения ответственного боевого задания. Дурак просто был, и домой хотел. Было нас, таких дебилушек, целых четыре человека. Так мы не просто шли, а бежали, торопясь на последнюю вертушку. И целыми остались, и успели. Хорошо хоть, что не зарёкся тогда больше по минам не бегать. А то сам бы себя сейчас не уважал.

Хотя здесь кое-что пострашнее будет. Мин-то нет, и днём с огнём их в Районе и возле Города не найдёшь. В отличие от всяких пакостей, которых здесь в избытке: «провалы», «конфорки», «горючки», «с добрым утром», «битум». В общем, всё, что вашей душеньке угодно, одним словом.

Лирика, непойми, откуда приходящая в голову в самый неподходящий момент. А что

поделать, если натура такая? Чёрт с ней, пора двигаться вперёд.

Десять вешек, отгораживающих около семи метров коридора внутри Черты. Осторожно втиснуться в этот узкий проход, каждый раз, опуская ногу, думая о том, что за прошедшее время он не стал ложным. А вот и последняя — деревянная рогулька, на которую, явно после нашего последнего визита, какой-то шутник насадил череп бабуина. Или резуса, или шимпанзе...хрен редьки не слаще.

Всё, вышли. Струйка пота по спине, так чётко ощущаемая напряжёнными нервами. Влажная, ненормального иссиня чёрного цвета, трава под наколенником. И, как обычно, пропавшие в никуда пятнадцать минут времени вместо тех десяти, которые мы потратили на Черту. Это уже сам Город, проклятое чёртово место, в которое мы возвращаемся вновь и вновь.

Впереди старое, полуразваленное здание подстанции, от которого нам прямо и до упора. На последних метрах перед самим Городом всегда кажется, что в нём самом будет легче. Это не так. Здесь не легче, а просто есть возможность краткой передышки, в самом-самом начале. Потом становится даже тяжелее чем в пригороде, когда местные понимают, что на них свалилась свежая порция вкусного и полезного мышечного белка, вдобавок ко всему, ещё и увешанная ценной и качественной аппаратурой и амуницией.

Идём вперёд, отсекая сектора наблюдения, внимательно прислушиваясь к внутренним голосам и писку зуммеров встроенных приборов наблюдения. Чаще всего в подстанции никто не прячется. Местное зверьё, обычное, а также полу и полностью разумное, здесь предпочитает не таиться. Они давно привыкли к тому, что выйдя с Черты, рейдеры имеют одну приобретённую в Районе отвратительную привычку. Которая ярко выражается в шквальном огне по всему, что проявляет агрессивные наклонности в их сторону.

Первые сто метров пройдены спокойно, никто и ничто не пытается каким-либо образом напороться на пулю. Останавливаемся в аккурат за когда-то и кем-то привезёнными, растрескавшимися армированными плитами. Концы арматурин, сейчас выставившие напоказ свои проржавевшие зубья, штука опасная. Не заметишь, то можно и пропороть ткань лёгкого комбинезона, если напорешься на бегу. Хотя лично я точно не рисковал бы носиться здесь. Затаившихся, «якорных» опасностей-ловушек, в этом квадрате много. Добираемся до плит, и присаживаемся. Пять минут на отдых и определение обстановки.

Сегодня мы не в своём обычном составе. Подрядились провести каких-то, стукнутых на всю голову, туристов. Вон они, приземлились на пятые точки и жадно, видно через прозрачные забрала, глотают воздух, приходя в себя. Последние двести метров перед Чертой мы неслись сломя голову, уходя от туманных волков. Стая решила взяться за нас крепко, вот и пришлось уносить ноги. Ладно, хоть заметили мы их издалека, и успели драпануть. Если бы не эти, которые щас подняться не могут, то может быть и отогнали зверюг, а так... Волки звери «внешние», через Черту они не ходят, и проще удрать, а не тратить на них патроны.

Ну, да и чёрт с ними. Поднимаю бинокль, хороший, немецкий, полностью совместимый с электронной начинкой шлема. Шарю искателем, пытаюсь заранее рассмотреть опасность. Ну-с, что у нас есть интересного?!

Впереди Парк и Гаражи. Место нехорошее, которое мы обычно стараемся обогнуть стороной. Хуже, из близлежащих «плохих» территорий Района, может быть только Колыма. Бывший частный сектор, торчащий на самом севере города, и из-за этого так и названный первыми жителями. С десяток улиц из полуразрушенных домов, разделённых полосой потрескавшегося асфальта, с участками, густо заросшими кислотником, развалинами сараев

и подсобок, в которых кто только не водится. И ещё там есть местные гуманоиды, которые зачастую куда как опаснее любого животного. Хорошо, что мы всё-таки смогли выйти не с её, Колымы, стороны.

Так... между развалинами гаражей, мягко и обманчиво лениво перекатываясь, двигаются шары полевииков. И их много, не меньше штук пятнадцати. Лохматые, внешне вялые и медленные ежи-переростки, выстреливающие по сторонам полуметровыми щупальцами с десятками загнутых, острых крючков. Это плохо, дробовик у нас один, а против этих зараз именно картечь — самое то.

Видоискатель цепляется за махину вышки, останавливаясь на чётко видимой серой массе, плотно облепившей металлоконструкции где-то посередине. Вот чёрт его знает, что это? Может быть — остатки паутины, может быть — просто ветром занесло какой-нибудь брезент, наконец сорванный с одной из трёх проржавевших фур на стоянке. Может быть, а может быть, и нет...

Серая масса шевелится, подаваясь вперёд, разворачивая тёмные, с прорехами, паруса крыльев. Гибкая шея разворачивается в нашу сторону, вода по воздуху вытянутой и массивной головой, челюсти дёргаются, раскрываясь. Спустя несколько секунд до нас донёсся рокочущий рёв. Смок, мать твою!!!

Ребята вскакивают на ноги, понимая, что единственный шанс, который у нас остаётся, это бой. Если уж он нас заметил, то разбежаться у нас не получится, не успеем добраться ни до гаражей, ни до развалин домов. Да и бесполезно это, не поможет...

Туристы мечутся. Один рвёт всё-таки в сторону, несмотря на мой крик, надеясь скрыться от визжащего кошмара, заходившего на нас на бреющем полёте. Далеко не убегает, споткнувшись о неприметную кочку и угодив точно на густой газон разрыв-травы. Сложенные в острые, четырёхгранные пирамидки, листья мгновенно протыкают беднягу, и тут же разворачиваются, разрезая его изнутри, поднимая в воздух густую красную пыль.

А нам уже не до него, потому что смок приближается, широко раскрыв бездонную голодную пасть, часто утыканную кинжалами блестящих от слюны зубов. Громадные провалы чёрных глаз, развёрнутые крылья и кожистые мешки на шее, готовые плюнуть в нашу сторону кислотой...

Глава вторая: ночь — столкновения

Наталья кричала, захлёбываясь собственным криком и не могла пошевелить ни руками, ни ногами. Её сознание туго и жёстко скрутила жестокая воля странного существа, стоявшего перед ней. Где был Вадим — она так и не поняла.

Когда она наконец-таки выбралась из тёмной глубины забытья, в которое её закинула Волна, любовника в комнате не было. Вместо него прямо перед ней, застыв неподвижным изваянием, поблёскивая в тусклом зеленоватом свете какими-то чешуйками и наростами, высилась странная мощная фигура, следившая за ней чуть светящимися глазами. А потом существо шагнуло вперёд, попав в полосу довольно яркого света, падающего через выбитое стекло. И тогда Наталья закричала, рвя связки от того ужаса, что мгновенно закутал её в кокон чёрного и беспросветного страха...

Свет выхватил из темноты мощные грудные пластины мышц, перекатывавшихся под тёмно-желтоватой кожей, покрытой кожистыми выступами и чешуйками повсюду, где были сгибы и складки. Тёмная голова с какими-то выступами на самой макушке качнулась вперёд, показав кричавшей девушке себя во всей «красе».

Вытянутое вперёд рыло, заканчивающееся хоботом, образованным четырьмя мясистыми «лепестками», которые находились в постоянном движении. В самом центре постоянно мелькал, то прячась, то появляясь, чёрный язык-жало, свёрнутый в узкую трубочку. Далеко выступающие вперёд надбровные дуги, висящие мясистыми наростами над большими и глубокими чёрными буркалами глаз.

Голый череп, переходящий в костяной гребень с точащими во все стороны редкими и острыми иглами. Резко вырубленные скулы, ограничивающие верхнюю часть морды со свисающими кожистыми брылами. Точащие в стороны вытянутые, с острыми кончиками, хрящеватые уши.

Существо сделало ещё один шаг вперёд, зашипев и резко развернув лепестки, образующие хобот. Блеснули мелкие острые зубы, усеивающие их внутреннюю поверхность, мелькнул тёмный язык, покрытый вязкой и тянущейся слюной.

Казалось — куда уж сильнее можно было бы кричать, но...

Наталья поперхнулась криком, уставившись на одну единственную деталь, которую смогла заметить только сейчас. Натальный крест, который был таким же, как и у её мужа. Крест, который болтался сейчас на тоненькой золотой цепочке на шее этого монстра. Крест-близнец того, что всегда висел на шее Егеря. Их было два, абсолютно одинаковых, купленных давным-давно на крещение Егерю и, Вадиму, своему любовнику, приходящемуся Егерю двоюродным младшим братом.

Она поняла то, во что поверить было практически невозможно, если бы не тот факт, что прямо перед ней стоял этот монстр.

Тварь шагнула к ней, издав резкий и показавшийся Наталье издевательским хохоток. Она сжалась в комок, захлёбываясь слезами, готовясь к тому страшному концу, который её ждал.

Существо, бывшее не так давно Вадимом, шагнуло к ней, ещё больше развернув лепестки с зубами и зашипев...

За разбитым стеклом грохнуло и блеснуло...

Макушка твари разлетелась ошмётками, заляпав стену напротив и девушку своим

липким, тёмным содержимым. Существо покачнулось, взревев, попыталось сделать ещё один шаг и упало, успев разодрать кусок постельного белья острыми когтями на вытянутой вперёд руке.

Наталья всхлипнула, стараясь забиться как можно дальше в угол кровати, со страхом глядя на чуть видневшееся над её краем плечо твари.

За окном появился тёмный силуэт с поднятой и смотрящей стволом в дом «Сайгой». Чуть позже с еле слышным щёлчком зажёгся фонарь, закреплённый на цевье:

— Наташа, ты жива? — Глуховатый голос её мужа заставил женщину сжаться на кровати. — Наташа?

— Да... да!!! — Она громко закричала, поняв, что кошмар кончился. Может быть и не совсем, но пока его точно не будет. Как бы она не относилась к Егерю, как к мужу, но то, что с ним не стоило бояться попусту, Наталья знала прекрасно. За ним она всегда чувствовала себя как за каменной стеной, не опасаясь никого и ничего.

Егерь вцепился в раму окна через разбитое окно, напрягся и дёрнул. Рама подалась, с треском выдирая шпингалет. Мужчина оглянулся вокруг, осматриваясь, и одним махом перемахнул через подоконник, оказавшись внутри собственного дома. В который раз, наблюдая за его движениями, Наталья поразились их экономичности и плавности. Егерь в подобные минуты даже пугал её своим отточенным автоматизмом, который несколько не растерялся с того момента, как он ушёл со службы.

Он прошёл вперёд, стараясь не хрустеть осколками стекла, осветил фонарём на лежащую на полу тушу монстра, в которого превратился Вадим. Присвистнул, только этим и выдав свои чувства. Присел на корточки, внимательно разглядывая то, что осталось от головы. Провёл пальцами по гипертрофированным, застывшим мышцам, покрытым чешуйчатой тёмной кожей. Задержался, нащупав крест, дёрнул, срывая его с цепочки, и поднёс к глазам.

— Вадим, Вадим... — Егерь чуть слышно прошептал имя брата, встал, покосившись на жену. — Одевайся, и быстро. Уезжаем, пока не поздно.

— Да, да, конечно. — Наталья быстро метнулась в комнату, в которой стоял шкаф-купе. И уже оттуда крикнула Егерю. — Одеваться удобнее?

— Да. — Егерь прошёл мимо неё, направляясь в третью, самую дальнюю комнату. — Деньги не забудь, и документы. Все вещи не бери, только те, что могут пригодиться. Свитер там, куртку...

Он подошёл к старому, ещё бабушкиному сундуку, который перешёл к нему по наследству, массивному, выкрашенному в светло-зеленоватый цвет. Открыл старый, но надёжный замок. Достал большой и вместительный рюкзак, который постоянно держал наготове, разгрузочный армейский жилет, который привёз с армии и старенькую «эрдэшку». Легонько провёл рукой по стопке старых, выпущенных ещё «Мелодией», пластинок с детскими сказками, которые каким-то чудом сохранились с того времени, когда они с Вадимом торчали в этом доме каждое лето. Вспомнил, как мечтал о том, что будет включать их сыну, эти хорошие и добрые сказки. Даже отыскал на рынке «заюзанную», но всё ещё работающую магнитолау «Сириус». Ребёнка так и не дождался, а теперь и сами мечты, похоже, уходили в небытие. Егерь сморгнул, почувствовав, что глаза предательски намокли. Стрём в сторону открытки, которые когда-то коллекционировала его мама, подумав про себя, что удачно подвернулась путёвка в санаторий, где она сейчас находилась. Под открытками находился сейф. В котором Егерь хранил свой «арсенал».

Он был невелик, и дополнял «Сайгу» всего двумя «стволами»: ижевской вертикальной дустволкой и карабином СКС. И то и другое было надёжным, вдобавок на карабине была установлена немецкая оптика. Там же лежали патроны и оставшиеся магазины к «Сайге». Егерь ухмыльнулся, посмеявшись над собственным вооружением, и залез ещё глубже в сундук. Там, аккуратно завернутые в чёрный полиэтиленовый пакет и спрятанные (ну, типа, ещё раз ухмыльнулся про себя) в коробку из-под обуви, лежали «макар», обоймы и патроны к нему.

— Ну, вот видно и пригодился подарок... — Он покачал головой, подивившись собственным спокойствию и интуитивному чувству обречённости. Это же надо, как чётко в голове всплыло то решение, о котором не думалось ещё полчаса назад. Да, с того момента многое изменилось, и то, что лежало в соседской комнате, оставшись от того, что было его братом, чётко это доказывало. Но что толку думать про это, когда нужно действовать?

С собственным последним доводом Егерь был полностью согласен. Делать ноги нужно было как можно быстрее, так как тварь, которой он прострелил голову, никак не укладывалась в рамки какой-то локальной экологической катастрофы. Чем бы ни занималась в его отсутствие Наталья, но, тем не менее, за неё он чувствовал ответственность. А значит — делать ноги нужно было ещё быстрее и, по возможности, аккуратно.

Он развернулся в сторону выхода из дома, попутно сняв со старого шифоньера два спальных мешка. Наталья уже оделась и упаковала свою спортивную сумку, с которой обычно ходила в бассейн. Джинсы, кроссовки, удобная толстовка с капюшоном, констатировал про себя Егерь, оставшись довольным внешним осмотром.

— Ну, всё, двигаем. Документы не забыла?

— Нет. А...Вадим?

— Какой Вадим, Наташ?

— Как какой?.. Но...

Егерь повернулся к ней, приглядевшись в тусклом зеленоватом свете из окон к её лицу:

— Наташенька, то, что лежит в спальне — не мой брат. Я не знаю, что это, но стрелял точно не в Вадима. Стрелял я в непонятную тварь, которая чуть не убила тебя. Понимаешь?

Женщина всхлипнула, кивнув головой:

— Да, конечно, конечно...

Двигатель «Нивы», довольно рыкнув, завёлся сразу. Егерь выкрутил руль, выезжая на укатанный грунт между домами, направившись в сторону дороги, ведущей к мосту, через который можно было попасть в Ключи, рядом с которыми находилась база лесничества.

Семёныч шарил по карманам в поисках зажигалки. Но она никак не находилась, и прапорщик злился, кроя всё вокруг матюгами. За спиной, в клетке, выли и ревели задержанные на «пятак» нарушители, что было немудрено.

Семёныч, который пришёл в себя позже остальных, и у которого сразу начала раскалываться голова, не стал терпеть их вопли. Ругаясь и шипя от боли сквозь зубы, дёргая неудобный ремешок на кобуре, достал табельный ПМ, и не глядя, выстрелил в их сторону несколько раз. Потом ему пришлось сделать ещё два выстрела и контрольный «звонок» в голову сержанту, который решил вмешаться.

Третий член экипажа не сказал ни слова. Твёрдый и жёсткий руль «уазика» при резком торможении во время Волны сломал ему шею.

Прапорщик наконец-то нашёл зажигалку и щёлкнул, прикуривая. Едкий сигаретный дым заполнил тесную кабину, но Семёнычу было на это глубоко наплевать. Ему он не мешал, нисколько. Глубоко затянувшись, он откинулся на сиденье, пытаясь вспомнить то, что случилось. Получалось не очень, но это было хотя бы что-то...

Небо на севере слегка окрасилось в зеленоватый свет...

Вспышка, ярко-изумрудная, мгновенно выхватившая из тени всё вокруг...

Что-то непонятное, мелкое, отблёскивающее, пришедшее за вспышкой...

И темнота...

Да уж, дела...

Семёныч хмыкнул, понимая, что всё, бывшее реальным ещё час назад, теперь является ничем другим кроме альбома со старыми фотографиями. Почему он пристрелил трёх человек? Он не понимал причины, но это его волновало куда как меньше того, что творилось вокруг.

А творилось что-то весьма непонятное. Пока прапор курил, мимо «уазика» пробежал какой-то мужик, за которым гнались несколько дворовых шавок. И всего бы ничего, да только у обычных дворняг глаза не светятся жёлтым светом, как противотуманки.

Где-то вдалеке ощутимо грохнуло. Через какое-то время звук повторился, только куда как ближе. И спустя десяток секунд ему стало видно, что один из домов по Первомайской горит. Причём горит весь, от первого до последнего этажа. В голове появилась мысль о том, что это бабахнул газ, и тут же пропала.

Семёныч спокойно и неторопливо докурил сигарету, забывчивая её о простреленный затылок одного из бывших напарников. Открыл дверь и подошёл к водительскому месту. Выбросив тело на асфальт сел на сиденье и попытался завести машину. В движке что-то заурчало, треснуло и всё. Автомобиль умер. Но прапорщик не расстроился, оставаясь всё таким же невозмутимо спокойным.

Он спокойно достал из поясной кобуры водителя пистолет и запасную обойму. Засунул ствол за пояс, обойму убрал в задний карман. Ещё раз обошёл машину, добравшись до второго напарника, у которого забрал «ксюху» и подсумок с тремя запасными магазинами. Пощёлкал переключателями патрульного «Кенвуда», который наконец-таки ожил, выдавая в эфир мат и неадекватные вопли дежурного ГУВД.

Прапорщик покачал головой, внимательно выслушав весь бред, который засорял волны. Минусом того, что он услышал, было то, что всё было непонятно. Плюсом — тот факт, что заступавший в дежурство майор Пасечник, судя по всему, всё-таки свалил домой, оставив вместо себя «желторотика» Ранеева, недавно только окончившего школу МВД. А это было только на руку Семёнычу, который уже абсолютно точно понял — что он хочет делать в ближайшее время.

Наконец-то пришло то время, по которому он так скучал, служа в ППС. И он опять сможет в ближайшее время окунуться в пьянящее чувство собственного превосходства, которое ему обеспечит право сильного. Так уже было, давно, в тех местах, где много гор и суровых и гордых бородатых мужчин. Там Семёныч чувствовал себя в своей тарелке, проводя «зачистки» после прохождения армейских частей, стоя на блокпостах и делая всё, что взбредёт в голову. Безнаказанно и упоённо.

Потом, после этих приятных мыслей, Семёныч развернулся и пошёл в сторону «дворца

правосудия», абсолютно реалистично глядя на тот факт, что до «оружейки» надо бы добраться как можно быстрее. Шаг у прапорщика был бодрый и пружинистый, как у любого довольного жизнью человека, который шёл заниматься любимым делом. И, в принципе, так оно и было. У существа, которое ещё совсем недавно было сотрудником патрульно-постовой службы, впереди было много времени для удовлетворения своих любимых пристрастий.

Форменный серый китель давно треснул на спине, в районе лопаток и вниз по шву. Но Семёнычу было наплевать на это. Как и на то, что из дыр наружу торчали шипы позвоночного столба, поблёскивающие в слабом свете нескольких ещё работающих фонарей.

— А-а-а-а-а...

Монотонный звук стучал в уши, ломился внутрь головы, бил, казалось, прямо в мозг настойчивыми ударами молоточка.

Лёха помотал головой, с трудом разлепив глаза. Сморщился, схватившись за затылок. Пальцы ухватились за что-то непонятное, мокрое, торчащее во все стороны какими-то странными выступами. Пальцы ещё чуть-чуть пробежали по затылку, наткнулись в мягкую, вязкую и горячую массу. Он отдернул их, с каким-то невнятным, загнанным куда-то вглубь сознания страхом. Поднёс к глазам, пытаюсь рассмотреть поближе то, что клейкой массой держало пальцы вместе, не давая развести их в стороны.

Свет...только сейчас Лёшка понял, что его почти нет. Лампы дневного света, закреплённые под потолком, сейчас провисали вниз тёмными прямоугольниками, держащимися на провисших кабелях.

Что-то горело, отбрасывая рыжие сполохи на светлые стены бокса. В левой была большая, рваная дыра, пробитая столбом теплоцентрали, которая шла впритирку к гаражу. Туда вытягивало дым от горевших масла в пластиковых канистрах, ёмкости с солярой и запасных камер. Именно они горели, давая пусть и небольшую, но хоть какую-то освещённость. Понятно, что дыра не спасала полностью. Лёху затрясло от кашля, когда он вздохнул глубже, сразу наполнив лёгкие едким дымом от палёной резины.

Пальцы, да, пальцы...в чём они? Паренёк, откашлявшись, поднёс руку ещё ближе, заморожено рассматривая тёмную, густую массу, которая лениво сползала вниз. Странно, но ему совсем не было больно, хотя голова-то точно разбита.

— Ерунда какая-то... — Лёшка помотал ей ещё раз, пытаюсь понять, есть ли боль. — Ничего не понимаю...

Боли не было... совсем не было.

— А-а-а-а-а-а-а... — продолжало доноситься откуда-то...снизу?!!

Он попытался наклонить голову вниз, с трудом, чувствуя, как позвоночник трещит от напряжения. А может и не позвоночник...трещало-то слишком явственно. Лёшка напрягся и с силой рванулся вперёд. Краснота в глазах погустела, надавила и что-то, внутри его головы, раздувшись до размера маленького глобуса, лопнуло...

В себя он пришёл от звуков собственного, глубокого и грудного кашля, и от звуков снизу, перешедших в тихое и тоскливое поскуливание. Лёха покосился в сторону звуков, в этот раз у него, как ни странно, получилось. Причина скулежа сразу стала понятна.

Где-то в метре под ним, чуть подалее, лежал Мирон. На ногах здоровяка, полностью разmozжив ему ноги от колен и до ступней, лежал двигатель, бывший необходимым

пособием в гараже. Обычно он висел на двух цепях, закреплённых на потолке, но сейчас, по какой-то причине, которую Лёха не помнил, оказался внизу, попав прямо на Мирона.

Под недавним мучителем широко растеклась тёмная лужа, тускло поблёскивающая в свете начинающих затухать горюче-смазочных. Сам Мирон, почти не двигался, лишь слегка крутя головой из стороны в сторону, жадно и шумно дыша и издавая тот самый скулёж, в который он перешёл с крика.

Лёшка осклабился. Да, он вполне понимал, что человек, постоянно насмехающийся и издевающийся над ним, по сути не был никем, кроме как тупым здоровым «пэтэушником», который делал всё это из-за собственной недалёкости. Но от этого Лёшке лучше не становилось. И сейчас он был доволен, пусть и немного, в силу сложившейся ситуации, но был доволен. Ведь сейчас Мирон был просто беспомощен и жалок.

«А если...» — мелькнула в его голове мысль, которая неожиданно привела Лёху в себя. Абсолютно чётко он осознал, что только что думал о том, как поудобнее можно было бы расколотить мироновскую тыкву на несколько частей. Понял и внутренне поёжился от того, насколько чётко представился ему сам механизм его последующих действий. Но...

Мысль не уходила, зацепившись за какой-то внутренний крючок, и даже продолжала развиваться.

Лёшка, сглотнул, напрягая давно пересохшее горло. По натуре своей он был абсолютно добрым парнем, как говорится — мухи не смог бы обидеть. В деревне у деда до сих пор не мог срубить голову курице, из-за чего над ним беззлобно подшучивали родственники-пейзане. Никогда не ввязывался в драки сам, а если кто-то решал наподдать ему, то чаще всего Лёха потом долго ходил с разбитым лицом и синяками на самых больных частях тела. Но сейчас...

Непонятное пока чувство заставило его превозмочь самого себя, пытаясь сдвинуться с места по направлению к Мирону. В районе поясицы ещё раз ощутимо хрустнуло. Он шагнул, с трудом поднимая безумно тяжёлые, кажущиеся чужими ноги.

— А-а-а-а-а!!! — Крик, поднявшийся от пола, прокатился по боксу, отражаясь от стен. Безумный, рвущий связки вопль, который издал Мирон, повернувший голову в его сторону. — Не надо!!! Не н-а-а-а-д-о-о!!!

Что-то звякнуло с левой стороны, ударившись об пол. Лёшка покосился туда, пользуясь тем, что всё-таки выбрался на более освещённый участок внутри гаража. И замер, еле успев поставить тяжёлую, налившуюся свинцом ногу вниз.

Двигатель, лежавший на ногах Мирона, крепился на двух цепях. Длинных, с толстыми звеньями, заходящих на блоки, по которым агрегат можно было опускать и поднимать. Обрывки одной — болтались под потолком. А вот вторая...

Вторая, задевшая загнутым крюком о бетон, залитая тёмной, и так знакомо жутко пахнувшей жидкостью, уходила концом прямо в левую Лёшкину руку. Последнее из видимых звеньев наполовину высывалось из широко разорванной кожи предплечья. Остальное уходило куда-то вглубь, вздуваясь уродливым, шишковатым наростом. Лёха непонимающе смотрел на неё с минуту. Чуть напряг мышцы и вздрогнул, когда она втянулась внутрь. Потом, поняв, что это не всё, повернул голову вниз и вбок. Чувствуя, как холодный пот ручейками прокатился по спине и лицу, посмотрел на грудь.

Металлические части от того самого двигателя, в котором так долго ковырялся Мирон. Лёха, наклонив вниз голову смотрел на то, как из его тела выпирают вперёд непонятно как оказавшиеся в нём куски механизмов. Они торчали, выходя из разошедшихся в сторону рёбер

грудной клетки и живота. Заляпанные его кровью, чуть поблёскивающие в рыжих отсветах пламени. Неестественные, чуждые и непонятные. И он чётко услышал, как там, непонятно каким образом работая, что-то проворачивалось...

И ещё он стал выше, заметно выше. Теперь Лёшка понял, почему так странно казалось ему то, что он так хорошо видел Мирона.

Но как?!! Каким образом могло такое случиться?!! Белый до сияния страх, вот и всё, что чувствовал сейчас парень, ещё час назад зашедший в злополучный бокс. Страх ослепил, затолкал внутрь всё остальное, охватил острыми шипами колючей проволоки. В висках стучало громко и отчётливо: ЧТО СО МНОЙ?!! А потом, разом погасив всё, в очередной раз пришло спасительное забытьё, закутавшее расколотый рассудок тёмным одеялом беспомощности...

Осипший от крика, взрывааемый изнутри рвущимися минами боли Мирон откинул голову на бетон пола. Сил не осталось. Он давно не чувствовал ног, лишь иногда сотрясаемый накатывающимися волнами от перекорёженных костей и суставов, разможжённых двигателем. Мирон, скрёб пол сломанными ногтями, тщетно пытаясь сдвинуться с места. Когда тёмная громада замерла, не дойдя до него пары шагов, он тихо и обречённо, как подыхающий двортерьер, завыл, чувствуя, как слёзы катятся по щекам.

Но через какое-то время, когда то, что раньше было лохом-неформалом, опять зашевелилось, лязгая и скрипя, он снова попытался сдвинуться. И лишь когда над ним нависла тёмная тень, и Мирон увидел, как шевельнулась заляпанная кровью цепь... лишь тогда он опять, безнадёжно, устало и тоскливо закричал в последний раз.

Валеру неудержимо рвало. Скручивало в жесточайших спазмах и выворачивало наизнанку. Трясло в ознобе при всём притом, что внутри у него полыхал огонь, разгоняемый кровью по сосудам. Накатывало так, что он не понимал того, почему до сих пор не подох, выблевав собственные внутренности.

Минут через десять его наконец-то отпустило. Тренер сел на колени, уперев в них ладони и оглядываясь по сторонам. Слабость не отпустила, но откатилась куда-то внутрь, дав возможность вздохнуть нормально. Валера отдышался, понимая, что неожиданная напасть охватила его на том самом пустыре за спортшколой, куда они с Серёгой успели добежать пока...а что пока?

В голове мелькнул, восстанавливая события, кусок документального фильма в зеленоватых тонах, чётко отпечатавшийся на подкорке:

Вот они с напарником выбегают из-за угла, ориентируясь по крикам и хлётким звукам ударов. Видят там, впереди у подстанции, сцепившиеся фигуры. Сергей что-то кричит, устремляясь вперёд...

Ярко-ярко небо полыхает чётко видимыми перекрещивающимися изумрудными полосами. Они соединяются, образуя странный геометрический узор, потом закручиваются в спирали...

А потом откуда-то с севера, мешая их между собой, накатывает плотное густое марево, заслонившее еле виднеющиеся звёзды. Резкий, невыносимый свист. Ещё несколько вспышек и громкий удар где-то там, вдалеке и прямо вокруг. Вой ветра, превратившегося в ураган. И что-то проносится сквозь всё, что есть вокруг. Через него. Через Серёгу. Через тела

мальчишек, так и не прекративших драки. Мерцающая мириадами бриллиантовых блёсток волна. Такая же, как те, что он видел во время отпуска на штормовом море. Охватывающая всё, до чего смогла дотянуться, накрывающая с головой. И темнота...

И вот сейчас он, наконец, пришёл в себя, пытаюсь понять — а что это было? И где напарник? Где пацаны?

Кто-то всхлипнул за подстанцией. И ещё раз. Что-то заворчал, глухо и недовольно. Угрожающе.

Валера аккуратно, стараясь не провоцировать собственный организм, подполз к углу и осторожно выглянул. Спустя некоторое время, когда его успевшие привыкнуть к почти кромешной тьме глаза разглядели то, что там творилось, Валера порадовался тому, что не стал звать Сергея.

Напарник сидел на земле, одобрительно рвякая на мальчишек. Еле пробивающийся сквозь начинающие расходиться тучи зеленоватый свет отражался в его глазах, зажигая в них огоньки. Может быть, они светились и сами.

Серый, показавшийся Валере каким-то странным и изломанным, опустил руку куда-то вниз. Что-то влажно хрустнуло, подаваясь, и второй тренер поднёс ко рту ладонь с непонятной тёмной массой.

Пять или шесть мальчишек крутились вокруг него, передвигаясь дёргаными движениями в полуприсяде. Вот один нагнулся к темнеющему лежащему силуэту, чуть развернул его и опустил голову, дёргая ей из стороны в сторону. Когда он оторвался от предмета своей настойчивости, облака почти полностью разошлись. Валеру, только что выблевавшему всё, что было внутри, чуть было снова не скрутило в судороге. Он понял, что же такое дёргал зубами четырнадцатилетний Виталик, до недавнего времени бывший почти отличником в учёбе и примерным учеником в спорте...

Валера бежал вперёд, стараясь укрываться в тени, если видел впереди какое-либо движение. Он торопился попасть домой, чтобы прихватить то, что всегда лежало наготове в стареньком шкафу в спальне. Тренер очень надеялся на то, что сможет без проблем добраться до своего двухэтажного дома на Ленина. Хотя это уже представлялось ему сложным.

Этой ночью Город зажил новой жизнью, сейчас старательно вырывающейся наружу. И она, эта жизнь, заявляла о себе всё громче и громче, странными криками, воем, стонами и воплями боли, непонятными силуэтами, мелькающими в тусклом зеленоватом свете, абсолютно чуждыми и незнакомыми запахами...

Надя пришла в себя тогда, когда рядом скрипнули тормоза автомобиля. Чуть позже рядом раздались шаги, неуверенно приближающиеся к ней.

Она лежала на боку, чувствуя занемевшей правой рукой неровности асфальта. Застонав от резкой, разом прокатившейся по всему телу боли, попыталась приподняться. Не получилось. Тело, казавшееся ватным, не дало сделать этого простейшего движения.

Рядом кто-то сел прямо на бордюр. Кто? И что с ней, почему она лежит?!

— Надя, Надя... — Ломающийся, сиплый голос Мансура. — Ты как? Н-а-а-д-я-а...

Девушка смогла повернуть в его сторону голову. Мансур сидел, как-то странно

заваливаясь на бок, опираясь на руку. Бледный, с темнеющими кругами глаз, растрёпанный...

«В чём у него рубашка?»... Надя, сама не понимая для чего, напрягла глаза, пытаюсь понять. Белая рубашка спереди была густо заляпана чём-то тёмным, остро и неприятно пахнущим. И ещё, более внимательно присмотревшись, она заметила, что левая сторона лица у её Иглесиаса в крови, уже запёкшейся и кажущейся почти чёрной в свете единственного фонаря, светившего метрах в семи от них.

— Надюшка... — Он наклонился к ней. — Живая, живая...

— Что с тобой? — Собственный голос, который прорвался через скрипящее внутри, сухое и колючее горло, она практически не узнала. — Откуда кровь?

— Я к тебе ехал... — Мансур наклонился, обхватил её руками и аккуратно посадил, придерживая за плечи. — Как раз на Соколова выехал, когда всё началось.

— Что началось? — Надя понемногу приходила в себя, чувствуя как её неожиданно начало трясти. — Ничего не помню... В себя пришла когда ты подъехал.

— Не знаю что началось. — Парень чуть качнулся в сторону. — Накатило что-то с севера, со стороны Осиновки. Как будто вспышка сначала, а потом плотный такой типа туман волной. Еле по тормозам успел, перед тем, вырубиться. Головой вот приложился. Облевался весь... жуть короче. Подъехал, смотрю, ты лежишь. И Катька вон...

Катька?..

Надя посмотрела в ту сторону, куда ткнул рукой Мансур. То, что издалека могло показаться кучей тряпья, которую не донесли до мусорки, на поверку оказалось её подругой, лежавшей на асфальте как-то странно, неестественно, изломанно. Она целую вечность (минуту?!), смотрела на неё, осознавая факт того, что:

Живой человек не может лежать так, как будто суставы у него гнутся в любую сторону.

А раз так — то Катьки больше нет. То, что валяется на асфальте, это не она. Это просто мёртвое тело.

Она выдохнула, зажав рот ладонью и, глядя на подругу, всхлипнула. Её уже нет...

Но почему?! Что случилось-то? И если с ними произошло что-то непонятное, то, что может быть с папой, мамой и Серёжкой?! Надя резко вскинулась:

— Домой...мне нужно домой...

— А? Да, конечно... — Мансур ещё трясущимися руками помог ей подняться. — Сейчас...

Девушка поднялась, охнув и схватившись рукой за поясницу, в которой что-то отчётливо выстрелило. Голова кружилась, и ей никак не удавалось сосредоточиться на том, что было вокруг. Надя чуть постояла, собираясь с силами, и потом оглянулась вокруг.

Чёрные провалы окон пятиэтажек её двора и почему-то горящие лампы фонарей. Чуть в стороне журчала вода, и Надя краем глаза заметила её блеск на асфальте у дома напротив. В голове мелькнула мысль о том, что где-то прорвало трубу, и тут же пропала. До девушки наконец-то дошло, что во дворе царил тишина. Тяжёлая, кажущаяся ощутимой, тишина. Коробки автомобилей, продолговатые силуэты у нескольких подъездов, которые лежали также как Катька. И небо, которое было странного, зеленоватого цвета, и на нём не было звёзд. Оно было полностью затянуто плотными тяжёлыми клубами туч. Судорожно вздохнув, она повернулась к Мансуру:

— Помоги дойти до подъезда, пожалуйста.

— Конечно. — Мансур осторожно обхватил её рукой, подставляя плечо. — Идти

можешь спокойно?

— Да. Пошли.

Они прошли пять или шесть шагов, когда пятый этаж её двухподъездного дома внезапно набух ярко-оранжевыми шарами взрывов. Гулко грохнуло, зазвенело и застучало. А потом весь дом, все его пять этажей превратились в клочущее доменное нутро, в котором забушевало пламя. Надя закричала, прижав кулаки к лицу, видя, как из окон их «двушки» выхлестывают длинные языки жёлтого пламени. Как болтается единственный оставшийся целым стеклопакет на кухне. Как вылетает тяжёлая подъездная дверь, когда раздался последний из взрывов, зацепивший первый этаж и подвал. Как из окна первого этажа вываливается фигура одинокого пенсионера Ковалёва, охваченная огнём. Он падает на аккуратную клумбу, высаженную им самим, дёргается несколько раз и успокаивается, раскинув руки в разные стороны. И как начинает грохотать в соседнем доме, длинном, на семь подъездов.

— Бежим, Надя, бежим... — Крик Мансура еле-еле пробился сквозь плотную подушку, которая плотно забила ей уши. — Н-а-а-а-д-я-а...!

Он схватил её за руку, силком потащив к машине. Подбежал, сорвал с себя куртку, сбивая что-то, тлевшее на крыше. Рывком заставил её, оглушённую и потерянную, сесть на пассажирское сидение. Сам тут же обежал её, хлопнул дверью, садясь и торопливо ища ключи по карманам. Надя посмотрела на него, собираясь спросить о том, что же он собирается сделать, когда краем глаза уловила какое-то движение. Она чуть повернулась в его сторону, присмотрелась...

— Мансур...Мансур!!! Смотри!

— Куда?!

— Катька, Мансур, она же встаёт...

— Ни хрена себе, да что ж это такое?!!

Катька вставала...

Видимая в чётком свете почему-то горевших фонарей, лежащая в нескольких метрах от машины Мансура, мёртвая не меньше чем двадцать минут, она вставала. Надя видела, как скребли по асфальту широко растопыренные пальцы, ломая маникюр, который всегда был идеальным. Ломаными и неправильными движениями, раскачиваясь из стороны в сторону, медленно и целеустремлённо до жути, Катя пыталась встать...

Изогнувшись под невиданным углом, прокрутившись в тазобедренных суставах, её ноги твёрдо встали ступнями на серый, заплёванный асфальт. Выгнулась изломанная шея, подняв тяжёлую голову, ещё несколько минут назад уткнувшуюся волосами в тёмную лужу, натекшую откуда-то из-под наверняка проломленного виска. Свет фар, которые включил Мансур, отразился в аспидно-чёрных глазах того существа, в которое превратилась бывшая Надина подруга. Девушка взвизгнула, видя, как Катя, одним сильным толчком, начавшимся в ладонях, встала, чуть покачиваясь. И двинулась в сторону слепящего света, немного наклоняясь в сторону, медленно, но всё также целеустремлённо.

Двигатель рыкнул, выгнув из выхлопной трубы клуб сизого дыма. Мансур дёрнул ручку коробки передач, давая задний ход. Машина дёрнулась, подаваясь всем телом назад.

Выскочив на тёмную прямую улицы имени архитектора Соколова, автомобиль рванул в сторону дома, в котором жил Мансур, удаляясь из горящего котла двора, в котором уже появились новые обитатели.

Существо, недавно бывшее молодой девушкой чуть постояло, привыкая к новому

состоянию, посмотрело в сторону быстро удалившихся задних габаритов машины...

Ему было чем заняться в ближайшее время. Оно подняло голову вверх, туда, где в небе всё ещё бывшем зелёного цвета клубились тучи, и издало первый охотничий крик в новом периоде жизни бывшего городка нефтяников и газовиков.

Рита...где Рита?!!...

Почему так болит голова? Почему темно? Почему?..

.....что за хрень?!!

Александр Анатольевич вцепился пальцами в старую, местами облупившуюся крышку стола, поднимаясь. Голова старательно трещала, разрываемая острыми выстрелами боли во время того, как он поднимался...

Странный, зеленоватый и мягкий свет, падал в комнату через почему-то разбитое наполовину стекло. Он оглянулся, пытаясь понять: что всё-таки произошло?

В себя врач пришёл на полу, у стола, за который вернулся после того, как они с Ритой... Вон лежит перевернутый судок из-под еды и вилка, которая чудом разминулась с его левым глазом. Разбитая стекляшка со спиртом, наполнившая комнату чётким и устоявшимся запахом, который до сих пор не выветрился. Покрывало с дивана, комком лежащее на полу. И приоткрытая дверь в «предбанник» морга.

Александр Анатольевич двинулся в сторону двери и тут же охнул, мешком осев по стене. Ноги слушались плохо, отдаваясь какой-то странной слабостью и уже затихающей болью в суставах. На лбу выступил пот, крупными и холодными каплями, так чётко ощущаемые паталогоанатомом. Он скрипнул зубами, собираясь с силами для того, чтобы встать, когда из-за приоткрытой двери до него донёлся какой-то странный звук, больше всего напоминающий...а что напоминающий?

Врач сидел, пытаясь отогнать от себя глупую и одновременно страшную мысль. Александр Анатольевич был врачом-танатологом уже почти десять лет. Цинизм, присущий его профессии он спокойно совмещал с прекрасными материалистическими взглядами на смерть. А также то, что непременно с ней связано, включая суеверия и страшные бабушкины сказки.

Но звук, который он услышал, напомнил ему только одно...

Также чавкал громадный алабай, принадлежащий его дядьке, живущему в отдельном коттедже. Батыр, матёрый взрослый пёс, был куда как не дурак пожрать. И когда его мощные челюсти равномерно дробили кости-мосолыги вперемежку с кашей, то он издавал именно такие звуки. Жадно и громко чавкал, пропихивая через мощное горло куски мяса, на которые дядька никогда не скупился для своего любимца. И услышать такой звук в морге?!!

Он чуть приподнялся, чувствуя как пот потёк по спине, холодный, липкий. Вся уверенность в том, что невозможно то, о чём подумалось — испарилась, когда звук стал громче. И ещё...звук был не одиночным. Чтобы его не издавало, но оно было не одно.

Тихо-тихо, аккуратно, стараясь не скрипнуть разохшимися досками, Александр Анатольевич подполз к приоткрытой двери. Чуть помедлил, отгоняя страх, который всё сильнее накатывал на него, растекаясь холодком адреналина с низа живота. И выглянул...

Большая комната, которую работники морга называли предбанником, была залита светом, падавшим через два высоких окна. С той стороны работал фонарь, пусть и плохо, но зато почти неморгая. Свет бросал чёткую тень от прямоугольника, находившегося прямо

посередине и обложенного кафелем. Обычно на него ставили то, на чём, или в чём, лежали клиенты Анатолия Александровича. Сегодня он пустовал, зато рядом...

Раскинув в стороны длинные, кажущиеся в слабом свете мертвенно-бледными, ноги, на гладких плитках лежала Рита. То, что это была она, врач понял сразу. По босым большим ступням с длинными пальцами с тёмным лаком, по короткому, сбившемуся белому халатику. И больше ничего не было видно.

Потому что прямо на её животе сидел тот самый бомж, который занимал третий стол в «разделочной». Сидел, нисколько не смущаясь фактором собственной смерти от естественных причин и разрезом от горла и до паха, который Александр так и не зашил, а только выскреб всю требуху. И отдирал куски мяса от большой Ритиной груди с маленькими коричневыми сосками, которую ещё так недавно мял в ладонях врач. Отдирал, запикивал в рот и жадно чавкал, проталкивая её внутрь себя. Рядом с ним сидел один из двух парней. Этот ковырялся в нижней части живота уже по настоящему мёртвой медсестры, доставая тёмные ошмётки, с которых сочно шлёпали тяжёлые капли, разбивающиеся об пол.

Патологоанатом замер, крупно задрожав и слыша, как стучат друг о друга зубы. Руки тряслись...

Скрипнула дверь прозекторской. Ловко и мягко появился третий из недавних «клиентов» морга. Вышел аккуратно, не шлёпая босыми ступнями по кафельным плиткам, присел. Чутко повёл головой по сторонам, гоня перед собой обжигающе ледяную волну животного ужаса, накатывающуюся на врача. Свет отразился в мёртвых, кажущихся зеркальными глазах не-мёртвого. Глазах, уставившихся в сторону полуприкрытой двери, за которой прятался Александр Анатольевич.

Врач, пятясь задом, отодвинулся подальше в комнату, видя, как существо чуть наклонило голову вперёд, судя по всему заметив его. Правая рука судорожно зашарила, пытаясь нащупать...что? Зачем?!! Да хотя бы что-нибудь, что могло бы дать ощущение реальности происходящего!!! Пальцы наткнулись на металлическую ножку перевернутой табуретки именно тогда, когда последняя вышедшая тварь с места, не поднимаясь с четверенек, рванула в его сторону.

Патологоанатом успел вскочить и всем своим немалым весом навалиться на дверь. И еле-еле успел вогнать ножку табуретки в старую выгнутую (спасибо те, завхоз Петрович, не успевший её заменить) скобу дверной ручки. На дверь обрушился мощный удар от бросившейся всем телом на дверное полотно твари. Косяк скрипнул, но выдержал.

— А-а-а!!! — Прыжок Александра Анатольевича в сторону окна совпал с моментом следующего удара. Звон бьющегося стекла, треск рам и двери. Удар ходячих мертвяков был двойным, чего патологоанатом не видел и не знал, падая на асфальт под окном и сдирая кожу с лица.

Вскочив на ноги, он кинулся в сторону ворот больничного городка, не оглядываясь по сторонам, стараясь убежать как можно дальше. И не видел и не слышал того:

Что небо над его головой уже теряло глубокий зелёный цвет, который раскладывался на множество пересекающихся полос, в промежутках между которыми врывались куда более яркие, чем обычно, красноватые сполохи от газовых факелов.

А в окнах большого больничного корпуса, да и во всех остальных, свет ламп танцевал в странном и ритмичном танце. И ещё там танцевали множество силуэтов, странных, искажённых, и оттуда, из закрытых корпусов, раздавалась ни на что не похожая какофония звуков. Сотканная из нот воплей от ужаса и боли.

Как в окно следом за ним выпрыгнуло две фигуры, которые метнулись, было за ним, но потом обративших внимание на две столкнувшихся машины «скорой помощи», возле которых прямо на асфальте лежала кричащая женщина с громадным беременным животом.

И что когда они приблизились к ней, нетерпеливо порывкая и оскаливая ставшие очень большими и острыми зубы, то... Первый из оживших мертвецов был схвачен ею рукой прямо за горло, вторая рука с мгновенно вытянувшимися пальцами охватила голову. Пальцы напряглись, хрустнуло, и зомби покотился в сторону, а чуть позже на него шлёпнулась оторванная голова, с болтающимися обрывками шейных хрящей. А во второго, выйдя из неожиданно появившейся глубокой щели на животе женщины, вырвались несколько длинных узловатых щупалец, скрутивших мертвеца и потащивших его к беременной. Которая после этого, встав, залезла в «газель», затащив за собой зомби...

Александр Анатольевич нёсся вперёд, не осознавая того, что бежит он куда как быстрее, чем любой олимпийский чемпион. И ноги его гнутся в суставах как-то необыкновенно пластично. А кровь, капающая из глубоких порезов — светится слегка серебристым светом в темноте...

Кир сидел в вагончике, плотно захлопнув дверь, застегнув цепочку и воткнув швабру в ручку. Его трясло в мелком ознобе страха, пронзающего с ног до головы.

За замызганным стеклом одного из окошек выли, ревели и рычали. Там металась тень животных, вырвавшихся из клеток, разбегающихся и одновременно рвущих друг друга. Вот взревела Машка, медведица-пестунья, чей басовитый рык Кир спокойно узнавал даже издали. Зоотехник вжался в старые доски стены вагончика, что-то шепча трясущимися губами и вспоминая то, что только что происходило там, возле загонов...

В себя Кир пришёл быстро, практически не почувствовав ничего странного и необычного. А вот Саныч...

Старший техник метался по периметру земли между клетками с немислимой скоростью, чем-то звякая и поскрипывая. В воздухе стоял бешеный крик и ор животных, висел острый запах адреналина, и Киру стало страшно. А когда он понял — что делает Сан Саныч, то единственное, что он успел сделать, это было бегство в сторону своего вагончика.

А Саныч просто отпирал клетки, выпуская на волю обезумевшее зверьё. Звери не выходили сразу, как будто специально давая ему шанс выпустить всех. Неизвестно, что перемкнуло в голове старого зоотехника, но делал он своё дело так, что смог отсрочить собственный конец. Сначала он открыл клетки копытных и прочих, оставив хищников напоследок, чем и смог добиться отсрочки минут в десять. Но, в конце концов, Саныч добрался и до них, тем самым подписав себе приговор.

И как ни странно, покончил с ним его любимый белый как снег Буран, громадный полярный медведь. Вылетев из клетки светлым громадным ядром, он сбил Саныча с ног, и, не дав ему подняться, одним ударом мощной, украшенной когтями лапы — раздробил череп, попутно сняв с зоотехника скальп.

Всё это Кир видел в окошко, в чью раму он вцепился побелевшими в суставах пальцами. Зубы отбивали чечётку, но он всё равно продолжал стоять на коленках, чуть выставив над подоконником голову и наблюдая за тем, как вырываются на свободу те, кого так долго

держали в клетках на потеху толпе.

Как волки выскальзывают в узкий проход стремительными серыми тенями, чутко поводя по сторонам носами, уже почуявшими запах крови.

Как неторопливо, круша всё на своём пути, огрызаясь друг на друга, выбегают громады медведей.

Как распластавшись в прыжке, взвившись на будку с кассой одним махом, вытягивается на её крыше низкая и страшная тигриная тень.

Как растворяются в ночных тенях подвижные фигуры пантер, сливаясь с мраком и издавая древний как мир охотничий призыв.

Всё это Кир наблюдал, вжавшись всем телом в дощатую стенку старого вагончика, который стал для него чем-то типа крепости, которая должна была сохранить ему жизнь. Именно так ему казалось до того самого момента, пока он не услышал, как по крыше торопливо пробежали чьи-то лапы. И ещё, и ещё...

Он ползком добрался до старой армейской кровати, прикрученной саморезами к полу, и забился под неё. Кир лежал еле дыша, чувствуя, как от страха он настолько не контролирует себя, что в промежности неожиданно стало очень тепло и мокро. Зоотехник лежал, шепча про себя слова когда-то давно слышанной молитвы, неожиданно всплывшей в памяти, когда, резко зазвенев, вылетело стекло одного из окон. Что-то, вернее кто-то, мягко приземлился на пол, заставив вагончик слегка качнуться. И чуть позже на пол спрыгнуло ещё несколько тел.

Кир прожил ещё остаток закончившейся жизни совсем недолго, забившись под сетку кровати и крепко-крепко зажмурил глаза. И лишь когда зашуршав и резко пахнув острым звериным запахом кто-то остановился рядом с ним, лишь тогда он открыл глаза.

Последнее, что он увидел в своей прервавшейся так резко жизни, были довольно глядящие на него умные и слегка грустные глаза старого орангутана, немедленно оскалившего пасть и протянувшего к нему странно деформированную лапу с удлинёнными чёрными когтями...

Гриф «Совершенно секретно. Кругу лиц с кодом доступа «Красный А 1-1».

Пункт первый:

Из доклада комиссии министерства чрезвычайных ситуаций РФ по случаю экологической катастрофы в городе Радостном:

Выдержка первая.

Комиссией в составети человек (РАН, Академия катастроф и сейсмоактивности, Институт медицины при РАН, Военно-медицинская академия МО РФ представители Генпрокуратуры) были установлены следующие факты:

а) Характер происшествия — неизвестен. Предположительно высказано мнение о срабатывании на объекте «Радостный-55» неизвестного механизма защиты внутренних периметров. Одновременно ярко выражены черты катастрофы как техногенной, так и экологической направленности. Многочисленные взрывы газопроводов, выброс химических веществ с нескольких промышленных предприятий, находящихся на территории города. Одновременно с тем — резкое нарушение фона естественной радиации в связи с не выявленной причиной. Также был произведен выброс активной биологически-опасной формы неизвестного происхождения (т. н. Волна).

б) Основные происшествия произошли разово, в краткий временной промежуток. Рецидивы локального характера имеют место по состоянию на сегодняшний день. Меры по предотвращению распространения возможных вспышек заболеваний, связанных с радиационным и биологически опасными поражениями проводятся постоянно. Карантин в близлежащих районах — не отменён.

в) Следствиями событий, происшедших сего года стали многочисленные изменения жителей вышеуказанного района, а также животных различных видов, как домашних, так и диких (Примечание о ориентировочных количестве и составе животных, представленных в местном лесничестве в приложении № 3).

Изменения происходят на генном уровне, вызывая необратимые реакции организмов, впоследствии выраженных в мутациях различного характера. В связи с тем, что изменённые жители и животные (в дальнейшем Объекты) представляют собой чётко выраженную угрозу окружающим населённым пунктам, Комиссия настаивает на продлении карантина, а также введении режима чрезвычайной ситуации и эвакуации населения из близлежащих районов....

«Отчёт комиссии № 12/12. Гриф «Совершенно секретно», код «красный»:

Из предварительных исследований Объектов выявлено:

Мутационные изменения проявляются спонтанно, носят чётко выраженный кратковременный характер. В дальнейшем организмы Объектов ремиссии не подлежат. Согласно гипотезы проф. Точинова складывается следующая схема процесса сверхскоростного изменения:

В результате воздействия неизвестных микроорганизмов включается до сих пор незадействованная иммунная система организма. Уровень взаимодействия фактора X

(неизвестен) и цепочки ДНК объектов — полностью зависимый от фактора расположенности к Изменению.

Механизм раскрытия защитных схем крайне индивидуален. Исходя из этого каждый Изменённый является уникальной биологической системой, обладающей схожими признаками с другими Объектами того же вила и типа, но при этом обладающий своими, оригинальными, не осязаемыми обычными органами восприятия особенностями.

Митохондриальное взаимодействие — спорадическое.

Предлагаемые меры: идентичные предварительным. Полный контроль Района, с установлением карантина и пресечением любых несанкционированных попыток проникновения за периметр всеми способами, вплоть до физической ликвидации»

Выдержка вторая.

.....числамесяца сего года, станция сейсмологического слежения МЧС РФ, расположенная на территории в/ч 5572/3 (населённый пункт Н, ПУрВО), были зафиксированы сильные подземные толчки, мощностью вбаллов.

Одновременно с этим спутниками космического слежения МО РФ над территорией стран СНГ был зафиксирован факт крупной природной аномалии атмосферы над территорией г. Радостный, находящегося по следующим координатам:градусов северной широты иградусов восточной долготы (.....область РФ).

Тогда же был зафиксирован феномен неизвестного происхождения, на данный момент известный как «Волна», в том же районе. Эксперты аналитических отделов Генерального штаба МО РФ, Центра спасательных операций МЧС РФ, оперативного штаба МВД РФ главного управления ФСБ РФ связывают данный феномен с последующими происшествиями на территории вышеуказанного населённого пункта.

Согласно данным расследования, проведённых комиссией сотрудников секретных научно-исследовательских центров силовых структур РФ, данное явление носило чётко выраженный единовременный характер. Дальнейшего хронического протекания зафиксировано не было, до числа месяца сего года.

На текущий момент зафиксировано три случая так называемой Волны, включая первый. Уровень естественной радиации и биологически-опасной активности при последующих двух — неизмеримо меньше первого, и не несёт тех последствий, что были выражены при оригинальном явлении.

На данный момент представляется наиболее вероятным создать группу учёных в составе (Приложение № 5), для организации в районе н.п. Радостный мобильного научно-исследовательского центра по изучению данной ситуации...

Предлагается рассекретить часть работ по объекту «Радостный-55» для круга лиц, привлечённого к аналитической и исследовательской работе.

Выдержка третья.

.....числа месяца сего года, согласно плана «Тайфун», направленного на взаимодействие подразделений, войсковых частей и соединений силовых ведомств, были проведены следующие мероприятия:

а) Части армии ПУрВО были приведены в состоянии боевой готовности № 1 и

выдвинуты в район н.п. Радостный для проведения мер по блокированию жителей заражённой местности.

б) Подразделения МВД РФ и ГУФСИН в составе трёх ОМОН, двух СОБР, а также отрядов «Мангуст» и «Кайман», были выдвинуты в н.п. Кротовка, Черкассы и Ключи для блокирования всех возможных путей выезда из Радостного.

в) Эскадрилья боевых вертолётов Ми-24 УМ, находящаяся в н.п. N, была поднята в воздух для проведения постоянного воздушного дежурства в вышеуказанном районе.

Все подразделения, задействованные на первоначальном этапе блокирования, на данный момент продолжают выполнять боевые задачи, поставленные командованием операции.

Блокирование н.п. Радостный осуществляется (несмотря на отсутствие необходимого количества ЛС и техники) в полном объёме.

Было осуществлено несколько попыток прорыва со стороны местных жителей, подвергнутых заражению. Мероприятия по пресечению указанных попыток были осуществлены в полной мере, согласно Инструкции № ...13/999 от 06 июня ...года

Спасибо парням из группы Сокола. Только их одноразовые гранатомёты смогли отправить смока в длительный нокаут, из которого он, буду надеяться, выберется ни скоро. Если вообще выберется...

Наши ангелы-спасители возникли, как обычно и бывает в подобных случаях, прямо-таки из ниоткуда. И дружно ошарашили назойливого крылатого монстра залпом из «Мух».

Подозреваю (и не без оснований) что шли они в район «финской котельной», где, как мне помнится, обитала дружная компания из нескольких големов. А против кого, скажите на милость, в Районе ещё нужны гранатомёты?! Ну, не против же временного контингента военных? И не против «консерваторов» наверняка. В обоих случаях — восьми стареньких «Мух» будет о-ё-ё-й как мало. А вот против полумеханических упырей, которые так любят подтрунить над рейдерами, паля по ним из всех калибров — как раз.

Как бы то ни было, но сейчас «соколята» давно топали назад, несолоно хлебавши и надеясь только на то, что мы сдержим слово и расплатимся за счёт нашей ходки. А мы упорно шли вперёд, отрабатывая вовремя и в полной мере оплаченное сафари, во время которого уже погиб один из экстремалов. Оставшихся любителей адреналина это несколько не смутило, и потому мы упорно шли вперёд, аккуратно направляясь в сторону Сорокового квартала, который вполне чётко сигнализировал нам своими краснокирпичными пятиэтажками.

Двигалась наша группа туда вполне целеустремлённо, надеясь пополнить у Кефира запас боеприпасов, который уменьшился у нас ровно в два раза.

Кефир, он же Сметаныч, один из «местных» дельцов. Человек, или уже нет, но то и без разницы. Он один из тех, кто остался в Районе, не пытаясь выбраться, выжил в первые месяцы после Волны, пережил и обычные Всплески, и последний, считающийся «гипером». А сейчас наслаждался тем, что здесь считается нормальным существованием.

Штаб-квартира нашего друга-бизнесмена находилась на территории бывшего двухэтажного магазинчика с обнесённой высокой стеной из бетонных плит территорией. И она, штаб-квартира, была одним из относительно безопасных мест во всём Радостном.

Местные старались не связываться с Кефиром из-за его взрывного характера и, что немаловажно, весьма и весьма серьёзной личной гвардии. Военным он был сугубо фиолетов,

а ГБ-шникам наверняка сливал что-то, при этом умудряясь наживать даже на той белиберде, что могла выйти из Района. Ну, скажите, какому чекисту придёт в голову составлять таблицу оперативных данных, связанных со, скажем, сезонной миграцией стаи местных одичавших котлов-мутантов? Или факт того, что Бабка Матрёна решила, что в этом году она на огороде будет выращивать не дурман-траву, а ядерный молочай, который все свои свойства за пределами Района — полностью теряет. Вот тот-то и оно, а он, Кефир-то, наверняка умудрялся.

Подойдя к перекрёстку, от которого до магазина было всего ничего, мы ненадолго остановились. Вроде бы всё было чисто, но что-то упорно меня смущало. То ли факт того, что на выходе из Гаражей мы так и не увидели ни одного местного жителя, то ли то, что нам удалось протрусить через кусок Парка так удачно, что даже ни с кем не сцепились. Не хочется быть суеверным, но в таком случае всегда хочется ждать беды, нда-а-а...

Тем не менее, до штаб-квартиры нашего кисломолочного товарища мы добрались также спокойно. Подходя ближе, Большой поднял вверх палец, показывая, что всё в порядке, и мы спокойно втянулись через калитку на задний двор магазина.

Здесь всё было как обычно, наполняя душу радостью от ощущения того, что хотя бы что-то остаётся неизменным. Та самая свора церберов, которые, завидев нас, радостно встрепенулись, порывая всеми своими, превосходящими количество тел, чрезвычайно зубастыми головами. И как обычно, их тут же успокоил «погонщик» Васёк, который давно прибил к Кефиру, и которого мы как-то спасли от вурдалаков в районе Топи.

Всё также спокойно мерял шагами территорию полязгивающий сочленениями Фред. И в дальнем углу высилась машина Абрамса.

Эти двое были типичными големами, и никакого отношения не имели к какой-либо англоязычной нации. Просто Фред, судя по некоторым доходившим до меня данным, в прошлой жизни был дальнобойщиком. Водилой, которого угораздило попасть под Волну в кабине собственного «Фрейтлайнера». Его грудную клетку, если можно её так называть, с тех пор украшала радиаторная решётка с логотипом этого, несомненно прекрасного изделия юэсэйевского автопрома.

Что касается Абрамса, то тут дело обстояло сложнее. Я, если честно, естественно опасаясь големов. Но этого парня — откровенно боюсь. Мне и в голову не придёт то, как он смог стать двух с половиной метровым шкафом, с ног до головы облачённым в сталь, и имеющим на вооружении крупнокалиберный танковый пулемёт. Собственно из-за внешности, мощности и серьёзного вооружения его изначально и стали величать Танком. И лишь потом он стал Абрамсом.

Во внутреннем дворике Кефирской вотчины вовсю велась местная торговля, что тоже было абсолютно привычным зрелищем. Нам даже пришлось краснеть, когда заставляли «туристов» идти в сторону двери, ведущей внутрь здания. Так откровенно тут давно никто не пялился на местных. Хотя попялиться там было на что, вполне понимаю наших нанимателей...

Глава третья: рассвет — осознание

Мансур быстро выкрутил руль, в очередной раз загоняя машину в какой-то из поворотов. Сзади ухнуло и взвыло. Что-то с размаху приземлилось на багажник, скрежетнув по металлу чем-то острым, радостно взвыло.

Надя обернулась, не сумев превозмочь желания увидеть — что же это такое. Коротко и сдавленно всхлипнула, увидев тёмную большую фигуру, вцепившуюся в багажник сразу четырьмя конечностями и блеснувшую в свете фонаря жёлтыми огоньками глаз. В следующий момент Мансур ещё раз резко крутанул руль, одновременно тормозя автомобиль. Тварь не выдержала и улетела вбок, стукнувшись о столб дорожного знака.

— Да что ж такое творится то?! — Парень выдохнул слова, внимательно оглядываясь вокруг, и снова отправил свой совсем не спортивный болид в скоростной полёт, стараясь выбраться на одну из центральных улиц. — Ничего не понимаю, как будто в какой-то третьесортный ужастик попали...

Девушка промолчала. Добавить было нечего. То, что происходило на улицах Радостного — в голове нормально не укладывалось. Не могло такого быть, не могло!!!

Она смотрела на пронесившиеся за окном такие знакомые улицы, понимая рассудком, что сейчас нельзя расслабляться и нужно быть ежесекундно готовой к тому, что придётся выскакивать из ставшей абсолютно ненадёжной машины и пытаться бежать. Понимала, но не могла ничего сделать с собой, возвращаясь мыслями назад, вспоминая всё то, что видела вокруг.

Они не смогли выбраться из города с центрального выезда. Когда Мансур вырулил на трассу, то сразу повернул направо. Слева полыхала стена пламени, вырывающаяся со стороны железнодорожных путей, на которых всегда стояли цистерны с жидким топливом и газом. Думать о том, чтобы попытаться выехать в ту сторону, нечего было и думать.

Автомобиль рыскнул направо, в сторону постоянно горящих трёх факелов. Но проехал всего ничего. Тёмная большая тень пронеслась низко-низко, задев крышу, и помчалась в сторону несущихся впереди стоп-сигналов у таких же, как они беглецов. Пронеслась, спикировав вниз, и ночь озарилась новой вспышкой от мгновенно вспыхнувшего автомобиля.

Удаляющаяся вперёди «Нова-Калина», получив от крылатой тени неизвестный подарок летальной направленности, подпрыгнула в воздухе, перевернулась и полыхнула. Мансур ударил по тормозам, еле успев остановить машину от полёта в кювет, а Надя прижала руки к лицу, к разом затрясшимся губам, когда увидела то, а вернее кого, приземлившегося на шоссе...

Большие крылья-паруса с какими-то прорехами на них. Угловатое вытянутое тело, с торчащим вперёд килем грудины. Узловатые, крепко вцепившиеся в треснувший асфальт серпами изогнутых когтей лапы. Хлещущее из стороны в сторону бревно массивного хвоста, зауженного к концу и украшенного небольшим лесом острых костяных наростов. Низко пригнувшаяся к земле змеиная шея с какими-то, ритмично сокращающимися, мешками у основания головы. И сама голова, длинная и покатая, с широкой мордой, тёмными провалами большущих глаз...

То ли летающему ужасу их автомобиль был уже неинтересен, то ли ещё по какой-то причине, но их он не преследовал. И Мансур развернулся в сторону моста, который вёл на

старую дорогу, через Ключи и Солянку. Срезать маршрут через поворот налево, в объезд города не получилось. Там их атаквали в первый раз.

Несколько высоких, двуногих фигур вылетели из кустов, несколькими прыжками покрыв приличное расстояние между собой и машиной. И ещё две мелькнули там же, и лишь секундами позже беглецам стало понятно то, что они там делали. С грохотом рухнул поперёк дороги старый, ещё деревянный столб с проводами, мгновенно натянувшимися как струны. А силуэты уже рвались к ним, пытаясь разбить крепкие стёкла и рвя на себя двери, которые Мансур успел защёлкнуть. Надя закричала, когда увидела близко, на расстоянии не больше нескольких сантиметров то, что лицом можно было назвать с громадной натяжкой. Морда, рыло, харя...как угодно, но только не лицо.

Не должно было быть у людей таких выставленных вперёд челюстей с торчавшими вперёд зубами, которые повергли бы в ужас любого стоматолога. Не могли человеческие глаза так глубоко запасть внутрь, укрывшись сверху козырьками выдвинутых надбровных дуг. И уж тем более не могло лицо так быстро и так густо зарости густой щетиной, больше похожей на шерсть.

Её парень не подвёл и на этот раз, мгновенно сориентировавшись и сбив при резком развороте одного из нападавших. Под колёсами его внедорожника что-то ощутимо дёрнулось и хрустнуло, ломаясь, и автомобиль снова рванул вперёд, уходя от этих непонятных в своём первобытном ужасе тварей. Рванул, скрываясь в ближайшем переулке, выведшем их в пусть и небольшое, но очень узкое переплетение улочек старого города.

И потом они мчались практически не останавливаясь, постоянно крутя по сторонам головами, пытаясь сразу углядеть неожиданную опасность. Глядели, видели, запоминали.

Хлопья густого зеленоватого тумана, скапливающиеся повсюду, оседающие на землю, стелящиеся над землёй, вдоль стен и заборов. Хлопья, из которых в сторону то и дело пробегающих по улицам людей выстреливали плотные вытянутые нити, похожие на щупальца. Еле уловимое взглядом движение. Мгновенно обвивающиеся вокруг корпуса плотные и маслянисто поблёскивающие «усы». Рывок, крик, захлёбывающийся в тумане. Тишина...

Те люди, что мелькали на улицах... Люди ли, подобные им, неизменившиеся ни на миг, или те, кто уже потеряли человеческий облик?!! Они скользили вокруг тенями. Постоянно возникая из темноты и теряясь в ней же, едва завидев свет фар. Ни один из них не бросился к машине, вернее почти не один.

Была старая женщина, стоявшая посреди дороги на коленях, как сперва показалось беглецам. И Мансур уже решил рискнуть остановиться, а Надя была готова открыть дверь, но... В свете фар оба ясно увидели, что из-под старой, застиранной ночнушки, единственной одежды, бывшей на ней, украшенной аляповатыми цветами, торчат вовсе не колени. Выпуклые белёсые сегменты, перекатывающиеся как кольца у дождевого червя. Вот, что было ниже задравшегося подола ночной рубашки ещё советского производства.

И был маленький мальчишка, одиноко стоящий на перекрёстке у здания бывшего кинотеатра. Он стоял прямо посередине на линии разделительной полосы в свете то и дело моргавших в бешеном темпе всё ещё работающих светофоров. Пяти, максимум шести лет, невысокий, худенький, с кудряшками. Одетый в пижамку со спайдер-меном и светлые носочки. Надя всхлипнула, глядя на него, не пойми как оказавшегося на улице. А потом обернулся, и в машине мгновенно стало тихо.

Ветер чуть шевельнул совсем невесомые локоны, открывая лицо с большими,

светящимися изнутри серебристым светом, глазами и абсолютно гладкой нижней частью лица. Мальчишка просто смотрел на них, ни делая никаких попыток что-либо сделать. И они видели потом, отъезжая, в зеркале удаляющиеся отблески в его глазах.

Машина терпеливо вывела их туда, куда вёл её Мансур. Они почти повернули к нужной грунтовке, такой близкой, такой необходимой...

Удар сзади, сильный, придающий ускорение и того немалой скорости автомобиля. Побелевшие костяшки пальцев на руле. Расширившиеся от страха глаза обоих. Столб...

Когда Мансур, застонав от боли в руке, повернул голову к девушке, то понял, что все его попытки выбраться из города были бесполезными. Надя лежала головой на панели, не шевелясь, и не издавая ни звука. Он скрипнул зубами и услышал лязг за разбитым окном. Там высилась махина грузовика, КамАЗа или Татры, и от неё кто-то в их сторону. Кто-то высокий, неуверенно шагающий и тащивший что-то тяжёлое и металлическое, задевающее об асфальт.

Чернота, чернота вокруг...

Лишь изредка вспыхивает красным что-то...

И боль, боль, боль...

Она повсюду. Она проникает в каждый нерв. Рвущая. Огненная...

Мируну было очень и очень плохо. Толчками откуда-то снизу, равномерно и мощно накатывали волны ослепляющей боли, раскалённой добела. Он застонал, приходя в себя, с ужасом возвращаясь из того небытия, в котором царили чёрно-красные тени и всполохи. Он не хотел этого, но организму было глубоко наплевать на желания пэтэушника. Организм вёл собственную жизнь, наполненную саботажем по отношению к собственному владельцу.

Где он? Что с ним? Мысли вяло прокатывались в голове, оттесняемые в сторону пульсирующими толчками. Думать не хотелось, но ничего другого не оставалось, и он начал вспоминать, не обращая внимания на то, что почему-то его мерно трясёт и на то, что со всех сторон доносится невнятная какофония.

Мастерская, да...автомобильная мастерская. Зеленоватый свет, который пришёл после вспышки. Блистающие мириадами изумрудных капель туманные волны, окружившие всё вокруг. А потом взрыв, да-да, взрыв. А ещё?..

Балка от крана и двигатель... Он летит вниз, медленно и неумолимо, и ничего нельзя сделать, потому что ноги отказали. Движок летит в своей замедленной съёмке, чуть переворачиваясь, красуясь и покрашенной ржавчиной и отполированными деталями и рёбрами. И становится всё ближе и ближе. Да, именно так. Куда он упал?..

Да что значит куда упал? На его ноги он хряснулся, и отправил в нокаут, глубокий и чёрный. А потом он полз, вернее — старался ползти. Потому что рядом, там, где находился ГАЗон — происходило что-то страшное. Там был тот лошок, которого подняло вверх, закручивая в невообразимые узлы, видимые во всполохах пламени. И что....?

В голове Мирона со скрипом проворачивались мысли, толкая память, ставшую такой вязкой... Что, что ж там было?! И тут он вспомнил:

Как ломало и выкручивало тело Лёшки...

Как воронкой закрутило вокруг него металл частей автомобиля...

Как брызгали в стороны струйки крови...

Он вспомнил это, как и то, что существо, которое было уже не тем неформалом,

которого он постоянно шпынял, наклонилось над ним. Крупная дрожь пробежала по искалеченному телу парня, когда до него дошло, что он жив. Но раз так, то что же случилось? И почему его трясёт, как будто он лежит в плацкартном вагоне?

Мирон постарался покрутить головой, с трудом сосредотачиваясь на том, чтобы сфокусировать взгляд. Увидел прямо перед собой блестящий металлический шарнир, покрытый коркой запёкшейся крови. Взбугрившиеся шрамы вокруг него, рваную майку чёрного цвета, кабель, выходящий из большой прорехи и поднимающийся вверх. Поднял голову и со страхом увидел лицо того, кто был с ним в мастерской.

Лёшка (или тот, кем он стал) мерно шагал вперёд, прижимая обвисшую куклу мионовского тела к груди правой рукой. Тот самый кабель, толстый, в желтоватой оплётке, уходил ему за затылок. Волос не было, а кожа головы стала одним большим ожогом, переходившим на лицо. На скуле болтался её большой шматок с красноватой подстёжкой, уже засохший. В дырке поблёскивал металл. И тут Лёшка повернул голову.

Шея дёргаными, неровными движениями, с похрустыванием повернулась и прямо на Мирона уставились глаза с плещущейся в их глубине смесью неизмеримо большей, чем у него боли и безумия. Потемневшие и сухие губы растянулись в улыбке. С правой стороны краешек рта треснул, и тёмная струйка крови покатилась вниз, попав прямо на лоб пэтэушника. Мирон вздрогнул, сжимаясь в клубок и пытаясь закрыться руками. Тело немедленно отозвалось взрывом боли, заставив его застонать через крепко сжатые зубы.

— Пришёл в себя? — Голос у Лёшки был странный, неживой какой-то. — Мирон?

— Чево?... — у того голос трясся, не в силах совладать со страхом.

— Тебе чего ещё, по тыкве стукнуло, а? — В голосе существа проскользнул смех.

— А?!!

— Да хорош тупить, а, Мирон! Ты меня понимаешь, нет?

— Да...

— Что да то? Понимаешь, что ли?

— Понимаю... Слышь, Лёх, ты куда меня несёшь?

— Куда несу? Не знаю, просто иду. Подальше от мастерской, а то там пожар совсем сильный. Ты где живёшь-то?

— На Ленина, в двухэтажках, у хлебозавода. Ты чево, вот так прям хочешь идти просто? — Мирон закашлялся. — Ты со стороны себя видел, олух? Ёпт, годзилла, нах...

Лёшка резко остановился. Нахмурил брови, глядя на собственную говорящую ношу. И ноша почувствовала, как по её собственной спине пробежали мурашки:

— Слушай, ты прости, а? Я ж не со зла. Просто...

— Просто?... Ну ты даёшь. Тебя дурака пожалел, тащу на себе и ещё слушаю про то, что я олух? Вот дела... А может мне тебе головёнку-то свернуть? Да ладно, шучу. А то, что прямо вот так тебя несу, так не страшно. В городе чего-то непонятное происходит. Туман вон, зелёный. Недавно «шестёрка» прям в столб въехала. Водила вывалился и пополз....а вместо ног — хвост. Да и вообще, странно. А ты, кстати, на первом этаже живёшь?

— Ну да, а чево?

— Чего, а ни чево. Да просто я на второй не смогу подняться, наверное. Не привык ещё, да и тяжёлый какой-то стал. А это чего такое?!!

Мирон почувствовал, как его, наплевав на вопль боли, который он немедленно издал, неумолимо поднимает верх подъёмник правой руки. Лёшка закинул его на крышу ближайшего табачного ларька, причём сделал это абсолютно спокойно. И повернулся в

сторону кустов, росших вдоль дороги.

А оттуда, порывая и низко прижимаясь к земле, выходила стая собак, голов в пять. Только собаки, ещё недавно бывшие пусть и большими, но всё-таки дворнягами, сейчас больше были похожи на монстров из фильмов. Морды вытянулись, растянув кожу, через которую виднелись покрытые капающей слюной зубы. Глаза, ставшие непропорционально большими, чуть отсвечивали зеленым. Твари стали выше и вытянутее. С увеличенными суставами лап, с горбами на спинах. И бешеной яростью, которая казалось осязаемой.

Они подходили, порывая и хлеща по бокам почти безволосыми хвостами. Лёшка, шагнул навстречу, широко расставив тумбы ног, и отведя чуть назад левую, заканчивающуюся цепью с крюком, руку. Стая окружала его полукругом.

Первой стартовала бывшая некогда полностью чёрной крупная тварь. И тут же рванули остальные, безмолвно, отбросив за ненадобностью в сторону рык. Чёрная собака прыгнула, мощно и высоко, стараясь дотянуться до горла неподвижно стоящего Лёшки.

И тут он ответил. Одним, показавшимся Мирону полностью смазанным движением, бывший неформал двинулся вперёд:

Удар правой руки отшвырнул чёрную назад. Со свистом ударила цепь, сметая следующую тварь в сторону и насадив на крюк другую. Скрипнул механический сустав колена и ещё один пёс с хрустом и воем отлетел в сторону. Клыки пятого четвероного со скрежетом попытались сомкнуться на оставшейся мякоти правой руки и ей удалось. Она повисла, качнувшись в сторону...

Лёшка взревел, взвыл, ударил по ушам ошеломляющей сиреной-ревуном и с размаху саданул псом об асфальт, успев разогнуться и закрыться от настырной чёрной. Смахнул её в сторону, прыжком оказался рядом и ударил ногой, навалившись всем весом.

Мирон всхрипнул и перегнулся вниз. Его не удержишь рвало.

Последние сто метров до ГОВД Семёныч преодолел бегом. Причина была проста: стрельба. Стреляли активно и используя автоматы. А значить это могло только одно: кто-то решил, что он такой же умный, как и старший прапорщик. Семёныч рыкнул, почувствовав, как внутри мгновенно раскрутилась пружина злобы, и рванул с места.

Он бежал, хрустя под ногами битым стеклом от пивных бутылок и металлическими банками. И чувствовал, как хорошо слушается тело, которое вот вроде бы совсем недавно заплыло жирком, сковывающим движения. Ноги отталкивались от асфальта чётко и мощно, устремляя его вперёд. Прокуренные лёгкие никак не отзывались, спокойно прогоняя через себя ровно столько кислорода, сколько было нужно для быстрого бега. Он не задумывался над тем, как это произошло, да и без разницы. Самое главное вот оно, налицо, то чувство, которое было у Семёныча во время службы и в отряде срочного спецназа, и потом в ОМОНе. Прапорщик окунулся в прошлое, понимая, что всё вернулось благодаря тому, что случилось. И наплевать на прошлую жизнь. Он снова на войне. Он снова охотник и впереди его ждёт много интересного.

Серое трёхэтажное здание появилось впереди, подсвечиваемое горевшими патрульными машинами и оставшимися целыми фонарями. Из зарешёченных окон стреляли в сторону одинокого микрофургона из нескольких «калашей». За фургоном прятались скрюченные фигуры, огрызаясь в ответ из разнокалиберных стволов. Кто? Зачем? Да какая разница?

Семёныч ухмыльнулся и начал действовать.

Несколькими прыжками он перемахнул через бетонные блоки, совсем недавно привезённые и складированные у расширяющегося торгового центра напротив ОВД. Сместился ползком ещё ближе к микрофургону, чуть приподнялся, высматривая первые цели. «Ну, надо же, — подумалось ему, — и почему я не удивляюсь?».

Ментовку атаковали люди Жёлтого, местного авторитета. Каким образом урле пришло в голову это делать — прапорщика не интересовало. Да и по барабану, если учесть, что они сейчас были помехами, стоявшими между ним и оружейной комнатой ОВД.

Сейчас «синие» старательно старались обстреливать зарешёченные окна, откуда по ним огрызались автоматными очередями. Урки были вооружены хуже: карабины, гладкоствольные ружья и дробовики. И захватить «дворец правосудия» они, судя по всему, хотели на энтузиазме. Во всяком случае, именно так оно и выглядело. Хотя дела у них явно шли не лучшим образом. Если только, конечно, «микроавтобусные» стрелки не были прикрытием и выполняли отвлекающий манёвр. Но в любом случае, судьба их была решена. Ангел смерти, в лице Семёныча, самым решительным образом намеревался прекратить чинимые ими безобразия и нарушения Уголовного кодекса РФ.

АКСУ дёрнулся, отправляя в полёт маленькие свинцовые кусочки. Стрелял прапорщик экономно, понимая, что пока патроны тратить за просто так нельзя. Несколькими одиночными он снял троих из семи нападавших. Остальные, как ни странно, решили спастись бегством. Наверняка вообразив, что это менты устроили вылазку. Сбежать он позволил только одному, и то недалеко. Затвор клацнул, доказывая, что патроны в магазине кончились. Семёныч выхватил собственный «макар», в стволе которого уже торчал патрон. Вскинул руку и, почти не целясь, выстрелил. Как будто ткнул указательным пальцем и при этом попал точно туда, куда и хотел. Беглец упал.

— Эй, мужики! — Прапорщик поднял вверх руку с автоматом. — Свои, бля...

Дверь ОВД чуть скрипнула. В образовавшуюся щель осторожно выглянул один из коллег Семёныча, Сашка Кирьеченко. Внимательно пригляделся, не опуская ствол «ксюхи»:

— Семён, ты?

— Да я, я, ёпт. Слышь, Санёк, пошли стволы у этих охотников соберём.

— Иду. Там никого нет больше?

— Нет тут никого, одни дохлые.

Кирьеченко нырнул назад, и появился спустя несколько секунд. Дверь снова скрипнула, закрываясь. Семёныч матюгнулся про себя. Двери в ОВД были надёжные, стальные. А он собирался тихо «вальнуть» сержанта за машиной, после чего быстренько навести порядок внутри здания. Ну, да ладно. Не вышло так, выйдет эдак.

Покойников они обшмонали быстро, стараясь не обращать внимания на всё больше и больше увеличивающийся странный шум с гамом, который нарастал повсюду. Небо не спешило становиться нормальным, и всё также оставалось подёрнутым зеленоватой пеленой. Вдобавок ко всему начал сгущаться тот самый непонятный туман, который прапорщик уже видел. И туман этот ему абсолютно не нравился, интуитивно и на рефлексах. Что-то было в нём неправильное, казался он живым, как бы бредово это не казалось. Семёныч окриком поторопил сержанта, снимающего с самого дальнего из трупаков, того самого беглеца, охотничий жилет, набитый патронами с картечью и жаканом. Заходя в двери ОВД ни один, ни другой — не оглянулся. И потому никто не увидел, как туман,двигающийся мягко и быстро, накрыл тела. Через некоторое время в его глубине что-то

зашевелилось, пытаясь встать.

Кирьеченко с лязгом задвинул засов, отгораживаясь от окружающего мира. Устало сполз по стене, смахнув пот со лба. Положил рядом четыре ствола и патронташи с жилетами. Достал из мятой пачки «восьмёрки», несколько сигарет, одну за другой. Почти все оказались сломанными. Наконец одна попалась целая и он нервно закурил.

— Сколько вас здесь? — Семёныч тоже прислонился к стене. — А?

— Пятеро с лейтенантом. Только летёху ранили. Он как раз на улицу выполз, хотел домой дозвониться. Думал, мобильник внутри не берёт. Дозвонился, ёлки-моталки. Не знаю, выживет или нет. Чего же такое случилось, Семён? Ничего не помню, как кувалдой по башке саданули. Ладно, хоть мои на югах, к тёще поехали, к морю. Дела-а-а-а...

— Как сажа бела... — Кирпичников, мрачный и плотный старшина, стоявший у окна, повернулся к ним. — А ты чего один, Семёныч? Где остальные?

— Нету остальных. — Прапорщик сплюнул под ноги. — Один шею сломал, потому что за рулём был. А второму задержанный засадил нож, сука, сзади. Где заныкал, так и не понял. Завалил его, тварь поганую, ёпт...

— Да? — Кирпич, как его называли за спиной сослуживцы, недоверчиво покачал головой. — Если вы куда въехали, то мне тогда непонятно, чего ты такой целый. Не подскажешь?

— Подскажу, чего ж не подсказать-то... — Семёныч кивнул головой. И выстрелил, мгновенно выкинув вперёд руку с пистолетом. Пуля вошла старшине точно между бровей, отбросив того на стену и выбив из головы красноватый большой сгусток, шмякнувший о штукатурку и потёкший вниз, на упавшего милиционера.

А Семёныч, нисколько не задерживаясь, тут же всадил две подряд пули в грудь Кирьеченко, который только и успел, что удивлённо открыть рот. Тот захрипел, завалился назад, выпустив на грудь карминную струю, вздрогнул несколько раз. И затих.

Со стороны «дежурки» раздался топот, прапорщик схватил ближайший к нему АКСУ, тот самый, который поставил к стене уже покойный сержант, перекатился в сторону и выпустил три коротких очереди в сторону появившейся из прохода фигуры в сером. Ту отшвырнуло назад, сбивая с ног второго, громко лязгнувшего уроненным автоматом. И тут у прапорщика заклинило затвор. Патрон ли был с дефектом, затвор ли был изношенным, или оружие неухоженным? Не в том суть. В голове мелькнула мысль о том, что можно успеть дотянуться до одного из карабинов, и потом...

Тело прапорщика сработало само, с места совершив прыжок, мощный и пружинистый. Семёныч так и не понял, как это случилось, летя вперёд, в сторону узкого проёма из «дежурки». Как в замедленной съёмке, странно застывшего времени он видел, как расширяются глаза того, который старался успеть поднять «ксюху». И что тот понимал, что не успевает. Семёныч, распластавшись в прыжке, зарычал, вытягивая вперёд заостренвшие пальцы рук, подминая того под себя, вбивая ему кончики пальцев под нижнюю челюсть (как?!!!) и сминая там внутри что-то хрустящее и подающееся. Фонтан крови ударил ему в лицо, на миг ослепив и заставив зажмуриться, обжёг горячей солёной волной и тут же стал слабее.

Прапорщик откинул в сторону ещё дёргающееся тело, сел и уставился на собственную руку. Покачал головой, не веря глазам. Ногой пхнул первого, который слабо стонал, стараясь всё же дотянуться до покрытого липкой красной кашей цевья автомата. Встал и пошёл в комнату дежурного по ОВД, чтобы добить последнего живого мента в нём.

Лежащий на полу сержант Филиппов уже умирал. Пули калибра «пять-сорок пять», выпущенные Семёнычем, разворотили ему грудную клетку, пробив лёгкие. Одна, покувыркавшись по бешеной траектории, пробила селезёнку. Молодой парень, всего двадцати трёх лет от роду понимал, что ему осталось от силы минуты полторы. Но он, хрипя и булькая пробитыми лёгкими, старался достать автомат, чтобы завалить медленно удаляющуюся фигуру прапора, убившего своих. Филиппов смог это сделать, из последних, быстро утекающих сил, нажав на курок. АКСУ гулко громыхнул в тесном коридоре, провонявшем порохом, прочертив поперёк широкой спины в изодранном форменном кителе алый росчерк. Семёнова кинуло на колени, он рыкнул, уперся ладонями в плитку пола и не упал...

Филиппов, теряя сознание и уходя в холодную темноту, озаряемую лишь багровыми стробоскопами, понял одно: прапорщик перестал быть человеком. И он хватал последние разрывающиеся мгновения, в которых видел и острые костистые шипы, торчащие через прорехи кителя, и на глазах затягиваемые отверстие от пуль, которые незадолго до этого сами вышли из ран, звякнув об пол. И когда Семёныч обернулся, мазнув по нему горящими внутренним красным огнём глазами и оскалив ставшие очень острыми зубы, он понял, что всё было зря. И что всё это сон, и надо проснуться. И умер.

Прапорщик, поморщившись от боли в затянувшихся дырках, одним прыжком оказался рядом с Филипповым. Ударил ногой, сильно и быстро, почти оторвав голову от тела. Добавил ещё несколько раз, вмяная кости лица, разбрызгивая кровавую слизь...

В дежурке лежал на топчане тот самый молодой лейтенант, про которого прапорщик совсем недавно вспоминал с внутренней насмешкой. В сознание он так и не пришёл, спеленатый поперёк груди бинтами, промокшими от крови. Прапорщик внимательно посмотрел на него, но не стал ничего делать. Пока летёха его не заинтересовал.

Найдя ключи от оружейки, халатно лежащие на столе дежурного, пошёл в её сторону. В груди бушевал адреналиновый пожар, заставляющий его чувствовать себя почти богом. А как же ещё?! Семёныч не знал, что с ним сделала та зелёная волна, но был благодарен ей за все-все подарки, которые она ему принесла. За выносливость, силу и то, что убергло его от неминуемой смерти от пуль.

Для того, чтобы попасть в комнату хранения оружия, нужно было пройти мимо «обезьянника». Первого и не очень большого, в котором чаще всего оказывались либо хулиганы, либо пьянчуги. Бомжей туда не помещали, чтобы не натаскать вшей. И вот возле него прапорщик задержался.

Трое парней в спортивном прикиде его не заинтересовали. Так же, как и парочка изрядно потрёпанных, но всё ещё аппетитных дамочек немного не-за сорок. А вот явная малолетка, с длинным рыжеватым хвостом волос, в короткой юбке, открывавшей ноги чуть не до аккуратной маленькой задницы, заставила его остановиться.

Семёныч облизнулся, ничуть не удивившись тому, что кончик языка, ставшего очень гибким, свободно прошёл по всей полосе кожи над верхней губой. Длинноногая «кобылка» вздрогнула, когда поняла, что он смотрит именно на неё, и постаралась отодвинуться подальше по нарам. При этом она старательно тянула юбку вниз, полагая, судя по всему, что тем самым спасёт себя от неизбежного. Прапорщик коротко гоготнул:

— Потерпи, мой вишнёвый пирожок, я скоро.

Девчонка всхлипнула, прижав длинные и узкие ладони к лицу, испуганно смотря на массивный силуэт, внимательно разглядывающий её через решётку. Семёныч довольно

мотнул головой и пошёл в КХО.

Валера осторожно крался через дворы. Да, ему хотелось добраться до дома как можно быстрее, но он уже понял, что делать это нужно очень аккуратно. Хватило...

Хватило того, что на открытой асфальтовой площадке перед школой, которую он огибал, когда только отошёл от трансформаторной будки, непонятная троица схватила женщину.

Да, он струсил, он, борец-профессионал, пускай и бывший. Не попытался помочь ей, несмотря на то, что её захлёбывающийся крик в какой-то момент стал просто диким воем, перешедшим в скуление. Потому что обычные люди не бывают такими изломанными, у них не святятся глаза как у кошек. У них, у обычных людей, руки никак не могут быть по длине равными ногам. И они не перемещаются скачками, и не выплёвывают из себя непонятные сгустки, которые мгновенно «склеили» конечности женщине. Что было дальше — видел только бюст негнибаемого Феликса Эдмундовича, который не сняли ни во времена разгула демократии, ни в более поздние времена. Потому что тренер бежал вперёд, стараясь быстрее пересечь сквер, через который необходимо было пройти.

Хватило вида нескольких быстрых четвероногих теней, которые с непонятными звуками (мяуканьем?!!!) загоняли двух мужчин, бежавших от них. Мужики так и не смогли убежать. Один-то точно. Его громкий, полный боли вопль, Валера услышал, уже выбегая из сквера.

Хватило того, что прямо перед ним распахнулась дверь подъезда, выпуская маленького, лет шести, мальчишку. Тот вышел в одной пижамке со спайдер-меном, глядя прямо перед собой громадными, на пол-лица, странно светящимися глазами без малейшего признака белка. Прошёл мимо, не глядя на тренера, подошёл к ограде поликлиники, лежавшей на его пути. Толстые металлические прутья, торчавшие прямо перед ним, почти мгновенно стали ярко-малинового цвета, зашипели и стекли вниз. А он, маленький, взъерошенный, шагнул в проём и пошёл куда-то вперёд.

Из-за этого-то всего Валера и крался вперёд, с трудом заставляя себя отлипнуть от стен низких, в два этажа, домов и выходить из тени. Ему везло, странно и непонятно, но везло. В городе происходило что-то страшное и непонятное, но пока оно касалось его лишь чуть-чуть, мазнув самым кончиком кисти, которую макнули в густую палитру из ужаса и боли. Да, и этого хватило, чтобы он не узнавал самого себя. Валеру трясла крупная, позорная дрожь.

А в домах... в домах кричали. В домах выли. Кое-где, судя по всему у тех, кто владел оружием, слышались выстрелы. На первом этаже одного с громким треском вылетела рама окна. Кто-то, судя по силуэту, мужчина, грузный и одышливо дышащий, выпрыгнул через него. Приземлился неловко, ударившись коленом о асфальт. Валера вжался в стену, желая так, как никогда не желал, чтобы его никто не заметил.

На мужчине была только белая, разодранная на спине футболки и широкие, явно дешёвые, семейные трусы. На ногах ничего, он был босой. На белом пятне футболки, трещавшей на широченной спине, расплывались бурые потёки. Как будто его ударила лапой кошка, только очень большая кошка. Было видно, в свете фонаря на козырьке подъездной двери, что на бледных, жирных и волосатых ногах запеклись струйки крови.

Мужик, встав с колен, рванул вперёд со скоростью, которую от него было очень трудно

ожидать. И тут Валера его узнал. Один из завучей «каблужи», отвечавший за воспитание воспитанников. То ли Бочонкин, то ли Корытов... И жил он вроде бы не здесь, хотя это к делу отношения не имело, но именно такая мысль мелькнула в голове тренера за считанные минуты.

А за выбитым тяжеленным педагогом окном что-то зашевелилось, и рывок жирдяя был прерван в самом его начале.

Из окна одним смазанным движением вылетело длинное обнажённое тело. Приземлилось на асфальт и в несколько шагов догнало завуча, скакнув ему на спину и заваливая набок. Мелькнула небольшая женская грудь, взвихрилась светлая грива волос, блеснули узкие щёлочки глаз и толстяк закричал...

Острые зубы мгновенно порвали заплывшую жиром шею, брызнули тёмные фонтанчики. Веером ударили очень длинные ногти на правой руке, разрывая кожу на качнувшемся мешке живота, вспарывая его, и Валера в очередной раз за последние полчаса рванул вперёд, чувствуя, как колотится в груди сердце.

Тренер бежал домой, в сторону ОВД, надеясь, что хотя бы там можно наткнуться на кого-то, кто сможет помочь в этом бардаке. По улицам пронеслись, завывая двигателями, несколько машин. Но среди них не было ни одной патрульной.

Он почти добрался до дома, когда услышал стрельбу со стороны «ментовки». Стреляли часто, и в несколько стволов. Причём, как одиночными, так и автоматическими выстрелами. Валера приостановился, прислушиваясь. И краем глаза увидел плотный клуб тумана, зеленоватого оттенка, который появился из-за угла дома, который тренер только что обогнул. Валера не стал дожидаться того момента, когда станет ясно — нормальный ли туман, или нет, и быстро заскочил в дверь подъезда, благо, что кодовый замок был механический и с простым кодом. Когда-то это очень его напрягало, но сейчас он был только рад этому.

Скачками поднялся по скрипучим, разохшимся ступеням, выкрашенным в когда-то ярко-оранжевый цвет. Открыл и верхний и нижний замок, влетел в квартиру, закрылся. «Наконец-то можно перевести дух спокойно, — мелькнула мысль, — добрался-таки». И тут тихо скрипнула половица в спальне под чьей-то ногой...

Он медленно протянул руку, открывая дверцу шкафчика, стоявшего в прихожке. Нащупал резиновую рукоять туристического топорика, который всегда лежал там, вместе с собранным рюкзаком для туристических походов. Вытянул его, снял чехольчик с хорошо заточенного острия. Оттуда же, с полки шкафчика, вытянул большой фонарь в защитном корпусе. «Есть батарейки, или нет?! — мысль лихорадочно колотилась внутри головы, — Ведь не помню...»

Странно, но куда-то исчез страх, который, казалось, полностью подчинил его себе. То ли домашние стены придали уверенности, то ли осознание того, что бежать больше некуда. Вероятнее всего и то, и другое. Но имелось ещё кое-что. Валера чётко понял, что из угла, в который он загнал сам себя шквальным ужасом, выхода нет. Кроме как через то, чтобы понять: кто здесь, и разобраться с кем-то ни было. Всё. Точка. Аллес, полный и безвыходный. Бежать некуда, за нами Москва... Скрипнула ещё одна половица. Он встал.

Дверь в спальню была открыта. Свет, неяркий, с зелёным оттенком, косо падал через окно на кухне. И он, этот свет, выхватил из темноты длинную, худощавую ногу, которая появилась первой. А потом, облитая им с ног до головы, одетая в разодранную почему-то кружевную «ночнушку», которую он же и подарил на день Валентина, в комнату шагнула

Ольга. Его Ольга, которой он так долго добивался и добился, наконец, под самый Новый Год. У неё были ключи от квартиры.

«Она просто решила устроить мне сюрприз, и пришла. — Мысль возникла сразу же, полная надежды и уверенности в том, что хотя бы что-то сегодня будет хорошо, — А я, дурак, перепугался. А сорочка порвалась...ну, может зацепилась за что? Точно, я ж там гардины поставил новые, вот и зацепилась». Рука с топориком уже пошла вниз:

— Олька?! Оль, ты бы знала, чего на улице творится. Я...Оля? Оля...?!!

Она сделала ещё один шаг вперёд. Странный. Мягкий, скользящий и...какой-то неуверенный. Валера утопил кнопку фонаря (остались батарейки, остались!!!) и направил не очень яркий свет на неё. Горло перехватило спазмом, в животе что-то резко ухнуло вниз, выбросив вверх мороз адреналина.

Тёмные, тёмные глаза, сжавшиеся в щёлочки. Зрачки, мгновенно заполнившие всю радужку. Чёрные полосы лопнувших сосудов под бледной, когда-то очень нежной кожей. Сейчас она казалась пористой и рыхлой, как домашний творог. Всё это Валера заметил за те несколько секунд, что она ему дала.

Ольга, растянув узкие губы в подобии ухмылки, блеснула полоской частокола из острейших зубов и сразу же метнулась к тренеру.

Кир перехватил протянутую к нему лапу резким, от самого себя не ожидаемым движением. Схватил, сжал в ладони, чувствуя со страхом, как неожиданно удлинились пальцы, охватывая широкое запястье орангутана. И хруст, хруст ломаемой им кости...

Обезьяна закричала, рванулась назад, пытаясь вырваться, задёргалась в цепкой хватке. Но зоотехник не выпустил её, наоборот. Чувствуя, как его наполняет пока неясная, но так чётко ощущаемая сила, он выбросил вперёд и левую, свободную руку. Схватил орангутана под горло, вцепившись в мягкую рыжую шерсть, подтянул к себе. Джим ещё раз коротко заверещал, а потом затих, не делая даже попытки сопротивления.

Кир, действуя по неясному наитию, воткнул взгляд прямо в его глаза. Старый самец совсем затих, не пытаясь больше вырваться. Мягкие шаги вокруг кровати тоже стихли. Зоотехник глянул вокруг. Обезьяны, скорее всего павианы, расселись рядком, точно ожидая дальнейшего действия. Оно и не замедлило появиться.

— Ты большой и сильный...

— Что?...

— Ты самый большой и сильный. Ты вожак?

— Кто ты? Кто?!.....Джим?!!!

— Ты вожак, ты сильный. Вокруг страшно. Ты вожак.

.....

— Да. Я вожак.

Кир отпустил Джима. Тот отпрянул в сторону, отодвинувшись в сторону двери, сел. Обхватил колени, прижал к груди сломанную лапу, начал раскачиваться и что-то бормотать, опустив морду вниз. Павианы заухали, прислушиваясь к его бормотанию. Зоотехник медленно вылез из-под кровати. Встал, растирая неожиданно затёкшие колени.

Оглянулся. Павианы, оскаливая пасти с длинными, в палец, не меньше, клыками, отодвинулись. Он покачал головой, пытаясь прийти в себя...

«Дела-а-а, ох и дела, Кир Кирыч. Ты то ли с крыши съехал после этого, что сотворилось, то ли спишь. Ну-ка, ущипни себя, да побольнее...опс. А больно. Неужели не сплю? Разговариваю мыслями с обезьяной. Крандец просто. А остальные мохнатые?...»

Он повернулся к одному из павианов. Внимательно присмотрелся, пытаясь того заставить поглядеть ему в глаза. Тот отвернулся в сторону, старательно глядя куда угодно, только не в глаза Кира. Заворчал, ещё больше оттопырив губы и демонстрируя пасть. Но зоотехник вошёл в раж, метнулся к нему, схватил прямо за вытянутую собачью морду, не обращая внимания на почти детское всхлипывание, развернул к себе, пристально всматриваясь в умные, такие же, как у человека, глаза...

Они вышли из вагончика через час. Человек, одетый в камуфлированный костюм, которые выдавали зоотехникам и стоя из нескольких обезьян. Направились в сторону директорской резиденции...

Женя Байсагин лежал на полу, хватаясь за левую сторону груди и жадно хватая ртом воздух. Его гражданская жена, а по совместительству и бухгалтер зооцирка, ревела в углу. На полу валялась пустая упаковка от нитроглицерина. Бухнула дверь.

— Крандец... — Кир внимательно посмотрел на директора, который, судя по всему, не смог из-за сердца перенести всю эту галиматью вокруг. — Вот не думал, что у него сердце слабое. Давно лежит?

— Нет... — женщина всхлипнула, тряхнув светлыми прядями на голове. — Минут двадцать. Только какая разница? Телефон не работает. Мобильник вырубился. Творится что-то непонятное...а я даже не знаю, есть в этой дыре скорая, или нет.

— Это точно. — Кир присел рядом с ней. Протянул руку к Байсагину, доставая из нагрудного кармана пачку «Парламента». Задымил, довольно улыбаясь. — Да и ладно, а? Тут такое творится...

— Да ты про что говоришь-то, а? — Женский голос резко скакнул вверх. — Это твой директор, дебил!

Данг!!! Звук пощёчины прозвучал резко и громко. Она схватилась за щёку, выпучив на него красивые, слегка водянистые, голубые глаза. Он покачал у неё перед носом пальцем, потом поднёс его к её губам. Повернулся в сторону двери, внимательно посмотрел. В дверь скользнули несколько подвижных фигур.

Женщина вскрикнула, еле успев зажать рот. Вторая пощёчина пришлась туда же, где краснел первый отпечаток:

— Рот закрой, сучка крашенная. — Кир улыбнулся. — Смотри внимательно.

Он повернулся к обезьянам, чуть наклонил голову набок. Губы беззвучно что-то прошептали. Большой павиан немедленно вцепился лапой в ногу Женечки, повернулся к остальным, рыкнул. Несколько обезьяних конечностей, лохматых, с длинными, сильными пальцами тут же последовали его примеру. Тело еле трепыхающегося директора медленно потащили за дверь, сбросив со ступенек. Вожак павианов, перед тем, как скользнуть на улицу повернулся. Ожидаяще уставился на Кира. Тот согласно кивнул головой. Через несколько секунд оттуда, из рассветной мглы, донеслось сдавленное всхрипывание Байсагина, перешедшее в стон. Чуть позже раздались чавкающие звуки.

Женщина затряслась, мгновенно побледнев и прижав ко рту кулаки. Безумно взглянула на зоотехника. Бывшего зоотехника.

Тот улыбнулся, продемонстрировав бухгалтеру ослепительно белозубую улыбку. Она всхлипнула. Кир шагнул к ней, схватил за волосы и потащил в угол, к столу, прикрученному

к полу болтами.

— Ты теперь будешь делать всё, что я скажу. Поняла, тварь? — Удар по затылку.

— Да...только...пожалуйста, только не...

— Пока не отдам. Если будешь хорошей девочкой. Раздевайся...

Она быстро, трясущимся пальцами, дёрнула застёжку молнии платья, которое было ей чуть мало. Сняла, скомкала и бросила в угол. Расстегнула застёжку бюстгалтера, стыдливо прикрыв локтём мягкую, полную грудь.

— Какие мы скромные... — Кир шагнул ближе. Схватил за длинные густые волосы, разворачивая к себе спиной. Она вскрикнула, несильно, по-детски обиженно.

Он быстро сорвал с неё стринги, так нелепо смотревшиеся на её слишком полном заду. Толкнул вперёд, заставляя упереться животом и руками о крышку стола. Встал сзади, расстёгивая ширинку.

Кир не был злым человеком. Никогда не хотел её, бывшую сейчас такой жалкой и испуганной, лихорадочно цеплявшейся за любой момент, державший её в прошлой, нормальной жизни. Она не поняла, что всё ушло, и больше не вернётся. Никогда до этого момента добрый и покладистый, всегда смущающийся зоотехник не подумал бы о том, что сможет взять её так, на письменном столе её бывшего мужчины. Никогда. До Волны.

Он так и не понял, что заставляло его делать всё это. Тот Кир, который был совсем недавно, пропал, укрылся, убежал, растворился в тёмной стороне Силы, сейчас полностью владевшей Киrom-новым.

И он взял её, жестоко и жёстко. Ей было больно, но она терпела, надеясь на то, что этим всё закончится. Она ошибалась.

Когда по её ногам побежали вниз горячие и ленивые капли, и женщина, всхлипнув, подумала о том, что на какое-то время её оставят в покое — Кир свернул ей шею. Резким и мгновенным движением. Она умерла быстро, так и не успев ничего понять. Что, может быть, было и к лучшему.

За дверью, озираясь на лениво заползающие в зооцирк клубы зеленоватого тумана, торопливо, чавкая и дерясь, павианы доедали его бывшего директора.

Александр Анатольевич сидел на подоконнике, тщательно задвинув занавески и внимательно глядя вниз, во двор. Во дворе постоянно проходило что-то, что никак не укладывалось в рамки его восприятия.

То, что семья Чолокянов из соседнего подъезда мгновенно упихавшись в высокий «Санта-Фе 2» уехала куда-то с тремя сумками — было нормально. Ненормально было то, что через какое-то время из их подъезда, покачиваясь, вышла старая бабка из их квартиры.

Она приходилась хозяину, Саркису, какой-то дальней родственницей. И, насколько помнил врач, последние года два лежала пластом, полностью парализованная. В чудесные излечения Александр Анатольевич не верил, вплоть до сегодняшнего дня, вернее ночи. И, как ему показалось, причина такого медицинского казуса теперь была ему абсолютно ясна. Но легче от этого не становилось.

Старуха постояла на крыльце, поворочала головой, делая такие движения, которые у собак означают только то, что они принимают. Шагнула во двор и скрылась в темноте. Паталогоанатома передёрнуло от одной только мысли о том, что она теперь будет

выискивать любую добычу. Как-то не верилось ему, что неожиданно вставшая на ноги в эту ночь бабка пойдёт искать шоколадку «Альпен Голд». Ну, или там «Нестле».

Потом во двор заскочил какой-то растрёпанный парень. Совсем молодой, как показалось ему с подоконника. Один из тех странных ребят, которые одевали розовое и чёрное, отращивали смешные длинные чёлки и носили кеды с черепами. Как их там? Эмо?

Парнишка метнулся к дверям дома, пытаясь попасть в подъезд, но все были закрыты. Дверь за бабкой Саркиса захлопнулась сама, из-за доводчика. Эмо-бой заметался, пытаясь выбраться из капкана, которым оказался двор. А так оно и было. Дом стоял буквой «Г», с открытой стороны у него была стена из бетонных блоков, закрывающая территорию автобазы. Назад парнишка не шёл. Судя по всему — именно этого ему не хотелось больше всего. А потом во двор зашли ещё двое таких же, как он, только явно девушек. У одной это самое «явно» настолько сильно оттопыривало тесную толстовку в клетку, что было заметно даже в окно, и в темноте.

Парень закричал, метнулся в самый дальний угол, стуча по окнам первого этажа, смешно подпрыгивая. Девушки мерно и спокойно двигались в его сторону. Александр Анатольевич даже приоткрыл форточку, чтобы послушать то, что происходило внизу. По непонятной причине это стало доставлять ему какое-то извращённое удовольствие.

— Лена, Саша!!! Да вы что, девчонки, да вы что!!!! Что с вами такое?!!! Не над-а-а-а! Пожалуйста, не надо!!! Не надо-о-о...а-а-а-А!!!!

Дальше смотреть было неинтересно. Это он уже недавно видел.

На столе в кухне, на подоконнике которой он сидел, валялось несколько пластиковых тюбиков. Промедол, который он давно стащил со склада горбольницы. Зачем? Тогда Александр Анатольевич не смог бы этого объяснить. Сейчас они пришлось как нельзя кстати. Именно из-за них он и сидел на подоконнике, глупо хихикая в то время, когда внизу, жадно чавкали и порывивали друг на друга.

Ему было страшно. Ещё совсем недавно. Сейчас же наконец-то стало хорошо и легко. И даже то, что в организме уже происходили изменения, не пугало его. Хотя именно это вогнало его в состояние дикого, первобытного ужаса. Именно это, а не жуткая смерть Риты, и то, что происходило на улице.

Когда прибежав домой он долго тёр руки мылом и жёсткой щёткой, пытаясь отскрести от них, чего не было, ЭТО появилось в первый раз.

Крупный желвак скользнул под кожей, которая стала неестественно желтоватого оттенка. Скользнул по внешней стороне ладони, возникнув между пальцев, и спрятался в запястье. Спустя несколько минут, когда Александр Анатольевич стоял голышом перед зеркалом, они бегали уже по всему телу.

Потом на шее и плечах стали появляться крупные пятна, которые превратились в бляшки, густо усеявшие его по бокам, верхней части груди, спине и бёдрам. К исходу того часа, который был первым с момента бегства, активная часть перестройки организма патологоанатома почти закончилась. Во всяком случае — внешне ничего не было заметно.

Именно после этого он достал из шкафа стальную коробку с замками, извлёк из неё промедол и вколол укол. Пока один. И его хватило.

К тому моменту, когда начало светать, весь двор густо закрыл зеленоватый туман. Что он делает, Александр Анатольевич уже видел. Семья из троих человек пыталась выбраться из двора. Выбраться они не смогли...

Когда небо наконец-то слегка очистилось и стали видны тускнеющие звёзды, врач

решился. Медленно ввёл себе ещё один укол. Открыл окно, примерился, и прыгнул на остро срезанные трубы, ограждающие небольшой палисадник...

Взгляд вперед-3

Дата: 12.09.202..

Время: 13.09–45.

Вход: http://www.kill_joy_city.com

Пользователь: Ухарь/ link 233_345/

Файл: Район/История/Изменённые объекты.

Создатель: Bravo_14/83//Ариец

Доступ: полный. Слежение: основной сервер ГУ ФСБ ПУрО РФ.

Информация: загружена. Вывод изображения на монитор.

Камера наводится прямо на лицо широкоплечего, явно не молодого мужчины, с наголо выбритой головой. С левой стороны чётко виднеется тату с катящимся восьмиконечным косым крестом. Мужчина чуть напряжён, как бывает у людей, никогда прежде не снимавшихся. Оператор понимает это, и отъезжает чуть в сторону, наводя объектив на интерьер большого помещения, в котором производится съёмка.

На стене, за спиной человека, висят несколько флагом. Камера быстро отъезжает в сторону, стараясь не зацепляться за них, но, тем не менее, глаза зрителя успевают заметить чёрно-золотисто-белое полотнище «имперки», чёрно-красный стяг с атакующим кречетом и красно-белый флаг с чёрным пауком свастики.

Оператор, понимая ошибку, старательно начинает фиксировать ряд клеток с их обитателями, издающими рык, попеременно с воем. Широкоплечий лысый мужчина с татуировкой подходит к ним, тщательно стараясь поменьше светить татуировку:

— Итак, курсанты-рейдеры, я начну наш вводный краткий курс по выживанию в Районе. Слушать необходимо внимательно, так как сейчас вам будут продемонстрированы основные виды хищных Изменённых, которых вам необходимо опасаться. И запомните, что Район смертельно опасен даже тогда, когда вокруг тишина и нет никакого движения.

Оператор нажимает на кнопку отключения камеры, не замечая, что она продолжает работать, уткнувшись в пол:

— Нормально, Саи. У тебя прям как на ТВ получается.

— Да ну ты нах, Серый. — Глуховатый голос мужчины с татуировкой. — Давай уже быстрее всё сделаем, и пойду я. Жрать хочу, не могу. Только с утра с рейда пришёл.

— Как сходили?

— Да нормально. Зажали у «девятки» пятерых уродов, трое мужиков и двоих баб.

— Молодцы. Спалили?

— Ага. Провонял весь, насквозь. Давай, начинай снимать...

На мониторе вспыхивает надпись:

Не человекоподобные (не-антропоморфные) Изменённые (уровень опасности — 1):

На экран выводится врезка: крупная тварь, горбатая, похожая на гиену, с тремя головами. Монстр ревёт, поводя по сторонам пастьями, истекающими вязкой блестящей слюной.

Чуть позже вступает лысый Саи...

Церберы: *крупные млекопитающие, бывшие Canis vulgaris. Четвероногие хищники.*

Ареал обитания: вся территория Района, за исключением Очистных... Нда. Короче, пацаны, раз уж вам смотреть эту лабуду, умничать больше даже и пытаться не буду. Чё касается церберов, то церберы они есть: здоровые изменённые двортерьеры с двумя, а иногда и тремя башками. Опасны очень и очень.

Следующая вставка: чуть меньше, чем предыдущая, четвероногая скотина. Под впалым животом виднеются ещё несколько конечностей, аккуратно сложенных.

Орфо-псы : такие же, как и церберы, собакоподобные паскуды. Основное отличие — две пары глаз и неограниченное количество конечностей, причём некоторые из них — позволяют отдельным орфам даже забираться на деревья и здания

В этот раз камера находится на плече или шлеме (вероятнее всего именно шлеме), и фиксирует длинную улицу дачного посёлка. Съёмка откуда-то сверху. Внизу, под оператором, мечутся серые хищники, не очень похожие на санитаров леса (во всяком случае — на первый взгляд). Иногда они смазываются в еле заметные полосы, потом вновь останавливаются, поднимая головы вверх и рыча.

Туманные волки : изменённые млекопитающие эндемичной фауны Района. Также, кроме них, в создании данного вида небольшое участие приняли звери, сбежавшие из того самого треклятого зоопарка на колёсах. А среди них были куда как более крупные, чем местное зверьё, экземпляры. Мерзопакостные тварюги, которые спокойно могут размываться в еле заметную полосу прямо перед твоим носом. Охотятся только стаями.

Камера наводится на какой-то взгорок. На нём одинокий, очень большой хищник, похожий одновременно и на тигра, и на льва, с густой, торчащей острыми концами, гривой. Тварь густо серого цвета, с редкими белёсыми проплешинами.

Серые львы : эти всё оттуда же, свалившиеся на наши, бедные рейдерские головы прямоком с зооцирка. Первое поколение крупных кошек, появившееся уже на следующий год после Волны. Одни из самых опасных неразумных обитателей Района. Длина тела, в среднем, от полутора до двух метров. Высота в холке — до одного метра.

В объективе клетка. В клетке, вереща и кидаясь на прутья, мечется нечто, одновременно похожее и на павиана-переростка и на большого шимпанзе.

Резусы : обезьяны (павианы, шимпанзе, макаки и прочие). Если бы на момент Волны в городе не остановился зооцирк, то такое попадалово точно прошло бы мимо. А теперь, как не крути, стоит учитывать фактор этих братьев наших меньших. Зубастых, нахальны, и очень опасных. На данный момент Район населяет уже какое-то по счёту поколение этих уродцев, у которых практически не осталось первичных признаков.

Ещё одна врезка с камеры, вмонтированной в чей-то шлем. Только при этом владелец шлема явно мёртв. Во всяком случае, живой рейдер точно давно бы расстрелял несколько небольших существ, с длинными верхними и нижними лапами, в текущий момент съёмки жадно глодавшими левую руку.

Стиго-лемуры : дальнейший этап развития резусов, в какой-то момент, судя по всему, скрещённых с гоблиноидами (смотри далее). Небольшие, особо агрессивные создания, живущие стаями. Высокий уровень интеллекта абсолютно чётко отличает их от прочих неантропоморфных созданий Района. За исключением баньши (недоказанно).

Крупным планом лицо татуированного Александра. Глаза внимательные, нет ничего, чтобы заставило подумать о том, что он будет шутить.

Полевики : потомство (прошу не ржать, товарищи курсанты) обычных ежей, подвергнувшихся Изменению. В связи с тем, что данные животные всеядны, после

произошедших мутаций, стали представлять из себя чётко выраженную опасность для людей.

Съёмка, на которой видно несколько катящихся серых шаров, утыканных чёрными иглами. Мимо пробегает один из церберов. В какой-то момент пёс понимает, что шары подкатились слишком близко и делает попытку удрать. Шары пресекают её сразу, мгновенно прыжками передвигаясь ближе к нему, и выстреливая в его сторону удлинившиеся иглы. Пёс скрывается под серыми, оцетинившимися иглами шарами.

На экране вновь появляется надпись:

Человекоподобные (антропоморфные) Изменённые высокого уровня опасности:

На экране мелькают улица, невысокие дома, разросшиеся кусты по краям растрескавшегося асфальта тротуара. Неожиданно асфальт становится ближе одним движением, как будто бегуна кто-то толкает в спину. Через микрофон доносится сдавленный крик того, кому принадлежал шлем. Но он быстро прекращается. Потом тело переворачивают, одним сильным рывком. В объектив попадает человек, одетый в какую-то рванину, с бледной, синюшной и пористой кожей. Глаза большие и чёрные, кажется совсем без белков. Подбородок вымазан в крови, острые и большие зубы блестят...

Изменённый не-мёртвый (зомби): человек, погибший либо во время Волны, либо незадолго до неё. Во время основного прохождения многие жители Района скончались от острой сердечной недостаточности, либо от обширного кровоизлияния в мозг. Они-то и стали основными ходячими угрозами для тех, кто проникал в город в самом начале. Также как и для тех Изменённых, которых впоследствии стали называть «местными».

В объектив попадает человек, выглядящий вполне нормально. Одет в старую, но добротную джинсовую куртку и камуфлированные брюки, заправленные в высокие, офицерские сапоги. На плече — автоматический дробовик, на поясе — кобура с револьвером. Руки у мужчины разнопалые. На правой ладони их целых шесть. На левой всего три, толстых и явно сросшихся. Кожа толстая даже на вид, покрытая какими-то наростами, бородавками и крупными, волосатыми родинками. Лицо закрыто чёрной банданой с тремя языками пламени. Глаза, смотрящие в камеру из-под козырька бейсболки — обычные, человеческие, карие и добродушные.

Изменённый живой («местный»): житель Радостного, не погибший и не мутировавший полностью во время Волны. Большая часть «местных» не были подвергнуты зачисткам и ликвидации, кроме пытавшихся нарушить карантин и оказывавших сопротивление при Регистрации. Значительное количество «местных» оказывает полное содействие администрации карантинной полосы. Отношение к рейдерам — различное. Довольно часты объединения жителей Радостного в различные группировки, по территориальному, либо родственному признакам. Наличие оружия контролируется силовой группировкой. Ну, это вопрос куда как спорный, на самом деле. Да и ладно. Хочется силовикам думать, что они контролируют несколько тысяч живых в городе — пусть считают.

Камера наведена на лежащее поперёк большого куска брезента вытянутое коричнево-зелёное тело. Оно очень худое, с торчащими костями. Как ни странно — верхних конечностей ровно четыре, с длинными суставчатыми пальцами. Когти, острые и чёрные, украшают пальцы и рук и ног.

Кикимора (полностью Изменённый): человек, чьи изменения на молекулярном уровне позволили ему жить в наиболее агрессивной среде некоторых территорий Района.

Основной ареал обитания: Дельта и Топь. Эта мразота по отношению к людям не просто агрессивна. Кикиморы просто ненавидят и рейдеров, и «местных».

Саша вновь оказался в объективе:

— На данный момент, к сожалению, мы не обладаем необходимой визуальной информацией по многим Изменённым. Так что, курсанты, разбираться с такими объектами, как вурдалаки и големы, вам придётся самим. Не говоря про смока или гиперурсусов. Все контакты с данными тварями, как правило, кратковременные. Чаще всего заканчиваются гибелью рейдеров...

Он замолчал. Булькнул водой, наливаемой в эмалированную кружку. Отпил и продолжил:

— Такие твари как сфинкс и баньши — по большей части являются байками. Но, опять же, никто и не доказал, что их нет, нах... Факт, что иногда рейдеры погибают очень странно, успев отправить что-то, и даже успев заснять какое-то движение. Но...никто и никогда, до сих пор, не притащил из Района хотя бы кусок от этих монстров.

И ещё есть Дельта и Топь. Там живности столько, что от неё может прийти в восторг любая кунсткамера. Оттуда тоже, приходят по радио ОБС, всякие сказки. Воп пиявки в руку длиной там точно есть. Сам сталкивался.

Что касается местных, курсанты, то тут дело х-м-м-м...сложное. Изменённые они и есть изменённые. Мы, например, их не признаём за людей. В отличие от тех же рейдеров-поисковиков. У них, местных, тоже есть такие, которые, в свою очередь, не признают нас.

«Новые пуритане»... — Мужчина скрипнул зубами. — Сраные выродки. Они таскают наших баб из тех пунктов, что рядом с Районом. А власти этого не признают, но мы знаем. Мы знаем про это. И когда-нибудь уничтожим уродов, раз и навсегда...

Они как опухоль, эти Изменённые, как метастазы, которые пытаются проникнуть везде. И власти не понимают, что их не сдержать просто заградительными полосами. Их надо уничтожать, всех до единого, и только тогда....возможно, мы сможем остановить эту заразу.

Камера медленно отъехала от покрасневшего лица, с глазами, которые мгновенно налились кровью. Район — место большой беды. Район — это война...

Внутри здания был ремонт. Как ни странно это звучало, но он именно был. Стены были тщательно побелены. На полах лежала хоть и не новая, но зато целая керамогранитная плитка. Её Кефиру долго откалывали и привозили местные. Расплатился он за неё щедро. Лестница, по которой мы поднимались, тоже была отремонтирована. Перила заварены и покрашены зелёной краской.

На площадке между этажами, за мешками с песком сидел Будда. Третий глаз он старательно прятал под повязкой, украшенной силуэтами канабиса. На столе, за которым он сидел, покоился такой же современный «Печенег», как и у Большого. Будда любил мощные пушки. В прошлом месяце мы продали ему совершенно «нулёвый» маузер-девятку, который попал нам в руки после небольшого грабежа Росрезерва. Мы там вообще нашли много интересного, но это так, к слову.

— Здорова, раста... — Большой подмигнул Изменённому. — Как оно ничего и бодрость духа, например?

— Симметрично, как же ещё... — глубокомысленно изрёк трёхглазый.

— Чему симметрично? — Наш пулемётчик заинтересованно остановился. — Э?..

— Твоему хорошему настроению и доброму здравью, брат. — Будда осклабился. То же мне, зрелище. Дантистов в городе не осталось, к сожалению. — К Кефиру, полагаю?

— Нет, блин, к ряженке. — Скопа щёлкнула зажигалкой. — У себя?

— У себя, конечно. — Будда тоже задымил, мгновенно наполнив тесную лестничную клетку сладковатым дымком. — Только надо мне вас к нему пропускать, красавица?

— Эй, поклонник Анки-пулемётчицы... — Большой нехорошо улыбнулся. — Хорош звездеть-то. Не выпался, или трава палёная попалась? Хорош выпендриваться...

— А я и не выпендриваюсь, Большой. — Будда нахмурился. — Вы проходите, хоть шеф и не в духе. А эти ваши, которые внизу топчутся, пускай в бар идут. Стриптиз сегодня. Даже днём.

Нда... в принципе он прав. Нечего туристам делать у местного босса, тут только наши дела. В баре перетопчутся, ничего страшного. Особенно если проинструктировать:

— Так, молодцы... остаётесь здесь. Вас проводят в бар. Ведите себя тихо и спокойно, местных лучше не задирайте. Будут предлагать «горючку» — пейте. Предложат дурман-траву или молочайку... я бы не стал. Откачивать вас потом буду только за отдельную плату. Всё понятно?

— Какого хрена, Пикассо? — Старший из туристов, Коля, шагнул вперёд. — Что мы в этом баре забыли? Какой стриптиз, чего вы тут несёте? Я на сиськи голые с жопами и дома посмотрю. Да даже и бесплатно...

Я хмыкнул, поинтересовался у Будды:

— Кто выступает-то днём?

— Гадюка и Кали...

Большой понимающе качнул головой. Ну, вполне его понимаю. После этих девушек туристы явно останутся довольны:

— Да вам повезло, орлы, поверьте, что так оно и есть. Не пожалеете, эт точно...

— Ну, смотри. — Николай недоверчиво зыркнул на меня. — Если говно какое подсутили, так вычтем из премиальных, которых вы ещё не отработали...

Большой успел перехватить Скопу, которая уже шагнула к ним. Туристы видно поняли, что их старший сморозил чушь, и торопливо кинулись извиняться. Появившийся из подсобки Клёш проводил их в бар, ну а мы пошли к Кефиру.

К слову, посмотреть туристам будет на что, на самом деле. Во всяком случае, нигде больше я не видел женщин с двумя парами рук и груди. Характер, правда, у неё был не то, что не сахар... ужасный был характер, кровожадный даже. Соответственно становилось понятно, за что девушку и прозвали Кали.

Её товарка тоже была созданием удивительным. Прозвали её Гадюкой за особенности кожного покрова, змеиные зрачки и раздвоенный язык. Были среди рейдеров парни, которые, поговаривают, уединялись с ней в отдельном кабинете. Но ведь чего только не будут болтать, так ведь?

Тем временем мои напарники уже дотопали по мягкой ковровой дорожке до двери необходимого помещения. Дверь была солидная, стальная, добротнo утопленная на штырях в стены. Странно, конечно, что Кефир решил сделать свой офис на втором этаже, непрактично. Ведь уйти с первого через подвал — куда как удобнее. А в Районе иметь запасной выход необходимо. Хотя... не зря он сделал, ох не зря. Раз уж столько лет прожил здесь, то явно всё просчитал.

Большой постучался кончиками пальцев, очень аккуратно. Дождался приглашения и

открыл дверь, заходя. Мы со Скопой вошли следом.

Хозяин кабинета ни капельки не изменился со времени нашего последнего визита. Всё такой же невысокий (странно, да?), пухленький и какой-то кривоватый. Во всяком случае, лицо у него явно перекашивало в правую сторону. Глядя на него, такого смешного, даже и не верилось, что этот маленький Изменённый ворочает куда как большими деньгами.

— Здорово, бродяги. — Кефирчик махнул рукой. Чиркнул большой каминной спичкой, прикуривая толстую сигару, пригласил присесть. — Как добрались?

— Да нормально добрались. — Я плюхнулся в большое мягкое кресло. — Спокойно. И тебе не хворать.

Ребята тоже поздоровались, рассаживаясь. И откуда он умудрился притащить эти дорожные мебельные изделия, вот что меня всегда интересовало. То ли из загашников бывшей администрации Радостного, то ли под заказ, за бешеные деньги с Большой земли.

— Ну, ну. — Хозяин хохотнул, открывая дверцу бара, извлекая пузатую бутылку из тёмного стекла. — То-то так грохотало за Гаражами. Не в курсе, кто там с граников-то шмалял?

— Неа. — Большой абсолютно спокойно потягивал предложенный коньяк из толстостенного стакана. — Может, кто решил ворон погонять? Из огородников тамошних?

— Ох, Большой, Большой... — Кефир закатился в приступе беззвучного хохота. — Ну как скажешь, так скажешь. Как в лужу, да? А ничего после этого вороньего распугивания мне, лично, плохого не светит?

— Ну, — Скопа, подумав, решила вступить в разговор — передавало тут радио ОБС кое-что...

— И чего ж оно передавало? — Изменённый чуть наклонился вперёд, всем видом доказывая факт внимательного прослушивания того, о чём будет вещать наша снайпер. — А? Говори, красавица, не стыдись. Дядя Кефир очень любопытный.

— Возможно, что большой смок некоторое время будет лечиться. Осколками, говорят, его зацепило. Когда он на ворон тех охотился. А вот когда он в себя придёт — так точно будет страх какой злюшший и голодный. Аки тысяча чертей...

— Я бы даже сказал как две тысячи... — Коньяк был хорош, ничего не скажешь. Только за это можно было не вилять хвостом и дать дельный совет. — Так что, сам понимаешь, что и к чему.

— Понял... — Кефир откинулся на спинку кресла. Почесал в затылке, глотнул из стакана и глубоко затянулся. — Хоть на том спасибо. Ну, ладно. Дело пытаете, добры молодцы и девица рейдеры, аль от дела лытаете?

Мы переглянулись.

— Пытаем, о великая баба-яга мужеского пола. — Видно коньяк подействовал, раз я решил продолжить в былинно-посконном тоне. — Поможешь?

— Так, смотря, что за дело, да? — Толстячок, в кресле напротив, улыбнулся, мысленно готовясь включить калькулятор.

— Да какое у нас, рейдеров, дело-то может быть. Так... дельце даже, а ни дело.

— Ну, давай, красный молодец, свет Пикассович, вещай... уже, только экстрактно и по сути. — Кефир ещё раз гоготнул, прикидываясь персонажем районно-народной сказки. Лишь бы ни о Колобке, которого, в конце концов, прихавали всякие мутанты. Ой и скучно ему тут, ой и скучно. Дурачится вон, как пацан малолетний.

— Туристы у нас, Сметаныч. — Дурачиться больше не хотелось. — Важные и

денежные.

— Угу... — Хозяин кабинета покрутил волосатыми пухлыми пальцами. — Про туристов в курсе. То, что денежные — хорошо. Чем смогу помочь, да так, чтобы ещё и заработать?

— Эти дауны изволят хотеть поохотиться. Причём по-взрослому. — Зубы Скопы с хрустом откусили кусок яблока, которое она взяла из вазы. Яблоко было не местное, это точно. — Хотят бить в глаз дикого голема. Вот. Есть такой на примете?

— Да уж... — Кефир пробарабанил пальцами причудливый ритм. — Однако действительно серьёзные дядьки. А чего так приспичило-то?

— А кто ж их даунов залётных-то поймёт? — Большой поморщился. — Не, ну мы конечно думали, что поболтать их вдоль Черты, умучать как следует. А оно, слышь чего, никак не получается. Упорные они, понимаешь, как Гус Иваныч Хиддинк после Европы восьмого года.

— Кто?.. — Скопа ошарашено покосилась на нашего пулемётчика. — Какой гусь, а?!
Большой только отмахнулся от неё. Немудрено, что она не в курсе, сколько ей лет-то тогда было?

— Ну, раз, говорите, они упрямые, то тогда ладно. — Изменённый щёлкнул клавишей компьютера, одновременно включив большой плазменный экран на стене. Вот скажите мне, как можно говорить о честности администрации и силовиков, если этот телевизор (одна из последних моделей, кстати) висит на этой самой стене? Явно ведь его привезли через Станцию, где у силовиков стоит постоянный гарнизон. И потом уже доставили сюда, как ещё-то?!!

Между тем Кефир вывел на экран карту Радостного. И карта была куда как интереснее той, что забита в моём навигаторе. Во всяком случае, некоторые из значков, постоянно передвигавшихся по ней, точно показывали местонахождение отрядов разных группировок. Как внешних, так и внутренних.

— Вот... — Хозяин ткнул линейкой в самый конец улицы Орлова. — Вот здесь заброшенный и недостроенный посёлок. Рядом — котельная...

— Та самая? — Ой, и доходили до меня слухи по поводу той самой котельной...

— Наверное, не знаю уж, та или нет, но големы в количестве трёх штук вышли оттуда аккурат за последние две недели. И один, вроде бы, сейчас обретается в посёлке. Средний такой голем...

Лучше и не скажешь...средний голем. Раз средний, то это значит, что у него явно нет габаритов и вооружения как у Абрамса, к примеру. Легче, правда, от этого явно никому не становится. Навеняка, что в посёлке обретается охрененно злая механизировано-живая оглобля около двух метров ростом, как минимум. Что у него из механизмов можно использовать в качестве оружия — вопрос второй. Любой голем потенциально опасен и сам по себе, даже если в состав его оснащения входят только совок для мусора и пылесос.

А вот инфа про котельную — это тема. Разведка силовиков не всегда владеет той информацией, что местные сливают нам, рейдерам. И раз про неё до сих пор чётко ничего на Большой земле неизвестно, то значит, что Кефир-то точно эти данные пока не продал. И хочет, чтобы мы занялись и проверкой и доставкой по назначению. А кто-то против? Такой прогиб всегда кстати. У нашей группы уже есть пара «залётов», хотя бы один искупим, так сказать. Эх, если бы не туристы, так вообще замечательно бы всё вышло. Ну...уж как есть, так есть, посмотрим...

Глава четвёртая: утро — определения

Егерь сидел, внимательно смотря через лобовое стекло прямо перед собой. Рядом, вцепившись пальцами в колени, сидела Наталья. Глаза обоих уставились в одну и ту же точку, находящуюся в десятке метров от них.

Мужская рука тихо-тихо опустилась вниз, между сиденьями и потянула на себя карабин. Левая перехватила его за цевьё, приподнимая вверх. Правая, отпустив ствол, скользнула к ложу, палец лёг на курок. Всё также тихо, стараясь не звякнуть хомутом ремня о ручку коробки передач. Одинокая капля пота медленно прокатилась вниз, скользнув по уже ставшей морщинистой щеке совсем ещё нестарого мужчины. Щека чуть дёрнулась, но Егерь даже не подумал смахнуть каплю, стараясь не шевелиться.

Прямо перед автомобилем, стоявшим на повороте дороги с выключенными фарами, хлеща себя хвостом по бокам, стоял лев. Или существо, похожее на льва. Почти двухметровое серое тело, покрытое тёмными, кажущимися какими-то подвижными пятнами. Густая грива, похожая на проволоку с острыми концами, торчала во все стороны. Чуть отсвечивающие голубоватым светом глаза смотрели прямо на застывшую коробку машины и тех, кто сидел в ней. Широкие столбы лап изредка подёргивались, вырывая чётными когтями куски асфальта.

Когда зверюга выскочила сбоку, метнувшись в свете фар, Егерь автоматически ударил по тормозам. Крепко встав на все четыре лапы, тварь подняла вверх фонтаны асфальтной крошки, заставив его оторопеть. И сейчас в голове мужчины крутилось сразу несколько мыслей, касающихся дальнейших действий. Этот самый асфальт, который странный «лев» крошил играючи, заставлял насторожиться. Если когти так легко справляются с дорожным покрытием, то стоит предположить, что лобовое стекло зверь выбьет ещё более легко. И сможет ли остановить его пуля СКС — тоже ещё тот вопрос...

Сзади нарастал густой и басовитый звук двигателя. Тварь настороженно прикинула к асфальту, чуть рыкнув и прижав уши. Блеснули зубы в приоткрытой пасти. Егерь покосился в зеркало. Да, так и есть. Прямо к ним приближались огни, судя по звуку, джип. Да, точно, хоть свет и слепил, но было видно высокий силуэт. Вероятнее всего какой-то паркетник, типа «Санта-Фе». Нагруженный, вон как висится багажник. Егерь осторожно моргнул габаритами, ещё и ещё, пытаясь предупредить людей.

Тварь рыкнула и, растекаясь, расплываясь в стремительном движении, пулей полетела вперёд, прямо навстречу автомобилю. Егерь выматерился, понимая, что ничем не смог помочь тем, позади...

Скрип тормозов и громкий хруст пробиваемой тяжёлым телом «лобовухи». Джип пролетел мимо, сходя с полотна дороги, устремляясь к обочине. В окне мелькнуло несколько бледных пятен с тёмными провалами кричащих ртов. И ещё там была непонятно как уместившаяся серая с чёрными подпалинами тварь. Машина ушла под откос, завалилась набок и ушла в недалёкий полёт, закончившийся скрежетом металла и ударом. Она перевернулась, тяжело оседая на покорёженные мосты. Плеснул изнутри придушённый крик и всё. Тишина.

Егерь не стал тратить времени на осмотр, провернул ключ и рванул «Ниву» с места, выворачивая её в поворот. Несколько раз оглянулся в зеркало, пытаясь выглядеть размазанную фигуру «льва», но ничего не увидел.

— Что это было, что это было... Господи боже, что происходит, скажи мне, пожалуйста? — Наталья повернулась к Егерю, блестя мокрыми глазами.

Да уж, как будто он и впрямь Господь-вседержитель...

— Не знаю. — Егерь выудил из-под сиденья бутылку с водой, протянул жене. — Открой, пожалуйста.

— Что?

— Бутылку открой, Наташ, я веду машину, и открыть не смогу.

— Какую бутылку?!! Что это было там, на дороге?!!

Егерь притормозил, мягко и плавно. Открутил крышку, плотнул, чувствуя, как становится легче. Сколько раз приходилось вот также, после боя, глотать воду, возвращаясь к жизни. Лучше бы спирта, который плескался во фляжке там же, под сиденьем. Но нельзя, можно расслабиться и не доехать до кордона. Мало ли какая ещё дрянь может встретиться на дороге в городе, который явно свихнулся. Глотнул ещё, подождал, пока прохладная жидкость скатится вниз. Повернулся к Наталье:

— Ты не нервничай, хорошо? Успокойся, на вот, попей. Нельзя сейчас нервничать, Наташ, никак нельзя. Поняла?

— Да. — Жена кивнула головой, послушно, как маленький ребёнок. Взяла протянутую Егерем бутылку и застыла, донеся горлышко до губ. Потом неожиданно съёжилась на сиденье и беззвучно заплакала, уткнувшись лицом в колени.

Егерь погладил её по голове, наклонился, поцеловал в затылок. Пусть эта девочка ему и изменила, пусть. Но она оставалась тем кусочком его ещё совсем недавно бывшей новой, прекрасной и мирной жизни, который он не собирался терять. Не сейчас. Да и никогда. И никому, ни людям, ни непонятным тварям, ни Богу, ни чёрту он не даст до неё добраться. Не простит, да, но и не позволит никому сделать ей больно.

Он завёл двигатель и снова поехал вперёд. Если ничего не случится, то ехать им ещё минут сорок. После того, как асфальт через пару километров сделает петлю, ограничивающую его, ехать нужно будет сначала по уложенным давным-давно бетонным плитам, а потом и вовсе по грунтовке. А за мостом дорога вообще станет плохой. Но если в связи со всеми ночными происшествиями река не вышла из берегов, то «Нива» пройдёт легко. А после Ключей ехать останется совсем ничего.

Машина легко катила вдоль выстроившихся по обеим сторонам дороги аккуратных коттеджиков и старых, построенных почти сразу после возникновения города, домов.

Егерь не отвлекался на то, что происходило в них, но и так было заметно, что всё далеко не в порядке.

По обочинам клубился непонятный и густой зеленоватый туман. Несколько домов горели. Во дворе одного из них были заметны несколько изломанных теней, склонившихся над чем-то. Или кем-то. Егерь даже и не удивился подобной мысли, пришедшей в голову.

В свете фар, на том самом пяточке асфальта, перед спуском на бетонку, что-то мелькнуло. Егерь выключил свет и заглушил машину, пустив её накатом.

— Наташа...

— Да? — Глаза всё ещё оставались мокрыми, но голос не дрожал. А вот это уже хорошо, умница девочка. Мужчина улыбнулся.

— Впереди что-то есть. Подъедем, и будет видно, что да как. На, возьми. — Он протянул ей, рукоятку вперёд, пистолет. — Помнишь ведь, как пользоваться.

Наталья взяла тяжёлый, воронёный металл за ребристую ручку. Подняла на него глаза и

кивнула. Щёлкнула предохранителем, оттянула раму, досылая патрон. Подняла ствол вверх, аккуратно, отведя в сторону окна. Егерь одобрительно хмыкнул, нажимая на тормоз. Подождал, пока машина полностью остановится, открыл дверцу, подхватил карабин. Мягким, кошачьим движением, скользнул на улицу.

Наталья смотрела ему вслед, понимая, что всё-таки её муж был и остался тем, кем его сделали. Прекрасной, экономичной, страшной и кому-то когда-то так необходимой боевой машиной. И пара лет мирной жизни только слегка притупила всё-то, что он умел, но не смогли лишить его этого смертельного мастерства ни на йоту. Сейчас всё стало на своё место, и Егерь опять вёл собственную войну. За неё, предавшую его, в первую очередь. Ни за себя, нет. Это она поняла сразу...

Егерь скользил, прижимаясь к земле. Впереди стояли две машины, грузовик и какая-то импортная легковушка-седан. Грузовик, судя по всему, въехал в иномарку, впечатав её в столб электролинии. А его водитель сейчас шёл к тем, кого сбил. И в его руке было явно что-то тяжёлое и металлическое, скрежещущее по неровному асфальту.

Девчонка прекратила кричать. Давно, минут десять назад. Только судорожно всхлипывала, размазывая слёзы по лицу и крашеным доскам нар.

Пятнадцать минут назад к ней в камеру зашёл Семёныч. Прапорщик был доволен осмотром, который произвёл в «оружейке», так как теперь ему стало понятно, что боеприпасов хватит на первое время с избытком. В таком прекрасном расположении духа он и появился в камере, рассматривая её ещё более пристально.

Рыженькая сжалась в комок, пытаясь отползти от него подальше, чем ещё больше порадовала его. Семёныч полюбовался на неё ещё немного, добродушно попыхивая сигаретой, прежде чем приступил к действиям. Сначала она молчала. И лишь когда он спустил брюки, открывая то, что до этого момента пряталось под ними, только тогда она закричала. Безднадёжно и пронзительно...

Сейчас, после того, как первое желание прапора было полностью удовлетворено, он отпихнул её в сторону. Ногой отправил в угол разодранные вещи, одобрительно хлопнул по нежной коже на ягодицах. Она вздрогнула.

За стеной громко возмущались две намалёванные сверх меры лахудры, на которых сначала остановился его взгляд. Они уже давно мешали нирване, охватившей прапора, потому он немедленно решил прекратить этот галдёж. Ещё раз потрепал рыженькую, мол, не печалься, скоро вернусь. Встал с нар как был, голышом. Его это нисколько не смущало. Достал из кобуры «макар», поменял обойму и дослал патрон в патронник. Больше оружия в камере не было, его прапор оставил в оружейной. Дверь скрипнула, повернувшись на давно не смазанных петлях.

— Ой... — Более высокая лахудра, увидев его, немедленно заткнулась, постаравшись спрятаться за свою товарку.

А вот та ничего не заметила, продолжая орать. Вероятнее всего их обоих привезли в ГОВД совсем пьяными, и хмель из голов до сих пор не выветрился. Вместе с выделившимся во время перестрелки адреналином, эти обстоятельства выдали жесточайший коктейль, который и не давал тётке успокоиться:

— К-а-а-а-з-ё-ё-л!!! А слабо не с девчонкой справиться, а с нормальной бабой?! — Надрывалась она, ни разу не потрудившись обратить внимания на подругу. — Гандон

ментовской! Да я тебе...

Банг!!! Её швырнуло на стенку, по которой она медленно сползла на пол, хрипя и хватаясь за грудь. Глаза тётки закатились, ноги засучили по бетонному покрытию. Семёныч ухмыльнулся, глядя на неё и подругу, которая также скорчилась рядом, закрывая голову руками и всхлипывая.

— Доорались, коровы? — Прапорщик наклонился над ней, потыкав в макушку стволом пистолета. — Сейчас контрольный звонок в голову тебе с подругой, и всё, будете знать, как бороться за права человека. Усекла?

Сзади лязгнуло, тем лязгом, который знаком всем, имевшим дело с оружием. Именно такой звук издаёт затвор автомата, когда его отводят назад и отпускают, досылая патрон из магазина. Семёныч хмыкнул, и начал разворачиваться, когда загрохотало.

Стрелок опустошил весь магазин, выпустив тридцать патронов в сторону широкой спины бывшего прапорщика практически одной длинной очередью. Это и подвело его, когда после первых десяти ствол повело вверх и в сторону. Если бы на месте худенькой девочки с хвостом рыжеватых волос был бы кто другой, кто умел обращаться с такой штукой как АКСУ...

Но своё дело она всё-таки сделала, швырнув тяжёлое тело Семёныча на его жертв, избородив спину отверстиями от попаданий. Он рухнул, захрипев и забулькав продырявленными лёгкими, выпустив изо рта целый поток крови.

Девочка всхлипнула, опуская АКСУ. Автомат повис в правой руке. Левую, дрожащую, она поднесла к лицу, растирая слёзы напополам с потёкшей тушью:

— С-у-у-к-а-а-а... — Всклипнула и истерично хохотнула. — Тварь...я его завалила, тварь конченная, сучара...да подыхай ты у-ж-е-е-е-е!!!

А Семёныч если и умирал, то очень медленно. Странная, набухшая гипертрофированными мышцами и ошетилившаяся острыми выступами фигура ещё дёргалась.

Женщина, которой прапор не успел выпустить мозги, встала и подошла к рыженькой. Приобняла за плечо и начала подталкивать к выходу из камеры:

— Пошли, пошли отсюда. Да быстрее, дурочка, быстрее.

Девушка послушно двинулась вслед за ней. Женщина покосилась на неё, оценив то, что из одежды на ней был только лифчик на тоненьких бретельках. Посадила её на первый попавшийся стул и пошла в сторону дежурки. Вернулась с комплектом городского камуфляжа, который отыскала в стенном шкафу. Кинула его девушке и подошла к третьей камере. Пацаны, которые сидевшие в ней, уже навтыжку торчали у решётки:

— Слышь чё, подруга. — Коренастый и невысокий, в тёмно-синем «адидасе» внимательно посмотрел на неё. — Если по уму, так нас бы тож выпустить надо как-то?

— Да ты чего, дружбан? — Женщина улыбнулась, щёлкнув зажигалкой и закуривая сигарету «Явы», пачку которой взяла всё в той же дежурке. — Прямо по уму и прямо надо?

— Ну а чё? — «Спортивный» сплюнул через решётку. — С какого перепуга нам здесь теперь оставаться-то? Выпусти, подруга...

— А оно мне надо? Ты думаешь, я не видела как ты глазёнками своими паскудными на девчонку-то зыркал? — Тётка сплюнула на пол куда как ни хуже, чем узники ИВС. — Нет уж, земля, ты посиди. Вместе с дружбанами. Выпустят потом, как всё успокоится.

— Ну, ты сука... — Парень покачал головой. — Найду — башню снесу. Поняла?

— А то, землячок. Вся аж трясусь от страха. Бывайте, гамадрилы...

Женщина подняла рыженькую девушку и двинулась к выходу из ОВД. Та уже пришла в себя и была почти полностью спокойна.

— Тебя как зовут-то? Меня Галя.

— Катя... — Девушка покосилась на валяющиеся по коридору трупы в серой форме. — Это он их, всех?

— Наверное. Ты с автоматом умеешь обращаться? Ну, кроме того, чтобы стрелять?

— Нет, Галь. А что?

— Да вот, думаю, что нам с тобой подруга нужно пару таких вот штук прихватить. Мало ли, какие кавалеры шляться там могут. Раз уж этот ментяра такой красивый был.

— Ну да. — Катя согласно кивнула головой. Нагнулась и подняла один из двух «огрызков», валявшихся на полу. Повесила на плечо. — Давай вместе дойдём до меня, а?

— Давай-давай. — Галя осторожно отперла засов на двери, и потянула ручку на себя. Выглянула, внимательно осматривая окрестности. Справа всё было спокойно. Она повернула голову налево, пытаясь высмотреть — что же там?

Холодная, когтистая лапа схватила её под подбородок, проткнув кожу и цепко ухватив за мышцы шеи. Рванула на себя. Галя закричала, стаскиваемая с крыльца вниз, прямо под ноги пяти тёмных фигур, пахнувших сгоревшим порохом и кровью. Тени, ещё недавно бывшие теми, кого расстрелял Семёныч, мгновенно сомкнулись над ней. Ещё один, надрывный крик и всё...

Катя пулей вылетела из дверей ОВД и рванула в сторону. От не-мёртвой пятёрки тут же отделились две подвижные тени, метнувшиеся за ней. Девушка оглянулась, увидела их и припустила ещё быстрее.

Она больше не оглядывалась, и не видела, как трое оставшихся мертвецов неторопливо вошли в бывший «дворец правосудия», жадно приносясь к густому запаху смерти.

Лёгкие натужно хрипели, прогоняя воздух к изменившемуся сердцу, которое сейчас работало часто-часто, поддерживая жизнь...

Кровь, багрово-тёмная, в бешеном темпе прогонялась по сосудам, помогая восстанавливать повреждения внутренних органов...

Пористая защитная ткань, образовавшаяся между кожей и мышцами медленно, но верно выталкивали из ран деформированные пули...

Мысли, не так давно витавшие где-то далеко отсюда, постепенно возвращались, подстёгиваемые всё более настойчивыми криками организма...

Первым из чувств вернулось обоняние. Следом за ним — слух. И ставшие очень чуткими они тут же подсказали, что рядом опасность...

Трое недавно оживших мертвецов задержались в коридоре. Голод, сжигавший их изнутри, не был погашен бедной Галей. Двое, те, что были поменьше, остались, жадно чавкая. Третий, высокий и мощный, двинулся дальше. Потусторонняя жизнь, которой его наградила Волна, не сделала существо тупым и медлительным. Да, мозг не функционировал так, как раньше. Но и остатков мышления вполне хватало на простейшие продуманные действия. Его ноздри чувствовали запах живых, где-то там, впереди. И он шёл именно туда.

Парни, оставленные в камере, отшатнулись в дальний угол, едва поняв, кто показался на повороте коридора. Самый молодой из них, заскулив и обмочившись, сполз по стене вниз. Мертвец остановился, потрогал прутья, рванул, как бы проверяя на прочность. Рывнул

коротко и зло, поняв, что не сможет достать добычу. Повёл ноздрями, глубоко втягивая воздух, и пошёл дальше, на вкусный запах крови.

Наклонился над лежащим мешком телом Семёныча, принохиваясь. Недавно умершего здоровяка что-то беспокоило. Он не мог продумать это, не мог осознать, но мог почувствовать. Наконец, решившись, перевернул тело лицом вверх.

Рука, а вернее лапа с мощными когтями, пробила ему горло и отбросила в сторону. Прапорщик встал, покачиваясь, шагнул вперёд, наклоняясь. Одним коротким и сильным ударом почти полностью оторвал голову. Наклонился ещё ниже...

Парни в спортивных костюмах зажали уши, стараясь не слышать чавканья, торопливого и жадного, доносящегося из-за стены. Через минуту оно закончилось, и сразу после этого напротив их решётки выросла махина Семёныча. Хмыкнул, оглядывая их, и шагнул в сторону коридора, стараясь уловить остатки запаха рыженькой. Её он хотел достать как можно быстрее и наказать. Да!!! Именно наказать, но не убивать. А эти, что в камере, пускай посидят, в качестве НЗ.

По коридору он пролетел не оглядываясь на вжавшихся в стены зомби. Злоба распирала изнутри почти полностью восстановившееся тело прапора. Оружия он брать не стал, так как оно ему и не понадобится. Ставшие ещё большими новые возможности помогут ему справиться с сучкой и без ствола. Даже если она и вооружена и нашла защитников.

Выскочив на улицу, Семёныч внимательно принохался, озираясь вокруг. След он нашёл быстро: рыжая побежала вправо. И ещё за ней пошли двое мертвяков. Прапорщик заревел, понимая, что может и не успеть, и быстро побежал вслед за девчонкой, не обращая сильного внимания на то, что за ним оставалась еле видимая дорожка из кровавых капель. Нужно было торопиться.

В почти полностью очищенном от живых здании отдела внутренних дел деловито кормились два живых мертвеца.

В последней из запертых камер самый молодой из троицы «спортивных» быстро и целенаправленно сошёл с ума. Сел на колени перед стеной и начал равномерно отбивать поклоны в бетонный пол. Через несколько минут на полу появилась небольшая красная лужица.

Валера шёл по улице имени Ильича. Шёл торопливо, но не скрываясь, положив на сгиб руки двуствольную ижевскую «вертикалку». В обоих стволах торчали патроны с картечью, которых у него была целая коробка.

Основной целью маршрута он выбрал дом, в котором жил его школьный друг, Сашка. Тренер очень надеялся на то, что тот сегодня не был ночью на своём обычном месте работы, в морге. И понимал, что никуда ему не деться от того, что придётся проверять контору местного танатолога на предмет его там присутствия...

Совсем недавно Валера сидел на полу собственной квартиры. Прижимал к груди, перемазанными в крови руками, голову Ольги. Вернее то, что от неё осталось после удара топорика. Гладил длинные тёмные волосы. Перебирал их в пальцах, удивляясь. Какие же они всё-таки мягкие и шелковые. Молча глотал слёзы, которые никак не хотели останавливаться. И изредка, уткнувшись в уже начавшую холодеть шею, тоскливо и почти беззвучно выли, содрогаясь плечами от внутренней боли.

Да, он понимал, что его Оляка умерла задолго до того, как он вернулся в квартиру. И нападало на него что угодно, но не она. Но можно ли это было вот так сразу разложить в голове, смиряясь с мыслью о том, что ему пришлось сделать?

Но прах к праху, а он-то был жив. Не понимал что происходит вокруг, да и не особо хотел. Единственной мыслью было желание найти хотя бы Сашку. И оставшейся надеждой то, что с ним ничего не произошло. И именно поэтому Валера встал, бережно и аккуратно отнёс тело Ольги на кровать, завернув его в покрывало. Потом тренер подошёл к шкафу купе, в котором прятался оружейный сейф. Тихо и нерадостно подумал о том, что каким же правильным было решение о вступлении в охотообщество и приобретение пусть и подержанного, но всё ещё очень надёжного ружья.

Патронов было маловато: две коробки мелкой дроби, одна с картечью и несколько жаканов. Ну, уж что есть, подумалось ему, хорошо хоть так. Жакан и картечь он впихнул в патронташ, сколько влезло. Остальные засыпал в карманы охотничьего костюма. Топорик повесил на специальную петлю, закрепил на ремне. Захватил документы. Чуть посидел на кровати, глядя на запеленатый в ткань силуэт. Осторожно подержал в руках совсем холодную ладошку, которая после смерти вернулась в своё нормальное состояние. Погладил тонкие пальцы, на один из которых так мечтал надеть кольцо.

Забрал в прихожке упакованный рюкзак и спустился по лестнице вниз, аккуратно выйдя из подъезда. Повёл стволами ружья из стороны в сторону и чуть расслабился, не заметив никакого движения. Зеленоватого тумана тоже не было заметно. В соседней пятиэтажке всё также раздавались крики и треск, как будто ломали что-то деревянное. В соседнем районе, судя по отсветам и запаху, что-то горело. Причём очень серьёзно.

— Ну и ладно. — Он бормотнул себе под нос хотя бы что-то, так давило чувство одиночества. — Потопали, Валерун...

И вот сейчас он шёл по Ленина, стараясь идти ровно посередине. Начало светать, хотя не так, как обычно. Небо до сих пор было какого-то зелёного оттенка, с пересекающимися линиями.

По дороге Валере пришлось один раз стрелять по странным, похожим на собак созданиям, которые метнулись в его сторону откуда-то из-за высокого серого дома. Как он помнил, прямо за ним находилась мусорка, на которой постоянно тёрлась целая стая дворовых шавок.

— Ни хрена себе пёсики. — Поделился он сам с собой, когда высокие и горбатые силуэты растворились в сероватой рассветной мгле. — Это чего же дальше-то будет?!

И в этот самый момент последняя из собак неожиданно резко остановилась. Её подбросило вверх, закрутило штопором. Прямо в воздухе хрустнуло и брызнуло во все стороны красным. Прямо перед тренером приземлилась собачья голова:

— Да что ж это такое-то, а?! — Не выдержав, Валера заорал. Там, где только что произошло это нечто, воздух закрутился в видимую спираль и чуть позже растаял.

Дальше он шёл очень аккуратно, стараясь рассмотреть впереди всё, что могло показаться странным. Даже включил фонарь, хотя раньше опасался это делать. Уже показался перекрёсток с Первомайской, когда откуда-то слева ударили одиночные выстрелы. Валера осторожно выглянул из-за угла, прижимаясь щекой к шершавому кирпичу.

Пятясь спиной, в его сторону двигалась высокая и худенькая девичья фигурка, которая отстреливалась от двух быстрых силуэтов, мельтешивших в десятке метрах от неё.

Тренер думал не долго. Уже на бегу, взводя курки, Валера отчётливо понял, что тот

страх, который был недавно — улетучился. Полностью и окончательно. Он успел, успел добежать до девчонки вовремя, когда она споткнулась и начала падать назад, теряя из поля зрения низкие двуногие силуэты, тут же рванувшие к ней.

Ба-бах!!! Правый ствол выплюнул картечь, снеся ближнего. Второй метнулся вбок, прыгнул, выгибаясь как кошка, но тренер успел. Хладнокровно выждал, когда тот окажется совсем рядом и выстрелил.

Картечь попала прямо в бледное, оскаленное лицо с глубоко запавшими тёмными глазами. В свете вспышки Валера успел заметить окровавленные лохмотья на груди, запёкшуюся кровь на рыхлой, творожистой коже мёртвой хари. Голова твари треснула как арбуз, расколовшись и плеснув по сторонам содержимым.

Пульс стучал в висках отбойными молотками. Валера быстро переломил стволы, понимая, что не успевает. Первый из нападавших уже вскочил на ноги и смазанным движением скользнул в его сторону. Тренер успел только ткнуть его стволами ружья, пытаясь откинуть в сторону. Тварь отбила удар, чуть пригнулась и ринулась на него, выпятив немалые клыки. «Ну, вот и всё, — мелькнула мысль, — а глупо-то...». В лицо неожиданно ударило чем-то липким и мерзким. Чуть позже пришло осознание того, что рядом заткнулся автомат, выпустив последние пули.

Тварь упала на асфальт, несколько раз вздрогнула и затихла. Валера мотнул головой, сбрасывая крупные капли пота, выступившие на лбу. Вставил патроны и приставив ствол к голове мертвеца — спустил курок, разнеся её вдребезги.

Сзади всхлипнула девчонка, подойдя ближе. Он обернулся, успел отметить, что она очень молодая, когда она уткнулась ему в грудь и всхлипнула. Чуть позже заревела, молча и страшно. Тренер гладил волосы, глядя на вздрагивающий задорный хвостик, перетянутый резинкой и водил головой по сторонам, приговаривая:

— Тихо, тихо. Всё хорошо, уже хорошо.

Валера не успел среагировать на неожиданно соткавшуюся в воздухе высокую фигуру, и полетел на землю, чувствуя, как плечо наливается болью. Ткань плотной куртки разошлась в стороны как от удара опасной бритвой. Кровь появилась, разом смочив рукав и начав сочиться к манжетам. Ушёл в сторону рывком, и как оказалось вовсе не зря. Мгновение спустя по асфальту сильно ударила босая и деформированная стопа.

Ружьё валялось где-то в стороне, и Валера выхватил топорик, готовясь к новому бою. Оценил ситуацию, быстро и профессионально.

Девочка лежала в стороне, живая или нет — непонятно. Прямо перед ним стояло что-то массивное, голое, с перекачивающимися бульжниками мышц. Гольный череп чуть поблёскивал, торчали какие-то острые участки на плечах и локтях. А так — человек человеком. Стоял, не нападая, а только готовясь к схватке, красуясь собственной мощью.

Мощь впечатляла. И мощь мышц рук с длинными когтями на руках, и мощь того, что болталось между ног существа. Тренер узнал того, кто стоял перед ним. Несмотря на все Изменения, что с ним случились. С этим нелюдимым и злобным ментом ему приходилось сталкиваться во время соревнований. Дело было нешуточное.

Он чуть перенёс вес на опорную ногу, пытаясь понять то, как начнёт атаковать мент, когда тот с ходу ринулся на него.

Валера успел ударить топором, срубив лоскут с твёрдого и покатога плеча, но удар когтистой лапы пришёлся на рёбра справа. Уже падая, он заработал коленом в солнечное сплетение и смог только постараться откатиться в сторону, судорожно хватая воздух. Он

понял, что опять не успел, и на этот раз, судя по всему фатально.

Семёныч торжествующе захохотал, заноса руку для последнего удара...

Во двор невысоких домов, стоящих буквой «Г», тихо зашёл маленький мальчик в пижамке с человеком-пауком. Спокойный, беззащитный и кажущийся огорчённым.

Две не-мёртвых Изменённых, собирающихся вступить в бой со стаей горбатых тварей, не так давно бывших собаками, застыли при его появлении. Начали пятиться, прижимаясь к высокой бетонной стене. Одна, ещё сохранившая только раскрывшуюся девичью красоту, тоскливо заскулила. Вторая, у которой на футболке, под густой коркой крови, виднелась фотография давно и бесповоротно повзрослевших ребятишек из «Токио Отель», спряталась за неё.

Четыре изменившихся пса, которые только что были готовы разорвать зомби из-за неподвижной фигуры, висевшей на остром металлическом заборе палисадника, также отступили. Горбатая, поджарая тварь с чёрными полосами по бокам, с громадным наростом на правой стороне шеи, заворчала. Осторожно, боком, начала сдвигаться в угол двора. Остальные последовали её примеру.

Ребёнок оглядел двор глубокими чёрными глазами. Взгляд остановился на тёмном силуэте, давно обмякшем, с концами труб, торчащих из развороченной спины. Голова с кудрями, которые легко колыхались в абсолютно безветренном пространстве двора, наклонилась на бок. Если бы у него были губы, то они сейчас наверняка превратились в маленькую точку. Именно так он бы сделал, как делают все дети в глубокой задумчивости.

Нога в светлом носочке сделала шаг вперёд. Ещё шаг, ещё. Он чётко двигался к телу Александра Анатольевича, который не смог выдержать всего, что свалилось на него, и выпрыгнул из окна.

Тварь с наростом рыкнула, явно не желая, чтобы мальчик добрался до вкусного куска мяса. Собака боялась, это было видно по неуверенным движениям, но сдаваться явно не собиралась. Голый облезший хвост бешено хлестнул по впалым бокам. Она приоткрыла пасть, выпустив ниточки вязкой слюны. Зарычала ещё раз, подбадривая себя, напряглась для прыжка в сторону ребёнка. Остальная стая, повизгивая, также начала вставать за ней. Когда мальчик почти дошёл до забора — собака атаковала.

Прямо в прыжке её подхватило, высоко подняв в воздух. Крутануло и бросило, с силой, на стену дальнего дома. Чмок...

На стену брызнуло красно-бурым. С мягким шумом шерстяной мешок с переломанными костями бухнулся на землю. Ребёнок задумчиво посмотрел на это и чуть повернулся в сторону остальных Изменённых. Первыми с места стартанули не-мёртвые девушки, одним махом оказавшись на самом гребне стены, и скакнули вниз, с высоты трёх метров. Собаки бросились в сторону выхода из двора, сшибая друг друга, визжа и подвывая. Малыш проводил их взглядом, даже не попытавшись применить ту силу, которая только что размазала по шпукатурке самую наглую из них.

Александр Анатольевич не погиб сразу. Он всё ещё был жив. Ему было больно, очень больно. Глаза невидяще уставились на невысокие травинки, выросшие у основания хорошо вкопанных труб. Прямо под ним мягко серебрилась большая лужица его ставшей такой странной крови. Сам же он плыл, плыл в какой-то всеобъемлющей пустоте, то проваливаясь в неё глубоко-глубоко, то всплывая на поверхность. Хотелось всё-таки окончательно

умереть, ноне было, не было сил для того, чтобы хотя бы попытаться сделать что либо. Из открытых и, казалось ослепших глаз, вытекла одинокая слеза. Блеснула, и упала на землю.

«Проснись...проснись...ты нужен...проснись же...»

«Я всё-таки умер? Как же так, ведь только что я был жив...»

«А ты и так жив, просто ты спишь. Проснись, быстрее...»

Он застонал, вырываемый из чёрной пропасти забвения...

«Кто ты такой? Кто?!»

«А кем ты хотел меня увидеть?»

«Ты что, у меня в голове говоришь, что ли?»

Александр Анатольевич закашлялся, начиная приходить в себя...

«Если хочешь, то пусть я буду у тебя в голове. Ты только давай просыпайся...»

«Я не хочу. Я должен умереть...»

«С чего ты это взял? Что за глупости в такой умной голове?»

«Я стал не человеком. Монстром, чудовищем. Рита умерла...»

«Рита умерла? Сегодня многие умерли, Танат. Приходи в себя, приходи»

Тело бывшего патологоанатома дёрнулось, как от разряда дифибриллятора.

«Почему ты назвал меня Танатом? И кто ты?»

«Танат не самое плохое имя для тебя. И ты прошёл через смерть, знаешь её...»

«Кто ты?»

«Я? Пока никто. Тот, кто поможет тебе стать самим собой. Хочешь?»

«Из-за тебя я не умер? Зачем это нужно?»

«Ты не умер из-за самого себя, ты не должен был умереть. И это просто нужно...»

Фигура, обвисшая на трубах забора, дёрнулась, поднимаясь вверх. Он закричал...

«Больнобольнобольнобольно...»

«Терпи, это недолго. Всё почти закончилось.»

«AA!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!»

«Вот и всё. Хватит орать. Открывай глаза, ну же!!!»

Он открыл глаза. Поднял голову вверх, глядя в давно начавшее светлеть небо, перечёркнутое зеленоватой сеткой. Вдохнул воздуха, возвращаясь к жизни. Потом опустил взгляд.

Взглянул в бездонную пустоту глаз того, кто стоял перед ним. Его закрутило, всосало в их клокочущую серебром глубину. Бывший патологоанатом летел вперёд, в то время как его тело возвращалось к жизни.

Сверкающий огнями тоннель, поворот, поворот, ещё поворот. Его не удивляло происходящее. Тяжело удивляться такому после того, как воскрес. Ещё один кувырок вперёд и всё. Он увидел. Он понял. Он осознал...

Становящееся светлым небо смотрело вниз, в неправильный прямоугольник двора. Оно видело, как незаметно исчезла маленькая фигурка, растворившись в остатках ночных теней. И как потом существо, стоявшее возле громадной лужи собственной крови, пришло в себя.

Врач полностью перестал быть человеком.

Его имя стало тем, каким и должно было стать.

Именем посланца царства теней и смерти.

Танат понимал, зачем его вернули.

Мансур покрутил головой, пытаясь понять, что он может сделать. Толкнул дверь, которая подалась с неохотой, заскрежетав. Почти выдрал карабин ремня, отстёгиваясь. Вывалился из ставшего смертельной ловушкой салона. Попытался встать...

Его скрутило в спазме, желудок подпрыгнул вверх. Мансура стошнило чем-то непонятным, едким, обжёгшим горло. По голове изнутри лупили кувалдой, и она кружилась так, что он даже не мог подняться.

Скрежет приближался, отдаваясь в гудящей пустоте, которая заняла место мыслей. Шаркающие шаги становились всё ближе. Парень застонал и попробовал ползти, стараясь отсрочить смерть, сейчас подходившую всё ближе.

Пальцы вцеплялись в старый, выщербленный асфальт, подтягивая ставшее таким непослушным тело. Лёгкие растягивались и сипели, как почти продырявленные мехи шотландской волынки. Кровь стучала в висках, гонимая сердцем, которое, казалось, работает в несколько раз быстрее. А может, так оно и было? Но он полз, упорно полз в сторону обочины, желая прожить ещё немного.

Позади что-то гулко грохнуло, обрушившись всем весом на заднее крыло разбитой машины. Шаги становились всё ближе и ближе. А подушечки пальцев Мансура уже стёрлись от тех усилий, что он прикладывал. Он попытался встать, и ему почти удалось. Почти.

Парень рухнул на колени, пытаясь не распластаться полностью. Его повело куда-то в сторону, пришлось выбросить в стороны руки. В пальцах мгновенно стало горячо, кожа полностью лопнула. Мансур оглянулся, пытаясь хотя бы разглядеть того. Кто хотел его убить.

Высокий и грузный мужчина в потрёпанном водительском комбинезоне, уляпанном жирными пятнами от масла. Невидящий взгляд белёсых и мутных глаз. Чуть покачивающаяся походка. И тяжёлый колун на пластиковой, прорезиненной на конце, длинной рукояти. Именно он скрежетал, задевая асфальт.

Мансур развернулся на месте, смотря в его сторону. Жажда выжить сменилась апатией, в которой не было места бесполезному бегству. Он не скоро смог бы прийти в себя, и был сейчас беспомощным, как новорождённый. Парень взглянул в сторону неторопливо приближающегося силуэта, уставился на топор, который начал медленно подниматься в воздух. Взгляд остановился на нём, поднятом в самую верхнюю точку...

БААНГГ!!!

Выстрел грохотом разорвал воздух. Тело Изменённого дёрнулось, заваливаясь на Мансура. В последний момент он еле успел уклониться в сторону. Труп рухнул рядом, завалившись сломанным манекеном, звякнув напоследок топором.

Парень сел на пятую точку, чуть отодвинувшись, обхватил руками колени. Отходя от пережитого смертельного ужаса, он затрясся, крупной дрожью. Ему не хватало воздуха, и Мансур глотал его широко открытым ртом. Со стороны машины раздался негромкий звук. Он посмотрел туда, увидел тёмный силуэт, нависший над Надей. Попытался привстать, но сил опять не хватило. Парень стукнул кулаком по асфальту и заплакал. Ему не было стыдно.

Слёзы текли по лицу, измазанному пылью, оставляли грязные дорожки.

— Что с тобой? После аварии в себя придти не можешь? — Спокойный и уверенный голос мужчины, неслышно возникнувшего перед ним.

Мансур поднял голову, всхлипнул. Перед ним стоял мужик лет около сорока, высокий, худощавый. На нём была одета уже изрядно выстиранная «горка», поверх которой на нём был странный жилет, состоявший из пересекающихся ремней и закреплённых на них сумок разной величины. В голове всплыл термин «разгрузка». Да, такие таскали спецназовцы, которых показывали в выпусках новостей и телесериалах. В руке он держал длинное ружьё с деревянным ложем. Не такое, которое Мансур держал в руках у дяди, и даже стрелял. Это выглядело совершенно по-другому, и казалось заточенным не только для охоты.

«А это он стрелял, — мелькнула мысль, — спас...». Парень откашлялся вязкой слюной.

— Сотрясение что ли? Эй, земляк, ты меня вообще слышишь?

— Да... — Мансур наконец-таки протолкнул слова через пересохшее горло. — Спасибо. Вы меня спасли.

— Да не за что. — Мужчина присел рядом, цепко взяв его лицо в крепкие ладони, повернул голову парня на себя. — Так, зенки не плавают. Если и сотрясение то не такое, чтобы долго тормозить. Эй, парень, там, в машине твоя подружка?

— Да... д-а-а-а. Моя девушка, Надя. Она умерла во время уда...

— Ерунду-то не пори. — Мужчина встал. Достал из кармана пачку сигарет и закурил. — Она живая. Вот без сознания, это да. Дела у неё куда как хуже, чем у тебя.

— Живая? — Мансур обалдело уставился на спасителя. — Правда?

Мужик покосился на него. Сплюнул и ухмыльнулся:

— Вот ты тормозишь, а? Русским языком говорю — живая твоя Надюшка, живая. Тебя как зовут-то, о владелец битой иномарки? Ты вроде как не совсем русский, да?

— Мансур. А вас?

— А меня Егерь. Просто Егерь. Вставай уже, а то простатит заработаешь, на холодном-то сидеть.

Егерь помог ему подняться. Довёл до машины, где посадил в кресло. Сам пошёл к своей «Ниве», которая стояла чуть дальше по дороге.

Мансур сидел, откинув голову, и смотрел на Надю, для которой Егерь уже откинул сиденье и постарался положить на него девушку. Живая, живая, милостив Аллах, не допустил гибели невинных...

Молодой татарин, сидевший на водительском месте своей изуродованной машины, радовался. Вокруг него происходило чёрт те что. Впереди была полная неизвестность, а он радовался. Наверное, тому, что является главным для любого нормального человека. Тому, что должно было быть впереди. Ему не приходило в голову, что Надя может умереть по дороге от внутреннего кровоизлияния. Что они просто могут не доехать. Что он сам сейчас был практически недееспособен и слаб как новорождённый. Это всё могло подождать, потому что его Надя была жива, и он был жив, и то крохотное, что было у них одно на двоих, тоже.

Рядом глухо заворчала подъехавшая «Нива». Хлопнули дверцы, раздались шаги. Егерь, заглянув в салон, осторожно приподнял девушку за плечи, пытаясь поднять её и положить к себе на руки. Рядом появилось женское лицо, чуть позже стало видно и саму молодую женщину, помогавшую вытаскивать Надю. Мансур скрипнул зубами, и попытался заставить тело слушаться его. Немного удалось. Он вышел и спокойно дошёл до них, и даже попытался

перехватить свою девушку под поясицу.

Егерь яростно зыркнул на него, но не стал ничего говорить. Только одобрительно мотнул головой, когда ему удалось приподнять еде дышащую Надежду и помочь отнести к «Ниве». Машина была относительно новой, второй модели «Шевроле». И положить её на широкое заднее сиденье удалось быстро и без лишних усилий.

— Вещи с собой есть какие-то? — Егерь повернулся к шумно дышащему Мансуру.

— Сумка её и мой рюкзак. Там, на сиденье...

— Я принесу. — Женщина, которая была с его спасителем, упругим шагом направилась в сторону иномарки.

— Жена?

— Ага.

— Надя это... — Мансур вздохнул. — Она беременна...

— Что? — Брови Егеря поползли вверх, удивлённо и грозно. — Сколько?

Лёшка шёл по улицам родного городка. Аккуратно, стараясь не потревожить переломанных в нескольких местах ног Мирона. Тот уже привык, и лишь изредка матерился и скрипел зубами.

После нападения собак Лёха стал осмотрительнее. Рваные укусы его уже не беспокоили. Они затянулись в течение нескольких минут, повергнув и его самого, и товарища по несчастью даже не в удивление. Более точным определением было — шок.

«Ну, нет худа без добра, — подумалось бывшему металлисту. — Пригодится, наверное, дальше».

Тем не менее, настороженность только выросла. Спустя немногим менее получаса после драки, они продолжили путь в сторону дома Мирона. По улицам того города, который уже перестал быть их старым и добрым знакомым, превратившись во что-то Иное.

Уже совсем рассвело, но вокруг было много тумана, и всё касалось нереальным. Станным. Гротескным, как подумалось куда как более образованному Лёшке. Что там себе думал тихо постанывающий Мирон, так и оставалось загадкой. Но наверняка и ему было куда как не по себе. И было от чего...

Всё вокруг на глазах становилось другим, чужим и незнакомым. Менялось, плыло и превращалось в кошмар, который мог бы прийти на ум безумному сценаристу из второсортной киностудии. Прямо на глазах стены одного из домов покрылись серым, кажущимся живым, ковром мха. Деревья, которых в Радостном было очень много, скрипели почти человеческими звуками. Листва на них дрожала, принимая стальной оттенок и отраживая блестящую и острую кромку. Тот самый туман, которого было много ночью, тоже не сдавался, собираясь в большие скопления вдоль домов. Изредка в нём начиналось какое-то шевеление, если мимо пробежало что-то небольшое. Вроде двух кошек, прошмыгнувших мимо ребят совсем недавно. Кошки бежали медленно, спотыкаясь через раз, что было немудрено. Тяжеловато передвигаться ровно и быстро, если вдруг превращаешься в подобие сиамских близнецов. Собаки пока не встречались.

Жителей тоже практически не было. Лишь пару раз впереди кто-то быстро перебежал дорогу, почти вплотную прижавшись к асфальту. В окнах иногда мелькали бледные лица с тёмными провалами глазниц, и всё. Крики, на которые прошедшая ночь оказалась так богата, с рассветом почти полностью стихли. Что ждёт его впереди? Этого Лёша точно не

знал. Ему было непонятно даже то, какими глазами на него посмотрят родители. Он очень надеялся на то, что с ними всё в порядке, хотя...

Тяжело было думать позитивно после всего, что пришлось увидеть и испытать за эту ночь. Хотелось верить в то, что закончится хотя бы что-то хорошо, но уверенности в этом не было абсолютно. Впереди было что-то неясное и смутное. И ещё, как почему-то казалось совсем молодому парнишке, ему ещё долго предстоит идти в никуда. Там, возможно через много лет, всё и закончится. Странное чувство, подумалось Лёшке, видеть почти наяву собственное будущее. Может быть, всё дело в тумане, в каких-то странных его свойствах?

Тем временем Мирон опять в пал то зыбкое состояние полусна, в которое был погружен перед встречей с псами. И его товарищу по свалившимся на их головы неприятностям, волей-неволей пришлось идти тише. На какое-то мгновение в голове снова появилось какое-то странное чувство, которое подсказало, что вдвоём с Мироном им предстоит быть очень и очень долго. Мелькнуло со скоростью болида «Формулы» и пропало. Но последствия остались, и одним из них было то, что Лёха шёл самым аккуратным способом, стараясь лишней раз не встряхнуть раненого.

Впереди показался перекрёсток с Первомайской. Серый кирпич этих домов ещё не был покрыт никакой дрянью, оставаясь таким же, как и вчера. До Изменений.

И оттуда раздался тонкий и протяжный женский крик. Полный боли и отчаяния, он неожиданно прервался на высокой ноте. Как будто его кто-то прервал быстро и жестоко.

— Держись, дружбан. — Буркнул себе под нос Лёха, ни на минуту не задумываясь о том, что это могло быть. Даже если специальная ловушка — ни ему её бояться. И побежал с той кажущейся неторопливостью, что бывает у локомотивов, тягающих товарные составы. Асфальт под его ногами трещал и брызгал во все стороны серым крошечным, на плече орал Мирон, которого дико трясло.

Они вылетели на перекрёсток. Лёшка крутанул головой в одну, в другую сторону, увидел: валяющаяся на тротуаре тоненькая женская фигурка с хвостом рыжих волос, летящий туда же невысокий, худощавый мужчина и это...

Высокая, плотная фигура без какой-либо одежды, перебитая жгутами мышц под блестящей кожей в наростах. Острые шипы, торчавшие из плеч, локтей, идущие гребнём вдоль позвоночника. Существо, только что отправившее человека в нокдаун, покачнулось на массивных ногах, собираясь его добить, двинулось вперёд.

Мирон не успел ничего понять, в очередной раз охренев от новых возможностей «ботаника», оказался молниеносно лежащим на земле. А Лёшка, рванул вперёд, в сторону схватки. Вот только перед этим он вытянул назад правую, заканчивающуюся пусть и ставшей очень большой, но всё же человеческой кистью и выдернул из стены подоконник. Да, да, именно подоконник, плиту где-то в метр длиной. Одну из множества, что по непонятным причинам украшали с внешней стороны все окна домов этого района.

Выдернул одним неуловим движением. Взметнув в воздух небольшую тучу от треснувшего раствора, что так давно держал её. И шваркнул в сторону голозадого чудовища. Плита полетела, разом набрав громадную скорость, и с хрустом врезалась тому прямо в левый бок. Тварь отлетела в сторону, совершив красивейший пируэт. А Лёшка уже нёсся туда, сотрясая землю и вбивая в асфальт колонны ног.

Монстр вскочил, тряся головой и поворачиваясь в сторону накатывающегося на него живого танка. Растопырил в стороны узловатые руки, украшенные внушающими уважениями когтями, и согнул узловатые нижние конечности. Зарычал и ринулся навстречу Лёхе. Он

уступал ему в росте и массе, но был по-звериному гибок и пластичен. Монстр успел полоснуть «ботаника» когтями по правой руке, а потом для него разом прекратилось всё везение. Так как Лёшка всё-таки вышел из себя, второй раз подряд...

Мощный пинок, и гибкое, хотя и массивное тело укатывается в сторону. Мастодонт, ещё не так давно бывший пэтэушником, догоняет его, не останавливаясь, добавляет второй ногой. Монстр подлетает в воздух, врзается в стену и начинает падать вниз. Но живой поршень правой руки не даёт ему этого сделать, вбивая обратно в стену. Стена вздрагивает, размётывая в стороны мельчайшие куски жёлтой штукатурки. Из рта твари вырывается багровый фонтан крови, она рычит, захлёбываясь ею. Пытается атаковать ещё крепкими руками, но Лёшка не даёт ей это сделать, прижимая железом колена и хватая за глотку. Потом размахивается и швыряет его в сторону толстого ствола старого тополя, торчащего у дороги. Тополь содрогается от удара, монстр сползает вниз и пытается встать. Воздух, рассечённый стальной цепью свистит, вниз блестящей молнией летит крюк. Хруст и вой, короткий и смертельный...

Бывший прапорщик стоит на коленях, а потом разом заваливается набок. Лёшка дёргает на себя цепь, растущую из левой руки. Крюк с отвратительным чмоканьем выходит наружу, потянув за собой что-то красное и липкое. Вокруг лысой, с торчащими ушами головы разливается большая тёмно-красная лужа.

Лёшка стоял тяжело дыша. Он узнал того, кому проломил голову. Слишком часто видел на «Пятаке» возле дома, чтобы не узнать. Ещё та тварь, но всё-таки ему было не по себе. Это всё же не та собака, перекорёженная до неузнаваемости, но бывшая животным. Кем бы ни стал бывший милиционер, но он был человеком...наверное... Лёшка развернулся в сторону тех, кого спас, и замер. Прямо в лицо жутко смотрели два чёрных ствола:

— Ты кто такой, мать твою за ногу? Не стреляю только за этого. Отвечай, быстро!!!

Реалии, много позже:

— Так, господа слушатели, успокаиваемся. Внимаем мне глубоко и перебиваем только умными вопросами. Если кому вздумается в ходе лекции поржать и подоказывать, что он типа самый умный и крутой тexasский рейнджер, того предупреждаю сразу — пересдавать придётся. А так как предмет мой является обязательным при сдаче экзаменов на курсе, то сами понимаете, что вам может светить в том случае, если я оскорблюсь.

Курс у нас довольно короткий и для большинства из вас абсолютно проходной и ненужный. Но! Уважаемые господа будущие офицеры!!!

Некоторые из вас наверняка будут иметь глупость при распределении попроситься в так называемый Район. И скорее всего, к прискорбию моему, это будут самые лучшие. Такова судьба, что поделать. Так вот, для того, чтобы у вас изначально были шансы остаться в живых в течение первых дней, а в идеале недель, придётся внимательно меня слушать. Именно недель, кадет, не пучьте так глаза на мою персону. Встаньте лучше и сделайте так, чтобы в аудиторию никто не зашёл. Вот молодец, садитесь, почти зачёт. Ох ты, етит твою налево... есть у кого зажигалка? Да не прикидывайтесь, господа, смолите же тайком. Кто там больше всех пыхтит на кроссах? Лукьяненко ведь? Давайте, давайте уже её сюда, не терзайте меня.

Ну, вот так то — всяко лучше. Начнём, пожалуй. Итак...

Район опасен, господа кадеты. Опасен по определению и опасен по сути своей, подлой и инородной. Да, мои уважаемые, именно инородной. То, что я сейчас буду говорить, никак не укладывается в официальную канву. Я не боюсь этого говорить, потому как бояться мне и нечего, да и слишком поздно. Ног моих уже назад не вернёшь. И нервные окончания на них не восстановишь, к сожалению. Иначе я бы не катался здесь на этом хромированном чуде отечественного инвалидного автопрома, а прохаживался гоголём. Мне нельзя подобрать ни одни из нейропротезов, потому что свои нижние конечности я оставил там, в Районе. В громадной яме с «битумом». А после него нервные окончания атрофируются намного дальше самого места поражения, дабы вы знали. Это хорошо, что я чувствую, когда хочу по маленькому в сортир. А то знал бы себе, конфузился и под себя ходил, и такое бывает. Что? Нет, Крузов, всё работает. А что, вы, господин кадет считаете, что моя красавица жена живёт со мной из жалости? Нет, не считаете? Ну, хорошо. Да и задницу я вам могу надрать при желании даже в коляске, как и любому, кому вздумается изображать Ромео по отношению к моей Дездемоне. Я, конечно не Отелло, просто выкину с пятого этажа и всё...

Продолжим лекцию. Если кто вякнет снова — будет то, о чём предупреждал. Последнее, так сказать, китайское предупреждение. Итак, смотрим на экран.

Вот эта штука, господа кадеты, которую вы видите перед собой, носит, согласно классификации профессора Точинова, определение «голем». Представляет из себя почти идеальную боевую машину. И смешного ничего нет. То, что вы видите на экране так называемый «голем-малыш». Полуфабрикат, ребёнок, особь не достигшая своей, Изменённой, половозрелости. И даже такая, эта штука смертельно опасна. Громадный запас живучести и прочности. Именно прочности, кадеты. Кроме металла и прочих

материалов, которые входят в состав скелета и верхнего слоя, так сказать, эпидермиса, у голема есть и внутренняя защита. Мышечная структура этих существ развита настолько, что её берёт далеко не всякая пуля среднего калибра. Она, структура, есть не что иное, а так называемый каркас, подкреплённый костными образованиями внутри тела, которые защищают жизненно важные органы. И это, кроме того, что големы являют собой прекрасно выраженный образец такого чуда техники, как кибернетический организм. Но, в отличие от тех почти нежизнеспособных образцов, что регулярно демонстрируют различные институты, образец так сказать не просто живущий, а живее всех живых.

Так, госпожа кадеты, признайтесь мне в том, что в курилке вы не раз трепались о проекте «Святогор». Признается кто, или нет? Вот молодец, Орехов, молодец...

Данный проект нескретен в своём названии, это так. А вот разработки — засекречены по самое не хочу. Да, кадеты, именно големы дали первоначальный толчок исследованиям. Ну, представьте себе, голуби мои сизокрылые, из-за чего?

В Районе существует несколько десятков видов его обитателей, которые загонят в ступор любого учёного-биолога и заставят радостно улыбаться офицеров Генерального штаба. Всё верно, так как большинство видов — идеальные убийцы. Серые львы, туманные волки, резусы, вурдалаки...перечислять можно долго. Не говоря уж про людей-Изменённых. Но конкуренцию голему, как главному кандидату на включение в клуб нашей с вами армии, кто может составить? В ком могут быть заинтересованы носители золотых эполет? Сфинкс? Мимо, мимо Головачёв, факт их существования никем не подтверждён. Что, Сапковский, бэниши? Хм... Вы думаете? Даже вот так...

То есть, кадет, вы на полном серьёзе утверждаете, что создать идеального солдата можно и Район даёт нам всё для этого? И дело в добровольцах, исследованиях и материалах, хм... Надо полагать, что никто так не думал до вас, ага. Ладно, я понял вашу мысль, господин кадет, надеюсь, что вам в руки никто не доверит подобную авантюру. Почему? Потому что Изменённые стали таковыми не по своей воле, и менять структуру человеческого тела, наплевав на его душу — грешно. Молчите, кадет Сапковский, удалю.

Итак, господа, и жаль, что среди вас нет дам, которые в некоторых моментах куда как сообразительнее. Големы — идеальные боевые машины. Да, изменения каждого из них индивидуальны и не носят того характера, который хотели бы получить авторы проекта «Святогор». Да оно и к лучшему. Хотя...в последнее время в Районе появилась плохая тенденция. Если первые из них собирались по принципу: налепила из того что было, то сейчас наоборот. Последние три, из пяти вновь зафиксированных, носят на себе неслабое вооружение и дополнительную броню. То есть — они преобразовываются под какие-то, пока нам неизвестные нужды Района. Один из подобных объектов, так называемый Абрамс по классификации рейдеров, является одной из тех причин, по которым я сию секунду сейчас перед вами в инвалидном кресле. Именно от него мне пришлось удирать. Почему? Ну, как сказать, если по вам лупят из танкового пулемёта, то что остаётся делать?

Что кадет Силлов, никак услышали знакомое слово «пулемёт»? Не нервничайте, знание ГТХ вам не поможет получить необходимый балл. Что? Вам было мало марш-броска, на котором вы решили изображать из себя типа «крутого командоса» и бежать со спаренным магазином? Факт того, что таким образом передвигаются лишь те, кто обсмотрелся сериалов и военных фильмов, вас, мне помнится, не насторожил? И совету наставника Бурцева вы не вняли? Заклинило автоматик-то, ведь так, а-я-я-я-й. А, спрашивается, почему? Потому как грязь забивается в тот магазин, что у вас болтался

подавателем вниз, кадет!!! Всё, хватит уже. Слушайте дальше и осознавайте факт того, что знание теории никак не решает вопросов по практике.

Итак, господа, вам всем чётко следует понимать, что при виде голема — лучше затаиться и пропустить его мимо. И лишь потом — выбраться из укрытия и продолжить движение по маршруту, который занесён в карту чипа вашего шлема. И ещё, прошу вас, мальчишки, запомните это: пока вы не стали действительно боевыми офицерами, выполняйте приказы и наставления. И слушайте тех, кто служит побольше, чем вы. Тогда сможете прожить куда как дольше. Даже там, в Районе.

Ну, так вот, господа кадеты. Сейчас на ваши планшеты я отправлю краткую информацию по данному виду объектов. Каждый из вас должен будет из неё выбрать все необходимые данные по теме «Что делать при боевом столкновении с этими монстрами», назовём её так. Потому что, несмотря на то, что от Абрамса мне пришлось удирать, делал я это по одной причине — в связи с отсутствием боеприпасов. А в качестве зачёта мы с вами проведём практическое полевое занятие по огневой работе с пробными экземплярами «Святогоров». И вот за это с вас будет снята подписка о неразглашении...

— Дела, ничего не скажешь... — Скопа закурила, поглядывая в окошко, прорубленное в старых досках. — Что-то я стараюсь, если честно. Крюк, он серьёзный малый...

Да уж, точнее не скажешь. Крюк, которого легенды называли первым из механизированных гибридов, был парнем куда как серьёзным. Я с ним сталкивался. Давно, в самом начале своей карьеры. Стоял тогда перед ним навтыжку, опасно косясь на то, как эта громадина, сопя и ругаясь, советуется со своим калекой-напарником, которого таскал на закорках, о том, что со мной делать.

Он шлялся по небольшой площадке перед зданием бывшего супер-маркета, куда меня занесла нелёгкая. Ходил взад-вперёд, поскрипывая левым сочленением на том месте, где у нормального человека тазобедренный сустав, стараясь аккуратно обходить тёмно-красные лужи, которых здесь было куда как достаточно.

Тогда меня зажали два гипер-урсуса. И ведь даже не трогал этих здоровущих, центнера по три весом, заросших туш. Шёл себе мимо, направляясь в сторону Станции, так как патронов у меня осталось не больше двух магазинов, добычу унесли в рюкзаках «Пуритане», загнавшие меня в развалины Семёрки. И никакого выхода кроме актуальной сдачи военным на Станции — я не видел. Лицензия у меня была оформлена только до рубежа семнадцатого километра, и внятного объяснения по поводу моего нахождения в самом Центре у меня не было. Вот и топал себе, аккуратно и почти бесшумно, когда увидел прямо перед собой два больших тёмных шара, летевших в мою сторону.

Короче загнали они меня на Базу. И я их почти смог обмануть, драпанув по крышам. Но в одном месте старые кровельные листы не выдержали, и полетел раб Божий Пикассо вниз, с воплями и матюгами. Ну а дальше...

Хромая выбрался на стоянку перед бывшим «Грошом», стараясь оттянуть тот момент, когда мой хребет треснет от одного могучего удара. А эти махровые паскуды уже и не бежали. Мягко переваливаясь — шли чуть сзади, ворча и похохатывая. И так мне обидно стало тогда, что аж вспоминать не хочется. Никогда бы не подумал, что смерть может быть вот такой, донельзя глупой и ненужной. И тут появился он, Крюк.

Просто снёс остатки кирпичного невысокого заборчика, вылетев из него таким гибридом Кинг-Конга и башенного крана. И что меня в нём поразило, так это то, что он дал

гиперам возможность уйти. Схватил меня за шкирятник, забрасывая на крышу какого-то сарайчика, где мне немедленно ткнул ствол «Кипариса» в затылок парень без ног. А сам Крюк встал перед мишками, рывкнул что-то неразборчивое и закрутил над головой свою, уже давно ставшую легендарной, цепь с крюком. Тем самым, надо полагать, из-за которого и заработал короткое и внятное имя.

Урсусы его призывы к миру и человеколюбию проигнорировали, видимо решив, что голем им не помеха. Ну что скажешь, как оказалось впоследствии: за что боролись, на то и напоролись. Смерть супер-медведей была быстрой и эффективной.

Не заморачиваясь по поводу проявления Изменённого благородства во время схватки, Крюк правой рукой вытащил из-за спины нечто, до того висевшее бревном, накрытым чехлом. Как оказалось, это был и не чехол, и не бревно. И оно не висело.

Чёрт его знает, что здесь в Районе происходит. Какие процесс проходят в организмах Изменённых и как они подстраиваются не только сами, но и подстраивают всё вокруг под себя. Закреплённый сервомеханизмом и несколькими гибкими лентами на поясе голема висел шестиствольный пулемёт, накрытый плащ-палаткой. Её-то он и откинул в сторону, явив перед моим взором то, что я привык видеть как минимум на вертолётах типа «Кайман». Аккумулятор и железный короб с патронами висели рядом, надёжно зафиксированные на каркасе, который выходил прямо из позвоночника Крюка. На этом, в принципе, бой и закончился, так как урсусы опоздали с нападением. Прав был тот, кто говорил о самой лучшей обороне в ключе нападения.

Порвав, при помощи своего агрегата, гиперов на десять тысяч маленьких медвежат, или в клочки, что является такой же констатацией факта, Крюк решил заняться моей персоной.

Не буду передавать суть разговора, который сводился к тому, что мне, самонадеянному глупцу, не место здесь, в Районе. Могу только сказать, что после этого меня перестало подмывать стрелять в каждого такого здоровяка, который, бухая и лязгая, проходил в отдалении. А к самому Крюку я испытывал то чувство, которое и должен испытывать каждый спасённый к своему спасителю. Напоследок, проведя со мной краткий инструктаж по безопасному (относительно) продвижению в сторону Кротовки, голем одарил меня десятью полными магазинами и спецназовским рюкзаком, набитым необходимой амуницией. Гуманист, ёпта. Вот такой он, самый старший и мудрый из Изменённых.

А как оказалось, именно он передал местным воротилам следующее сообщение: не трогать «малышей». И всё тут. Точка, вэ энд, аллес, баста, конец. И как это объяснять тем дебилушкам, что сейчас сидели на лестничной площадке этажом ниже и вполголоса о чём-то судачили? Их ведь не остановила даже смерть товарища, попавшего на разрыв-траву. Не остановило появление смока. У меня вообще было ощущение, что эти гоблины немного двинутые на собственных желаниях. И, ясен перец, начхать им на то, что мы, рейдеры, соблюдаем неписанные правила поведения в Районе. Раз сказал Крюк, что не надо бить големов-заготовок, то значит нельзя этого делать. И как же это донести до этих потомков эстонцев. Ну, может и не эстонцев, но точно — далеко не самых быстросхватывающих представителей человечества.

А что мы, кстати, делаем в одной из заброшенных пятиэтажек в районе Восьмёрки? Да всё просто.

Вышли от Кефира, осторожно и аккуратно, сверяясь с данными навигатора. Прошли всего несколько метров, когда одновременно произошло два события.

Первое было страшным, но не очень. Просто вдалеке заскрежетало и заухало, а потом

взревело. А означать это могло только одно — большой смок пришёл в себя и теперь рыщет в поисках добычи для восстановления затраченных на излечение сил. И летел он в нашу сторону, паскуда, как будто ведомый неясным по природе, но чётко ощущаемым импульсом. Как будто в нас встроен маячок, а у него пеленгатор.

Второе событие было хуже, причём куда как по отношению к смоку. Оглянувшись в сторону ворот, ведущих на базу Кефирчика, стало ясно, что это невозможно. Блуждающие вспышки «автогенок» добрались аккуратно между ними, воротами, и нами. Опустились на землю и затаились, ожидая тех дурней, что решатся идти через переплетение этих тварей, прикидывающихся обрезками шлангов. Капец, причём полный...

Рёв сверху приближался, и нам не оставалось ничего другого, кроме как драпануть в сторону ближайшего подъезда, у которого не рухнул вход. Нам повезло, всего одного из туристов задело колючками гранатника, и то, они практически все пролетели мимо. Мы успели содрать с него штормовку, которую он, слава богу, решил по какой-то причине накинуть поверх спецкостюма. Штормовка корчилась и шевелилась, уничтожаемая быстро пожирающими её спорами репъёв. Вот такая она, фауна Района.

В подъезде, судя по всему, не жил никто из Изменённых, что само по себе даже было странно. Вроде бы внутри не было гнилушника, серого мха или конденсата. Но и следов жизни — заметно не было. Мы поднялись наверх, так как все двери были железными, закрытыми и плотно сидящими на штырях, утопленных в стены. Тратить пластик, если честно, было жалко. Да и опромётчиво, находясь в Центре, стараться самим оказаться в замкнутом пространстве квартиры-ловушки.

Вот потому мы сидели на крыше, попав через хлипкий чердачный люк. Обсуждали втроём дальнейший план действий и слушали, как где-то недалеко беснуется голодный смок. Темнело. Ночь наступала всё сильнее и сильнее. Ночь в Районе, эхех...

Глава пятая: день — отторжения

В комнате было довольно светло. Лампа, забранная в колпак из стальных, крашенных прутьев, горела исправно. Плевать было лампе на то, что в Радостном уже полсуток что-то рвалось и рушилось. И накласть, судя по всему, на то, что линии электропередач давно были нарушены. Вот такой нонсенс светил ярко, давая возможность не искать свечи и керосиновые лампы.

В углу, на продавленном старом диване, хрипло дышал наконец-то заснувший Мирон. Парню было плохо, колотили жар и озноб. Обработанные Валерой лохмотья, в которые превратились ноги от колен и ниже, уже начали пахнуть. Тяжелый и сладковатый запах разливался по комнате с высоким потолком. Пэтэушник, метался по дивану, ежеминутно сбрасывая одеяло и почти не приходя в себя. И лишь совсем недавно он ненадолго затих, постанывая в беспамятстве сна.

За грубо сколоченным столом, отбивая кончиками пальцев незамысловатый ритм, сидела рыжеволосая Катя. Рядом, аккуратно прислоненный к стене с отваливающейся штукатуркой, стоял большой, выкрашенный в красный цвет топор. Девушка сильно устала и хотела спать. Но пока в «теплушке» не появился странный, искорёженный механический монстр с цепью вместо левой руки, она не могла позволить себе расслабиться.

В коридоре, укрывшись за наваленными в перегородившую его баррикаду мешками с цементом, прятался Валера. Он смог недавно поспать. Совсем ничего, но этого ему хватило. Сейчас он смотрел на большую, стальную дверь со штурвалом запорного механизма и ждал условного стука. Ему было страшно. Так же, как и ночью. Но сейчас он был не один и поэтому держался.

Страх накатил недавно, сразу после того, как тренер проснулся, поел то, что ему дал странный индивидуум, откликающийся на Алексея и завёдший разговор. Странный, непонятный и неожиданный. Хотя к неожиданностям и странному — Валера уже начал привыкать.

Тогда, на перекрёстке, он бы так и так не смог выстрелить. Да. Напротив него стояло нечто. Большое, исковерканное, украшенное металлическими деталями, торчащими из тела. Заляпанное в крови и ещё чем-то, похожем на густую и тёмную смазку. Стояло и смотрело на него донельзя грустными глазами ещё совсем юного парня, которому довелось превратиться в монстра. Монстр помолчал немного и начал говорить, а Валера опустил ружьё и поднял Катю, пришедшую в себя.

Потом они шли куда-то, ведомые их странным провожатым, тащившим на себя переломанное тело какого-то парня, представившегося Мироном. Дошли до старенькой двухэтажки у больничного городка. Там раненый тоскливо, как зверь, завыл, давясь слезами и глядя на дымящиеся её остатки и несколько тел, лежащих на земле. Разорванных в клочья и практически неузнаваемых. Но он их узнал и потому плакал, не стыдясь слёз. И тогда Лёшка, этот ходящий гибрид человека и каких-то механизмов развернулся и быстро-быстро пошёл куда-то в сторону ближайшего гаражного массива. И им ничего не оставалось, как пойти за ним. Потому что неожиданно на улицах вновь начал клубиться туман и от него несло смертью.

И Изменённый привёл их сюда. В бункер. Откуда бункер в самом почти центре того города, где Валера родился и провёл большую часть собственной жизни? Да хрен его знает.

Каким чутьём вывел их к нему совсем пацан, было также непонятно. Валера лишь заметил, что Лёшка так и не был уверен до конца, что идёт правильно. Просто шёл вперёд, ориентируясь на ему одному понятный компас, который вёл его именно туда, куда было нужно. И вот он сидит в нём, в освещённом тусклом светом ламп коридоре и сжимает в руках собственное ружье. Слушает хриплые стоны, доносящиеся из комнаты, ждёт Лёшку и не понимает, что делать дальше. А там, снаружи, снова начало трясти и корёжить, и Изменённый отправился туда, в самое сердце всех странностей происходивших вокруг. Пошёл искать бинты, антибиотики и обезболивающее. Хотя нужен был врач, и вероятнее всего — хирург. Потому что у Мирона явно началась остро-прогрессирующая гангрена. И спасти его могли только две вещи: чудо или ампутация.

— Плохо ему. — Катя подошла тихо и незаметно, заставив задумавшегося Валеру вздрогнуть. — Совсем плохо. Горячий как печка, бредить начал. Ой, мама моя. Чего же делать-то?

— Не знаю. — Тренер почесал заросший щетиной подбородок. — Наружу не выберешься. Может эмчэсовцы скоро появятся всё-таки. Не может же так быть, чтобы совсем никто и никак не реагировал. Такое ведь творится, что не приведи Господи никому. И никакой реакции за всю ночь. К врачу бы парня.

— К врачу... — Девушка зябко повела плечами. — Что-то мне ни в каких врачей не верится, если уж честно. Валер, я не знаю, что тут происходит, но мне так страшно, ты не представляешь...

— Представляю. Такая же...э-э-э...фигня.

— У тебя? Да брось, ты спокойный как танк. И на этого, уroda, спокойно кинулся...

Валера помолчал. Пошарил по карманам, нашёл сплюсненную пачку сигарет. Её он достал из кармана Мирона. Вроде бы и бросил курить, а тут...такое. И снова, пока есть. Закурил, глубоко и нервно затягиваясь. Собрался с силами, поворачиваясь к Кате:

— Да я боюсь, солнце ты огненноволосое. Так боюсь, что мне просто не по себе становится. Никогда такого не было, да и с чего быть-то? Я ведь, перед тем, как тех двух застрелить и на мента замахнуться, девушку свою убил. Хотя, она конечно девушкой не была уже... Олька-а-а...

Лампочка в коридоре тускло светила, отбрасывая тени по углам. Совсем молодая, высокая рыжеволосая девушка сидела, прижав к груди взрослого мужчину. Его плечи ходили ходуном, и камуфлированная куртка Кати быстро становилась мокрой в тех местах, где прижималось лицо бывшего тренера. Она ничего не говорила, да и что можно было сказать человеку, который совсем недавно своими руками убил существо, в которое превратился самый близкий и любимый человек. Девушка молчала и гладила этого сильного человека по голове, лишь изредка шепча что-то, что доступно любой настоящей женщине из той, глубинной и вековой памяти, что передаётся из поколения в поколения, от каждой матери к каждой дочери. Простые и ласковые слова, так необходимые и которые должны быть сказаны только тогда, когда в них нуждаются.

Через полчаса Валера всё также спокойно, как и раньше, сидел на посту. Рядом, подложив под себя найденный матрас и накрывшись тёмно-синим, немного отсыревшим одеялом, спала Катя. Уставшая, замученная и несломленная девушка, которая смогла перенести весь кошмар, выпавший на её, совсем не такие уж и хрупкие, но совсем юные и нежные, почти ещё детские, плечи.

Тренер смотрел на неё, такую домашнюю даже здесь, в бетонном горле коридора. И

понимал: что теперь у него есть то, ради чего стоит бороться со всем, что встретит его наружи. А если сбудется самое плохое его предчувствие, и мир больше никогда не станет таким, каким был до сегодняшней ночи, так и тем более. Ему есть о ком заботиться и кого защищать.

Валера улыбнулся, глядя на то, как выбился длинный непослушный локон, и как девушка подложила ладонь под щёку. Улыбнулся и подумал ещё о том, что не зря он тогда смог сломать себя. Сломал, пересилил и добил в себе тот животный страх, что захватил его с головой. Именно тогда, когда он кинулся на ей на помощь. И сейчас вот она, спит, успокоившись и доверившись ему. Как же это было замечательно, это тёплое чувство, от которого хотелось довольно поёжиться и зажмуриться. Если бы он знал, что всё, что сейчас приходит в голову, скоро разлетится на куски под напором мощи Волны. Хотя она и прошла, казалось бы уже давно, но не всё ещё закончилось...

Тук-тук...тук-тук-тук...тук-тук-тук-тук...тук-тук...красно-белые вперёд!!!

Чья-то сильная и твёрдая рука настойчиво пробарабанила по люку условный сигнал.

Кир шёл по улицам городка, приютившего на какое-то время зооцирк. Шёл без опаски, да и кого было ему бояться? По бокам мелькали юркие тени Его стаи, внимательно проверяющие всё вокруг. Он изредка отдавал им мыслеприказы, проверяя — а не пропало ли то удивительное, что подарила ему Волна? Нет, и даже становилось всё сильнее. И тогда зоотехник радостно и безумно захохотал, осознавая, что он Бог...

Куда и зачем они шли? Киру было без разницы. Он наслаждался самим собой, новым, Изменённым. Всё вокруг было новым и незнакомым, с приятным и терпким ароматом лёгкой тайны, которая укутывала всё вокруг в уже уползающий и рассеивающийся зеленоватый туман. Постичь и понять пределы этого нового мира сейчас ему хотелось больше всего.

Да, на него пытались нападать. Кинулись наперерез одиноко идущему человеку несколько низких теней, четвероногих, разномастных, отдающих запахом псины. Их не пустили охранники Кира, мгновенно набросившиеся на них с деревьев, росших по бокам сплошным частоколом. Налетели, рыча, визжа, порвали непонятно кого на мелкие клочки.

Потом навстречу вылетел волк. Один из тех, что сбежали. Длинный рыжий степной волчара. Сейчас ставший намного массивнее, отрастивший гриву на холке и гнуций лапы совсем по-кошачьи. Но Кир его не испугался, и даже скомандовал стае отбой. Внимательно посмотрел на тварь, проникая той мыслями прямо в голову, заставляя её сознание подчиняться ему.

Волк задрожал, вцепившись когтями под собой, скрежеща и ломая тротуар. Длинная и массивная пасть приоткрылась, выпустив наружу угрожающий рык. Липкая и вязкая слюна струйками падала вниз, собираясь в немалую лужицу. А Кир только чуть напрягся, поворачивая голову направо, и отдал короткий и жёсткий приказ: ко мне!! Ко мне тварь, ползи на брюхе, мети хвостом пыль. Ну?!! И волк сломался, рухнул на пузо и пополз. И лишь только когда зоотехник разрешил ему подняться, то зверь занял место с правой стороны от него, преданно смотря глубокими чёрными глазами с красной искоркой. Так и шёл рядом, постоянно порываясь дёрнуться в ту сторону, где начиналось хотя бы мало-мальское движение. И Кир довольно улыбался, понимая, что таких, как этот волчара — будет ещё немало. Лёгкая кавалерия, волчьи драгуны, о как!!!

Он не успел сдержать зверя, когда на перекрёстке в их сторону шагнула согнутая двуногая фигура, вяло подволакивающая ноги и безмолвно разевавшая тёмный провал рта. Волк успел первым, метнулся рыжеватой молнией, сбил и рванул зубищами за горло. Потом сверху накинута Стая. И Киру не досталось никакого материала для тренировки. Но он не расстроился, так как людей в городе было куда как больше, чем животных. Случай представился практически незамедлительно. Выскочив с одного из первых этажей пятиэтажки с правой стороны улицы. Хищная, подтянутая, с гривой длинных сивых волос, девица, густо перемазанная в крови. Она явно была из тех, кто охотился добрую половину этой ночи. Кого она успела отправить на тот свет, борясь с внутренним, всепожирающим голодом? Мужа? Ребёнка? Родителей? Это Киру конечно было без разницы, но пикантности бы придало.

Кир так и не смог понять, почему не подействовало на неё то, что так спокойно помогало ему справляться с животными. Девка не дала ему возможности закончить, рванув на него со скоростью хорошего гоночного автомобиля, и тогда он нажал сильнее...

Она просто превратилась в густой фонтан из того, что было в её голове, взорвавшейся моментально, как граната. Тело чуть постояло и упало, дёрнув руками.

Потом было окно на первом этаже, за которым возникло бледное лицо. Через несколько секунд оно открылось, и молодая женщина в разорванной и окровавленной майке высунулась в него, пытаясь криком привлечь внимания Кира. Это ей удалось без труда, так как он уже давно начал жалеть о своей несдержанности в отношении бухгалтерши. Низ живота скручивало и сдавливало. Он был Богом и хотел стать отцом полубогов. А эта сдобная брюнетка в окне как нельзя лучше подходила для того, чтобы если и не заделать ей ребёнка и влить в него часть своей силы, так хотя бы спустить пар. Команду обезьянам Кир подал быстро. Женщина не успела понять того, что произошло, когда с ближайшего дерева к ней вломилось несколько подвижных лохматых тел. Она закричала, но было уже поздно.

В её квартире зоотехник задержался достаточно надолго. Бабёнка попалась очень аппетитная и заводная, особенно после того, как один из резусов щёлкнул зубами в миллиметре от её руки. Она тогда попыталась сопротивляться, думая, что остались одни, не понимая, что его Стая тут, за окном. После этого она стала очень и очень покладистой, вытворяя такое, что, наверное, и не снилось её мужу. Или кем он там ей приходился. Этот вопрос Кира волновал меньше всего. Как и то, что этот самый не-пойми-кто валяется всего в нескольких метрах от него, с раздробленной головой. Надо полагать, что кухонный топорик, которым это всё и было сделано, не так давно держала пухлая рука брюнетки. Странно, вроде бы храбрая баба, а додумалась засидеться до того, что попала теперь как кур в ощи́п.

Всё это приходило в его голову, пока тётка всю изображала из себя ковбоя, объезжавшего дикого мустанга. Кир позволил себе попробовать покопаться в её мозге. Результат превзошёл все его ожидания и сейчас радостно скакал на никак не желающем успокаиваться члене зоотехника. Пока, наконец, ему не надоело всё это хлюпанье и мокрое скольжение.

Инге, а именно так звали почти тридцатипятилетнюю женщину, относительно повезло. Её никто не стал убивать, и даже наоборот. К ней была приставлена охрана в количестве двух крупных самцов, которым поставленный приказ был абсолютно ясен и понятен. Она осталась в собственной квартире ждать, когда её новому Господину соблаговолится вернуться, после осмотра владений. И именно это наверняка спасло её дважды.

Когда Стая подошла к зданию бывшей гостинцы, из которой давно сделали общежитие,

по ней незамедлительно был открыт автоматический огонь. Пять бойцов отряда спецназа ГУФСИН «Мангуст» первыми вступили в прямое боестолкновение с Изменёнными.

Они смогли убить одного из павианов, не успевшего метнуться под защиту металлического сигаретного ларька. Обезьяна пролетела по инерции несколько метров, кувыркнулась и скребанула лапами по земле, прежде чем умереть. Кир, видевший всё это из-за бетонного блока, перегородившего въезд на парковку у общежития, зарычал. Ведь это был член его Стаи, и его, прямо на глазах вожака и повелителя, убили!

Прибывшие на помощь две другие группы «спецов» смогли вытащить одного из своих товарищей. Того, который первый сообразил, что никакая выучка и никакое оружие не смогут им помочь против одного единственного доходяги в застиранном камуфляже, одним поворотом головы заставляющим их стрелять друг в друга. Он попытался убежать, когда его догнала пуля, выпущенная командиром группы. Сам командир и второй из оставшихся в живых спецназовцев, после выполнения задачи, пошли на корм Стае.

Кир понимал, что не сможет долго заставлять этих сильных людей выполнять его волю. Пока возможности были ещё не те.

Это столкновение заставило его отнестись к угрозе, пришедшей из того мира, что был вокруг Радостного, с полной серьёзностью. Стая не станет больше сразу. А для того, чтобы стать настоящим Хозяином этого города, ему нужно много зверей, очень много. И неизвестно, получится ли также легко подчинять себе всех тех, что сейчас устроили кровавую охоту вокруг. И поэтому он ушёл назад, на квартиру к Инге.

И там, после того, как отдохнул и пришёл в себя, он взял в руки голову женщину и проник в её память, выворачивая её наружу, ища то место, где можно было бы организовать свою базу. Нашёл то, что хотел и довольно улыбнулся, отпуская брюнетку. И лишь несколько секунд спустя понял, что сделал что-то не так. Напротив него, пуская слюни, сидела кукла с пустотой в глазах. Он хмыкнул и отправился в ту сторону, где увидел то, что так его заинтересовало.

Егерь аккуратно вёл автомобиль, стараясь не наезжать на ухабы. Грунтовка, в которую перешли аккуратно уложенные плиты, закончилась. Впереди тянулась лента укатанной земли в перелеске, росшему около реки. Она была неровная, и ему тяжело приходилось вести «Ниву» так, чтобы не потревожить пришедшую в себя девушку.

И было ещё кое-что...

Как можно было назвать непонятное свечение, которое он случайно увидел чуть сбоку? Да кто ж его знает, как. После того, как Егерь осторожно, не глуша машину, подошёл к нему, яснее ничего не стало.

Воздух светился. Причём заметно это было только под одним определённым углом, когда смотреть приходилось сбоку. Если же стать к свечению лицом, то ничего. Воздух как воздух, абсолютно прозрачный и ни капельки не светящийся. Он подобрал валяющийся под ногами сук и осторожно кинул его в ту сторону, где была загадка.

Вверх ударил фонтан голубого, яростно пожирающего воздух, пламени. Мгновенно испепелил сук и опустился вниз, распадаясь на несколько аккуратных языков, образующих венчик самой «горелки». Или, вернее...

— Ни хренатушки себе, конфорка... — Егерь недоверчиво покачал головой, смотря на то, как пламя полностью спало, втянувшись в землю.

Увиденное чудо больше всего напомнило ему именно работающую конфорку газовой плиты. Только не бывает в природе, нормальной природе, таких вот странных штук. Или, во всяком случае, не было, до сего момента. Что ему больше всего не понравилось, так это понимание того, что впереди на дороге запросто может оказаться ниона такая хреновина. И даже не две. Да и вообще, всё что угодно может там оказаться, кроме непонятого зверья и людей, с которыми произошло что-то вообще невнятное. Мда...ситуация инсинуации.

Сзади хрустнула ветка. Егерь мгновенно развернулся, вскидывая карабин и толчком уходя в сторону. Выдохнул облегчённо и нахмурился:

— Наташ, я же просил оставаться в машине, а?

— Я испугалась, увидела факел какой-то, и...

— Ладно. Ты не делай так больше, хорошо? Очень тебя прошу.

— Хорошо, не буду. А что это было?

Он подошёл к ней. Заглянул в большущие, всё ещё испуганные голубые глаза, вздохнул. Прижал жену к себе, поцеловал в крашеную макушку, вздохнул:

— Если бы я знал, Наташа, что это...пошли в машину. Едем дальше.

Они пошли назад, к «Ниве», не оглядываясь. Перед тем, как сесть на своё место, Егерь оглянулся назад, на тот кусок города, что ещё не закрыли деревья.

Радостный горел, чадя жирным чёрным дымом то здесь, то там. Тёмные столбы, хорошо видимые в полностью светлом, утреннем небе, поднимались вверх, сносимые несильным ветром. Что и как там было сейчас? Много бы он дал за то, чтобы получить ответ на этот вопрос. Возвращаться туда он бы не рискнул ни за что, не имея хотя бы каких-либо разведанных. Слишком странно и чересчур страшно прошла эта ночь. А впереди тоже было неясно и смутно.

Он курил, глядя на деревья, окружающие дорогу. Стереотип того, что фауна не может быть агрессивной, начал развеиваться как тот самый дым над Радостным. Потому что таких деревьев ему видеть явно никогда не приходилось.

Вон хотя бы то, похожее на обычный для лесостепи карагач. С какой стати на нижних, каких-то чересчур уж удлинившихся и странно подвижных ветвях, появились очень острые на вид иглы? И что за лишайник странного цвета и с активно бугрящейся живой поверхностью появился на нескольких молодых клёнах, торчавших за кустарником? Да и сама трава...ставшая тёмно-зелёной со странным стальным отливом, торчавшая то тут, то там. Ой, и неладное что-то творится вокруг, ой и нехорошее.

— Что самое главное в танке, товарищ майор? — Поинтересовался Егерь сам у себя. — Так точно, товарищ командир разведроты, самое главное в танке — не бздеть...

Сел на сиденье, проворачивая ключ зажигания. Двигатель послушно заурчал, и они поехали дальше. Правда — с куда как меньшей скоростью.

Машина спокойно преодолела расстояние до лагеря «Лесная сказка», где Егерь решительно утопил педаль газа в пол. Учитывая всё, что произошло сегодня, ему вовсе не хотелось начать стрелять в то, во что могли превратиться дети, которые уже должны были отдыхать здесь. На это не хватило бы даже его, крепких как стальные тросы, нервов. И он очень надеялся, что в скором времени не придётся даже вспоминать про это. Так как впереди была дорога, которая должна была вывести их туда, где, как надеялся Егерь, ничего этого не было. Ведь не может ведь повсюду твориться то, что не придёт в голову никому в здравом рассудке.

По дороге к мосту, который вот-вот должен был появиться впереди, им пришлось

дважды остановиться.

В первый раз прямо по курсу движения Наташа успела заметить то самое движение воздуха, что было на повороте. А Егерь успел отвернуть так лихо, что факел вспыхнул, но при этом не смог зацепить их даже краем.

А во второй раз уже он сам увидел что-то ещё более странное. Кучку земли, которая двигалась по странной окружности непрерывно. Места на дороге хватило, чтобы вплотную прижаться к густой стене деревьев и объехать странность. Которая, как успел краем глаза увидеть Егерь, метнулась в их сторону, но остановилась в нескольких десятках сантиметров. Не выходя из машины, Наташа кинула в её сторону пачку сигарет...

Земля вздыбилась, ощетинившись торчащими в разные стороны острыми концами спутанного клубка корней. Мансур, прижимавший к себе Надю, только и смог, что удивлённо присвистнуть.

И ещё вокруг, несмотря на то, что половодью было далеко не его время, становилось всё более и более топко. То ли всё-таки вышла из берегов река, и тогда вопрос о мосте становился подвешенным в воздухе. То ли случился резкий подъём грунтовых вод, которые здесь лежали очень близко к поверхности. В любом случае им всем повезло, что машина была именно «Нива», с её высокой проходимостью и возможностью включить «пониженную».

Несколько раз по бокам, между деревьев, мелькали какие-то еле различимые, смазанные тени. Но пока никто не приближался к ним и не атаковал. Хотя Егерь, помятуя «льва», был готов к самому худшему.

Впереди просвет между деревьев стал ярче и показался последний поворот, ведущий к мосту. Под широкими крышками автомобиля хлюпало всё явственнее и сильнее. Лица Натальи и Мансура разом стали напряжёнными, глаза уставились вперёд, пытаясь увидеть то, что их ожидало впереди.

А Егерь приглушил двигатель, стараясь услышать то, что появилось в воздухе на самой границе слуха. Цыкнул на них обоих, которые, повернув к нему удивлённые лица, попытались возмутиться. И стал вслушиваться, пытаясь понять: а не показалось ли? Нет, не показалось. Где-то там, впереди, отчётливо урчало в воздухе, так знакомо и узнаваемо. Тяжёлый и кажущийся медленным звук от рубящих небо винтов «Крокодилов», старых и грозных двадцатьчетвёртых «Ми». Сколько раз ему доводилось вот также вслушиваться, ожидая этот знакомый, и родной звук. И рука непроизвольно сжалась, пытаясь понять: где же гладкая картонка ракетницы-сигналки? Где ребристый металл на самом конце гильзы, из которой должен выпасть самый кончик шнура, и тогда...

И тогда вверх пойдёт красная ракета. И шум винтов станет ближе и ближе. А потом разом загрохочет и засвистит, наполняя всё вокруг разрывами НУРСов. И в десантном люке будет стоять, поливая огнём пулемётчик Джексон, который не родственник стародавнего короля поп-музыки. И рядом выдохнет воздух прапорщик Полевой, у которого кончились ВОГи к «гэпэшке». И потом будет полёт на базу, и...

Егерь помотал головой, убирая в сторону воспоминания, которые сразу появились перед глазами. Подмигнул пассажирам, и аккуратно тронулся вперёд.

Лёшка шёл вдоль ограды больничного городка, внимательно смотря вокруг. Под ногами хрустели осколки оконных стёкол, выбитых взрывами газа ночью. Где-то рядом, в путанице

двухэтажек выли и рычали. Причём постепенно удаляясь и явно кого-то преследуя. Но ему до этого было абсолютно по барабану. В руке парень держал оторванный кусок стальной трубы с каким-то хитрым механическим узлом на конце. Патроны для автомата, который он с грехом пополам смог прицепить сбоку, на дороге не валялись. А учитывая то, насколько выросла его физическая сила, справиться с кем-то можно было и с помощью импровизированной кувалды.

Да и вообще, тело его выкидывало такие фортели, что впору было не просто удивляться. Впору было говорить спасибо тому неизвестному фактору, что исковеркал его до неузнаваемости. Потому как хотя это и было очень страшно, но только благодаря ему до сих пор были живы те, кто остался в бункере. Да и сам хозяин странноватой конструкции из не пойми каким макаром сплетённых воедино кусков механизмов и плоти. Странное было чувство, ох и странное...

Бывший неформал никогда не был слабаком. Да, не был качком или боксёром. Обычного телосложения, разве что чересчур худощавым стал в последние года дав-три. Но вот морально было тяжеловато, слишком был мягок и раним. Но физически — никогда не жаловался. А сейчас? Когда пределов собственной силы было ещё не выяснено, и ощущение было просто прекрасное. Потому что новое тело слушалось бесприкословно и чётко, делая всё, что было ему необходимо. Ночью он уже переключался на несколько совершенно диких диапазонов зрения, охватывая окружающий мир и по тепловому излучению, и в каком-то зеленоватом спектре, который давал возможность разглядеть самую малую трещину на стене далеко стоящего дома. Слух был тоже неплох, воспринимая даже хриплое дыхание изменившейся твари вон за тем углом больничного корпуса, гулкое и частое биение её сердца и еле слышный скрежет от когтей, в нетерпении скребущих гравий. И ещё он чувствовал её запах, плохой, жадный и агрессивный. Запах едкого и холодного пота, чуть сладковатый запах свернувшейся крови тех, кого тварь догнала ночью и слегка уловимый аромат разложения. Скорее всего, тварь на момент прохождения Волны была уже мёртвой и процесс некроза прекратиться уже не мог. Наверное, именно поэтому тварь и была такой глупой, не соображая того, что мерно шагающая громада ей явно не по зубам. И вёл её только голод. Его Лёшка тоже чувствовал, голод был глубокого багрового цвета, заворачивался небольшим смерчем и выдавал тварь с головой.

Когда, одним пинком распахнув ворота, Изменённый вошёл во внутренний двор больницы, ... она напала. Метнулась из-за угла, низко пригибаясь к земле. Несколькими длинными прыжками, отталкиваясь мощными, с буграми мышц под синеватой кожей, ногами оказалась рядом. Рыкнула, блеснув солидного размера зубами, покрытыми ниточками слюны. Скакнула, целясь в его шею, выставив перед собой длинные лапы-руки, украшенные длинными когтями. Лёшка ударил всего один раз, поймав её в полёте и снося ей голову своим вновь приобретённым боевым молотом.

Голова оторвалась с непередаваемо мерзким звуком, плеснуло потоком тёмной, почти чёрной крови. Тварь завалилась на землю, ещё скребя конечностями.

— Баба, однако, мда... — Лёха сплюнул, покосившись в сторону затихающего тела. — Фу, пакость-то какая.

Он повёл головой по сторонам, пытаясь оценить варианты возможных нападений. Пока было тихо. Впереди, прямо напротив него, у вторых ворот, мелькнуло несколько собачьих силуэтов. И вроде бы всё на пока. «Ну и хорошо, — мелькнула мысль, — так оно явно лучше». Лёшка пошёл вперёд, надеясь попасть в здание, где находился приёмный покой и

был проход в реанимацию.

Комплекс больничных зданий в свете наконец-таки наступившего дня был страшен. Целых окон практически не осталось. Валялись выбитые двери. Стояло несколько машин «Скорой помощи», и практически у каждой стёкла изнутри были заляпаны тёмным и вязким. Проверять их в планы изменённого не входило.

Несколько раз ему казалось, что из окон следят чьи-то внимательные глаза. Когда оборачивался, то не успевал заметить ничего. Хотя обоняние говорило о том, что в корпусах явно кто-то есть и двигается. Вокруг было очень и очень неуютно. И это касалось и обострившегося обоняния, которое улавливало много различных нюансов в общем коктейле, созданном безумный садистом-парфюмером. А то, что вместе с запахами в голове складывался и чётко показанный образ, даже немного пугал бывшего пэтэушника.

Вон тянет из того окошка, у которого почему-то до сих пор старая, выкрашенная в белый цвет рама, обеззараживающим и чем-то гниловатым. А в голове сразу возникает очень явственная картина: лежащий на кушетке пожилой мужчина, голова которого накрыта простынёй, пропитавшейся красновато-коричневым. Рядом, опустив между колен бессильно свисающие руки, сидит медсестра в халате, украшенным алым росчерком брызг. На полу лежит большой ланцет, лезвие которого почему-то изъедено ржавчиной. Женщина смотрит в одну точку странно увеличенными глазами с кошачьими зрачками и поёт сама себе колыбельную. И кто знает, почему она пустила в ход медицинский нож?

А в белой машине с красной полосой на борту, свернувшись в клубок, лежит женщина с громадным, торчащим вверх животом. Он ритмично сокращается, заставляя владелицу отрываться от поедания того, кого она затащила в автомобиль совсем недавно. И тогда она недовольно ворчит, готовясь выпустить на свет что-то, что помогло ей выжить этой ночью. Но хотелось ли ей этого?

Из оконного проёма здания городского морга тянет свернувшейся и запёкшейся кровью, остатками картошки и котлет. И Лёшка уже знает, что там лежит ещё одна женщина, бывшая не так давно очень красивой. И он очень рад тому, что после смерти ей не пришлось приобрести страшной новой жизни. Это, наверное, правильно.

В старой, красно-кирпичной «инфекционке», спрятавшись в закрытом боксе, укрывшись толстыми матрасами, ждут своего времени несколько «куколок». Там спит сейчас главврач, его заместитель и несколько больных, бывших в прошлой жизни наркоманами. Не-жизнь вошла в них, даровав возможность выздороветь от вируса гепатита «С» и ВИЧ-инфекции у двоих. Наградила острыми стальными иглами, сейчас спрятанными в мускульных сумках на руках. Страшный и смешной каламбур Той, по чьей воле в одну ночь погиб целый город.

И Лёшка был только рад тому, что не слышит ни звука из закрытой на ремонт детской поликлиники...

Он дошёл до приёмного покоя. Чуть поколебался перед тем, как потянуть на себя ручку двери, обитой снаружи красной искусственной кожей с авангардным и аляповатым узором. Нагнулся под низким косяком, когда заходил и застыл, открыв вторую дверь. Прямо на него смотрели, не мигая, черные глаза художавого высокого мужчины, сидевшего напротив двери.

— Что встал, заходи. — Он чуть шевельнулся, взяв в руку стакан с горячим чаем (если судить по запаху свежей заварки). — А то сижу и жду, когда же, наконец, ты соизволишь заявиться.

— Давно ждёте? — Лёшка не придумал ничего более глупого, чтобы ответить.

Настолько сильно поразил его этот спокойно дующий чай индивид с бездонными глазами, одетый в тёмный рабочий комбинезон.

— Это, смотря с чем сравнивать. — Мужчина прихлебнул чаю и аккуратно откусил кусок засохшего пряника, предварительно обмакнув его в горячую жидкость. — Если с тем, как растянулось время ночью — то не очень. А так, вообще-то, довольно давно. Успел даже найти новую одежду и немного пожрать. И инструменты. Идём, что ли?

— Куда идём? — Лёшка продолжал обалдело смотреть на странного мужика.

— В бункер, надо полагать, куда же ещё? Риторический вообще-то вопрос. Кто шёл в медгородок за медикаментами, а? И у кого сейчас товарищ страдает, если явно не у меня? Да не стой ты столбом, Алексей, просто уверуй в то, что я специально ждал тебя. Знал, что ты придёшь и всё тут. Инструменты вон в том рюкзаке, который я попрошу тащить именно тебя. Там же и всё остальное.

— Но, почему?

— Потому что Мирону ещё не вышел срок, вот и всё, мой юный механизированный друг. Именно поэтому мне и нужно помочь вам. Такая у меня, значит, теперь работа. Следить за правильностью смерти. И давай, не смущайся, зови меня Танатом. Пошли, не стой столбом.

И они пошли. Именно в ту сторону, откуда совсем недавно пришёл Лёшка. Который ничего не понимал, но своим новым зрением видел, что в странном товарище, представившемся именем греческого бога, нет голода.

По дороге на них вылетела стая в пять собачьих голов. Но ему ничего не пришлось делать. Поджарые и злобные монстры шарахнулись в сторону, едва завидев того, кто шёл рядом с ним. Что заставило их сделать это — было ему неинтересно. Ну, или не совсем интересно.

Катя, сидела в комнате, которую Валера, только взглянув на странные деревянные шкафы, обозвал караулкой. Она старалась не прислушиваться к звукам, доносившимся из-за двери, ведущей в коридор напротив. Но избавиться от них не получалось. И хотя Мирон ни разу даже не застонал, сейчас её колотило мелкой дрожью при одном воспоминании о резком скрежете, который издавала никелированная пила.

Пришедший с их странным, ставшим на половину механизмом, знакомым мужчиной с чёрными глазами — напугал её. Так, как она ни разу до того не боялась. Катя помнила, как вскинулся было навстречу ему с криком «Сашка!» тренер. И как споткнулся, глядя в бездонные чёрные провалы, уставившиеся на него. А потом он внимательно посмотрел на неё. Открыло было рот, чтобы что-то сказать...но тут пришёл в себя Мирон. Застонал, точнее — почти закричал. И мужчина, бывший некогда другом Валеры и звавшийся Сашкой, отправился к нему.

Лёшка шагнул за ним, задев головой низкий потолок. Чуть позже раздался низкий спокойный голос черноглазого и взволнованный голос Изменённого. Они спорили, хотя, как показалось девушке, спор был изначально проигран одной из сторон. Во всяком случае, вскоре голем, а именно так в разговоре обозвал Лёшку пришедший с ним мужчина, метнулся в сторону одного из коридоров.

Он чем-то там грохотал, передвигая с места на место. Попросил Валеру нагреть воду в

водонагревателе, который питался автономно. Вода и сольёрка для небольшой электростанции были наготове, как ни странно это казалось Кате. Бункер вообще удивлял её тем, что в нём всё было так, как будто в любой момент сюда могли заступить на дежурство. И это в городе, в котором отродясь не было военных частей?! Хотя по сравнению с тем, что происходило и происходит там, снаружи, это уже не было настолько поразительным. Чуть позже, бережно неся Мирона на аккуратно вытянутых руках, Лёшка прошёл туда, где недавно грохотал. А мужчина кликнул её.

— Чем-то помочь? — Девушка зашла в комнату.

— Ну да. — Он отвлёкся от занятия, заключающегося в том, чтобы полить чем-то едко пахнущим сверкающую никелем даже в тусклом свете пилу, похожую на ножовку по металлу. — Только не мне.

— А кому тогда? — Катя покосилась на зубастое металлическое существо, чувствуя, как в низу живота бодро начинает закручиваться что-то липкое и холодное. Страх.

— Себе. И тому парню, Валеруну.

— Вы про что?

— Про то, что скоро произойдёт с тобой. И как он отнесётся к этому.

Одним, неуловим движением, мужчина оказался рядом, цепко взяв её за узкий подбородок и внимательно заглянув в глаза.

— Меня зовут Танат, девочка, запомни. Это может тебе пригодиться...потом. Ты ведь уже чувствуешь, да?

— Что я должна чувствовать?!!

— Изменение, моё несчастное юное создание. Его, которое никак теперь не остановить. Ты же чувствуешь, уже около часа, наверное.

Катя застыла, понимая, что этот странный человек (и человек ли?) говорит правду. Она ощущала, как что-то в ней начало меняться. Только сейчас осознание этого пришло само собой, наполнив всё вокруг страхом. Тем же липким и мерзким ужасом, что, казалось, ушёл и спрятался далеко-далеко. Девушка понимала, что Танат говорит правду, жесточайшую и точную. Как выстрел снайпера или движение скальпеля, такую же точную и верную. Час назад...

Именно тогда где-то внутри что-то начало шевелиться и по сосудам побежал жидкий огонь. Она не сказала ничего Валере, надеясь, что это просто температура. И лишь несколько минут назад, зайдя в тускло освещённый туалет и сняв брюки, она увидела, что Изменение началось. Из-за жестоко изнасиловавшего её в «ментовке» Семёныча? Или оно просто задержалось на время, подарив надежду на то, что она осталась такой же, как и раньше? Кто же знает и какая теперь разница? Рыжеволосая, совсем юная девушка стояла, глядя в глубокие чёрные провалы существа напротив, и не знала: что же её делать?..

— Тебе, наверное, нужно уйти... — Мужчина вздохнул. — Никто не может знать — что же произойдёт? Ты понимаешь?

— Да...

А сейчас она сидела в тесной «караулке», зажимая уши, и слёзы текли по лицу. Пару минут назад Танат вышел из импровизированной операционной, вытер со лба пот и закурил сигарету, которую стрельнул у Валеры. Сел на порожек и задымил, чему-то улыбаясь. Станный, ставший абсолютно чужим человек, довольный тем, что сделал что-то хорошее. Он не смотрел в её сторону, но она понимала, что всё равно скоро всё встанет на свои места. Катя встала и пошла в сторону душевой, которая находилась в конце коридора. Старой, с уже

пожелтевшим кафелем и почему-то с работающими во всём окружающем бардаке кранами и «лейками» в кабинках. Когда она проходила мимо Валеры, то, не говоря ни слова, просто взяла за руку и потянула за собой. Оглянувшись, девушка увидела, как одобрительно качнул головой курящий на пороге.

И было несколько минут полной тишины, когда она медленно разделась, даже не пытаясь закрываться от взгляда тренера. Повернула кран душа, наполнив кабинку облачком пара. Встала под хлещущие струи горячей воды, стекающей по телу. Подставила лицо под неё, закрыв глаза, и чувствуя, как вместе с каплями воды — текут слёзы. И опустилась на кафельный пол, села, обхватив колени руками и уткнувшись в них лицом. И чувствовала, чувствовала его взгляд, когда...

Когда он, медленно сползший по стене, потрясённо смотрел на чёрную вязь узоров, проступивших на её молочно-белой коже. На чуть удлинившиеся бёдра, на налившиеся вытянутыми узлами мышц предплечья и икры. На фосфорный отблеск в её глазах, который так чётко было видно в полутьме. И Валера тихо повернулся в сторону выключателя, убрав свет полностью. Лязгнул металлом ружья, прислоняя его к стене и начал снимать с себя одежду...

Она не знала, что ждёт её впереди. А то, что было здесь и сейчас, не нуждалось в домыслах и догадках. Человек, потерявший недавно всё, что было его жизнью, решил для себя будущее намного вперёд. И оно, это будущее, сейчас мягко плавилось в его руках, отдавая всё то, что ещё было человеческим, пытаясь остаться им хотя бы на несколько последних, сокращавшихся очень и очень быстро, мгновений.

Катя, чувствуя то, как всё быстрее и быстрее побежал внутри жидкий огонь, прожигавший все внутренние перегородки, изогнулась так, как никогда не смогла бы раньше и закричала...

А Валера?..

А что Валера? Что мог он думать сейчас, когда увидел как рушатся все светлые мысли, которые так настойчиво колотились в голове совсем недавно. Да ничего, кроме того, что он да самому себе слово: всегда быть рядом с ней. И тренер, не привыкший отступать, старался ни о чём плохом не думать. Потому что:

В его руках билось и стонало гибкое, с перекатывающимися под ладонями мышцами тело. Оно было прекрасно, совершенно и изумительно. И какая разница, что вдоль позвоночника уже можно было нащупать небольшие пока острые бугорки. И то, что на крестце этой девочки что-то ворочалось, стараясь вырваться и удлиниться, и было страшно от того, что Изменение шло и шло своим ходом.

Валере было всё равно. Он сделал свой выбор и сейчас хотел только одного: стать хотя бы на немного таким же, как и она. Чтобы быть всегда рядом. И пусть даже это всегда будет недолгим. Он не бросит эту девочку. Никогда. Ни за что...

Когда дверь бункера мягко встала на своё место, Лёшка устало вздохнул. Танат, сидевший рядом, понимающе потрепал его по плечу:

— Он молодец, выбрал страшный путь ради неё. Не находишь?

— Да уж, это точно. — Голем отхлебнул воды из эмалированной кружки. Кружка жалобно скрипнула, когда он сжал пальцы чуть сильнее. — Наверное, ты прав.

— Всегда должно оставаться что-то человеческое. Даже если и остаётся оно не в человеке. Я не знаю того, что суждено этим двоим. Возможно, и вероятнее всего так оно и будет, то, что тренер не сможет измениться. Во всяком случае до того состояния, которое позволит находиться рядом с ней.

— Это плохо...

— Наверное, больше никак и не смогу сказать.

— Что же с нами случилось, а?

— А тебе не всё равно?

— Нет. Всё-таки хотелось бы знать: кому, или чему, я обязан всем этим.

— Узнаешь, в своё время. Пока могу сказать только одно: я не знаю всего до конца.

Несмотря на то, что узнал уже многое. А предстоит узнать ещё больше, как я понимаю.

— Спасибо, успокоил, ничего не скажешь. Останешься с нами?

— Нет. У меня свой путь. Вероятнее всего, что мы с тобой будем пересекаться, хотя в этом я и не уверен. Как и в том, что следующая встреча будет позитивной.

— Почему?

— Не принадлежу больше самому себе. Это всё, что могу тебе рассказать, малыш. Во всяком случае — пока.

— Хороший ты человек, Танат. Только очень загадочный...как Сивилла прям какая-то...

— Ой, какие мы умные слова-то знаем, да?

— А то...

— Ладно, пойду я. Запомнил, как перевязки делать?

— Да. Спасибо тебе, Саша.

— Да не за что. Я ж всё-таки клятву давал, какой-никакой, а врач.

— Не стоит пытаться выйти из города, как считаешь?

— Нет... даже и не пытайся, малыш. Живи здесь.

— Хорошо. Спасибо ещё раз. Когда я увижу их в следующий — впускать? Или как?

— Валеру можно будет и впустить. А вот девочку...скорее всего «или как».

— Совсем так всё плохо с ней?

— Контролировать наверняка не сможет. Себя и свои возможности. Запомни, что то, кем она станет в боевой трансформации, опаснее того, кто её породил.

— Хорошо.

— Умница. Ну, бывай. За лекарствами пойдёшь, скорее всего, не раньше чем через неделю.

— Спасибо...

На пригорке, укрывшись за густыми кустами орешника, сидел мальчик в пижамке со Спайдерменом. Он смотрел прямо перед собой, стараясь не упустить ни малейшей детали. То, что происходило внизу, может было и не очень интересным, но зато давало понять — что будет дальше. Раньше мальчик называл бы те штуки вдалеке не иначе как «вун-вун», или «бап-бап». А теперь ему и в голову такое бы не пришло. Потому что он знал всё, что было нужно.

Несколько громадных военных экскаваторов и грейдеров деловито фырчали дизелями,

прорывая широкий ров, тянущийся с севера. На отвалах уже суетились фигурки в зелёном, натягивая плотную сеть «колючки» и «егозы». Три автомобильных крана устанавливали металлические конструкции вышек. На одной, уже полностью собранной, виднелось несколько человек, суетившихся вокруг тяжёлого крупнокалиберного пулемёта на станке.

За отвалами, превращавшимися в хорошо укреплённые валы линии укреплений, дымили выхлопами «бээмпэшки» и «бэтээры», загоняемые механиками в капониры. Ревя турбинами подкатывал взвод тяжёлых «Орлов». Из тентованных грузовиков, останавливающихся в клубах пыли, торопливо, горохом сыпались вниз камуфлированные и бронезиленные военные. Командно вышагивающие фигуры тыкали руками, направляя подразделения на боевые посты. В зоне видимости раскладывалась миномётная батарея. А за автомобилями прямо на глазах, как грибы, росли острые верхушки больших палаток. Пронесли несколько боевых «вертушек», направляясь в сторону Радостного.

«Да уж... — Мысленно пробормотал под нос мальчик. — Прямо войнушку решили устроить. Посмотрим, посмотрим... Потапыч, ты там не уснул?»

Позади него что-то заворчалось и заворчало. Большая, бурая туша, с рыжеватым оттенком на самых кончиках волос шубы, плюхнулась рядом с пацанёнком. Медведь был могуч и громаден, куда как больше себя самого ещё несколько дней назад. Мальчишка помнил, как надолго застыл рядом с клеткой, любуясь на лесного великана, внимательно смотревшего на него бусинками умных глаз.

И вот сейчас он был рядом. Существо, сидевшее внутри хрупкой детской фигурки, увидев косматую морду, возникшую из густого тумана, обрадовалось. Вернее обрадовался мальчик, чьё сознание теперь приходилось делить напополам. Существо подобная встреча никак не показалась радостной. Что хорошего, спрашивается, мог бы ожидать ребёнок от изменившегося медведя?! Нужен ли ему этот лохматый и, без сомнения, блохастый мешок? Да не тут-то было.

Мишка попался настырный. Так и шёл чуть позади, сопя и пофыркивая. И совсем уж изредка — порывивая. И отзываясь на ментальную связь. А потом одним махом оказался впереди, бросившись наперерез совсем уж глупому Изменённому и одним ударом лапы убрал того с дороги. Судя по хрусту и удару — навсегда. Так что соседом он оказался совсем даже и не лишним. А когда существо выяснило, что может общаться со зверем как с человеком, то совсем успокоилось.

«Видишь, что творится?» — Мальчик повернулся к зверю.

Медведь утверждающе уркнул и мотнул громадной башкой. А потом заворчал, показывая длинным, совсем не медвежьим, пальцем в сторону детского рюкзака, что лежал на траве.

«Вот сладёна, а? Много будешь есть сладкого, так у тебя слипнется кое-что, понял?»

Поняв, что медведю откровенно накласть на все возможные, в отдалённом будущем слипания, он вздохнул и открыл рюкзак. Достал батончик, развернул и протянул зверюге, которая немедленно, довольно заурчав, слопал половину.

Где-то внизу и позади, неожиданно послышался шум двигателя. Мальчишка заинтересованно прислушался, совсем детским движением повернувшись в ту сторону.

Мансур чувствовал себя уже достаточно бодро. Да, в голове всё ещё гудело, но тело

начало слушаться куда как лучше. Надя, к сожалению, всё ещё не пришла в себя, хотя изредка стонала и пыталась шевелиться.

Юноша сидел рядом, прижавшись и обняв её, такую беззащитную в окружавшем их кошмаре. Смотрел не её далеко не классической красоты лицо и понимал, что она теперь нужна ему намного больше. Непонятная нежность стискивала его в своих мягких ладонях всё сильнее и сильнее. Он просто был рад тому, что жив сам и жива она, и скоро всё должно закончиться. Потому что впереди был поворот к мосту, к которому они так стремились. И ещё рядом был Егерь, которого боялся даже страх, который ещё совсем недавно так прочно сидел в парне.

Когда тот заглушил двигатель, прислушиваясь к чему-то, Мансур сначала не понял, что же такое произошло. И лишь услышав стрёкот вертолетов, до него дошло, что наконец-таки пришла помощь. И теперь всё станет на свои места и будет хорошо.

Вот только для него так и осталось непонятно, почему же тогда так нахмурился Егерь. Ведь звук винтов означал надежду. Так почему?

— Что-то не так? — Наташа повернулась к мужу.

— Это не «восьмёрки»...

— И что? — Мансур перегнулся через сиденье. — Какая разница?

— Какая разница? — Егерь покосился на парня. — Ты не улавливаешь?

— Нет...

— Как считаешь, нужно ли для оказания помощи пострадавшим при, скажем, землетрясении, направлять бомбардировщики?

— Что?

— Да то, Мансур. Если Ми-восемь используются и в армии, и в МЧС, то «крокодилы» — это только боевые машины. Понимаешь?

— Да мало ли? — Мансур улыбнулся. — Вдруг думают, что здесь теракт?

— И не говори... — Егерь попытался расслабиться. — Дай-то Бог. Только я хочу кое-что предложить. Так, на всякий случай.

— А именно? — Наташа откинулась на спинку сиденья. — Хочешь перестраховаться?

— Ну да...

— Да что вы хотите предложить-то?

Егерь задумался. Положил руки на «баранку» руля, отбив чёткий ритм пальцами. Мансур поразился: этот жёсткий мужик нервничает?! Из-за чего?

А тот, тем временем, достал сигарету и вышел из автомобиля, позвав с собой жену. Юноша, подумав, также выбрался наружу и подошёл к ним.

— Да что такое то?

— Не по себе мне. — Егерь затыкнулся. — Не должны тут боевые вертолёты летать, понимаешь? Странно это всё, очень и очень.

— Ну и чего делать-то? Назад поворачивать? — Мансур закипел.

— Ты успокойся. — Наталья подошла к парню и взяла его за руку. — Если говорит, что что-то не так, то значит так и есть. Понимаешь?

— Нет, знаете ли, не понимаю. Вот там, — Мансур ткнул рукой за спину, — творится чёрт те что. Оттуда мы уехали, спасибо вам обоим. Впереди что-то вас напрягает. Так давайте уже примем решение, что нам нужно делать, и всё. Ну, какие у нас варианты, а?

— Ты прав. — Егерь бросил окурочок на землю, втапывая носком ботинка. — Вперёд ехать нужно, крути не крути. Ладно, посмотрим. Поехали уже.

«Нива» дёрнулась, взрыла покрывками влажную, рыхлую землю и поехала вперёд. Впереди показался пологий, песчаный берег реки, густо заросший камышом. Старый, но всё ещё крепкий мост, стоящий на опорах из толстых стальных труб. Машина, направляемая аккуратно рукой водителя, закатилась на чуть прогнувшееся покрытие.

Мансур выглянул в окно, всматриваясь в воду. После всего, что произошло ночью, от реки тоже можно было ожидать любых сюрпризов. Крокодилам или ещё каким-нибудь плезиозаврам парень бы уже не удивился. А также русалкам, водяным и прочим ихтиандрам, вкуче с гигантскими морскими спрутами. Но на удивление река была спокойна, текла себе и текла, перекатываясь небольшими ленивыми волнами. Разве что вода в ней стала более зеленоватой, с преобладающим тёмным, различимо илистым цветом. И тут парня чуть было не согнуло в приступе рвоты.

По течению пронесло распухшее, землистого цвета тело с широко распахнутыми глазами. И казалось, что они, глаза, смотрят прямо на него, впиваясь мутными белками глаз с чёрными точками зрачков в лицо, стараясь запомнить.

— Фу-у-у... — Позеленевшее лицо Натальи говорило о том, что ей тоже несладко. — Ну, надо же так, напоследок...

Егерь ничего не сказал, смотря прямо перед собой и настороженно прислушиваясь. Переехав мост и остановившись у двух небольших пригорков, за которыми начинался поворот, он начал останавливать автомобиль. Подкатился к большим кустам и притормозил окончательно, вышел и неторопливо направился в сторону сросшегося куста лещины, достав предварительно из бардачка старый, исцарапанный бинокль. Быстро взбежал вверх, накидывая капюшон ветровки на голову, и ввинтился в заросли, мгновенно став невидимым со стороны.

— Ни хрена себе... — протянул Мансур. — А чего это он?

— На разведку пошёл. — Наташа вышла из машины. Присела несколько раз, восстанавливая кровообращение, так как ехали всё-таки долго. — Привычка, ничего не поделаешь. Сейчас придёт, доложит обстановку. И поймём, чего дальше делать.

— А... — Парень понимающе кивнул головой, хотя на самом деле ничего не понял. — Ждём, значит?

Женщина ничего не ответила. Присела на порожек «Нивы», задумчиво подпёрла ладонью лицо и стала смотреть в сторону соседнего взгорка. От нечего делать Мансур тоже повернулся в ту сторону. Смотрел и пытался понять: что же там странного? Как будто отпечаталось что-то на сетчатке, перед тем как он полностью повернулся и пропало. И как он не старался — разглядеть так и не получилось. Помятуя о странных штуковинах, встреченных по дороге, он даже обрадовался тому, что не придётся идти и пытаться разобраться. Хватило с него непонятного и неясного. Мансур покосился в сторону Наташи, пытаясь понять: а она тоже заметила?

Оказалось, что наверняка. В руке женщина уже держала неизвестно откуда вытащенный пистолет, покачивая стволом и смотря на такие же густые кусты, как и те, что были на макушке «их» холмика. Её губы шевельнулись:

— Видишь?

— Да. Странное что-то. Никак не могу разглядеть чего там.

— Самое главное, чтобы оно к нам не сунулось, вот что...

— Что не сунулось? — Егерь, возникший рядом абсолютно беззвучно, уже держал

наизготовку карабин. К которому, кстати, успел прицепить не пойми откуда взявшуюся оптику.

— Вон там, на холме. — Наталья ткнула пальцем в сторону непонятности стволом пистолета. — Заметил.

— Ну да. Пока не двигается и хрен с ним. Мальчишка там сидит. Я его в бинокль увидел. С медведем, правда.

— С каким медведем?! — Женщина оторопело взглянула на мужа.

— Большим бурым. Короче, команда, слушайте сюда. Прямо перед Ключами — куча военных. Сюда почему-то не суются, и это мне как раз таки и не нравится. По идее, и исходя из тактических соображений, именно здесь нужно было секрет выставить. А его нет. А что это означает?

— Что? — Мансур непонимающе уставился на него.

— Что всё плохо. Что либо карантин уже вводят, либо ещё что-то. И вот этот кусок — считается уже запретным. Опасаюсь я, если честно, что как бы по нам стрелять не начали. Мансур, ты пойми меня правильно — не хочу туда идти. Пока, во всяком случае. Понимаю, что Наде твоей помощь нужна, но я не один. Наташа мне очень родной человек, и мне не очень хотелось бы, чтобы в неё стрелять начали, как в заражённую. Может, немного подождём, парень?

— Я не буду ждать... — Татарин упрямо покачал головой, сцепив руки в кулаки. — Ей плохо, она до сих пор в сознание не пришла. Что мне ждать? Пока она умрёт, и с ней мой, слышишь ты, лесничий, мой ребёнок!!! Да с какой стати в нас кто-то стрелять начнёт?!! Что за херь ты несёшь?!! Тебе мозги просто на службе твоей отбило, вот и всё!!! Не хочешь помогать — не надо. На руках донесу. Если там. Как ты говоришь, военные, значит там и врачи есть. Какие-никакие, а врачи. Поможешь довезти или нет?

Егерь посмотрел на покрасневшего, разъярённого парня и покачал головой. Отрицательно.

Мансур, не глядя на него, пошёл к «Ниве». Вставшая Наташа только успела открыть рот, когда муж взглядом заставил её замолчать. Тем временем уже вполне пришедший в себя парень вытащил девушку из салона. Вскинул обмягшее тело на руки и зашагал в сторону поворота, который вёл к селу. Мимо тех, кто вытащил их из разбитой машины и спас от верной смерти он прошёл, всё также не оборачиваясь.

— Молодой он ещё... — Егерь сплюнул и снова полез на холм. — Глупый.

Наталья ничего не сказала, и направилась за ним. Может быть, что её муж и поступил некрасиво и нехорошо, может быть. Но она знала, что он никогда не принимал тех решений, которые могли бы привести к плохим последствиям.

Мансур шёл вперёд, стараясь держать Надю так, чтобы ей было удобно. Она дышала тихо-тихо. А парень уже начал уставать, и ему приходилось дышать тяжело и глубоко. Пот, поначалу выступавший лишь небольшими каплями, теперь непрерывно тёк струйками вниз, попадая в глаза. Ему постоянно приходилось моргать, отгоняя влажную пелену. Руки начали трястись, тело девушки, безвольное и обмякшее, тянуло их вниз. Но он шёл, стараясь не спотыкаться, чтобы, не приведи Аллах всемогущий, не уронить ношу.

Впереди, так далеко, на расстоянии не меньше, чем полкилометра, возились и рычали какие-то большие машины. Что они делали и зачем? Он не знал. Он просто шёл к ним, стараясь пройти как можно быстрее.

Его заметили, когда до рва оставалось не более десяти минут ходьбы. Закричали, показывая руками в их сторону, засуетились. Выбросив чёрный выхлоп, в сторону Мансура рванул один из восьмиколёсных стальных монстров. И тогда он, сначала опустившись на колени, сел. Аккуратно положил Надю на землю. Поднялся и, шатаясь, зашагал навстречу военным, махая руками и крича что-то бессвязное...

Егерь, лежавший в кустах на холме, выругался и плотнее прижал окуляры к глазам.

— Стоять! Стоять, сука, сказано тебе! Стой, стрелять буду!

Истощенный вопль, донёсшийся до парня, сначала показался ему бредом. В кого стрелять? Зачем? Ведь он идёт за помощью.

С борта бронетранспортёра прыгнуло несколько фигур в странных, глухих камуфляжах. Зеркальные стёкла шлемов не давали возможности рассмотреть лица. Да это и не было нужно, так как направленные на него стволы автоматов говорили сами за себя.

— На землю упал! Руки за голову! Быстро!

Ноги подкосились. Мансур устало растянулся на земли, сложив ладони в замок на затылке. В голове колотилась мысль о том, что всё это правильно и так нужно. И ещё вспоминался хрипловатый голос Егеря, который попросил его не соваться сейчас.

— Аккуратно, мужики. Не подходим близко. Эй, ты, слушай сюда. Кивай головой, если понял. Понял?

Он постарался кивнуть головой. Получилось плохо, но, судя по всему, говорившего с ним военного это устроило.

— Не вставать без команды. Дёрнешься — стреляем. Понял? Молодец. Кого ты там оставил?

— Это моя девушка. Она беременная. Нам врач нужен. В аварию попали, и она никак в себя не придёт. Помогите, пожалуйста.

— Молчать. — Треск, судя по всему — рации. — Сокол вызывает Грача. Грач, слышишь меня?

В рации что-то нечленораздельно буркнуло, судя по всему — Грач ответил.

— Здесь гражданские. Двое. Пацан какой-то. И его девчонка, без сознания. Говорит, что беременная. Что? Понял, хорошо. Отбой.

Осторожные шаги. Носки тяжёлых ботинок, порыжевшие от времени, с кажущимися даже на вид твердейшими носками остановились шагах в семи от него.

— Слушай сюда ещё раз. Как зовут?

— Мансур.

— Руки не убираешь, отвечаешь предельно кратко и ясно. Понял? Вот молодец. Первое — как сюда добрался, если в аварию попал?

— Дошёл. — Что-то внутри заставило Мансура промолчать про Егеря.

— Ну-ну. Сейчас разберёмся с ним, слышь Сапсан, и надо будет туда мотануть.

— А чего не послать второй бэтэр, а? — Голос Сапсана был таким же низким, как и у его напарника

— Мне оно надо? Я, знаешь ли, сам хочу походить в героях. А ты не хочешь что ли?

— Логично. А чего ждём-то?

— Учёных. Сейчас подъедут. Слышь, пацанчик, так чего у вас там произошло то, а?

Мансур открыл рот, чтобы ответить, но неожиданно раздался рёв ещё одного двигателя.

Рядом с бронетранспортёром притормозило ещё что-то. Он поднял голову и посмотрел, удивлённо и не веря глазам.

Машина была очень большая. Вытянутая, с сетчатой решёткой на лобовых стёклах, на высоченных колёсах. Вся утыканная какими-то антеннами и чем-то абсолютно непонятным. И вышли из неё два типа, затянутых во что-то, что напоминало скафандры для выхода в открытый космос. В руках у одного был небольшой агрегат, больше всего похожий на шуруповёрт. А у второго — свёрток, который после того, как тот дёрнул за шнурок, превратился в большой прорезиненный мешок, смахивающий на спальник. Только окошко было очень и очень маленькое, и по всей его поверхности находились очень крепкие на вид ремни.

Он понял. Сразу и всё, как только увидел, как странная машина отправилась дальше, туда, где лежала Надя. Прав был циничный Егерь. Мансур глубоко вздохнул, уткнувшись лицом в землю. Перед глазами начало закручиваться красное марево, в ушах отчётливо застучало, а в груди стало тесно. Он зарычал, услышав очень обострившимся слухом, как осторожно в его сторону двинулись те двое в скафандрах. Почувствовал, как напряглись ставшие вдруг очень сильными мышцы. И подпрыгнув на месте — кинулся на них, видя, как пульсирует внутри каждого, чётко, несмотря на плотные скафандры, заметные красные мышцы посередине груди. Как по их сосудам бежит красная жидкость. Как медленно движутся те, с автоматами, не успевая перехватить его прыжок...

— Ни хрена себе чудо-юдо... — Сапсан присвистнул, глядя на то, как расслабляется тело давешнего пацана. Как опадают взбугрившиеся мышцы и распрямляются успевшие мгновенно отрасти тёмные и густые волосы на голове и лице. Вот только на лице ли?

И ещё он, вздохнув, покосился в сторону тела бывшего его старшего, Коляна, с которым прошёл не одну войну. Тот лежал на спине, уже не хрипя и не дёргаясь. И кровь, до того бившая фонтаном из мгновенно распоротого когтями твари кевларового нагрудника боевого защитного комплекса «Кольчуга М-3». Который перекинувшийся в голливудского оборотня парень вскрыл играючи.

— Угу. Посмотри Борь, какой экземпляр-то, а? — Один из учёных нагнулся, рассматривая утыканное иглами парализатора тело. — Обалдеть.

— И не говори. — Второй, деловито разложивший свой мешок, подошёл ближе. — Таких я ещё не видел.

— Чего?! — Произнёс обалдевший Сапсан. — Каких таких?..

— Слышь, военный. — Борис повернулся к нему. — Ты локаторы-то спрячь. Грузи людей на броню и в карантинную зону. Понял? А то сам таким станешь. Быстро!

Сапсан открыл, было, рот, чтобы сказать всё, что он думает по поводу всяких там умников. Но тут пискнул коммуникатор, встроенный в экран наглазника и всё такое желание у него пропало. Даже по званию стоявший перед ним был на пару звёзд больше. Спецназовец хмыкнул и махнул своим, идя к «бэтэру».

— Ты на Базу сказал, чтобы их через «мозговарку» пропустили? — Первый, начавший натягивать мешок на Изменённого, обернулся к коллеге.

— Ну, уж ни в первой. Предупредил, красным кодом. Слышь, Валь, ты представляешь, если девчонка выживет? Она же беременная. Ёлы-палы...

— И не говори. Ладно, давай паковать. Вон уже наши возвращаются. Эх, родимый ты мой, мохнатый, чего ж ты такой тяжёлый-то?..

Отправленный к мосту патруль ничего не обнаружил. Кроме следов, которые никто и не думал скрывать.

Следы от протекторов тольяттинского внедорожника уходили на мост. Громадные когтистые отпечатки вели прямо в тёмную воду.

Егерь вёл машину в сторону одного из дачных посёлков, находящихся вокруг Радостного. Посёлок, бывший одним из самых больших, назывался прямо как конфеты в детстве: «Раздолье». Они молчали долго, почти всё время, пока ехали. Уже практически добравшись до скопления дачных участков, среди которых был двухэтажный кирпичный дом, доставшийся ему по наследству, Егерю пришлось притормозить и загнать «Ниву» в густой пролесок. Сверху на барраже прошёл «крокодил». И сейчас он уже начал их бояться. Наташа, молча и тоскливо плакавшая всю дорогу, повернула к нему распухшее лицо с красными глазами:

— И мы...и с нами будет тоже самое? Но как же, ведь...

— Успокойся. Ни со мной ничего пока не произошло, ни с тобой, слышишь, Наташ?

Она всхлипнула, жалобно, по-детски:

— Да слышу, я, слышу. Вот только понять не могу. Ну как же так?

— Как, как. Задницей об одно место, вот как.

Егерь вздохнул. Глубоко, стараясь успокоиться. Ему тоже было не по себе от того, что увидел там, на холме. Но им оставалось?..

Слава Рычинов, вышедший в отставку в звании майора, был доволен своей жизнью. Всё складывалось как нельзя лучше для него.

Работу бывшему военному строителю удалось найти очень быстро. Благо и опыт, и образование, и возраст — всё подходило. А помноженные на умения командовать людьми и решать всякие, весьма сложные дипломатические вопросы с бюрократами, давало только дополнительные плюсы. Как результат: жизнь шла как по накатанной. В отличие от большинства не таких удачливых сослуживцев, занимавших в ней, гражданской жизни, куда как более скромные посты. Став в тридцать восемь заместителем директора крупной строительной компании, Слава считал, что всё удалось. И стал задумываться о женитьбе на какой-нибудь, желательной разведённой и с взрослыми детьми, женщине. Нет, нельзя сказать, что он не любил детей, нет. Просто не хотелось, чтобы дома висели подгузники, и стоял несмолкаемый ор. Ну, так вот он был устроен. Планы рухнули в одночасье...

Когда на всех телевизионных каналах начали показывать город, лежащий возле Волги. Тот самый радостный, где прошли пять лет жизни тогда ещё капитана Рычинова. Через неделю после первых репортажей, ахов и охов журналистов всех мастей и титулов, после громких заявлений государственных мужей и тихих прогнозов знакомого врача-эпидемиолога, Слава запил. Нет, он не скатился в пропасть, после которой запросто можно было оказаться бомжом. Не такой закалки был человек. Но изо дня в день, с переходом на выходные, он начал употреблять всё больше и больше. Свадьбы не сложилось. А причина была проста...

— Что это, товарищ капитан? Я такое только в кино видел, ох, ёпта...

— Отставить, Снисаренко. Что ты как первогодок, право слово?

— Извиняюсь, не сдержался просто. Да-а-а...вырыли мы очередной тоннель для Росрезерва...

— Так, а ну отошли, бойцы! Кому сказал?! Снисаренко, выставь караул. А я к особисту. Но, бля, охиренная штука, я согласен. Ну, всё, давай будь бдителен тут.

Рычинов пошёл по прокопанной экскаватором глубокой траншее, ведущей в сторону строительного городка. Поправил спецовку с надписью «ТрансГаз», думая о том, что сообщать начальству. Официально они работали якобы на прокладке нефтепровода. По сути — так оно и было, так как его тянули рядом. По факту же...

По факту одно из подразделений инженерно-сапёрных войск РФ, которое само себя величало не иначе как «Росметрострой», расширяло и увеличивало хранилище Росрезерва России. Самое первое, созданное здесь ещё в шестидесятых годах прошлого века, было немного маловато. А если быть более точным — не подходило для хранения законсервированных углеводородных продуктов и прочих производных. Сам городок, с ласковым названием Радостный, строился изначально именно под данную задачу. Но пришло время, и, применяя все возможные методы конспирации, пришлось расширять площади. Благо, стихшие в лихие девяностые нефте- и газодобывающие местные предприятия снова работали на раз-два.

Именно поэтому батальон капитана Рычинова, состоящий исключительно из специалистов-контрактников, находился здесь. И рыл всё более и более увеличивающееся

количество траншей, которые в дальнейшем должны были перейти в тоннели, соединённые с основным старым комплексом. Самый сложный этап работ — создание искусственных каверн и резервуаров, ещё было впереди.

А вот сегодня, отваливая очередной пласт земли, экскаваторщик Семёнов приостановил работу и вызвал его, своего командира. Потому что под ковшом открылось нечто. Оно было, судя по видимой части, далеко не самых малых габаритов. И ещё оно было настолько странного искусственного происхождения, что Слава сразу вспомнил сериал про неугомонного американца, твердившего: я хочу верить. Да и было с чего...

Покрытое буроватым глинозёмом, нечто выпирало выпуклым боком. И был он — то ли сварен, то ли склёпан настолько хорошо, что казался абсолютно монолитным и целым. Без единого видимого шва, без какой либо трещины. И материал был похожим на металл, да только металлодетектор на него никак не реагировал.

То же, ещё та ситуация. И данные геологоразведки, и показатели прочих исследований, проведённых Институтом, во всю ивановскую кричали: нет здесь ничего!!! А оно было, вон, только оглянись, так и выпирало зеленоватым, со стальным отливом, покрытием. Рычинов вполне представлял себе, что теперь будет. И от этого ему становилось очень нехорошо.

Да! Его ребята ни разу не нарушали всевозможные подписки, которые давали, подписывая контракт с Минобороны. Но сегодняшней-то случай, как не крути, не подпадал под них. И как теперь начнёт суесться и дёргать ГБ, можно было себе представить. Слава был, конечно, далёк от мысли о том, что к ним применяют тот самый способ, которым надёжно закрываются любые возможности «слива» информации. Ведь на дворе не то время, что было почти сто лет назад, «воронки» не катаются. Но мандраж присутствовал, и никуда от него было не деться. Потому капитан Рычинов и оттягивал последние минуты перед свиданием с собственным особистом Сергеем.

Но как обычно — человек предполагает, а Господь, как известно, располагает. Потому, когда капитан остановился покурить, особист сам вышел из вагончика, бодро протопал в курилку и присел рядом с Рычиновым. Оба задымили. И с глубокомысленным видом начали обычное соревнование: кто больше колец пустит. Выиграл, как обычно, наследник несгибаемого Феликса, хитро улыбнулся и спросил в лоб:

— И чего у тебя, любезный камраден, случилось? Неужели нашёл клад адмирала Колчака, который прикопали драпавшие через эти места белочехи? Или чего поинтереснее?

Рычинов покосился на довольно скалившегося чекиста, отметил про себя, что хоть тот и ржёт, но глаза у него как у робота-супостата из римейка «Терминатора», вздохнул и начал рассказ. Много времени он не занял. По окончании — особист сорвался с места, да так, что капитан еле успел его догнать. Результат...

Работы не были прекращены, и даже никто не удалил с территории объекта подразделение Рычинова. Так что он оставался до того самого момента, пока обводная траншея не состыковалась всё таки с ближайшим отростком системы подземного сообщения объекта Росрезерва «Радостный-1». Хотя, как понимал умница-капитан, рядом с его площадкой появилась ещё одна, которую в документах обзывали не иначе как «Радостный-55», а промеж собой ловкие и склизкие парни с глазами пламенного борца за дело революции называли «зоопарком», «инкубатором» или «зелёнкой».

И как-то автоматически потом получилось стать майором, которого, правда, никто не двигал на должность подполковника, а скорее — задвигали подальше от населённых районов страны. Вместе с подчинёнными, которых, к тому же, постарались разбросать

кого куда. Увольнялся он из Сибири, подписав напоследок кучу бумаг. Которые сулили ему почти мгновенную смерть в случае, если захочется потрепаться.

В Интернете он нашёл нескольких ребят, даже переписывался. Пока...

Пока, около года назад, ему не позвонила жена Снисаренко. Паша умер. Скончался вместе с несколькими друзьями в гараже, распив бутылку водки после работы. А потом, случайно, он узнал про смерти ещё троих ребят из батальона. И с тех пор — полностью прекратил все связи с бывшими сослуживцами.

А потом были репортажи оттуда, из Радостного. Возбуждённые лица репортёров, верещавших об экологической катастрофе, связанной с взрывом газа, который приобрёл какие-то там свойства. Смазанные кадры, показывающие странные тела животных. Вертолёты на бреющем полёте, ров и линия оборонительных сооружений. И потом был звонок. С той самой площади. И он запил, давясь по ночам слезами и захлёбываясь слезами наполоам с соплями. Его похоронили через полгода. В закрытом гробу. Вернее то, что осталось после прыжка с десятого этажа.

Взгляд вперёд — 5:

— А я сказал...

— Рот закрой. — Большой нагнулся прямо к лицу «туриста». — Пока я его тебе сам не закрыл. И слушай, что тебе говорит умный человек. Наш старшой весьма толерантен и дипломатичен. В отличие от меня. Усёк?

Тяжело сказать, что упёртый «турист» не понял. Другое дело, что он не хотел терять лица перед товарищами. Хотя, чего там было терять? Если они только и делали, на протяжении всего разговора, что пытались изредка ему подперднуть и занимали героические и пафосные позы. Которые, правда, сдулись очень быстро, стоило вместо Скопы зайти Большому. Сложно их не понять, когда рядом с тобой находится этакая громадина, которая весьма убедительно ломает кусок стены, для того чтобы пройти дальше по бывшей мастерской «восьмёрки». Это одна из городских школ, некогда носившая номер восемь, как не трудно догадаться. Но это так, лирика, вернёмся к жёсткой реальности.

Спор имел место быть, этого не скроешь. И наши подопечные, несомненно, были правы в своих «предъявах». Даже с точки юриспруденции они были правы на сто процентов. Даже на сто десять.

Уговор был прост: идём охотиться на голема. Согласен, что именно так оно и было. Да вот только как доказать этим, в принципе неплохим ребятам, что не всё так просто. Хотя, конечно, говнюки они изрядные. Не моё, конечно дело, но тело товарища, разорванное травой, они могли бы потащить домой. Ну, на крайний случай, могли и нас попросить. И дело не в деньгах, которые я бы с них затребовал. Просто не по-людски это, вот так бросать человека. Да и что я тут мучаюсь нравственными дилеммами?

Вот только как втолковать этим кускам дебила про то, что в любом договоре имеет место такая фигovina, как форс-мажор. И Крюка, с которым невозможно было не считаться, нужно было отнести именно под эту категорию? Ну что я сделаю с этими глупырями, как достучусь до них? Как бы Большой не корчил страшные рожи, которые легко угадываются даже за матовым стеклом забрала, и то. Это делу поможет только в крайнем случае. А до него мне и товарищам нехрен доходить. Становиться персоной нон-грата и болтаться на веб-доске МВД с подписью «Живым или мёртвым. Награда сто тысяч миллионов монгольских

тугриков» мне не улыбалось. Да и славу дипломата, давно и заслуженно приобретённую в среде рейдеров, надо было поддержать.

— Слушай, Коля... — Я сделал многозначительную паузу, желаю дать имбецилу возможность проникнуться всей серьёзностью момента. — Я всё понимаю, но ты тоже постарайся понять. Есть такая тема, как голем Крюк. С этим страховидлом даже врагу не посоветую враждовать. Мало того, что он один из самых старых местных обитателей. Так он ещё и страшен как полк Псковской десантно-штурмовой. Причём — один. Если он сказал, что нельзя заезжим барам желать охотиться на голема и бить его в глаз из штуцеров-слонобоек, то так оно и есть. То есть — так тому и быть. Точка. Аллес. Конечный конец. Компренде муа?

«Турист» налился краской, прям как рак в кипятке. Насупил свои и без того грозные брови, и пошёл на новый заход в своём словесно-ковровом бомбометании:

— Пикассо, вот ты ведь мужик умный. Ты понимаешь, какую славу я тебе пропою как только выберусь из Района? Мне рекомендовали тебя как одного из самых ответственных типов во всём вашем сброде. Аванс мы вам какой внесли, а? Вот-вот. И что же получается? Из-за слов какого-то, мать его поперёк и вдоль, муганта — ты отказываешься от уговора? Ты сбрендил, рейдер? Тебе, может, стоит отсюда свалить и податься в учителя экологии куда-нибудь на одной параллели с Урюпинском? Не много себе ты позволяешь? Вместо того, чтобы взять меня, как одного из заказчиков к этому вашему Кефиру, ты меня заставляешь пялиться на четыре сиськи какой-то местной бляди. И ладно бы, если бы она согласилась за бабл перепихнуться, я тогда бы промолчал. Так нет, она, сука, гордая и не даёт всем подряд. Так ты ещё и заявляешь, что голема мы стрелять не будем. Дескать — непедагогично это, что ли? Не подрастут малыши, и не будет у них новых друзей-сородичей. Охренеть, не встать, чтоб у меня уши в трубку завернулись от потока того бреда, что ты на меня тут опрокинул.

Ну что сказать на такое? Кроме того, что Большого я успел перехватить на самом том моменте, когда ствол пулемёта упёрся Кольке в шлем, нужно было успокоиться самому. Остальные «туристы» стояли по стойке «смирно», хоть это хорошо. А как иначе, когда сзади ласково напевает любимую считалочку про: вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана, Скопа, и аккуратно держит в руках компактный «Кедр-МУ». Аббревиатура, несомненно, очень смешная, но к коровам отношения не имеющая. «М» — модифицированный, «У» — усовершенствованный. Хорошо, хоть больше ничего не добавили. Про то, что стреляет он исключительно мощно, пробивая даже хорошие бронекостюмы.

Ну, значит стоит всё-таки попробовать ещё раз. Эх, и с чего у меня такое ангельское терпение сделалось намедни? Раньше, ещё с год назад, без вопросов минимум отправил бы в нокаут этого упыря. А сейчас? Стою тут, объясняю прописные истины. Как дурак последний. А что делать? И я, мысленно поклявшись великому Че в том, что постараюсь не бить Коляна, свет дебилушку, чересчур больно и травмоопасно, сделал напоследнюю попытку:

— Предлагаю такой вариант, значит. Самое главное для вас что? Правильно, заявиться в ваш «Хантер-клуб» с крутым трофеем и доказать посрамлённым коллегам по бизнесу, что вы самые перчённые из всех охотников на свете. И на болту вертели всех, кто не сможет повторить ваш несравненный подвиг, так? Вот молодец, молодец. Хоть в чём-то, Николай, мы с вами достигли консенсуса. Большой, не изображай из себя несуществующего

реликтового гуманоида из заповедника «Южное Бутово», ты ж меня прекрасно понял. Ну, так вот, я выдвигаю встречное предложение. Огласить весь список?..

Коля попыхтел для порядку и значимости, но кивнул всёж таки, подлец, головой. И, соответственно, почувствовав себя не больше и не меньше, а г-ном Лавровым-младшим, я продолжил третий раунд переговоров между справедливыми и почти честными рейдерами с одной стороны и жадными, глупыми и подлыми, но донельзя денежными «туристами» — с другой:

— Есть у меня один такой закоулочек в местном бардаке, в котором находится гнездовище, вернее логово, прелюбопытнейшего экземпляра местной фауны. А именно — охрененно здорового, безумно злобного и абсолютно, сука, до жути и пупырышных мурашек, отвратительного грей-льва. Реально, мужики, страшный как второй самостийный президент после ветрянки и громадный как Годзилла. Ну, или как Кинг-Конг, как минимум. Если вы скажете, что притащить съёмку того, как вы загоняете големка без хотя бы встроенного автомата Калашникова, круче, чем завалить злобного изменённого царя зверей, и притащить его башку, то... я даже не смогу, что вам ответить на это. Вот вы покурите, перетрите и подумайте, а надо оно вам, сейчас лезть в бутылку против трёх рейдеров, которые спецназовцев гоняют вместо утренней зарядки? Или взвесив все «за» и «против» — согласиться с вновь озвученным изменением в нашем с вами уговоре? Ок?

— Хорошо. — Николай кивнул головой и гордо удалился в сторону сожранного ржавчиной фрезерного станка. Коля, Коля, Николай, сиди дома, не гуляй...

Вот тоже мне, гондольер. Ушёл таки — ну прям как Ван Бастен после Европы восьмого года: гордый и ни хрена несломленный. Мужик, ничего не скажешь. Сел всей жопой в лужу, а делает вид, что не себе фига подобного. Ой, видел я его по ти-ви. Не помню, правда, где да как, но видел, это точно. Мелькал где-то позади важных дядек с большими эполетами, временами красуясь перед камерами. То ли какой серьёзный бизнесмен, то ли ещё кто. Ну, да и ладно, хотя теперь ухо остро держать нужно будет. Дядька не из той породы, что забывают про ствол ПК, приставленный к голове. Хотя я на Большого не в обиде, правильно он поступил. Другого варианта развития событий и не могло быть. А то дальше было бы ещё сложнее, вон, до сих пор напыженные, как индюки Брандуляки. Хоть и обосрались по полной.

— Эй, брат. — Скопа перешла на внутреннюю, закрытую волну, чуть опустив вниз ствол «Кедра». — А оно нам надо? Может, пошлём говнюшат, доведем до базы, и пускай валят нах хауз?

— Не вариант. — Я вздохнул. — Деньги нужны. Сама знаешь, что мы на мели. А аванса, если они нам не выплатят остального, должно хватить надолго. Помнишь ведь, во сколько нам влетело твоё лечение, э? А мастерская у меня стоит, дохода нет. Сезон кончился. Эти-то — наверняка из последних ласточек. Так что нам так и так светит идти, но хотя бы сможем подготовиться нормально. Вещи вон подлатать. Большому, опять же, пулемёт сменить нужно. Без обид по поводу того, что напомнил.

— Да какие там обиды? Я ж понимаю. Ладно, хорошо. Хотя меня так и тянет надавать им пинков по филейным частям.

Большой, молчавший и рассматривавший столярные изделия за совершенно запылённым и не пойми как уцелевшим стеклом старого шкафа, повернулся к нам:

— Я тоже за охоту. Хочешь прижать Симбу? Давно пора, если честно. Меня эта драная кошка уже достала. Ведь всё понимает, зараза и постоянно начинает мелькать рядом, если

нас прижимают. Злопамятная скотина, ничего не скажешь. Давно заметил, что если нарвался на кого посерьёзнее — то обязательно головой по сторонам вертеть надо очень активно. А то обязательно свалится, откуда-нибудь, эта подлюка хвостатая. Надо нам было тогда вступаться за тех «несунов»? Ну, подумаешь, загнал бы он их, и что? Просто порция дурман-травы не дошла бы во внешний мир, всего делов-то. Ладно, ладно, сделанного не воротишь, знаю.

Ну да, не воротишь. И ещё мы, все трое, далеко не ангелы. И в тот самый раз, про который вспомнил наш пулемётчик, мы отогнали большого грея Симбу от «несунов», перевших на своих горбах тюки с местной Марией, дочерью Хуана. За что впоследствии были обласканы бабкой Матрёной, основным районным наркоторером, многими материальными благами. В том числе несколько ампулами с растительным медпрепаратом типа «ультраглукаина». Только сильнее в несколько раз. И обладающего, кроме обезболивающих функций, ещё и регенерационными. Такова се ля ви в Районе, и никуда от неё не деться. Наша местная жестокая правда жизни.

Негативной стороной нашего благого, по сути своей, и человеколюбивого поступка было то, что грей-лев стал нас преследовать. У этого вида Изменённых великолепная память. Прямо аж умиляет, как эта тварь нас помнит и любит...

— Вот и прижмём. Распотрошим кошастого на десять тысяч маленьких котейков. И будет нам мир и спокойствие.

— И ещё продадим ботаникам Грека евойные потрошки, ага? — Большой широко ухмыльнулся, предвкушая барыши. Ну да, некоторые внутренние органы греев стоят о-ё-ё-ё-й сколько.

— А ещё я не отдам им всю шкуру, а только голову, как ты, Пикассо, и говорил. А из неё сделаю половичок. Чтобы так раз, проснулася и ножками на тёплое и пушистое. М-м-м... сказка просто, а не мечта. — Скопа хмыкнула. — Пойдёмте уже, а то девушка начинает входить в охотничий раж. Эх, мальчики, я т-а-а-а-к-а-а-я-я-а хулиганка...

Большой хохотнул, видно представил, как проснувшаяся спросонья Скопа встаёт на колючую, как ёж, шкуру грея, и начинает ругаться. И моё недовольное мурло, так как это мне, при любом раскладе, придётся просыпаться и выслушивать её рулады. Куда как весело, слушать с утра ноющую и нудящую с «перепела» Скопу. Страшнее этого только те дни, когда...

Ну да ладно, как говорят америкосы — «прайватс». А как там наши господа «дуристы»? Прекратили свои прения по существу озвученного вопроса?

— Эй, парни! — Подняв забрало, я шагнул в их сторону. — Вы там как, не совсем ещё засовещались, а?

Коля встал первым, шагнув мне навстречу. Остальные подошли и встали рядом сзади.

— Мы согласны, Пикассо. Хотя считаем до сих пор, что ты не прав. И, исходя из этого, рейдер, я кое-что скажу. Наше условие: остатки вашего гонорара — по результатам охоты. Если не будет адреналина и, самое главное, трофея, который вы и потащите, заплатим только треть. Если всё тип-топ — то половину от оставшейся суммы. Согласен?

Не, ну вот паскуда! Мало того, что живым остался только из-за того, что ребята Сокола не пожалели гранат, так ещё и выёживается. Да и хрен с тобой, елот-потаскун ты одышливый. Половина, так половина.

— Я согласен. Ребята, надо полагать, тоже. Идём, значит?

— Идём. Это по маршруту, или придётся топтать ещё куда-то?

— Почти. Это в сторону конца Гаражей. Там наш лёва обычно шхерится днём. Он же, всё-таки, пусть и бывший, но гордый житель африканских саванн. Сами понимаете, нужны животине просторы. А там как раз — пустыри и бывшие огороды, есть, где разгуляться.

«Турист» чуть сбледнул с лица:

— А смок?! Пикассо, он же как раз там...

— Да не парьтесь. Судя по всему, наш крылатый ночью успокоился и улетел увеличивать территорию собственного ареала. У него есть ещё два противника, с которыми он постоянно что-то делит.

Вот это — истинная правда. Смоков в Радостном всего три, хотя изначально было с десяток. Но эти крылатые как-то настолько охамели от собственной крутости и безнаказанности, что решили покуситься на окраины вотчин военных. И попали, как водится, под плотный зенитный огонь. И, между прочим, новых смоков — пока не появлялось. Что подтверждало некоторые идеи, домыслы и слухи, ходившие в нашей среде.

А именноте, которые утверждали, что Район есть не что иное, как дырка в параллельный мир, откуда всякая пакость так и лезет на Землю. На самом деле, в ситуации со смоками было много непонятого. И изменяться в этих страшилищ здесь было некому, как-никак кондоров на Средней Волге вообще не водилось. Беркутов и орланов — давно истребили. Да и гнездились они не здесь, даже когда и были. А габариты крылатых? Ну, скажите мне, сколько ему есть надо, и где он этот самый корм находит?!!

Тем временем наши «туристы» явно успокоились и двинулись в сторону пролома в стене, через который мы и забрались в здание. Уже вылезая, Костя обернулся:

— Ты говорил, что днём в зданиях бывает очень опасно. Особенно в тех, у которых нарушения в стенах. Так почему мы сюда полезли так спокойно, а?

— А это его территория. — Вмешался Большой. — Родная школа. Он здесь учился. Так что теперь — метит её и не даёт покоя тем, кто нарушает границы его, Пикассо, частных владений. Вот и всего делов.

«Турист» с обалдевшим видом уставился на произнёсшего с абсолютно невозмутимым видом эту пургу пулемётчика. Но не стал комментировать, а просто выбрался наружу.

Я оглянулся напоследок, кинул кусок железа маленькому «магниту» в углу в благодарность за то, что он не стал выкидывать всяких кундштюков с нашим оружием и амуницией, и вылез последним. И правильно сделал. В дверь уже настойчиво начали скрестить, кто здесь жил и кто старательно подкрадывался последние минут пять, если верить датчику движения. Ну а зачем нам лишняя драка с теми, кто живёт внутри зданий, правильно?

А ведь я мог возвращаться сюда спокойно, зимой, встречаться с одноклассниками, пить водку, и трепаться про собственную карьеру. Возможно, что на каком-нибудь вечере встречи — случилось бы пересечься с той симпатяшкой из параллельного класса, вспомнить старое. Мда... что-то я сегодня сентиментальный.

А снаружи наконец-то успокоилось. «Всплеск» был небольшой, и в основном прошерстил поверху. Правда, вон тот, самый старый из тополей — наконец-то сломался. Да и хорошо, что выйдя из пятиэтажки через дорогу, мы успели добраться до пролома в мастерской. И там не было ни «паутины», ни чего ещё похуже. И даже переползла куда-то в сторону футбольного поля лужа «битума». Вон, парит над ней воздух. Еле-еле, но заметно даже невооружённым глазом. Ветер гоняет по полю чёрный песок, остающийся после ухода

тумана. Дрянь, скажу вам, редкостная, если попадёт её побольше в дыхательные пути — так пиши пропало. Ничто не спасёт.

Скопа, как обычно, бодро шагала впереди. Я не очень люблю сам Город, всё-таки большое количество домов даёт хорошие шансы снайперам. Потому стараюсь соваться сюда поменьше. Да и «туристов» не особо люблю. И есть за что, если честно. Паранойя моя в их сторону никак не утихает, лишь усиливается со временем. И не понимаю я их. Ну, скажите, за каким, спрашивается, нужно лезть в самое, пожалуй, гиблое место на территории нашей необъятной родины? Неужели нельзя больше нигде подчерпнуть адреналина, если есть нехватка? Те же охотнички наши...

Так и тянет посоветовать вспомнить заветы и привычки наших неуёмно-героических предков и отправить на кабанью охоту с рогатиной и ножом. Думаю, что неслабое удовольствие люди бы получили. Если бы смогли вернуться, хотя бы живыми. Так ведь нет — подавай им то, что пострашнее, Район подавай, охоту на Изменённых. Одно слово: тебе повезло, ты — такой как все, ты работаешь в офисе. Вот прав был этот древний поэт-песенник, чью запись я слушал как-то у Сдобного. Тот фанател от записей начала века и коллекционировал их непременно в оригинальных, бешено дорогуших, компакт-дисках. А наши «туристы» как раз подходили под героев песни: глупые, дорогие и гниющие в собственной скучной крутости. Хотя вряд ли они смогли бы в этом признаться сами себе. Придумывают себе самоубийственные развлечения, не думая о том, какие последствия могут быть. Да и наплевать им, наверное. Одно последствие как раз осталось на Пустыре, гнить под морозящим дождём.

Так, не время расслабляться и предаваться очередной нудной философии. Вон, впереди, виднеется что-то, весьма напоминающее одну заковыристую «якорную» ловушку. Ну-ка, сосредоточились и пошли аккуратнее...

Глава шестая: привыкание. Неделю спустя

За окном хлестал дождь. Был он странный и нехороший. Мирону было чётко видно, как на глазах чахнет и желтеет трава на газоне. Хотя его это практически и не волновало. Его вообще — мало что интересовало в последнее время.

Когда он пришёл в себя, лёжа на старой железной койке, то сначала ничего не понял. Открыл глаза, уставившись в белый, плохо видимый из-за тусклого света, потолок. Попытался сесть, и тогда же пришла боль. Чуть позже пришло осознание того, что ног ниже колена у него нет. Вместо них торчали аккуратно забинтованные обрубки.

Мирон смотрел отупевшим взглядом на бинты, на которых после его рывка выступили красные пятна. Пытался понять: а как же так? Всё, что он помнил, так это несколько вырванных кусков, в которых его тащил на руках Лёха, какой-то плохо освещённый коридор, рыжеволосая девушка, дающая ему пить и ноющая, бьющая рывками от ступней боль. Нет, не такая, как сейчас, а более сильная. И ещё там был запах. Точно. Сладкий запах разложения, который поднимался оттуда, где угнездилась ржавая пила, постоянно проходящаяся зубьями по его ступням и голням. А потом — ничего. Тёмный провал, в который он скатился, не выдержав всего этого. Да, его кидало то в жар, то в озноб. Это тоже было. А теперь?..

Теперь не было ни запаха, ни рывков пилы, ни жара. И ног тоже не было. Культяпки-то эти ногами было назвать очень тяжело. Он сидел и смотрел на них, пытаясь понять: а правда ли это? Сидел, глупо всматриваясь в них, кусая себя за губы и тря правый глаз. Слишком горячо и влажно там было, на самом его краешке. Странное такое чувство, которого он давно не испытывал. Даже совсем недавно, глядя на тела матери и соседей, обгоревшие до полной неузнаваемости, этого такого давно забытого чувства — не было. А сейчас было, вернувшееся из того времени, когда соседские пацаны забрали у совсем маленького Мирона пластмассовый оранжевый трактор, который ему купили в большом магазине, куда они заехали, когда были у родственников в столице области. Который тогда ещё живой отец купил, глядя на половину тележки игрушек, которую дядька загрузил для своего сына и на Мирона, смотревшего на них с плохо скрываемой завистью. Тогда родители поругались в электричке, возвращаясь назад. Мама говорила, что у них и так мало денег, и можно было потерпеть и не выпендриваться. А отец только скрипнул зубами и ушёл в тамбур, где стоял до самого Радостного и одну за другой курил свои вонючие сигареты без фильтра.

А мальчишки из соседнего двора, которые были старше, подошли к нему, радостно ковырявшему ковшом этого оранжевого чуда песок в песочнице, и забрали его. И потом, не обращая внимания на его отчаянные просьбы и разбив нос, когда он кинулся на них с кулаками, кинули на дорогу, прямо под колёса грузовика. Трактор треснул и развалился на куски, превратившись в лепёшку. И Мирон пошёл домой, смахивая тихие и злые детские слёзы. Дома уткнулся маме в колени и долго плакал, вздрагивая плечами. На следующий день сосед, работающий водителем на рейсовых автобусах, привёз точно такой же. И они ничего не сказали уставшему отцу, который вернулся со своей первой «северной» газовой вахты, которые снова стали хорошо оплачиваемыми. Но тот мальчик из песочницы пропал, и больше не вернулся. Вместо него появился новый Мирон, который спустя десять летарматурой выбил зубы каждому из тех трёх соседей. И у него, у нового Мирона, больше никогда не было горячо и влажно в уголках глаз. До того момента, пока он не очнулся и не понял, что ходить больше точно не сможет.

Через несколько минут, лязгнув металлом и низко нагнувшись, в дверь протиснулся Лёшка, довольно заулыбавшийся при виде сидящего товарища. Вот только улыбка очень быстро сползла с его лица, когда он понял то, что происходит. Он не стал ничего говорить, молча, поковырявшись в большой сумке, прицепленной к металлу поясного каркаса, выложил пачку сигарет и бутылку воды. Вышел, потемнев лицом, и вернулся только после того, как Мирон позвал его. Разговора не получилось. Он просто рассказал ему про то, как нашёл врача. Тому пришлось ампутировать обе ноги чуть ниже колена, иначе — каюк был бы бывшему пэтэушнику. Тот вроде бы и понял, но лучше от этого не стало. Ещё неделю он молчал, изредка бросая короткие фразы, когда они в три не самых ловких руки делали перевязки. И потом ещё две Мирону приходилось, стискивая зубы, делать вид, что всё хорошо. А вот сегодня, когда им пришлось выбраться вдвоём наружу, он не выдержал.

— Да на кой хрен мне оно надо, чурка ты железная? — Он брызгал слюной, давясь собственным криком. — Мало того, что сам стал — не пойми чем, так и меня в инвалида превратил. Морда охреневшая! Ты мне кто, бля, а? Тебя кто просил мне вот так помогать, козёл?! Хрена ль мне теперь делать-то? Сука, с-у-к-а-а-а...

Лёшка молчал, смотря на него сверху вниз, опустив руки вниз. Глазами шарил по разбитым плиткам пола в операционной, в которую пришлось влезть для того, что бы пополнить запас медикаментов. Было заметно, что в больницы активно пытались проникнуть не только они, но для большинства других «посетителей» это закончилось очень плачевно. То, что от них осталось, почти полностью растащили мелкие местные обитатели. Хотя, судя по полностью очищенному кабинету для перевязок — у кого-то всёж таки получилось. А вот двум товарищам помешать никто и не пытался. Скорее всего, из-за того, что Лёшка уже пару раз заходил на территорию больничного городка. И каждый раз убедительно доказывал, что связаться с ним лучше не стоит.

Он не нашёл ничего из медикаментов в бункере, как не искал. Зато нашёл две нормальных и одну спрятанную двери, ведущих куда-то. Открыть, правда, не смог, так как на них стояли механические кодированные замки. Но надежд на то, что может получиться добраться до них посерьёзнее — не терял. Заживало на Мироне всё хорошо, без проблем, но закончилось и обеззараживающее, резко пахнущее спиртом средство, и специальная мазь для культей и бинты. Потому и пришлось выбираться. Да и Мирон попросился наружу.

А сейчас, прооравшись, смотрел за окно. Насколько Лёха успел понять, сидеть им придётся не меньше часа. Такие дожди на последней неделе шли постоянно, утром, и вечером. По полтора часа. Нонсенс, конечно, ждать дождь по часам, но так оно и было. Может, оно даже было и к лучшему, потому что за час вполне можно было успеть поговорить с товарищем по несчастью. Так как ничего хорошего в срыве не было.

Мирон покосился на него, возвышающегося сюрреалистичной композицией из плоти и металла, даже когда Лёшка сидел на полу. На плохо скроенную из кусков мешковины сбрую, в которой голем притащил его сюда. На выражение лица, с которым тот рассматривал аляповатый узор трещин на битых плитках. Пустота, которая крепко охватила бывшего пэтэушника, заволновалась, чувствуя, как начинает давать трещину. Ей, запустившей корни глубоко внутрь искалеченного молодого парня, очень не хотелось рассыпаться кусками терракотовой глины. Как и самому Мирону, который понимал, там, в глубине, что он не прав. Потому как искалеченный куда как больше его Лёшка — не закрывался от него. Наоборот, старался стать ему как можно ближе. А ведь он даже не поинтересовался у Изменённого: что с твоей семьёй? Хотя прекрасно помнил, как тот пропал где-то на сутки,

оставив ему запас воды в двух пластиковых канистрах, несколько банок консервов и автомат с полным подсумком. Мало того, что Мирону даже не пришло в голову поинтересоваться тем, откуда он всё это притащил, так после его появления он даже ни разу не спросил того, непривычно молчаливого о том, где тот был.

Лёшка поднял голову, прислушиваясь. По коридору кто-то тихо крался. Вернее, думал, что крался, так как этот «некто» наверняка не знал о том, что голем услышал движение ещё тогда, когда тот задел кусок стекла на первом этаже.

— Что там? — Мирон тоже постарался прислушаться.

Голем приложил палец к губам и медленно приподнялся, стараясь не скрипнуть чем-нибудь. Аккуратно подкрался к двери, зацепил крюк левой руки на ручке и отступил назад, поднимая «кувалду». Мирон сглотнул, вспомнив, как застал Лёшку за тем, что тот отмывал её бьющую часть от липкой красной массы. За дверью чуть слышно зашелестел неплотно натянутый линолеум. Голем дёрнул дверь на себя, одновременно шагая вперёд и занося руку для удара. Из двери выстрелила молния.

Живая, орущая что-то нечленораздельное и размахивающая заточенной штыковой лопатой. Кувалда с хрустом впечаталась в темечко Изменённого, которого от удара согнуло пополам. За спиной Мирона со звоном вылетело стекло, впуская в операционную двух невысоких и гибких, мгновенно бросившихся на голема со спины. А с коридора влетели ещё трое, сумевших чуть столкнуть замешкавшегося Лёшку с места.

Тот попытался выпрямиться, чтобы скинуть хотя бы одного из тех, что висели у него на спине. Ему это почти удалось: он смог ударом кулака зашвырнуть в угол того, что был побольше, одетого в донельзя рваный тренировочный костюм.

Мутант отлетел, взрыкнув и мгновенно вскочив на четвереньки, и увидел вжавшегося в противоположный угол Мирона. Жадно облизнулся, глядя безумными голодными глазами на него и начал, осторожно пригибаясь, заходить сбоку, больше не вмешиваясь в ураган, воцарившийся посреди операционной.

Парень расширившимися глазами смотрел на то, что ещё совсем недавно было, наверное, мальчишкой лет двенадцати-тринадцати и никак не мог достать из-за спины зацепившийся за что-то АКСУ. Тварь пригнулась для прыжка и оскалилась.

Кир злился. Ходил кругами по собственной комнате на территории бывшего автохозяйства и доламывал остатки мебели. Обезьяна, сидевшая у двери в качестве сторожа, несколько раз порывалась выскочить, понимая, что Хозяин не в духе. Но каждый раз останавливалась, получив жёсткий, как удар хлыста, мысленный приказ.

Недовольство объяснялось просто: он не мог удерживать контроль над Стаей дальше, чем на три километра, как не старался. Аксиома, которая стоила ему потерянной части стаи обезьян, которых теперь осталось всего три и двух собак. Как не крути, а сил у него осталось очень мало. И ведь успел, успел привыкнуть к той силе, что ему давали животные, а? С людьми тоже получалось не ахти, если честно. Сил на них приходилось тратить намного больше и отвлекаться от зверей, которые немедленно начинали самостоятельную деятельность. Зоотехник, разозлившись, саданул ногой по крышке низенького столика, разнеся его в щепки. Обезьяна попятилась подальше в угол, присела на лысеющий зад, вытянув вперёд заметно удлинившуюся морду, и подслеповато заморгала тёмными глазками.

В дверь деликатно постучали. Кир повернулся в её сторону, и рывкнул:

— Кто там?

— Это Паук, Хозяин. Можно войти?

— Входи.

В дверь протиснулся один из тех Изменённых, которые не требовали постоянного контроля. Он остался в живых и прибился к Стае ещё неделю назад, только благодаря тому, что смог удивить Кира ударом, проломившим голову одной из собак. Загнанный в угол между высокими стенами автобазы, высокий, худой, с дополнительной парой верхних конечностей он не испугался. Когда высокая, облезлая тварь с двумя головами кинулась на него, захлёбываясь злым рычанием, то Паук, не долго думая пожертвовал нижними руками, которыми вцепился в обе мохнатые шеи. И пока собачьи пасти рвали на них плоть, схватил валяющийся рядом кусок арматуры и хладнокровно, парой сильнейших ударов, размозжил ей черепные коробки.

Кир остановил двинувшуюся в сторону Изменённого стаю и заговорил с ним. Как оказалось потом — абсолютно не зря. Он уже тогда задумывался о том, что иметь нужно не только зверей. Пауку, который до Волны был обычным бомжом, идти было некуда. Как и искать и пытаться выбраться с территории Радостного. Так и получилось, что он прижился, и потом притащил ещё двоих, которых знал ещё по прошлой жизни. Какими-то особенностями они не отличались, разве что стали ещё более грязными и заросшими.

И к тому моменту, когда Радостный начали шерстить военные, у Кира уже сложилась самая настоящая команда. Стая и три человека, вернее трое Изменённых.

— Что такое? — Зоотехник внимательно посмотрел на Паука.

— Вроде как к станции что-то движется по «железке», Хозяин.

— Опять?

— Да скорее — снова.

Кир довольно хохотнул. Настырные вояки, и прочие силовики вкупе с какими-то учёными, всё продолжали радовать его собственной глупостью, смешанной с храбростью. Начиная с третьего дня после Волны, получив, скорее всего первые данные о состоянии воздуха и всего прочего, лезли очень активно. Те спецназовцы, с которыми Стая столкнулась утром первого дня — в счёт не брались. Они были явно залётными ласточками, случайно прорвавшимися со стороны Черкасс. Безрассудный, хотя и очень храбрый поступок, ничего не скажешь.

Зоотехник вспомнил, как пожалел тогда о том, что не прихватил их оружие, но было уже поздно. Несколько автоматических стволов и сколько-то там патронов к ним — как в воду канули. Благо, что через пару дней их запас на территории Радостного стал резко пополняться. Военные решили вмешаться и превентивными мерами навести хоть какое-то подобие порядка. Не получилось.

Пущенные впереди наземных сил, заходящих с трёх сторон на бронетехнике, несколько звеньев вертолётов, оказались не готовы к сюрпризам. А сюрпризы заключались в громадных, бешено живучих и очень агрессивных, плюющихся кислотой крылатых тварях. Они, эти змеи-горынычи, очень умело зашли с тыла, разом обрушив на землю пять из восьми «вертушек». Поплатились жизнью — трое из двенадцати тварей. И то, только одного сбили пулемётами. Остальных сбивали ракетами. Зверюшки бросились вдогонку за улепетывающими «крокодилами», с явным желанием завалить и их. Но не тут-то было. Неизвестно, что там произошло, этого Кир наблюдать не мог. Но грохотало очень даже неплохо, и назад вернулись всего шесть «птеродактилей». Так что, сами того не подозревая,

военные облегчили жизнь Изменённым в Городе. И к слову — одна «вертушка» ляснула сама по себе, долетев где-то до самого начала посёлка на Орлова.

И нет бы воякам тогда про это задуматься... а не фига. И лишь когда у них, на самом подъезде к Городу, начали глохнуть все «коробочки», то только тогда кому-то там, за Чертой, как теперь её стали называть, пришла в голову мысль о том, что что-то не так. Да ещё и как не так-то. Феноменально просто всё прояснилось: неизвестное поле, появившееся внезапно и сразу, полностью вырубает всю электрику и, соответственно, электронику в полосе, равной десяти метрам в ширину. А укатить вручную вперёд БТР с полными баками и боекомплектом вряд ли сможет даже взвод спецназа. Вот и тогда не смогли, и пошли пешком. Всё то, что случилось потом, Кир наблюдал с крыши девятиэтажки, находившейся как раз напротив въезда в Город. Туристический бинокль, который он взял в витрине магазина спорттоваров, оказался как раз кстати. Он хотя бы давал возможность оценить всю сложность ситуации, в которую попали силовики.

Как оказалось, Изменённый Радостный приготовил им немало сюрпризов. Даже психика Кира, ставшая после последних событий весьма сильной, не выдержала и он блеванул. Было отчего...

Военные, двигались аккуратно, наверняка так, как очень хорошо умели и гибли прямо на глазах. Сразу две «двойки», пытавшиеся перебежками продвинуться к гаражному массиву, попали в мгновенно вспучившуюся большими пузырями чёрную лужу. И почти сразу, ушли вниз. Вот только при этом они очень громко кричали и кровь, которая пошла у них и через нос с горлом, и через уши, была видна в бинокль очень хорошо. Ещё двое наступили на участок травы, который Киру с высоты был чётко виден из-за странного, стального отлива. И всё. Их просто разрезало на много частей, быстро и донельзя кроваво. До окраины добрались человек десять, прошедшие в прямом смысле «по трупам товарищей». И там их уже ждала Стая.

С ними было сложнее. Кир смог взять под контроль только трёх, которые убили двоих своих бывших коллег. Но к тому моменту стая, дополненная целым десятком собак, добралась до них. Уже когда Кир закончил собирать и навьючивать на обезьян оружие, вдали показалось несколько людей. Они прятались за большой мусоркой, находящейся прямо за микрорайоном из пяти домов. Он выстрелил несколько раз в их сторону, и те убежали. Бег был странный, неуклюжий, как будто они ещё не привыкли к своим новым телам.

Что творилось на других окраинах — Кир узнал уже позже, от Паука и его товарищей.

Те, которые заходили со стороны газоперерабатывающего завода — попали под плотную волну обезумевших Изменённых, которые бросились на прорыв. И Изменённые и военные положили много с обеих сторон, прежде чем отступить.

Колонна, шедшая со стороны реки и Ключей, напоролась на детский лагерь, находившийся в лесу. Военные, пробравшись через лес с минимальными потерями, решили изобразить благородство и начали прочёсывать лагерь в поисках детей. Нашли... на свою голову. Про это Кир узнал от Багиры, как он окрестил девочку-подростка, с которой столкнулся в бывшем парке несколькими днями позднее. Девочка, превращённая Волной в идеальную боевую машину с непередаваемой кошачьей грацией, украшенную густой порослью из чёрной шерсти, рассказывала про это, умилительно щуря большие неправдоподобно зелёные глаза с узкими, вертикальными зрачками. Как подозревал зоотехник — она, скорее всего и сама там неплохо повеселилась. Во всяком случае, к

моменту встречи она уже обладала приличной коллекцией уже заживающих шрамов и следов пулевых попаданий.

Естественно, что на этом попытки прорваться военные не бросили. И в числе их «находок» оказались не больше — не меньше, а паровозы, которые были извлечены из каких-то, наверняка совсем уже давно законсервированных складов. Простая механика, позволившая им добраться до станции. По какой-то странной причине железнодорожная ветка не оказалась забита всякими странностями, погубившими десант с бронетехники. Лишь изредка что-то прорывалось, и тогда в любой момент насыпь под составом могла вздыбиться фонтаном огня, или той самой чёрной хренотени. И вот тогда рядом сразу же появлялись падальщики. И те, которые хотели утолить голод, и те, которые хотели заполучить оружие, боеприпасы, одежду с амуницией и даже сухие пайки. Фляги с обычной, набранной на Той стороне, водой стали драгоценными.

И ещё Кир стал опасаться того момента, когда между двумя станциями с обеих сторон от Радостного и самой Станцией в нём, которую военные медленно превращали в что-то типа большого блокпоста, начнут курсировать бронепоезда. Да-да, он помнил, из учебников истории, про этих стальных динозавров, которые сейчас точно не повредили бы воякам. Их-то не больно расколупаешь когтями и клыками Стаи.

— И ещё, Хозяин... — Паук кашлянул, отрывая «патрона» от недавних воспоминаний и размышлений. — Борода и Леший ходили в сторону больнички, за медикаментами. Нарвались на того типа, помните, я говорил?

— Ты про парня с крюком на руке и похожего на робота? — Кир сморщился.

— Ну да.

— И что с Бородой и Лешим?

— Ну, того, удрали они. Правда, Бороду он успел зацепить по плечу цепью. Так что он сейчас лежит в халабуде нашей и водку пьёт

— Помогает?

— Чо?

— Водка, говорю, помогает?

— Ну да, типа. Эт, я чо сказать-то хотел. Нам всё равно туда идти ж придётся. Волки и обезьяны, которые отбились, они ж как раз туда сбегли. В сторону Парка. Вот. Ну и того, мож прижучим где этого подлюку? А?

— Пряма искать его специально будем, да? Как ляпнешь, Паук, как будто в лужу пёрнешь.

— Пряма так уж и в лужу, скажете тож. Типа можно девочку вашу туда отправить, шгоб посмотрела, да поразнюхала. А то попьёт он нашей крови, чую, чо попьёт. Да и...

— А? Ты ещё что-то хочешь что ли?

— Дык, бабу бы нам, поновее. А то Ирка-то, от ваших этих приказов, совсем с катушек съехала. Грызть нас кинулась, пришлось её оприходовать. А вторая, ну прям ни рыба, ни мясо. Ни готовить не умеет, ничего. И сама-то — не сиськи, не письки, и жопа плоская.

— Ну ты, тарантул, зажрался. Две недели как нормально живёшь в первый раз за сколько лет, и не доволен одной из первых городских красавиц. Вот наглец. Иди, я подумаю...

Егерь смотрел за окно, где всё больше сгущались сумерки. И шёл дождь. Плохое время. Очень плохое. Хуже его в Радостном стали только ночи. Ночи были совсем плохи.

Скоро наступит время закрывать и решётки, и наваренные им лично двойные железные ставни. Без этого никак. И хорошо, что в доме нет полностью деревянных частей и хороший фундамент. Иначе твари могли бы попытаться прорыть подкоп. Как это уже было через пару улиц от их дома. Тогда они заставили перепуганную семью выбежать на улицу. И там всё решили живучестью и когти с зубами. Через пару ночей девочка, которую, судя по всему, только укусили, и которая смогла убежать, присоединилась к тварям.

Он пытался найти гнездо, в котором они спали днём, но у него не получилось. Где-то здесь, где-то рядом, но одному тяжело. А рисковать жизнью Наташи, у которой была пусть и небольшая, но всё-таки задержка, он не мог.

Ему бы ещё найти помощника, но никто из одиннадцати семей, живших здесь же, не хотел даже и попытаться помочь. Они все боялись ночи. Страх съел их изнутри, и сейчас они жили как те же самые мертвецы из кино: ходили, что-то делали, но сами не знали зачем. Просто существовали, опасаясь даже выезжать в Город. Потому что там, доезжая или до Гаражей, или, если повезёт проехать через Топь, до Васильевки — приходилось идти пешком. И, значит, нужно было думать о тех, кто охотился днём. Егерь не боялся. Он три раза ездил в Город, с боем прорываясь туда, куда было нужно. И всегда возвращался, обнаруживая. Что незадолго до его появления — соседи разбежались по домам. А его дома ждали зарёванные глаза жены, которая каждый раз думала о том, что он может не вернуться и боялась тех самых соседей, постоянно пытавшихся попасть внутрь, когда он уезжал.

Эти две с половиной недели более или менее расставили всё на свои места. На исходе первой в посёлок вошла группа разведчиков неизвестной принадлежности. И он рискнул. Когда отряд, аккуратно и грамотно располагаясь по улице, уже почти прошёл мимо, он открыл, нарочно скрипнув, калитку. Стрелять парни не стали, но в кольцо взяли быстро и грамотно. Он внимательно смотрел на них, направивших на него стволы АКСов, с масками противогазов на лицах и видел то, что и предполагал: страх перед неизвестным. Это было понятно. Они не боялись людей, но уже наверняка успели насмотреться на то, что сделала с людьми Волна.

Невысокий крепыш с четырьмя звездочками на «бегунках» подошёл ближе, опуская автомат. Голос, раздавшийся через мембраны, был очень глухой, но разобрать слова Егерь смог. Волна не обошла стороной и его, подарив то, что помогало возвращаться домой:

— Капитан Бурцев. Стойте на месте и не пытайтесь двигаться, иначе стреляем. Всё понятно?

— Да.

— Кто вы такой?

— Моя фамилия Серебряков, майор в отставке. Отряд «Д» министерства обороны. В отставке, правда. Здравствуйте, капитан.

— Здравия желаю. Это хорошо, надеюсь, что проблем с вами не будет.

— Не будет, не беспокойтесь. Вы в разведке находитесь? До какого пункта должны пройти?

— А вам какое дело, подполковник? Вам не кажется, что вопросы всё-таки должен задавать я?

— Как скажете, капитан. Только учтите, что дальше, если вы должны пройти за посёлок, вам встретится много такого, что мешает вам идти дальше. Могу кое-что

подсказать.

— Понял. Подождите, мне нужно связаться со штабом.

— Хорошо.

Егерь достал сигареты и закурил, наблюдая за процессом переговоров. Судя по всему, разведка оказалась укомплектованной куда как лучше, чем полагается в стандартных ситуациях. Во всяком случае, то, что сейчас развернул штатный связист, больше всего напоминало какой-то гибрид спутникового телефона и небольшой переносной станции. Капитан поговорил не больше минуты, после чего вернулся назад. И бывший подполковник обратил внимание на то, что не бросилось в глаза сразу: портативные, крохотные видеокамеры, закреплённые на шлеме и у плеча военного.

— Вашу личность мне подтвердили, товарищ подполковник. — Голос Бурцева звучал намного спокойнее и уважительнее, чем в начале разговора. «До чего дошёл прогресс, — подумалось Егерю, — сразу данные с видеокамеры передают каким-то макаром. И сверяют по базе. Почти моментально».

— Я очень рад. Может — снимете маску? От неё сейчас толку всё равно никакого. А говорить будет удобнее. Сейчас нет тумана. Он бывает утром и вечером. Либо на Топи в низинке. А воздух, как мне кажется, абсолютно нормальный. Да и вряд ли ваш противогаз рассчитан на защиту от того, что входило в состав Волны.

— Волны?.. — Голос капитана зазвучал удивлённо. Но, поколебавшись, он стащил маску, дав приказание остальным оставаться в противогазах. — Громов!

— Да, товарищ капитан?

— Твой анализ всё такой же? Состав атмосферы за бортом не изменился?

— Не изменился, товарищ капитан.

— Ясно. Всем снять маски.

Он повернулся к Егерю, виновато улыбнувшись всем своим, совсем молодым лицом, которое не портил даже шрам, пересекавший его слева:

— Перестраховывался, на всякий случай, вот. Меня Виктор зовут.

— А меня Егор. Давайте присядем вон на лавку, что ли. В дом не приглашаю, а тс заподозрите ещё, что я вас заманиваю. А на воздухе нам всем удобнее будет.

— Согласен. Тов...Егор, как бы это вас спросить...

— Витя, если ты по поводу того, что наверняка вам всем показывали в записи, то не бойся. Я не изменяюсь до такой степени.

— А до какой изменяетесь? — Голос капитана сразу стал настороженнее и он чуть отодвинулся. Тоже вполне понятно, учитывая то, во что превратился парень, когда кинулся на тех в скафандрах и военного, которого он загрыз.

— А до никакой. Проверял уже, когда на меня дрянь какая-то навалилась в Городе. Похожая на гориллу, только очень уж страшную. Так я от неё просто отстреливался, без всяких превращений. Можешь, конечно, не поверить. Чуть быстрее стал, выносливее. И всё. Так ты не сказал — куда вам нужно пойти?

— Ну, вообще шли мы именно сюда. Надеюсь, что нам лазить по вашим дачам по всем не придётся. Расскажите всё, что нам нужно? И...

— И не пойду, капитан. Хочешь — верь, хочешь не верь, но не пойду. Надеюсь, что ты меня поймёшь и не начнёшь глупить. Да и вообще, кажется мне, что в конце разговора ты мне предложишь второй из тех вариантов, что тебе дали для переговоров. Как думаешь, нужен ли штабу свой человек здесь?

— Нда, старый воин — мудрый воин. — Капитан еле слышно матюгнулся под нос, одновременно с тем — облегчённо вздыхая. Егерь тоже вздохнул с облегчением, только про себя. Воевать с этими ребятами всё-таки было бы сложнее, чем с тварями и прочими Изменёнными. — Считайте, что уже предложил. Задача простая: сбор первичной информации. Что произошло и что сейчас.

— Капитан... — Егерь чуть помолчал. — А причины тебе неизвестны всего этого?

— Нет. — Бурцев помотал головой. А его собеседник понял, что капитан врёт, и кое-что он знает. Но говорить не может.

— Ну и ладно. Тогда слушай, раз уж запись у тебя идёт. Сначала была Волна. Почему именно так — даже сказать не смогу. Очень похоже было на большую, зелёноватую прозрачную волну, и не только я так для себя это назвал. Ориентировочно часов в одиннадцать ночи, восемь дней назад. Какое-то время был в отключке, ничего не помню про это. Потом пришёл в себя. Собрал вещи и поехал из города. В сторону моста у Ключей. Это было уже утром. Подобрал парня по имени Мансур и его девушку. Остановился за мостом и смотрел на то, как их пеленают. Ты уж не обижайся, но это скотство, то, что с ними сделали. Соответственно вернулся сюда. Живу на даче. Ездил в город пару раз, за продуктами и необходимыми вещами. Там хаос, сопряжённый с анархией и людоедством. Очень много изменившихся: и людей и животных. Не все хищные, но и таких хватает. Я работал в охотхозяйстве и вполне представляю, что теперь творится. Плюс ко всему — появились какие-то непонятные хреновины, типа ловушек. Есть похожие друг на друга, есть единичные. Кроме дневных хищников, появились ночные... твари. Можешь не верить, но я видел таких уродов, по сравнению с которыми голливудские зомби просто все белые и пушистые. Кстати, здесь, в посёлке, должно быть гнездо из шести штук. Одна девочка, соседка, совсем свежая, обратилась прямо здесь. Так что учтите, что если укусят, то последствия ясны сразу.

В самом городе осталось много живых, которые изменились, но не стали похожи на них. Встречал таких же, как и я, внешне ничуть не обратившихся. Сейчас там постоянно стреляют. И есть уже ваши, судя по всему, стволы. Хотя, наверняка, кто-то уже смог растащить КХО у ментов. Весь Радостный, судя по всему, окружён странной помехой, которая убивает всю электрику. Появилась, скорее всего, на следующий день после Волны, так как я смог ещё выехать из города. Что ещё?

Они разговаривали около часа, Егерь рассказал всё, что смог. И про странных, похожих на львов, хищников, которые облюбовали городские окраины. И про собак, многие из которых отрастили минимум по одной лишней голове. Про всё то, что наблюдал уже неделю.

Расстались нормально, без каких-либо эксцессов. Егеря снабдили похожим на рацию устройством, по которому он мог связываться с «фэйсами», оставили ему, за что он был очень благодарен, один из модифицированных АКС, калибра семь-шестьдесят два, и патроны к нему.

Он, конечно, ничего не сказал про Наташу, которая всё это время терпеливо сидела в доме, хотя и понимал, что проверить эту информацию у них много времени не займёт. Усмехнулся сам про себя, вспомнив какие-то старые детские книжки про индейцев. В них авторы очень любили описывать моменты, когда индейским вождям дарили ружья и одеяла, заручаясь их дружбой и поддержкой. «Ну да, мы теперь в резервации, и вокруг бродят дикие племена ленни-ленапов и стада бизонов, — мелькнула непрощеная мысль, — и будут теперь

с нами торговать стеклянными бусами. Вот только что будем давать мы?»

Теперь он надеялся на то, что «федералы» сдержат слово и появятся для того, что решить и свои и его вопросы. То есть уничтожить гнездо тварей, что так нужно ему, и получить необходимые образцы, в которых так нуждаются учёные. Ориентировочно Бурцев говорил про две недели. И они скоро подойдут к концу. На связь с ним, с того времени, никто не выходил. И сам Егерь никого не беспокоил, так ему это было ненужно.

И вот сейчас он готовился закрывать ставни и решётки, проверять запоры на обеих стальных, надёжно закреплённых дверях и опять провести всю ночь в ожидании.

Потому что он мог, несомненно, мог попытаться спокойно заснуть, положившись на крепость дома. Но кто тогда мог застраховать от того, что твари не изменяться ещё раз и отрастят себе когти, похожие на резак автогена? Или подружатся с кем-то, кто сможет просто проломить двойной кирпич стен?

Солнце заходило. На улицу медленно выползал зелёный туман. В своём логове проснулась первая тварь, которая когда-то была учительницей музыки в третьей городской школе. Она вылезла наружу, издав первый, за эту ночь, охотничий крик.

Мирон успел выстрелить. Ровно за пару секунд до того, как Изменившийся прыгнул на него. Очередь отбросила его в сторону, заставив не такое уж и тяжёлое тело выполнить кульбит и замереть на полу. После этого пришла пора помогать напарнику.

Но тот успел справиться и сам, отшвырнув самого напористого в угол, да так удачно, что тот головой попал прямо на острый угол какого-то металлического агрегата. Приглушённо хрустнула кость, и тварь сползла на пол, чуть подрагивая конечностями. А Лёшка, в это время широко размахнулся и саданул своей кувалдой, снеся плечо ещё одному. За его спиной затрещал автомат Мирона, отбросив к двери низкого, одетого в обрывки спортивного костюма, Изменённого. Оставшиеся, судя по всему оценив то, что судьба повернулась к ним пятой точкой, быстро проскользнули в дверь, стараясь как можно быстрее удрать.

— Спасибо. — Лёшка устало вздохнул. Достал бинт и бутылёк со спиртом из шкафа. — Поможешь? Задели, уроды такие.

— Конечно. — Мирон приподнялся на руках и пополз, опираясь на колени. Было больно, но ничего.

— Да подожди ты! — Лёшка шагнул к нему, подхватил, как котёнка, под живот и перенёс на операционный стол. — Чего убиваешься-то? Не зажило ещё ничего толком, не дай бог, нанесёшь дрянь какую-нибудь с пола. На вот, лучше полей спиртом и перебинтуй.

— Хорошо. — Мирон надорвал бумагу упаковки, предварительно полив на руки спиртом. Мелкие ранки и ссадины тут же зашипало. — Давай сюда. И зелёнку ещё дай. Наверняка ведь есть.

— Сейчас. — Голем пробухал обратно к шкафу. Поковырялся в нём и вернулся, аккуратно, двумя пальцами, сжимая маленький пузырёк с искомым, не имеющим аналогов во всём остальном мире, медицинским препаратом. — Вот, держи.

— Подставляй граблю. — Пэтэушник гоготнул. — Ща немного пощипет. Слышь, Лёх, ты мне сигарету не дашь? В нагрудном кармане, и зажигалка там же. А то руки заняты.

Голем ухмыльнулся. Опустил свою громадную клешню в сумку на боку, достал открытую пачку, вытряс сигарету. Засунул её в рот напарнику. Достал оттуда же коробок

больших спичек, зажёл и дал Мирону прикурить.

— Я б те карман того, оторвал. Уй, а больно...

— Терпи, ходячий карбюратор, инжектором станешь. Так, и на бантик завяжем. Обалдеть...

— Чего?

— Весь бинт ушёл, чего. Бревно у тебя, а не рука.

— Уж какая есть. — Лёшка довольно покрутил рукой, похожей на запеленатого грудничка. — Ну что, пошли, что ли отсюда?

— Пошли. Всё взяли?

— Да вроде как да. Можно ещё прошвырнуться по этажу. Набрать на потом всего понемного. Хотя. Если честно, я вообще не понимаю, что брать.

Мирон задумчиво потёр кончик носа:

— Эт да. Не, ну я знаю там про всякие парацетамолы, а так, чтобы чего посерьёзнее, да хрен его знает. Врача бы сюда...

— Врача, скажешь тоже. Ладно, посмотрим, может чего и поймём. Там ведь вроде, в больнице-то, бумажки с надписями приклеивают, обычно. Ну, или попробуем до аптеки добраться. Всё равно — нужно еды поискать.

Мирон кивнул, что-то начиная соображать:

— Слушай, Лёх... А что, никто не пришёл в город, типа МЧС? Ведь тут у нас катастрофа, вроде как?

Голем вздохнул. Посмотрел на автомат, который висел за спиной пэтэушника:

— Пытались, было дело. Военные какие-то. Меня обстреляли, с перепугу, наверное. Потом на них целая кодла накинута. И звери, и люди. Такая мясорубка была. Я лезть не стал, а то пристрелили бы. Или зажрали. Потом уже сходил. Нашёл вот автомат, ещё кой-чего по мелочи. И больше мне как-то к ним соваться не хочется. По ходу — непонятное что-то. И для нас, и для них.

— Для кого для них?

— Да для тех, Мирон, кто с той стороны. Мы же теперь как в концлагере. Я не доходил далеко, но кое с кем общался. Говорит — весь город рвом окопали. Стены разве что не ставят. Так что, непонятно ничего.

— Вот блин... — Мирон достал ещё одну сигарету. — Нездоровая хренотень. Давай, наверное, свалим отсюда, что ли? Не нравится мне здесь, стрёмно как-то. Дома поговорим.

Лёшка улыбнулся. Широко и радостно:

— Ну, дома, так дома. Давай, я тебя сейчас поудобнее подсажу. Надо будет что-то придумать, упряжь какую-то, что ли. А то так неудобно, если честно. Не против таскать тебя повсюду, но так, чтобы не мешало ничего, ты уж извини за прямоту. Да и мне хорошо. Одному скучно... и страшно.

Мирон вылупил на него:

— Тебе и страшно? Угараешь, что ли?

— Да мне, мне.

— Д-е-л-а-а-а... Ну ладно, напарник, ёпта. Пойдём?

— Пойдём.

Лёшка повернулся к нему спиной. Мирон, ухватившись руками за непонятные, но вполне удобные выступы на его спине, вскарабкался на свой неуклюжий «насест». Про себя подумал, что неплохо было бы найти что-то типа монтажной «люльки». Ту, которая из строп

сделана. И даже понял, что нужно будет прогуляться до «каблухи», где пара таких шгуковин была в учебных классах сварщиков-высотников.

Они вышли из здания хирургии, когда солнце, еле проглядывающее через серое марево, ещё только начинало сползать с небосклона. Дождь закончился. Нужно было успеть добраться до бункера, который стал уже им совсем родным, до того момента, как поднимется туман. Про него Мирону рассказал Лёшка. Ему самому он ничуть не вредил, скорее всего — из-за каких-то приобретённых способностей. А вот для его напарника нужно было найти противогаз, или что-то типа того. Иначе, как успел понять голем, тому может быть крышка. Хотя — кто знает, как туман действует на перенёсших Волну? Возможно, что у каждого появилось что-то типа иммунитета. Но рисковать и проверять — не хотелось. Да и что говорить, когда сам голем был в тумане от силы минуты три. И постарался не дышать.

— Лёх, а Лёх? — Мирон заёрзал.

— Ну?

— Ну, ну... бздну. А тебе еды хватает? Ты ж такой здоровый стал?

Лёшка ухмыльнулся, вспомнив собственный испуг, когда в первый раз почувствовал, что проголодался:

— Да нормально. Раза в два больше просто есть стал. Только, боюсь, что это может стать проблемой. Туда дальше, если мы не найдём, где скоммуниздить каких-нибудь консервов с крупами. Пока есть то, что успел найти в модуле одном. Дальше — не знаю. Короче, думаю, что придётся в ближайшее время вылазки всякие делать. Хотя — кто знает, что дальше будет? Загадывать как-то не хочется.

— Понятно. Давай завтра дойдём до училища, а?

— На хрена?

Мирон запнулся.

— Да там монтажное оборудование же есть. Такелаж мне сделаем. Будем как в игрушке про войну. Ты типа пилот бомбардировщика, а я стрелок пулемётчик. А?

Лёшка остановился. Пэтэушник забеспокоился, когда тот промолчал больше нескольких секунд:

— Ты чего?

— Я просто думаю.

— Чё?

— У меня, наконец, появился и друг, и напарник. Жизнь налаживается...

Багира, бывшая в прошлом прилежной ученицей девятого класса, вожатой в лагере, «кмс» по лёгкой атлетике и прекрасной дочерью, кралась в наступавших сумерках. Цель «вылазки» была понятна и ясна. Вон она, цель, тяжело бухает по территории больничного городка, неся за спиной какого-то колченого уроды. Ба! Да это же один из соседей-отморозков, живших во дворе слева. Точно, он самый. Тот, который весной провожал её сальными взглядами, как только она проходила мимо. Ну да, именно он. Вот сука, как удачно. Ведь он же, кабёл тупой, один раз, когда она возвращалась с тренировки, попытался её зажать между домов. За задницу хватал, накаченную и красивую. Ничего, сейчас она ещё красивее стала, скотина. И уж она постарается, чтобы он её разглядел. Перед тем, как когти вспорют горло. А может и не горло, и не вспорют, а оторвут. Это уж как карта пойдёт.

Девочка-Изменённая, осторожно крадущаяся за быстро и уверенно шагающим големом, расплылась в кошачьей улыбке. Продемонстрировав солидный набор острых и белых зубов. Она чувствовала, что громадный, поблёскивающий и полязгивающий механическими частями Годзилла вовсе не прост. Что-то, помимо её воли действующее самостоятельно, помогало отводить в сторону его внутренний «радар». Блокировало то шестое чувство, что уже неоднократно помогало Лёшке уловить слежку. Гибкое, покрытое густой чёрной шубкой тело передвигалось ловко, вжимаясь в любую трещину, в которую могло поместиться. Текло, как тягучая капля смолы, аккуратно вжимаясь в стволы деревьев и стены корпусов. Плавно прижималось к земле там, где участок был открытым. И чуяло те места, где находились ловушки. Ей не мешала хлюпающая после дождя земля. Тем более, что всё вредное от дождя, уже ушло в неё.

Дважды она обогнула ходуном ходящую землю, возле которой уже лежало несколько наполовину съеденных, проткнутых в нескольких местах тел. Замерла, когда почувствовала еле заметное шевеление воздуха, которое выдавало сконцентрированную температуру «конфорки». Одним прыжком пролетела над готовой с жадным чавканьем проглотить её воронкой «битума». Она была в своей стихии. Багира охотилась.

Она уже плохо помнила то, что было до Волны. Да, там было что-то доброе и хорошее. Но очень уж далеко, почти вечность назад.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

И при воспоминаниях о том, что случилось в Лагере — она не испытывала чувство вины. А за что? Она же защищала свою жизнь, вот и всё. И очень быстро привыкла к тому, что еда — она везде еда. Тем более, когда это мясо, придающее ей столь необходимую силу и ловкость. И хорошо, что она нашла Кира. Он её понимал, непонятно почему, но понимал. Любовь к охоте, даже опасной ночной. Страсти к погоне, когда жертва, которая её почти и не видела, металась между мёртвыми коробками домов. Запах страха, адреналина и пота, который так чётко вёл Багиру к испуганному существу. Охота на Изменённых животных её не забавляла. Твари, тупые и злобные. Они просто боялись, когда чувствовали её. Те, с которыми она могла бы справиться. В конце концов — Багира уже успела столкнуться с львом. Пряталась в корпусе одной из школ от крылатого страшилища, которое погнало её от Гаражей. И для того, чтобы справиться с ними, ей было нужно оружие. И мощнее того, что было с ней всегда.

Клацающая железяка впереди тоже была прекрасной целью. И очень опасной. Это она чувствовала. А то прямо сейчас кинулась бы сверху, вцепилась вон в то место, на шее. Ммм... какая соблазнительная цель. А калека, который прицеплен у него за спиной — явно не сможет ничего сделать.

Сзади чуть ощутимо шелохнулся воздух. Багира прыжком развернулась, чувствуя, как дыбом встают волоски вдоль хребта. Что заставило её поступить именно так — она не поняла. Но то, что поступила правильно — ощутила сразу.

Правый бок обожгло болью. На землю упали капли крови из четырёх глубоких порезов. Девушка зашипела, откатываясь в сторону и не понимая повода головой по сторонам. Кто? Где? Как?!! Воздух там, куда она смотрела, дрогнул. Изменённая зашипела и прыгнула туда, стараясь ударить, зацепить, задеть... и ничего. Загнутые крючки, мгновенно выпущенные из пальцев — прошили пустоту. Тишина, стоявшая на территории больницы, наполнилась тихим и немного безумным смехом.

— Где ты, тварь?!! — Багира рыкнула, пластаясь к земле. — Покажись, сука, голову

оторву!!!

— Да ты чт-о-о-о?.. — лёгкое шипенье раздалось сбоку. Изменённая метнулась в ту сторону, краем глаза успевая заметить движение в совсем другой стороне. Багира успела перегруппироваться, и лишь чёрные волоски, выдранные чьим-то молниеносным ударом, закружились в воздухе.

— Тварь!!! — Девушка медленно попятилась, вжимаясь в угол между стенами родильного отделения больницы. Она хотела метнуться в сторону, уходя к невысокому для неё забору. Но ведь эта невидимка... может достать сзади.

Воздух перед ней неожиданно сгустился, распадаясь на видимые взгляду части, приобретающие всё более видимые контуры.

Высокая девушка, покрытая странными, почти неуловимыми пятнами? Узорами? Чем?!! Багира практически не могла сконцентрироваться на ней. Видела, что та похожа не её пластичными движениями, которыми сейчас «невидимка» приближалась к ней. Видела рыжие волосы, которые перетекали под лёгким ветром, тоже меняя цвет. И глаза, полные лёгкого огня убийственного безумия. Губы, растянувшиеся в довольной улыбке, между которыми виднелась полоска таких же, как и у неё, Багиры, острых и белых зубов. И ещё эти сумерки, в которых так плохо заметны её перемещения!!!

— Кто ты такая?

— Зачем ты следила за ними, а? — Незнакомка мурлыкнула, подбираясь ещё ближе. — Скажи мне, девочка. Зачем?

— Что? — Багира оскалилась. — Тебе какое дело?

— Ну, как знаешь...

Прыжок. Удар, смазанный и сильный. Чёрная Изменённая успела уйти от него, еле-еле, напрягшись всем телом и вытянувшись в струну. Рванула в сторону открывшейся лазейки, надеясь успеть. Она понимала, что вряд ли справиться с соперницей. Зачем ей нужно было спрашивать о задаче?

Багира прыгнула, стараясь уйти за угол, когда лезвия правой руки, или лапы, «невидимки», выдрали кусок из её левого бедра. Она перевернулась в прыжке, взмахнула своими крючками, такими маленькими по сравнению с тем, что ударили её...

Почти получилось. На самом пределе сил Багира смогла достать рыжую. Совсем немного, но и этого хватило, чтобы откинуть её в сторону. Чуть приоткрылось горло, и она разогнулась пружиной, попытавшись достать его.

Заряд картечи отшвырнул девушку в сторону. Изменённая перекувыркнулась через голову, приложилась спиной об острый угол кирпича, попробовала встать, но её догнал ещё один заряд, разнёсший в клочья всю левую сторону груди. Она коротко всхлипнула. Заскребла когтями по асфальту. Замерла уставившись на руку, которая начала меняться, превращаясь в худенькую, покрытую только загорелой кожей и царапинами руку. Всхлипнула ещё раз, тоскливо и плачуще. В груди, внутри которой виднелось что-то сизо-красное, булькнуло и оборвалось.

Прожившая неделю в изменённом облике девочка Лена свернулась в клубок и тихо умерла.

— Никак к этому не привыкну. — Валера аккуратно достал использованные цилиндры

патронов. Гильзы пластиковые, надёжные. Их ещё долго можно будет использовать. — Ведь не первая уже, и каждый раз прямо к горлу подкатывает.

— Кто тебя просил идти за мной? — рассерженной кошкой прошипела Катя. — Я же говорила — не делай этого! Опасно!

— Не кричи, а?!! — Валера почесал рукой новую плотную шишку, теперь выскочившую на локте. Их было немного, пока только на груди и руках. И что из них вылупится, хотелось бы ему знать? — Она тебя чуть не достала. В первый раз такую быструю вижу. Видел...

— Да какая разница? — Рыжая села рядом с остывающим телом. Погладила по волосам на голове. — Бедная девочка. Ненавижу, если честно.

— Кого? Или что? — Валера присел на крыльцо. — Ты стала очень... э-э-э раздражительной.

Девушка хохотнула. Хищно и отрывисто:

— Скажи уж правду. Дикой и неуправляемой. Валера?

— Да, золото.

Катя повернулась к нему. Солнце, медленно закатывающееся за горизонт, отразилось алым в её глазах:

— Я боюсь. За тебя и немного за себя. Ведь... ты понимаешь, что со мной что-то не так. Ты пошёл со мной, изменился, хочешь быть рядом. И я боюсь. Оно всё сильнее...

— Что?!!

— Не знаю... — Девушка нахмурилась. — Странное чувство. Меня как будто что-то заставляет делать то, что мне не хочется. Тянет выйти на улицы, начать... охотиться...

Тренер потёр подбородок. Да, так оно и было. Почему Катя сегодня сразу после дождя выскочила из их убежища в детском саду? Он еле успел за ней, одним махом скинувшей одежду и растворившейся на улице.

Он наклонился к ней, положил руку на плечо...

Жёлтая штукатурка брызнула кусками в сторону. Один, крупный, ударил его по брови, рассекая. Кровь быстро, каплями, потекла вниз, превращаясь в струйку.

Звук выстрела пришёл одновременно с первыми каплями. И ещё. Стреляли с нескольких стволов. И две пули нашли его ещё раз. В плечо и в грудь.

Валера скатился за высокое крыльцо, вскинул одной рукой ружьё. Он так и не перезарядил его, после того, как выстрелил в девочку-Изменённую. Сейчас пальцы лихорадочно метались по карманам патронташа, ища те несколько патронов, в которых были пули. Катя, пригнулась рядом, закрыв руками голову, на которую сыпалось битое стекло. Автоматы звучали всё ближе, не давая им поднять головы.

— Сволочи... — Катя всхлипнула. Только не так, как всхлипывала, когда плакала. Зло и уверенно. Узоры на коже заплясали, подстраиваясь под сумерки. — Ты уйдёшь...

— Стой! — Он успел перехватить её за руку. Выстрелил в сторону тех, кто загнал их в угол. Покачал головой, кивая на свою грудь. Кровь, тёмно-пурпурная в свете заходящего солнца, пузырилась. — Я уже не уйду. Ты... ты сможешь. В окно и дальше. Ты быстрая, сможешь успеть. Не зацепят. Сейчас же... пожалуйста...

Автоматы заработали снова, высекая крошки из стен. Они приблизились ещё на несколько шагов. Катя посмотрела на него. Нагнулась, поцеловала крепко, чуть прижалась. Ничего не нужно было объяснять...

— Прощай...

— Прощай.

Пружинистое тело рванулось в сторону ближайшего окна, оскалившегося острыми выступами стекол. Тренер вскинул свою вертикалку, выпустив последнюю пулю. Автоматы затрещали, не успев за девушкой, которую он знал всего неделю. Но за ним они успели. Нападающие зашли сбоку, с той стороны, которая не была закрыта кирпичом крыльца. Ещё и ещё. Но Валера был ещё жив, когда они подошли.

Четыре человека в сером, «городском», камуфляже. Гладко выбритые головы, с выжженными на них крестами, белыми, как будто сделанными кислотой. И блёклыми, бесцветными глазами. Тренер смотрел на них снизу вверх, сперва увидев только носки армейских ботинок. Потом один из них наклонился ближе, вырос перед глазами громадой, смотревшей прямо на него. Двое прошли мимо, остановились у окна, в которое успела уйти Катя.

— Да не будет тебе покоя в аду, куда ты попадёшь за пособничество дьяволу. — Глухой голос был последним, что он слышал, перед тем как обрезанный ствол АКСУ, уперевшийся в его голову, выплюнул огонь и свинец.

Реалии и чуть раньше

— Ты только посмотри, Борь! Видел когда-нибудь такое раньше, а? Охренеть ни встать, а ты, в своё время, не хотел идти в Институт. Обалдеть!!!

Борис покрутил головой. Ошарашенно, заморожено. Объект «Радостный» не переставлял удивлять тех, кто на нём работал. И совсем ещё зелёному летёхе медслужбы ФСБ, которого полгода назад пригласили работать в Институт, было ясно, что друг и коллега прав. Впрочем, как и обычно. И потому становились понятны те выражения, которые Слава обычно не применял.

Про то, что их ждёт на объекте, было сказано на предварительном инструктаже. Но на самом деле...

Потрясало и ввергало, иногда, в ужас. Во всяком случае — содержимое нескольких контейнеров-капель. А их здесь было много. Объект был большим, и явно искусственного происхождения. И если снаружи это вызывало сомнения, то внутри они сразу и бесповоротно пропадали. Пусть и расположенные в не совсем правильном, для человеческого восприятия, геометрическом порядке коридоры и проходы. Абсолютно идентичные друг другу по площади большие и малые помещения. И каждое из них, тех, в которые смогли попасть исследователи, было заполнено теми самими «каплями», аккуратно расположенными вдоль стен.

Первоначальные исследования нескольких, извлечённых с усиленными мерами безопасности, показали, что внутри содержится прозрачный газ-криоген. Сохранивший то, что было внутри, в идеальнейшем состоянии. Тела, препарированные в дальнейшем, сохранились в абсолютно неповреждённом состоянии. Группа, в которой работали два друга, занималась именно ими. А сейчас они в первый раз попали в состав тех, кто регулярно отправлялся внутрь Объекта.

Термин «Ковчег», которым они оперировали всё чаще, был предложен одним из немногих гражданских специалистов. Биологом, специалистом по уникальным случаям в антропологии, профессором Точиновым. Он первый на одном из совещаний вслух высказал то, что давно болталось на языках всех, кто имел хоть какое-то отношение к работам на Радостном-55. И никто не захотел спорить, так как собрание в одном месте такого большого количества различных биологических видов, напоминало именно мифический корабль старика Ноя. Другое дело, что из двадцати вскрытых контейнеров — только в двух были организмы, приближенные к тем, что населяли землю. Как в прошлом, так и в настоящем.

Мужское тело. Длина — два метра. Развитая, скорее даже гипертрофированная, мускулатура. Странные составляющие в опорно-двигательном аппарате, высокое содержание кремния в невозможном соотношении с элементами металла, по основным параметрам почти полностью соответствующего ферруму. Рудиментарное продолжение позвоночного столба, напоминающее хвост, причём действующий и выполняющий роль балансира. Наличие в наружном кожном покрове твёрдых наростов, прикрывающих основные органы жизнеобеспечения. Третий глаз, прикрытый кожистой мембраной.

Четвероногое существо, соотносящееся с земным отрядом псовых. Шерсть, судя по структуре, выполняющая в основном защитную функцию. Строение лап более близкое к

представителям семейства крупных хищных кошек. Так же, как и строение когтей передних лап. Из странностей: образование на груди, напоминающее мускульную сумку с несколькими камерами. Внутри спрятаны хватательные конечности, напоминающие щупальца кальмарообразных. И три головы.

Все остальные экземпляры — были странными и чужими. И опасными. Нечто, напоминающее расхристаный клубок водорослей, после того, как контейнер был открыт, неожиданно активизировалось. Результатом действия воскресшей «морской капусты» было то, что три тела лаборантов были сожжены, после того, как начали видоизменяться после зафиксированного наступления биологической смерти. Начальника лаборатории, закрытого в герметичный саркофаг, отправили в Столицу, для проведения дальнейших исследований. Клубок, оцетинившийся длинными, украшенными крючками лентами хватательных конечностей — утилизировали с помощью вызванных сотрудников СБ, вооружённых ранцевыми огнемётами. Помещение лаборатории, после проведения соответствующей санитарно-обеззараживающей обработки, закрыли и залили быстро застывающим цементом. А рядом расположили датчик-анализатор биологической активности, который засекал даже вирус гриппа у проходивших мимо сотрудников.

Не получалось открыть несколько больших овальных дверей, которые полностью соответствовали по высоте большим коридорам, ведущих к ним. Если «малые» помещения можно было открыть при помощи плазменных резаков, то в «большие» ход был закрыт и надёжно блокировался активной системой защиты, которая сразу уничтожала все повреждения. На что тот же самый Точинов, которого негласно называли настоящим куратором исследований, задумчиво сказал:

— Да и хрен с ними... мало ли, что там может быть.

Борис позволил себе согласиться с ним. Про себя. Так как тоже считал, что это может быть опасно. Его и без того удивлял факт проведения исследований, которые носили весьма и весьма опасный характер. Поражало то, что хотя меры предосторожности были беспрецедентными, но ведь рядом находился целый город. Жители которого, к слову сказать, до сих пор так и не знали хотя бы малой доли правды о том, что происходит у них под боком. После этого поневоле охватывала гордость за собственное учреждение, и абсолютно не верилось в те газетные «утки», которые постоянно нудели о том, что после развала Союза — всё кануло в небытие. В том числе вся система безопасности и сокрытия государственных тайн. Куда там... когда было нужно, то никто и не подозревал ровным счётом ничего.

Откуда ему было знать про то, что ни с того, ни с сего в Радостном вспыхивали эпидемии опаснейших заболеваний, уносивших десятки жизней. О том, что железобетонные блоки, которые в спешном порядке постоянно делали на местном ЖБИ, не всегда содержали внутри себя только арматуру. Да и незачем было знать такое сотруднику Института. До поры, до времени.

— Слушай, Борь. — Голос Славы оторвал его от размышлений. — А ты не думал про то, что стоит попробовать запустить несколько вирусов через разъёмы у замков в «большие»? Они ведь подходят, если немного модернизировать выходы, к универсальным подключалкам?

— А ты думаешь, что в Управлении таких умников, как ты, нет? — Борис усмехнулся. — Наверняка наш генерал от медицины, товарищ Гробовой уже неоднократно пытался. Его же ребята постоянно торчат у замков. Хотя Точинов и против...

Верно, тот был против, да еще как. За то, верно, и убрали мужика подальше, отстранив от всех работ по объекту. Иногда многим казалось, что сильно зря. Ведь тот, стараясь не рисковать, делал все последовательно, грамотно и исходя из расчетов. Гробовой же страстно хотел добраться до всего Ковчега, и плевать ему было на побочные эффекты. Справится аппаратура слежения, никуда не денется, а защита периметра, все ее сложные паутины и нейросети, не выпустит наружу ничего лишнего. Угу.

Внимания на сотрудников, недавно, после отстранения Точинова, начавших таскать с собой приборы СПАС, из маски, шланга и баллона дыхательной смеси на полчаса, достаточных чтобы добежать до выхода, Гробовой не обращал. Какой только дури людям в башку не стукнет, и такое тоже случается. Хотят таскать на себе эти противогазные сумки, так пусть носят, их проблемы. Главное — порядок и последовательное выполнение всех требований его, как руководителя.

Взгляд вперед — 6:

Любитель экстремального отдыха Николай медленно отступал назад. Винтовка «Ингрэм», увешенная примочками и прочими буржуйскими гаджетами, валялась метрах в двадцати впереди. Полностью изломанная одним ударом большой и тяжёлой лапы. Когтистая конечность, украшенная плотными кожаными бляшками, была серого цвета с чёрными вкраплениями. И принадлежала неторопливо, боком, подходившего к незадачливому туристу, серому льву. Тому самому, поохотиться на которого он согласился.

Возможно, лёва сейчас мстил. Натурально, мстил этому засранцу, воплотившему в своем лице всех прочих охотников мира, за великую африканскую пятерку, включавшую носорога, слона, льва, леопарда и кого-то там еще. Портретные группы из отпиленных и обработанных таксодермистами голов бедных животных до сих пор появляются на стенах богатых домов, прямо пропорционально вымиранию зверей на нашей бедной планетке.

И наш зверина, имея такой чудесный шанс укотрупить человека с ружьем, явно не планировал тот упускать. Я бы на его месте поступил бы также, чего уж. И жизнь свою спас и за прошлые поколения отомстил. Жестоко и кроваво.

«Страшно ведь тебе, говнюшонок. — мелькнула злорадная мысль. — Небось полные штаны наклал». Мелькнула и пропала. Негоже таким мыслям витать даже в голове рейдера-проводника.

— Десять ноль семь? — Одними губами, на выдохе в микрофон, совмещая точку коллиматора с головой грея.

— Десять ноль девять. — Так же на выдохе пророкотал динамик наушника басом Большого. Жаль, что он сейчас с оставшимися экстремалами остался там, в кирпичном здании сторожки на Стоянке. Хотя и им, наверняка, хватает хлопот с резусами.

— Угу. — Скопа отозвалась немедленно.

Симба напрягся, готовясь к прыжку, неуловимому и смертельному. И не успел. Массивная, серая с чёрными точками голова разлетелась брызгами. Пули калибра «семь шестьдесят два» и ровно «девять» миллиметров. Ведь это, брат грей, тебе не шутка. И не нужно было изображать из себя хозяина наших, бетонно-кирпичных разваленных джунглей. Глядишь — пожил бы ещё немного.

Тело льва лежало тёмной кучей перед туристом, который приходил в себя, ошарашено

крутя головой по сторонам.

— Эй, Николая! — Он задрал голову. — Держи, мы к остальным. Заберись вон на тот гараж, спрячься за плитой и не высовывайся. Понял?

Турист лихорадочно захлопал ладонями, пытаясь поймать «Стечкин», пожертвованный от щедрот своих Скопой. Не поймал, как и можно было предугадать. Да и чёрт с ним, не хрена было выпендриваться и изображать из себя Алана Куотермейна.

А мы уже бежали назад, прислушиваясь к редким очередям...

Попали мы конкретно. Мало того, что Колян не послушал нас, и рванул вперёд, едва заметив приземистый силуэт, мелькнувший впереди. Так и ещё на нашу голову свалилась стая обезьян, не пойми откуда выскочивших перед нами. Стая была приличная, голов в пятнадцать. Хорошо ещё, что прямо по курсу было покосившееся, но ещё крепкое зданье, когда специально построенное для сторожей большой стоянки. Большой пинками погнал в его сторону туристов, одновременно уводя обезьян. Они ведь, несмотря на то, что куда как умнее, к примеру, собак, такие всё-таки дурни.

Дождавшись, пока ребята скроются в здании, мы со Скопой, аккуратно елозя брюхами по земле, проползли за первый из всего массива, гараж. А там уже встали и устремились за нашим бузотёром и непослушником Николаем. Надеюсь на то, что он ещё не превращён Симбой в фарш для котлет. Хорошо, что Сдобный построил им маяки в коммуникаторы.

Судя по сумасшедшему метанию зеленой точки, ему уже приходилось несладко. Грей играл с ним. Льву явно было скучно. А поменять обойму на бронебойные — туристу ума не хватило. Подстрелить льва в упор и спереди обычными «пятёрочными» патронами? Не смешите мой пупок. Эти серые паскуды очень хорошо прикрыты собственной живой бронёй. И плохо, что её до сих пор не научились перерабатывать. Под нужды оборонного ведомства. А может и хорошо. Всёж таки греи — представители эндемичной фауны Района. И без них будет как-то пусто. Хотя?..

Наконец мельтешения туриста приняли чётко направленный характер. Мы со Скопой переглянулись. Симба гнал его в любимую точку местной путаницы невысоких строений. В один из тупиков, с обеих сторон ограниченный высокими строениями. Там Костя не сможет уйти поверху.

Мы успели. Выблевав по дороге половину лёгких и чувствуя, как кровь колотится в висках японскими барабанами. Ой, надо бросать курить, надо!!!

И сейчас мы возвращались. Может обезьяны и не самые опасные из противников в Районе. Но это пока не подтянулись либо их родственники, либо кто-то из агрессивно настроенных Местных. А так, как темнеет, нас может ждать куда как неприятное время.

Резусов осталось мало. Всего восемь. Сейчас они закидывали окна мусором, не оставляя попыток пробраться внутрь. Самое плохое в этих тварях — умение «отводить» глаза. Потому и опасны, что могут подойти почти вплотную. Только электронику они убивать не умеют. А запасные батарейки к ней у каждого опытного рейдера — всегда с собой.

Скопа не оставила им шансов. Да и я немного помог. Две оставшиеся твари попытались ударить, но Большой не смог заставить себя подарить им такую возможность, сняв их дальними очередями, которые они никак не могли сбить повернувшись к нему красными воспалёнными жадами. Правда, как оказалось, у него было не без потерь. Одного из туристов, кажется Виталика, успела зацепить клыками какая-то особо наглая обезьяна. Зацепила за бедро, чуть не повредив артерию, и он сейчас тихо стонал в углу, с ужасом косясь то в сторону насквозь красного бинта, притянутого жгутом к ране, то сторону компаньонов. Да

уж, куда как показательно отношение друг к другу внутри их сплочённого коллектива. Как ни странно, но в нашу сторону он если и смотрел, то робко и с надеждой.

— Дерьмецо... — Скопа выматерилась. — Эй, длинный!

— Да. — Один из двух охотничков вскочил с пятой точки, примощённой к разбитому подоконнику.

— Пошли. Костика вашего приведём. Давай быстрее, темнеет.

Я посмотрел им вслед. Действительно, это ещё-то шайссе, больше никак и не скажешь. Ещё одна ночь, судя по всему, нам обеспечена. А я-то хотел провести её хотя бы у Кефира, там относительно безопасно. Не получится. Парня этого не успеем дотащить. Закурив, вышел на улицу, пытаюсь сообразить: где можно укрыться? А практически и некуда... и входа в Лабиринт здесь я не знаю. Дела...

— Не в Интернат же, хоть он и рядом. — Большой, сидя на крылечке, бухтел под нос. Вид у него был недовольный. — Отстой, а не ситуация. Да?

— Да не то слово. — Хотелось спать, если честно, и не думать ни о чём. — Придётся вон в те дома лезть, как мне кажется.

— Здесь же место не из самых лучших? — Турист возник на крыльце.

— Да не то слово. Мертвяков много, да и так... хватает, не пойми чего. — Большой сплюнул, отстегнув, наконец, маску. Он у нас ещё тот перестраховщик. — Не хочу никого пугать, но шанс увидеть бэньши — неоднократно возрос.

— Ой, да брось... — Я верю в фольклор. Сталкивался с Крюком, видел Хозяина, будь он неладен, зверолоуд несчастный. Но бэньши?!!

— Эт ты там, дома, бросаться будешь, Пикассо. Чем хочешь, хоть телевизорами из окна. А здесь... ну его нахрен, бросать-то.

— Ладно. Смотри, тут. Я пойду, Скопу встречу. А то больно уж быстро темнеет. А с ней эти двое олухов.

— Давай. Если что — три зелёных, ты ж в курсе.

— Чего зелёных? — Турист непонимающе покрутил головой.

— Свистка, балбес. — Большой ухмыльнулся.

Глава седьмая: Радостный-55, полгода спустя

Егерь сидел на крыльце дома. Курил, смотрел в небо. Пытался думать о чём-то... другом, отвлечённом. Не получалось.

Небо было как небо. В смысле — как небо Района. Серое и низкое, в тучах, с проплешиной белого с голубым на самом горизонте. Солнце явно не торопилось выглядывать. В нём кувыркалились несколько грифов, странных созданий, появившихся не так уж и давно. В пределе видимости ползла чёрная точка, рокотавшая на самом пределе слуха двигателями. Как обычно — «Кайман», патрулирующий свой участок границы вдоль Черты. Вероятнее всего, что параллельно ему, только в другую сторону, сейчас катятся, как обычно, два патрульных БТРа. Это тоже стало привычной частью местного пейзажа после введения карантина и установки заграждений. Если вдруг не было видно вертолёт в течение часа, то, как пить дать — что-тостряслось. Либо кто-то, не выдержавший творившегося в Районе безумия, решил пойти на прорыв. Либо, что вероятнее всего, в Район лезет несанкционированная группа рейдеров, появившихся недавно. Ну, ли совсем уж в край, какие-то ухари решили напасть на военных, дабы поживиться всем, что у них есть. Правда в последнем случае изначально донеслась бы стрельба. Хотя и она стала, за последние несколько месяцев, самой что ни на есть привычной.

За забором громко топало, с чавканьем мяса грязь, стадо коров. Шедший сбоку поводырь, Меченый, помахал Егерю рукой. Тот махнул в ответ. Стадо принадлежало с месяц как обосновавшейся в Раздолье странноватой группировке молодых и отчаянных ребят, пришедших с Той стороны. Сами себя эти молодцы именовали то анархистами, то махновцами, радостно при этом зубоскаля. Странноватые были ребятки. И не в плане постоянного гогота, стоявшего в их компании. В этом как раз таки не было ничего странного. Как ещё себя может вести целый взвод юных отморожков, пребывавших в состоянии постоянного перманентного наркотического опьянения? Учитывая то, что дурман-трава, которая пёрла из земли как на дрожжах, торчала здесь повсюду. Даже Изменённых шестиногих коров, согнанных отовсюду, кормили ей же. Что получалось на выходе — лучше было и не думать. Ходоки с этим «молоком», разлитым по герметичным алюминиевым термосам, регулярно уходили на Большую землю. Он не понимал — за каким чёртом все эти ухари припёрлись в Район? Неужели нельзя было курить обычный гашиш дома, где нет ловушек и Изменённых? Ну и торговали бы им, так нет, надо было прийти именно сюда.

Да много чего произошло за эти полгода, ой, как много. Его непосредственно касалось многое. Хотя самое важное, как оказалось — произошло ещё при Волне. А вот последствия — наступили только сейчас. Да ещё и какие последствия... Егерь глухо зарычал, постарался отогнать мысли подальше. Хотя от них ведь не сбежишь, не денешься. Из пачки была извлечена следующая сигарета, немедленно прикуренная. Да и плевать на здоровье и предупреждение давно канувшего в небытие Минздрава СССР. Тем более что его, здоровья, сейчас столько что нарушить целостность организма есть задача тяжёлая. Регенерация была бешеная. Когда Егерь в первый раз попал в серьёзную заварушку, отбиваясь от безумцев с выжженными крестами на лысых головах, подранили его прилично. Сумев спрятаться в подвалах бывшего интерната, он приготовился умирать. Продырявили его в нескольких местах сразу, крови натекло на половину, как минимум, бидона для молока. Когда, вкол

прямо через штанину несколько разовых шприцев-инъекторов, он провалился в тёмное беспмятство, то думал — что больше не проснётся. Успел подумать про Наташу, которая ждёт его дома, беззащитная и с большим яйцом живота. По всем приметам выходило, что наконец-то у них будет сын. И на тебе, так напоролся. А потом, после этой последнее мысли, была только темнота.

В себя Егор Серебряков, майор в отставке, прошедший через огонь нескольких локальных войн, пришёл ночью. Полежал в темноте, прислушиваясь к ощущениям. Не поверил тому, что понял, провёл руками по местам пулевых попаданий. Кровь, давно засохшая коркой, была. Дырки от пуль тоже были на месте. А вот входных и выходных отверстий от трёх первых попаданий не было. Последние две пули остались в нём. И боли не было, вместе с бессилием. Когда он сел, всё ещё осторожно и не веря самому себе, то по бокам что-то звякнуло. Пошарив, Егерёв обнаружил и собрал в ладонь два сплюснутых металлических комочка. Всё, кроме порванной одежды и корки крови, что напоминало о том, что недавно в него засадили эти самые пули. Которые по всем законам логики не должны были оказать здесь, рядом с ним, лежащим на грязном полу. Но оказались, непонятным образом выйдя из тела в то время, когда он витал в холодной пустоте забвения. Но долго про это он тогда не размышлял. Где-то неподалёку раздался подозрительный шорох, заставивший собраться и нащарить в кармане разгрузочного жилета магазин с патронами взамен пустого, торчавшего в автомате. «Ночник» ему не был нужен. Это свойство собственного, обновлённого и Изменённого, организма, он уже раскусил. Тихо, стараясь не задеть какой-то садовый инвентарь, валявшийся вокруг, Егерёв встал. Про Интернат, ставший после Волны местом чересчур плохим, ему рассказали армейские разведчики, как-то навещавшие его. Ведь в нём содержались те дети и подростки, чья психика ещё до Изменения была, мягко говоря, другой, отличной от нормальной.

Уходить тогда ему пришлось быстро, прорываясь через несколько аккуратно замаскированных засад, поставленных местными. И ещё, как оказалось, ловушек в подвалах бывшего воспитательного учреждения, была наткано больше, чем на поверхности. Егерёв чуть не угодил в яму с «битумом», жадно лизнувшую липким чёрным языком самые кончики ботинок. А вот тем, кто бежал за ним, не повезло. То ли ловушки выскакивали здесь спорадически и интернатовские не могли их даже запомнить, то ли преследователи увлеклись гонкой за жертвой. Позади сочно чавкнуло, раздалось несколько диких воплей боли и всё. Дальше он прошёл спокойно.

Егерёв передёрнулся, вспоминая то, как орали Изменённые, решившие загнать его в тот раз. Воспоминания, в которых он пытался спрятаться от реальности, медленно уходили назад. Да, уходили, смываемые тем совершенно новым ощущением пустоты и страха перед неизвестностью, которые наваливались на него, цеплявшегося хоть и за страшные, но ещё полные воспоминания. Вся кровь и боль, обрушившиеся на Город за последние шесть месяцев... они были громадны. Ловушки, Изменённые, люди и животные. К ловушкам пришлось привыкать. Затаившиеся убийцы были повсюду, скрытные и незаметные, убивающие страшно и жестоко. Изменённые. И те, и другие, им ничуть не уступали. Люди ещё могли быть адекватными и нормальными, как он сам, Митрич, сосед по улице, да и многие другие. Но не все. Те, кто выбрал для себя жизнь хищника, во всём могли и превосходить ловушки, аннигилируя всех, кого хотели, жестоко и беспощадно.

Но таким способом убивали не только они. Егерёв посмотрел в сторону входной двери своего дома и почувствовал, что на глазах медленно начинают появляться слёзы. Он

сморгнул, пытаясь прогнать их, таких ненужных ему-Изменённому, и таких необходимых ему же, как бывшему человеку. Понял, что не сможет справиться, обхватил ладонями голову сверху, утыкаясь в колени, и глухо завыл, устав бороться с той болью, что резко вошла в его жизнь совсем недавно. Наташа, Наташа, белокурое чудо с серо-зелёными глазами, расплывавшаяся в мягко кошачьей улыбке, когда была весёлой. Наставившая ему рога и прощённая, бывшая самым любимым и близким человеком. Готовящаяся, во всём этом хаосе, подарить ему единственное из оставшихся чудес. Ребёнка... их ребёнка. А ведь он натаскал в дом кучу всего нужного и не очень, что рекомендовали справочники по медицине и специальные журналы. Ждал этого дня и боялся. А если бы знал то, что произойдёт, то как бы поступал тогда?

— Да за что же это такое мне, а?! — Высокий, крепкий и немолодой уже мужчина в светлой, застиранной «горке», сидевший на крыльце дома, встал. Что было, то было, и его уже не вернуть. Тот смысл, что был в жизни ещё утром, ушёл в никуда. Осталось сделать совсем немного, и можно будет спокойно уходить в сторону черты укреплений на той стороне Реки. И погибнуть, потому что жить так, как есть сейчас — он не хотел. Осталось немного. Совсем ничего: дать успокоение тому, осталось от неё...

А в Городе началась гулкая стрельба, частая, чётко слышимая даже из дачного посёлка, в котором ему придётся похоронить всё.

Танат сидел на крыше бывшего техникума, находившегося на городской площади. Маленький чердак, давно заколоченный и покрывшийся изнутри толстым слоем паутины и пыли, как нельзя лучше подходил под наблюдательный пункт. Сидеть приходилось на свёрнутой плащ-палатке, брошенной поверх колченого стула производства какого-то там комбината времён бровастого Леонида Ильича. На подоконнике единственного, подслеповатого и незаметного окошка, дымилась крышка термоса, наполненная горячим густым кофе. Временами он брал её и прихлёбывал, сохраняя, несмотря на постоянный треск частой стрельбы снаружи, абсолютно ледяное спокойствие. На то, что творилось в пределах бывшей городской площади, Танату помогал смотреть армейский пятикратный бинокль, производства какой-то там страны блока НАТО. Его дымчатые стёкла не отражали лучей, изредка пробивающихся сквозь тучи, и никак не могли выдать владельца. Хотя Таната это абсолютно не беспокоило. Бояться тех, кто сейчас бешено резался внизу — даже не приходило в голову. Правда, иногда ему приходилось неудобно. В случае, когда сидящий у окна на коленях армейский снайпер стрелял.

Кроме него, на чердаке находился и его «второй» номер, которому приходилось вытягиваться в струнку, пытаясь разглядеть то, что творилось на площади для внесения поправок. Это было весьма сложно, так как мешало несколько факторов. Одним из них было то, что его бинокль находился как раз таки у Таната, а к глазам армеец подносил абсолютно пустую руку. И ещё ему приходилось пытаться глядеть из-за мирно сидящего и пьющего кофе бывшего патологоанатома. Потому что военный принимал Таната за очень неудобный и тяжёлый сейф. Также, как и его стреляющий напарник. А что делать, если человеку с глубокими чёрными глазами одновременно не хотелось упускать зрелища и вступать в столкновения с силовиками. Отводить глаза он научился очень серьёзно.

На площади было горячо. Военные, доведённые за полгода до ручки действиями психов с крестами на лысынах, решили штурмовать форпост «Пуритан», здание бывшего дворца

Снайпер, сидевший рядом с Танатом, успел прикрыть отход небольшой, из пяти человек, группы коллег. После чего, забросив винтовку за спину и вооружившись поданным вторым номером кургузым автоматом, бросился вниз по лестнице, торопясь уйти. «Молодец, — мысленно отметил Танат, — до конца продержался».

Военные старались, насколько позволяла ситуация, отходить аккуратно, группами, вытягивая тех раненых, которых смогли достать. Сектанты перешли в атаку, сметая последнюю, очень скромную группу отход из пяти человек. И началось преследование, между домами и в ущельях дворов. Скорее всего, что из военных мало кто сможет добраться до базы. Загодя неверная идея — уходить через микрорайоны, заросшие деревьями и кустарниками, за которыми никто не следил уже полгода и буйно разросшимися после Волны, предавшей им удивительное ускорение. Танат уже мог представить себе весь кошмар, в котором окажутся отступающие люди...

Трое бегут в тесном проходе между двумя полуразрушенными детскими садами. Перебраться через металлические трубы ограждения нельзя, они полностью обсажены дремлющими сейчас плетями «колючего плюща», остаётся только идти вперёд. Они доходят почти до конца, когда первый замечает колебания горячего воздуха над «конфорками», перегораживающими путь. Военные уже давно знают, что таится за этим лёгким маревом, разворачиваются и попадают под шквальный огонь «серых», загнавших их сюда. Несколько секунд и на колючей, серо-зелёной траве лежат фигуры в защитных костюмах, пробитых насквозь очередями двух пулемётов-ручников. Сектанты неторопливо приближаются, снимают амуницию и оружие. Один из умирающих хрипит, еле слышно, на самой грани слуха. Высокий, мощный пуританин наклоняется к нему, переворачивает, свободной рукой доставая из ножен широкий тесак. На траву падает узкая, сдвоенная полоска металла. Мутные бельма глаз сектанта расширяются, но сказать он ничего не успевает. Взрыв...

Большая группа, человек десять не меньше, уходит правильно — по улицам. В центре узкой полоски людей — носилки, собранные из двух кусков труб и двух плащ-палаток. На них раненый, который не может сам идти. Хвост группы прикрывают ещё двое, те самые, что сидели на крыше с Танатом. Хриплое дыхание бегущих на пределе сил людей. Снайпер творит чудеса, успевая из компактной СВУ, которую он забрал у раненого, стрелять навскидку на бегу. Их гонит основная масса преследователей, со Стаей в авангарде. Но они должны успеть, должны дойти до Черты. Там стоит техника прикрытия, чьи крупнокалиберные пулемёты смогут достать уже до видимого впереди угла Советской и Нефтяников. Но кому-то придётся остаться здесь, вон за теми брошенными тремя легковушками. Прикрывать отход группы. Снайпер и его напарник, переглянувшись, остаются. И ещё к ним подбегает невысоко роста, крепко сбитый пулемётчик, на бегу отстёгивающий крепление сошек своего «Печенега». Если бы они знали, что почти у самой черты основная часть их товарищей попадёт в «провал», в котором мгновенно превратится в пепел...

Ещё одна крупная кучка, из семи военных, отходит в сторону Парка. Остальные по двое или по трое, а некоторые и в одиночку, ушли в разные стороны. Скорее всего — обрекая себя на вероятную смерть. Семеро ещё думают, что уйдут. Под ногами шуршит ещё прошлогодняя листва. В Районе зима появилась самым своим кончиком, здесь практически не было снега, и листья с прошлого года густо усеивают дорогу. Коричневые, сухие и ломкие, выдающие шаги даже тогда, когда ты можешь тихо красться. А сейчас они просто шуршат под тяжёлыми подошвами, бухающими по трескающемуся старому асфальту. За ними идут

только Изменённые люди, зверей нет. В окнах домов, мимо которых они бегут, иногда мелькают бледные лица и морды тех, кто живёт в них. Но даже почти полностью деградировавшие Изменённые, не станут рисковать и связываться с «пуританами», преследующими свою добычу. На это в Районе решаются или те, кто выходит на охоту ночью, или... големы. И сейчас навстречу бегущим в сторону жизни военным, раздвинув разросшиеся рябины у остатков бывшего продуктового магазина на Орлова, выходят две громады. У одного из левой руки торчит ствол спаренного «Утеса», у второго только несколько, правда очень больших, ножей. Изменённые не предупреждают людей, а атакуют с ходу. Командир группы, тот саамы Грач, перед тем как пули калибра двенадцать и семь миллиметров прошивают его насквозь, успевает вспомнить. Как неделю назад, или две, они загнали на Колыме вот этого, с ножами, расстреливая практически в упор, и упустили только из-за стаи туманных волков, неожиданно вынырнувших из узенькой улочки домов частного сектора.

«Вот злопамятная скотина! — последняя мысль обрывается разом. Тишина и красная пустота. Големы торжествующе режут, заставляя сектантов отступить. Они, возможно, и не испугались. Но в схватке с механоидными монстрами без потерь не обойтись. А этого «серые» не могут себе позволить.

Танат откинулся назад, на затрепавшую спинку стула, допивая свой кофе. Три — ноль, в сколько-то там раундовом бою Большая земля — Район. И конца края этому, наверное, не видно. Мда...

Он спустился вниз, аккуратно ступая по скользким ступенькам. В здании повсюду была едкая серая плесень, вонявшая как несколько сдохших котов и до невозможности скользкая. Таких зданий в городе было немного, и Изменившиеся старались обходить их стороной. За исключением Таната. Снайпер и его напарник, сидевшие на чердаке в масках, поступили правильно. Дыхательные пути она им не забила. И если бы они, вернувшись, успели к ассинезаторам, то могли бы остаться живыми и дальше. Но они всё равно не ушли из Района, порванные на клочья клыками собак Хозяина. Судьба видно парням была такая.

В дальнем углу вестибюля, через который он шёл в сторону входных дверей, тускло светились «чушки», основной местный артефакт. В большей части именно из-за них, кусков металла, подвергшихся Изменению, в Район начали ходить рейдеры, с которыми Танат уже сталкивался. Они, «чушки», легко плавилась, выдавая на-гора великолепный материал, который можно было использовать для производства сплавов, применявшихся в различных отраслях. И в первую очередь — в космических и оборонных программах. Было чем рисковать, таща на себя рюкзак с десятью-пятнадцатью угловатыми и недлинными брусками.

Танат посмотрел в угол исподлобья, сплюнул и толкнул дверь, выходя на улицу.

Кир стоял в большом и всё ещё светлом коридоре, ожидая, когда верхушка сектантов соблаговолит пообщаться с ним. Он не хотел вести с ними дел, но плата, предложенная за помощь в бою с военными — была очень высокой и лакомой. Десять человек, из которых пятеро должны были быть женщины. Для него сейчас это было важно. Опыты по достижению наибольшей собственной силы давно прошли. Кир знал и сильные, и слабые свои стороны. Понимал, что для достижения того результата, который он хотел, ему нужны были люди. И лучше всего ещё не Изменённые. Редкие раненые вояки и рейдеры,

попадавшие ему в руки, уже прошли через Преобразователь. Осталось в живых после него, правда, всего трое, но зато ставшие какими!

Три застывших и неподвижных фигуры в подвижной, похожей на хитин, броне тёмного матового цвета, стояли рядом. По бокам и сзади, закрывая от возможного нападения. Ещё две, высокие и мощные, покрытые шерстью, с костяными наростами на головах, вооружённые пулемётами, стояли на самом выходе. Эти были первыми, созданными Киром из двух Изменённых, загнанных Стаей в угол между Гаражами. Тогда он только нашёл зал с Преобразователем, и не смог добиться того, что хотел. Существа, которые он, в то время читавший обтрёпанную книгу Куна о богах Эллады, найденную в одном из домов, назвал пандрогинами. Название возникло само собой, после того, как новые слуги выбрались из чанов с едко воняющим зеленоватым желе, и развернулись перед ним во всей своей мощи. Двухметровые громады, облепленные пластинами мышц и мокрой, длинной шерстью и рогами на головах. А вот последние трое получились куда как лучше. Быстрые, надёжно защищённые, преданные. И вооружённые своими собственными, спрятанными в мускульных сумках на предплечьях, костяными острейшими косами. Теперь они постоянно находились рядом, играя роль телохранителей Кира.

Паука он преобразовал одним из первых, сумев передать тому часть собственной силы. Теперь помощник руководил Стаей, загоняющей сейчас остатки нападавших на дворец культуры. Какое-то время назад Кир понял, что Паук задумал что-то против него. И теперь ему по горло нужен был свежий исходный материал, для того, чтобы создать ему замену. Обычные поводыри, которые встречались среди местных Изменённых, не подходили. Преобразователь заставлял их превращаться только в тупых идиотов, пускающих слюни, и несущих откровенную хрень. А ещё был Лаборант, которого ему помог найти Чешир, излазивший все те ходы под Городом, которые смог найти. И именно Лаборант, трясущийся за свою жизнь, и боящийся выходить из своей берлоги был тем, кто помог Киру найти нужный и правильный путь. Но материал был нужен чистый, оттуда, с Большой земли. И это обещали ему «пуритане». Поэтому и приходилось стоять здесь, в этом коридоре, и ждать высокопоставленных «серых».

Он повернулся в сторону одного из нескольких оставшихся целыми зеркал, когда-то полностью закрывавших верхнюю часть стен коридора. Полюбовался на собственное, ставшее весьма солидным с момента Волны, отражение. Его оно ещё не полностью устраивало, но то, что он твёрдо шёл к совершенствованию, было видно. Он очень хотел найти одну из тех, уже успевших стать легендами, колыбелей-Мастерских, из которых выходили на белый свет великаны-големы. Пока находили только ставшие уже мёртвыми, из которых ничего нельзя было достать. Это злило его, так как мощь механизированных монстров привлекало его с самых первых контактов с ними. От размышлений Кира отвлекли появившиеся впереди три фигуры в серых одеждах.

Худой, похожий на журавля мужчина с успевшей отрасти за полгода длинной бородой, был, надо полагать Кощеем, считавшимся в секте одним из самых главных. По бокам шли мужчина и женщина, близнецы. Известные в Районе особыми зверствами брат с сестрой, Иван да Марья. Зоотехник мысленно ухмыльнулся, покатав на языке их имена.

— Здравствуй, Хозяин. — Кощей остановился в метре от него. Его лысина, скорее всего появившаяся ещё до Волны, украшал не простой, а восьмиконечный, раскольничий крест. — Ты пришёл за свое платой?

— И тебе не хворать, Кощей. — Кир внимательно посмотрел на него. — Да, за ней

самой. Надеюсь, что у вас хватит ума не обмануть меня и мои ожидания.

Мужчина-близнец нахмурился, еле-еле. Этого хватило, чтобы стоявшие в коридоре сектанты сдвинулись ближе к разговаривающим, а из двух боковых коридоров появилось ещё несколько фигур, затянутых в серое.

Пандрогины глухо заворчали, качнув стволами РПК. «Хитиновые» не шелохнулись, всё также как и до этого, спокойно смотря по своим секторам охранения. Зоотехник, ставший полубогом, ухмыльнулся:

— Нервничаешь, Ванюша?

— Он не нервничает. — Вместо него ответила женщина. Она не хмурилась, и крест на гладко, чуть смугло коже высоко лба и аккуратной головы, не шелохнулся. — Просто это нормальная реакция на твои слова.

Кир внимательнее пригляделся к ней. Странно, но у неё не было таких же, как и у большинства сектантов, мутных глаз. Обычные серо-голубые, разве что чуть водянистые. И свободного покроя одежда не скрывала длинных и тонких, в форме буквы «х» ног, торчащей под балахоном высокой груди. Он давно научился справляться с тем животным желанием, что охватывало его в самом Начале. Но сейчас Кир почувствовал, что еле может сдерживать самого себя. Тем более что у женщины были месячные, и его обострённое обоняние уловило этот запах. В паху отчётливо стало напряжённее. Вмиг увеличившаяся и затвердевшая живая труба оттопыривала ставшую тесной ткань рабочего комбинезона, который он носил. В голове пронеслись, складываясь в чёткую картинку, несколько мыслей. Да, Кир уже понял, что на лобке женщины нет ни единого волоска, что грудь у неё действительно острая, твёрдая и небольшая. И если бы он мог сейчас повалить её на пол, сдирая с неё эту ненужную одежду, обнажая смуглую кожу с морщинками у самого окончания позвоночника...

Зоотехник шумно втянул воздух, смотря на неё заблестевшими глазами. А она не отвела своих, подёрнувшихся паволокой и слегка дрогнув тонкими губами.

Брат Марьи оскалился, рука автоматически рванулась под балахон. Бородатый Кощей успел её перехватить, глядя на Кира и Марию с нескрываемым презрением:

— Успокойся, брат. Сестра, тебе лучше уйти.

— Но...

— Я сказал, что тебе лучше уйти. — Голос старшего сектанта повысился.

— Хорошо, я поняла. — Женщина повернулась и пошла в ту сторону, откуда недавно появилась. Иван, взглядом спросивший разрешения у Кощей, бросился за ней.

— Неужели ты не можешь себя сдерживать?

— А зачем? — Кир усмехнулся. — Она очень красива. Вы всё же обманули меня. Нужно было прислать на переговоры её. Тогда вам не пришлось бы искать для меня целых десять человек на Той стороне. Хватило бы только этой смуглянки, она с избытком заплатила за мою помощь.

— Какая та сторона? — Борода худого сектанта угрожающе встопорщилась. — С чего ты это взял?

— А что, вы учёных таскаете или военных? — Звериный полубог ещё раз широко растянул широкие, иссиня-чёрные губы в усмешке. — Таскаете местных из посёлков. Или покупаете у кого-то. За артефакты. Скорее всего, что у кого-то из силовиков. Имел бы выходы — сам также поступил. Да мне и без разницы. Только в следующий раз, когда надумаете попросить помощи, присылайте её. Одну, без брата. Ничего плохого я не сделаю.

Скорее, что наоборот, уйдёт довольная. Или останется, всё возможно. А если не пришлёте, то больше никаких волков и церберов. Не говоря про остальных.

— Животное... — Старик протянул это с нескрываемым отвращением. — Смотри, как бы тебе самому не понадобилась наша помощь.

— Время покажет, Кощей. — Кир сплюнул. — Давай мою плату. Некогда мне здесь торчать. Меня ждёт весь мир, которому я готов подарить свою несравненную и неизмеримую любовь.

— Дьявол ты, Хозяин. — Сектант отодвинулся ещё дальше. — Семя бесовское.

— Смешной ты, старичина. — Зоотехник хохотнул. — То нормально говоришь, то, как персонаж из сказки про сестрицу Алёнушку. Давай моих людей, говорю тебе ещё раз.

Бородатый повернулся и пошёл по коридору, предварительно кивнув массивному «серому», облачённому в ещё невиданные Киром лёгкие и «прокаченные» доспехи. «Явно, что им помогает кто-то из администрации Района или командования силовиков, даже не скрывают этого. — Мелькнула мысль, — Вот говнюки».

Скрипнула дверь, ведущая куда-то глубоко внутрь здания. Подталкиваемые стволами автоматов, показались люди, одетые кто во что, с руками в наручниках и связанные по поясам верёвкой. Да, пять мужчин, и пять женщин. Все молодые, как он, Кир, и просил. Скользя взглядом по ним, выделил двух крепких парней, явно занимающихся если и не тяжёлой атлетикой, то лёгкой-то точно. Увидел невысокого пузана в очках, правда разбитых, сразу предположив, что его и можно будет использовать вместо Паука. Среди женщин особо выделять и не пришлось. Неизвестно, откуда «пуритане» их притащили, но она, та самая, на которую Хозяин сразу обратил внимание, была в ночной сорочке. Тоненькой, шёлковой, разодранной на животе. В разрезе, разодравшемся и вверх, и вниз, виднелся чуть пухлый живот и большая, твёрдая девичья грудь. А ещё она спала без нижнего белья, в глаза бросилась узкая полоска коротких волос, заставившая его облизнуться. Из-под спутанных, длинных русых волос, на зоотехника и его свиту взглянули испуганные голубые глаза. И испуг мгновенно перешёл в панику, как только их обладательница рассмотрела тех, к кому её вели. Страх, волнами расходившийся от связанных людей, липко охватил Кира, заставив его довольно захохотать.

Пленники, кучкой собрались рядом с ним. Одна девушка, одетая в джинсы и футболку с надписью «Kiss my lips», аляповато выполненную в явных домашних условиях, отчётливо всхлипнула. Он шагнул к ней, грубо взял за подбородок, задирая голову вверх. Мельком взглянул в остекленевшие от ужаса карие глаза и впился в губы поцелуем. Жадным, животным, полностью соответствующим тому, что творилось в разгорячённом сектанткой организме звериного полубога. Кареглазая сдавленно пискнула, почувствовав, как его жёсткая, как колючая проволока, щетина с чётко слышимым скрипом прошлась по её коже.

— Сама просила. — Кир оторвался от неё и подошёл к той, в ночнушке, старающейся казаться абсолютно незаметной. Рванул пальцем с острым чёрным ногтём сорочку, разрывая её окончательно. Схватил в пригоршню грудь, смял, с азартом наблюдая за тем, как она кусает губы. Сжал сильнее, заставив её закричать, и лишь тогда отпустил. Повернулся к «серым», которые уже не выглядели такими же невозмутимыми как обычно. Зоотехник осознанно провоцировал рядовых бойцов, вымещая на них ту злость, что охватила его от презрения во взглядах их командиров.

— Одежда есть какая-нибудь? — Он зыркнул в сторону того самого здоровяка-командира. — Понятно, что вам на них насрать три кучи. Но это мой материал, крысы. И я

не хочу, чтобы она заболела. На улице прохладно. Есть, или нет?

— Есть. — «Серый» кивнул, стараясь сдержаться. — Сейчас принесут.

— Давай быстрее, нам ещё домой нужно засветло попасть. — Кир повернулся в сторону своих рогатых громил. — Наручники им сейчас снимут, парни. Замотайте верёвками как следует. Отвечаете головами, особенно вот за эту, за эту, и за вот этого, в очках. Всё ясно?

— Да, хозяин. — Первый, которого он называл именно Первым, согласно кивнул.

Пандрогин подошёл к пленникам, у которых уже снимали наручники, доставая из сумки моток капроновой верёвки.

— Руки вперёд, чудовища. — Низкий рокочущий бас заставил людей вздрогнуть.

Хозяин Стаи, бывший в прошлой жизни зоотехником Кириллом, посмотрел на то, как Первый мотает у них на запястьях крепкие узлы и отошёл, довольно улыбаясь. Впереди был дом и весёлая ночка.

Солнце, пробившееся к вечеру через низкие серые тучи Района, начало закатываться за небосклон. В воздухе суматошно носились стаи ворон, до сих пор не пришедших в себя после бойни на городской площади. По небольшой улочке на самой окраине Радостного, с визгом пронеслась стайка обезьян, гнавшихся за невысокой Изменённой. Которая, судя по всему, отстала от своей группы, возвращавшейся в сторону Васильевки с рынка. Судя по интенсивности преследования и по тому, что у жертвы уже начали заплетаться ноги, своих попутчиков она наверняка не догонит. А возможно, что они её специально попросили вернуться за чем-то. В Городе уже давно стало тяжело с едой. И лишней, вероятно, никчёмный, рот, был никому не нужен. Той «гуманитарки», что смогли начать поставлять на Станцию военные, катастрофически не хватало. Запасов Росрезерва в лабиринтах под Городом — тоже. Да и достать их оттуда — задача для большинства Местных невыполнимая. Слишком много замаскированных ловушек от прежних хозяев. Ещё больше новых, странных и куда как более опасных. И Изменённые-твари, ночные и подземные охотники. Они были страшнее всего остального. В Радостном никто не удивлялся, когда, казалось бы адекватные и спокойные Изменённые, никогда не выходившие на охоту, начинали нападать на более слабых соседей. Мясо оно везде мясо.

Жертва и загонщики скрылись за углом, из-за которого сразу донёсся истошный визг, резко прервавшийся на самой высокой ноте. Резусы давно научились охотиться грамотно. Учитывая то, что сроки беременности у самок были катастрофически короткими, обезьяны становились всё более серьёзной проблемой. Обещавшей вырасти до размеров целой армии резусов, и заполнить Район также как китайцы в своё время смогли захватить мирным путём Дальний Восток.

Высокая, подтянутая рыжеволосая девушка, в чьей голове проносилось всё это, хищно оскалилась. С ней-то обезьянкам точно не справиться. Она грациозно, как кошка, выгнулась, разминая гибкую спину. Тело, как всегда послушное, охотно выполнило то, что в прошлой жизни никогда бы не смогло сделать. Оттолкнувшись ладонями от пола, находившегося в паре сантиметров от головы, она выпрямилась, взметнув солнечное море собственной гривы. Прошла в сторону умывальника, железного, с краником, кривовато висевшего на её чердаке возле самой двери. Умылась, полностью прогоняя дневной сон. Посмотрела на себя в зеркало, которое, помнится, тащила сюда наверх по крыше, матерясь и сопя. Потому как перед этим, она сумела ограбить армейский грузовик, стоявший у самой Черты. Вытащила из

него несколько ящиков с гранатами и несколько мин, привезённых для установки вдоль периметра. И совсем зелёного мальчишку-солдатика, который и подсказывал ей: что, да для чего нужно тащить. Она улыбнулась, вспоминая его испуганные, с разом ставшими громадными, тёмными зрачками.

Он был хорошим, этот мальчик, Ахмед. Как оказалось, ещё он являлся замечательным сапёром. Полностью перегородившим весь подъезд грамотно расставленными растяжками. На мины были установлены дистанционные взрыватели, управляемые с пульта. Так она добилась защищённости и неприкосновенности жилья, в котором спала днём. Во всяком случае — от тех, кто не мог почувствовать тончайшего запаха, оставленного в радиусе сотни метров от дома. Те, кто понимал природу еле уловимого самым тонким обонянием мускусного запаха, обходили дом стороной. Ну, а те, кто не понимал...

Их она могла встретить сама. Но чаще всего — встречали аккуратно расставленные, чтобы не детонировали остальные, растяжки. А Ахмед...

С ним было недолго, совсем немного, но хорошо. Катя улыбнулась, вспоминая то, как всё произошло. Казалось бы, можно было понять всё и раньше, но она не обратила внимания на то, какими глазами он смотрит на неё. Вернее, как стал смотреть, освоившись с кошмаром обстановки и престав бояться её. Вполне понятно, ведь она была Изменённой, да ещё какой. Вот из-за этого, наверное, и не обратила внимания сразу. Уже следующим утром, перед тем, как лечь спать, она решила проделать ту самую процедуру, которой никогда не изменяла перед сном. Нагрела немного воды, которую так тяжело было таскать через крышу, разделась, уже давно привыкнув к тому, что ходит дома без одежды. Присела над эмалированным ведром, которое вытащила из-под умывальника и начала абсолютно спокойно подмываться. И только почувствовав на себе чей-то дикий взгляд, сообразила посмотреть на парня, проснувшегося от её движений и небольшого шума. Глаза Ахмета, остекленевшие, смотревшие на неё, с кошачьей грацией замершей над этим треклятым ведром, сказали всё и сразу. В тот день она так и не выпалась.

Может быть адреналин, выделяющийся в Районе куда как сильнее, подействовал на молодого солдата. Может что-то ещё. Ведь если быть откровенной, как думала рыжая, она Изменённая не должна была вызвать такого желания у нормального человека. Слишком сильно изменилась её тело, слишком отличалось от его. Но... Ахмету было наплевать на эти различия, не говоря уже про неё. Особенно в те моменты, когда хотелось не думать ни о чём, а просто лежать и с довольной улыбкой пялиться в белёный потолок над головой.

Ахмета убили «пуритане». Наверняка не хотели именно убивать, когда загнали его в каменные ущелья между высоток на Ленина. Но он не сдался, погиб сам и взял с собой нескольких из сектантов. Всё это она прочла по следам и запахам, ставших уже неуловимыми и невидимыми для кого-либо другого, но только не для неё. А когда за пазухой камуфлированной куртки нашёл маленький букет цветов, которые он надрал для неё, и Катя поняла, что выбрался он только за ними... глупая и никчёмная смерть. Но ей было это до лампочки. Её должок по отношению к сектантам только вырос. С тех пор она объявила свою собственную вендетту лысым парням в сером, убивая их при первой же возможности. Похоронила она его в большой луже «битума», которая, жадно чавкнув, упокоила тело незадачливого солдата навечно.

Катя поморщилась, вспомнив недавние события. Только-только она смогла прийти в себя после смерти Валеры, как тут же погиб второй мужчина, который за последние сумасшедшие месяцы решил быть с ней. Как же ей было тогда плохо! Как одиноко в

окружавшей её злобе Района.

Но всё это не смогло сломить недавнюю домашнюю девочку-модницу. Наоборот. Та её часть, которая стала ночным хищником, всё увереннее забирала и подминала под себя остатки той, прежней Кати. Ей самой становилось порой страшно от того, что приходило понимание: совсем скоро от неё ничего может не остаться. Каждый раз, приходя в себя где-то в подвалах Интерната, лабиринте подземного Города, зарослей Парка или в Топи, девушка ожидала самого страшного. Увидеть, что у лежащего под её ногами тела — съедена часть тканей. Пока этого не было. Да, рыженькая девушка, Изменившаяся в почти идеальную машину смерти, убивала непрошенных визитёров Района. А также тех из местных, кто забывал о том, что они хотя бы были людьми. Ночью она выходила свою охоту, подчиняясь неведомому приказу, приходившему тогда, когда ночь накрывала Радостный своим тёмным одеялом. Её плата за то, в кого она превратилась. За скорость, выносливость, силу и обострённое восприятие мира вокруг. Каждый раз, приходя в себя и возвращаясь домой, Катя пыталась анализировать сам момент, когда она превращалась в убийцу и преследователя. И каждый раз не могла вспомнить самого начала, когда всё вокруг становилось красно-багровым, и приходило понимание того, куда нужно бежать, низко пластаясь над землёй, кого нужно найти и уничтожить. И от этого становилось только страшнее.

Несколько раз она встречалась с Лёшкой и Мироном, пересекаясь в самых неожиданных местах. Иногда кралась следом за ними, если друзья выбирались на улицу в сумерках или ночью. Бывало, что убивала, тихо и незаметно, тех, кто хотел напасть на них, подкравшись со спины. И постоянно хотела подойти, не скрываясь и не прячась в непроглядных городских тенях. Но не могла заставить себя сделать это.

Ночь всё настойчивее входила в свои права, накрывая Радостный-55 тёмным плащом с редкими звёздами. Рыжая затянула все ремни своей сбруи, проверила надёжность крепления небольшого рюкзака за спиной. Впустила-выпустила когти из подушечек на пальцах. Задула несколько свечей, стоявших в небольшой камерке под крышей старого дома. Подошла к замаскированному проёму, ведущему наружу. И растворилась в сгустившейся темноте. Ночь очередной охоты началась. С протяжного крика, который издала золотоволосая охотница, заставив вздрогнуть всех, кто его слышал. Крик, про который уже говорили, что это вестница смерти: бэньши.

Маленький мальчик, сменивший, наконец-то, пижамку на джинсовый костюм, сидел посередине большого ангара за Городом. Перед ним, скручиваясь в сложную спираль, кружилось с десятка полтора шаров, матово-чёрных, с металлическим, чуть заметным отблеском. Иногда один из них подлетал к самому лицу мальчика, сонно-неподвижному, как у статуи Будды, зависал и вновь включался в парящий над гладким бетоном пола хоровод.

Большая куча шерсти и мускулов, на которой он сидел, заворочалась, недовольно закричав. Мальчик похлопал медведи по загривку, мысленно поцокав языком. Зверь снова заснул, лёжа абсолютно тихо и неподвижно. Один из шаров снова приблизился, озарившись изнутри жемчужно-серым светом. Существо с глубокими провалами серебристых глаз внимательно всмотрелся в него. В шаре, медленно приближаясь, возникло лицо Кира, сейчас говорившего с четырёхруким Изменённым, бывшим его подручным:

— Этих подготовь и в Лабораторию. Кроме двух девок и очкарика. Только проследи за тем, чтобы они были чистыми. Нечего заставлять нашего учёного нервничать, если в

Преобразователь опять попадёт какая-то дрянь. А то сам туда ещё раз отправишься. Понял, Паук, а? Не хочешь стать кошкой, например?

— Вам всё бы смеяцца, хозяин. — Тот нервно сглотнул. — Всё сделаем в лучшем виде, не сомневайтесь. Продезен... эээ, короче помоем как нужно. Ничего в Преобразователь не попадёт. А кошкой — не в жисть не хочу быть. Мне вот так нравицца больше.

— А это идея... — Зоотехник задумался. — Помнишь Багиру? Помнишь... хочу ещё одну такую. А лучше — двух. Чешир слишком мал и неопасен.

— Хех, хозяин... — Паук почесал затылок. — Так скажите лаборанту сваму, он жеж сможет сделать, эт ему — как два пальца об асфальт.

— Как два пальца говоришь? — Кир поскрёб костяные бляшки, выращенные для защиты на горле. — Ну да, молодец, хорошо подумал. Только ты в курсе, что мы уже пробовали? Не выходит. Вот тебе, раз уж вызвался помогать, задача, помощничек. Надо поймать и привести сюда, к нам, одного грея. Можешь принести, впрочем, по кускам. Один хрен — они подчинению не поддаются. Хотя живой будет лучше. И целый. Будет у нас в качестве необходимого опытного материала.

— Мож это, хозяин? — Паук заметно побледнел. — Говорят, за Рынком видели кошек поменьше. То ли рыси, то ли последняя из пантер. Мож, грю, их притащим, а?

— Гришь, пантер? — Хозяин покосился на него. — Очко жумкает что ли, на грея-то идти?

— Ну да...

Дальше мальчик решил не смотреть. Вместо этого он пальцем подозвал другой шар, стукнул по нему ногтём. Шар засветился, выводя на свою гладкую поверхность изображение улиц Города. По одной, быстро и ловко перемещаясь в тени, скользила стройная фигура, облитая облегающим костюмом из странной, похожей на металлизированную, ткани. Рыжие волосы были затянуты в хвост на затылке. Девушка скользила вдоль по Физкультурной, внимательно приглядываясь к чему-то впереди.

Рядом с первым возник второй шар, настойчиво отталкивая собрата в сторону круглым боком. Мальчишка повернул голову к нему. Всмотрелся в картинку, на которой несколько людей, затянутых в защитные костюмы военного образца, настойчиво ковырялись в горах мусора у недостроенных домов в самом конце Первомайской. Несколько раз то одна, то другая фигура наклонялась за чем-то, ярко поблёскивающим, что убиралось в продолговатую сумку на поясе. Тут-то всё было весьма ясно: рейдеры таскают «огоньки», которые потом можно будет сбавить скупщикам.

Он перевёл свой взгляд на шар с рыжеволосой девушкой. Прикрыл глаза, привычно находя её Нить среди тысяч других, сплетающихся вокруг Города и Района в тесный клубок. Мысленно отдал необходимые команды, заставив ту сначала замереть, а потом быстро изменить собственный маршрут. Бэньши тут же починилась, рванув в сторону того самого выхода из Радостного, который виднелся в шаре-близнеце. И возле которого — настойчиво искали прибылей жадины-рейдеры. Мальчику было не жаль никчёмных, для района, «огоньков», но люди должны знать предел, за который нельзя переходить. А эта группа, пришедшая с Той стороны вчера, уже была предупреждена с помощью атаковавшего их голема. Но, судя по всему, рейдеры не вняли предупреждению, да и человеческую жадность тяжело измерить как либо. Но существо, сейчас сидевшее в заброшенном заводском ангаре, хотело считать себя справедливым, дающим людям шанс одуматься. Да так оно и было. Ведь как ещё можно было оценить то, что пули из двух автоматов механизированного монстра не

попали ни в одного?

Ещё один из шаров подлетел, сменив оба, висевшие перед наполненными жидким серебром глазами. Доверчиво ткнул боком в ладонь мальчишки, как бы призывая взглянуться в его глубину. Существо не отказалось. В серой глубине шара возник контур большого цербера, внимательно следящего за одинокой фигуркой в куртке цвета хаки. Силуэт, судя по длинным, спутавшимся волосам и стройной фигурке, принадлежал девушке. Странной особе, зачем-то рискнувшей сунуться в лес, находящийся возле Васильевки без какого-либо оружия и без защитного снаряжения. Мальчик внимательно и заинтересованно присматривался к ней, пытаясь понять: что же ей тут надо? Когда цербер начал подкрадываться к девушке, существо уже не отрывалось от шара, внезапно поняв, что сейчас будет что-то необыкновенное. Так и случилось.

Когда громадный Изменённый, взрыкивая всеми тремя пастями своих страшных голов кинулся к девушке, то она только повернула голову. И навстречу псу, соткавшись из мрака, метнулась пара туманных волков, которые предпочитают никогда не связываться со своими, куда как большими по размерам и свирепости, сородичами. А особа, одетая в защитного цвета куртку, несколько казалось не испугавшись, пошла себе дальше. Мальчик с провалами тёмных глаз потянулся к ней, находящейся так далеко. Наткнулся, не поверив самому себе, попробовал присмотреться. Когда девушка, подняв вверх глаза глубокого зелёного цвета нахмурилась, он отступил. Тряхнул головой, мотнув золотистыми кудряшками, чтобы прийти в себя. Улыбнулся, понимая, что в Районе стало больше ровно на то, что она принесла с собой.

Ему никто, практически, не мог бы помешать делать всё, что он посчитает нужным. Возможно, что появление этой женщины, совсем ещё молодой, сместит чашу весов, которая сейчас пришла в равновесие. Существо было на это наплевать. Игра принимала серьёзный оборот, но оно было к этому готово. Противники были сильны и умны, что делало схватку ещё более интересной. А именно этого ему и хотелось сейчас, спустя такое большое время, проведённое в заточении и скуке. На какое-то время, когда в глубине сознания появилось радостное удовлетворение от предвкушения ещё более сильной драки с оппонентами, ему захотелось даже отозвать бэньши, отправленную к рейдерам. Мальчик, в чьём теле сидело существо, даже поманил к себе нужный шар. Но когда он взглянул в его серебристую глубину, то понял, что уже поздно.

Рыжеволосая бестия знала своё дело туго. Люди, решившие заработать больше, чем им было нужно, уже были мертвы. Тело маленького мальчика, сидевшего на громаде гиперурсуса, вздохнуло, и вернулось к своему вечному созерцанию.

— Слышь, напарник? — Мирон, наконец-то закончил шкрябать ложкой по дну банки, пытаясь вытащить ещё немного каши с говядиной. — А у нас ведь опять еда заканчивается. Чего делать предлагаешь?

— Да чёрт его знает. — Голем, пытавшийся разобраться с заклинившим затвором пулемёта «Сармат», даже не повернулся в его сторону. — Хочешь, так давай по лабиринту полазаем. Там складов до хренища. Обязательно найдём чего-нибудь.

— Да ну его в баню. — Искалеченный пэтэушник тоскливо посмотрел на блестящее дно консервной банки. — Чего-то не очень хочется. Может, лучше пойдём пособираем чего-то там? Я знаю, где «чушек» много. По любому сдадим Кефиру.

— Как хочешь. — Лёшка, наконец-то справившийся с проблемой, удовлетворённо улыбнулся. — Пошли пособираем чего-то. Я не против. Вообще — прогуляться хочу. Стрелять вроде как перестали. Можно пойти, воздухом подышать, и порыскать. Совместить, как говорится, приятное с полезным.

— Я тогда собираюсь. Слушай, Лёх, а куда ты бронебойные патроны положил?

— А на кой ляд они тебе, Рэмба? С кем серьёзно воевать собрался?

— Ни хрена себе вопрос. Да с военными, если что. Твои-то братаны, понятное дело, против тебя не попрут. А вот вояки, или сектанты, те запросто. Ты ж в курсе, что «пуритане» всё серьёзнее упаковываться стали? Их иногда хрен возьмёшь обычными патронами. Так что, давай говори, в какой загашник убрал.

— Вон там, на нижней полке. Вообще-то ты прав по поводу вояк. Что-то их в последнее время всё больше и больше.

— А я тебе про что говорю? — Мирон несколькими отработанными, сильными движениями подобрался к указанной полке. Порылся на ней, нашёл несколько пачек с бронебойными. Открыл, ссыпал в потрёпанную бейсболку с эмблемой «Крылышек», и начал набивать ими несколько длинных магазинов к «калашникову».

Голем прошёлся вдоль самой большой комнаты в бункере. За прошедшие месяцы они, на пару с Мироном, смогли хорошо и уютно обустроиться в нём. Насколько это было возможно при местных условиях. Во всяком случае, они оба постарались сделать всё что можно для того, чтобы не забывать о том, кем они были до Волны.

В комнате стоял большой, накрытый шерстяными пледами диван. Несколько кресел и стол, собственноручно сколоченный Мироном. Смотрелся он, конечно, несколько чуждо, но в какой-то момент калека не смог отказать себе в желании сколотить его. Что им двигало? Возможно, что желание победить очередной приступ хандры, которая хоть и накатывала на него всё реже и реже, но пока не отступала. На стенах висели полки, с натасканными големом книгами.

Настоящим диссонансом смотрелись оружейная пирамида и небольшой запас боеприпасов ко всему тому богатству, что они успели собрать. Нет, они не занимались мародёрством. Просто в какой-то момент Лёшка всё же смог открыть ту самую дверь, которая вела вглубь коридоров. Там и нашлось много всего интересного. Несколько проходов им даже пришлось замуровать. Чтобы чересчур интересное, живое и подвижное, и интересующееся ими двумя — не забралось в их бункер. Одним словом — жизнь наладилась, хоть и с грехом пополам.

Неприятностей хватало. Начиная от Изменённых, многие из которых так и не смогли стать хотя бы наполовину прежними, и заканчивая пришельцами с Большой земли. Если с местными разбираться было зачастую хоть и тяжело в процессе самой разборки, но без последствий, то вот с гостями с Той стороны...

С ними было тяжело. Военные постоянно норовили пальнуть в сторону замеченного ими голема безо всякого предупреждения. А рейдеры запросто устраивали на него преднамеренную охоту. Не говоря про учёных, которым покопаться в подобных Лёшке созданиях было страсть, как охота. Потому всегда приходилось быть начеку. В последнее время, учитывая нажитый с помощью собственных шрамов опыт, Лёшка начал всерьёз задумываться о том, чтобы связаться с кем-то из нормальных рейдеров. Чтобы через них выйти на тех умельцев, что снабжали вольных и отчаянных бродяг необходимым оборудованием и вооружением. Голем начал грезить о мощной, похожей на вертолётную,

пушке. И о чём-то типа бронированного костюма. Для себя, и для напарника. Но пока, к сожалению, не было желающих пойти на контакт с двухметровой ходячей башней.

А заплатить ребята могли. В конце концов, кому проще собирать всякие столь необходимые на Большой земле хреновины: местным или проходящим? То-то и оно, что местным. И этого добра у напарников был уже полный до верху здоровенный сейф, притащенный откуда-то неугомонным големом.

— Ну, чё Лёх, пойдём и прошвырнёмся? — Мирон, упаковавший оба больших, «эрпэкашных», подсумка, лязгнул затвором автомата с оптикой.

— Да пойдём, пожалуй. — Голем покрутил в руках пулемёт и, судя по всему, остался недоволен. Потому как взял, и поставил смертоубийственную железку в пирамиду, вооружившись новеньким, найденным на складе, «Печенегом». Прикрепил коробку на двести патронов. Кустарно сшитые из брезента сумки ещё на две таких же — висели по бокам. Лязгнув по полу металлическими частями стоп, голем подошёл к вешалке. Снял и привычно накинул на себя «упряжь», в которой Мирон ездил на Лёшке, как буденовец на каурой сивке-бурке. Тот уже сидел на своём, собственноручно, так же как и стол, сколоченном «насесте». Когда товарищ чуть присел, давая ему возможность удобнее устроиться, отработанным до мелочей движением оказался в упряжи. Той самой, за которой они совершили почти самоубийственный рейд в родное ПТУ, в мастерские строителей-монтажников. С тех она служила верой и правдой, давая возможность одному передвигаться, не опасаясь за тыл, ставший защищённым. А второму давала возможность жить относительно полной жизнью, не ограниченной пределами подземных коридоров и бетонных стен их убежища.

— Попрыгали, мастодонт. — Мирон хохотнул, предварительно вцепившись руками в стропы своего передвижного гнезда.

Голем улыбнулся в ответ своей, так и остававшейся ещё полудетской, улыбкой. Подпрыгнул, проверяя: а не звякает ли чего лишнего? Когда Лёшка хотел, то передвигался очень тихо. И никто, к кому он хотел подкрасться незамеченным, не замечал его, пока сверху не падала огромная и страшная тень.

Потом они прошли по коридору, не основному. Основной давно был надёжно заблокирован и оставался на самый крайний случай. Боковые ответвления бункера давали им возможность выходить в Город сразу в трёх разных местах: у больничного городка, возле бывшего кафе «Отрада» и почти у самой Площади. Правда последним они старались не пользоваться после того, как в Радостном усилилась группировка странных типов с крестами на лысых макушках. Бережёного ведь, как известно, Бог бережёт.

В этот раз они решили выйти в районе «Отрады». Оттуда можно было спокойно, относительно конечно, добраться до Рынка. Возле него находился штаб одной из образовавшихся, лояльной ко всем, группировок. Оба напарника не вдавались в то, кто был у её истоков, хотя и подозревали, что это были бывшие уркаганы из «синей» банды. Той самой, что контролировала Радостный до Волны. Мужики были серьёзные и относившиеся к обязательствам, своим и чужим, очень трепетно. Между Мироном, нашедшим с ними контакт и паханом группировки, Жёлтым, недавно была достигнута договорённость. «Синие» обязались снабжать напарников продуктами, а те, в свою очередь, таскать к ним найденные интересные штуки. Вот и сейчас напарники решили направиться сразу к ним, тем более, что с собой было несколько очень оригинальных штуковин, которые точно заинтересовали очкастых уманов с Той стороны. А уж потом — можно будет и просто

прогуляться, несмотря на сгустившуюся ночь.

Как обычно, когда напарники выбрались наверх из тесных катакомб подземного Города, зелёный туман уже успел улечься и растечься по местным подвалам. Дождь, который спустя полгода после Волны шёл уже только один раз в день, также закончился. Мирон осмотрелся в своём секторе. Всё, вроде бы, было без изменений. Всё те же низкие дома, с выбитыми окнами. Здание самого кафе, успешно разрушаемое «серой плесенью» и густо улепленное сверху вездесущими воронами. Рядом с входом, жадно ковыряясь в останках какого-то бедняги в камуфляже, переругивались три орфо-пса.

— Можно сказать, — Мирон щёлкнул зажигалкой, — что всё вроде как в норме.

— И не говори. — Лёшка втянул воздух, пахнувший, как и обычно, гарью, порохом, кровью и страхом. Тем самым запахом, что стал таким знакомым за эти полгода. — Пошли.

Под заношенными, но всё ещё остающимися целыми высокими кедами шуршала листва. Выше классических для нормальной ситуации и абсолютно чуждых Району «Конверсов», были потёртые синие джинсы. Армейская свободная куртка с карманами, выкрашенная в «хаки», брезентовая сумка на длинном ремне. Длинные кудрявые тёмно-русые, волосы затянуты на затылке в классический «хвост». Большие зелёные, с лёгким карим оттенком, глаза с ориентальным разрезом. Прямой нос и мягкие, судя по всему подвижные губы. В общем и целом вполне нормальная и обычная юная жительница мегаполиса. Вот только непонятно: а что эта особа делает в Радостном-55?

Если бы сидевший на ветке перекореженного тополя дикий кот мог думать, то, наверное, именно такие мысли, наблюдения и заключения пришли бы в его лобастую голову, украшенную оттопыренными ушами и большими «антеннами», торчащими из самой макушки. Но коту, после обеда сумевшему поймать большого суслика, было сугубо фиолетово и на странную девушку, и на причины, по которым она бодро топала по тропинке, ведущей со стороны Васильевки в Раздолье. Единственное, что привлекло его внимание, так это запахи. Запах человека, который не был Изменённым. И странно смешивающийся с ещё каким-то, заставившим кота встопорщить шерсть на загривке и вжаться в широкую ветку. И тот, который шёл от свёртка, который гуляющая в одном из самых опасных участков земной поверхности особа прижимала к груди. От свёртка пахло опасностью, старой и привычной, ввевшейся в кошачью натуру с самого рождения и передающейся с памятью поколений. Потому, только когда девушка скрылась за поворотом, хищник позволил себе расслабиться, предварительно пошипев на двух туманных волков, трусивших по следам кед.

Странная гостя Района абсолютно спокойно шла вперёд, наплевав на все меры предосторожности, что обычно предпринимают те, кто имеет привычку шастать в Радостном-55 и его окрестностях. Девушка спокойно топала себе по тропинке, никуда с неё не сворачивая. Обходила те «ловушки», что тяжело определить даже натренированному военному, вооружённому датчиком этих аномальных гадостей. Не обращала никакого внимания на представителей местной фауны, как хищных, так и не очень. И, если уж быть честным и беспристрастным, они и сами не горели желанием попробовать её на вкус и прочность характера.

Ни редкий в районе экземпляр гигантского богомола-паладина, стрекотнувшего ядовитыми жвалами и бросившегося в кусты. Ни родственник того лесного барсика, что

встретило девушку, полосатый анимекот, задавший стрекача при её приближении. Ни порхающая с грацией бегемота тяжёлая розовая бабочка-балерина, обладающая любого тучкой ядовитой пыльцы с тюльпанов-мясоедов. Даже две Изменённых, с внешностью киношных эльфов, сидевших в засаде на одном из поворотов, не захотели с ней связываться. Что-то, исходившее от странной особы, заставляло их не трогать её, убираться с дороги.

Таким вот, давно забытым в Районе способом, девушка довольно бодро и весьма быстро прошла весь путь, что отделял её от окраины Города до того места, куда она так уверенно стремилась. Войдя на территорию бывшего дачного посёлка, который теперь контролировался анархистами, она уверенно направилась в сторону одного из домов. Пост вооружённых последователей батьки Махно, стоявший на воротах, не обратил на неё никакого внимания. Они просто не заметили лёгкой тени, прошуршавшей мимо них по сухой, ещё прошлогодней листве. Только последний из них, стоявший чуть дальше, за мешками с песком, что-то уловил краем глаза и даже неуверенно поднял ствол «ручника». Но, так и не поняв того, что заметил, удивлённо покачал головой и продолжил мечтать о прелестях тех нескольких мазелей, что сейчас мирно спали в расположении анархистов, ожидая еженощной гулянки.

Девушка продолжила свой путь, проложенный каким-то внутренним джи-пи-эс навигатором, остановившись у ворот, за которыми мужчина, одетый в застиранную «горку», только что опустил в яму что-то длинное, завёрнутое в брезент. Он только собрался облить свёрток бензином из большой металлической канистры, когда, скрипнув, открылась калитка.

— Здравствуйте. — Мягкий голос вошедшей заставил его удивлённо нахмуриться. И одновременно Егерь почувствовал, как пробка, торчавшая где-то внутри, выскочила, впуская в него что-то очень доброе. Он сморгнул, пытаясь понять: а не чудиться ли ему?

— И вам того же. — Мужчина кашлянул, продолжая соображать о том, кто это пожаловал к нему в гости?

Девушка подошла ближе. Присела, аккуратно положив на землю свёрток, который до этого прижимала к груди. Посмотрела на то, что лежало в яме, и в чём чётко угадывались очертания человеческой фигуры. Подошла к Егерю и молча положила руку на плечо. А тот смотрел то на неё, то на свои руки, державшие канистру.

— Жена, Наташа. Не смогла родить... вернее, родила. Почти. Если это можно было так назвать. Ладно, что хоть успел пристрелить ту тварь, что вырвалась из неё...

Широкие плечи Егеря дрогнули, но глаза остались сухими, лишь в горле раздался подозрительное сипение. Он справился, не позволив себе заплакать. Хотя то, что творилось у него на душе с самого утра, так и не вышло до конца. Оставалось занозой где-то в глубине груди, постоянно возвращая назад, когда он бросился на дикий крик из спальни. Девушка, почувствовав то, что сейчас происходило с ним, требовательно развернула его к себе лицом:

— Смотри в глаза, слышишь?!

И он стал смотреть, хотя не понимал того, зачем ему это нужно. Просто смотрел в глубокую спокойную зелень, постепенно улавливая, как боль съёживалась, уходя куда-то глубоко. Через минуту он смог спокойно вздохнуть и наконец-то закончить то, что собирался, и что старался отложить как можно дальше. Пламя было жаркое...

Потом, после того, как весь запах развеялся и исчез жирный, чёрный дым, растворяясь в неожиданно ставшее абсолютно ультрамариновым небо, они сидели на крыльце его дома. Он курил, а она молчала, накручивая на палец выбившийся локон.

— Меня зовут Егор. — Отставной майор, ставший Изменённым, первым прервал

молчание. — Хотя мне будет проще, если ты станешь называть меня Егерем.

— А я Марьенн. — Девушка легко и спокойно протянула узкую ладошку с длинными пальцами, утонувшую в его шероховатой клешне. — Почему здесь — пока так и не поняла. Откуда я пришла — не могу вспомнить. Как очнулась в районе какого-то леса...

Свёрток, лежавший на земле, неожиданно жалобно заскулил. Егерь непонимающе уставился в его сторону. Марьенн вскочила, развернула и извлекла из него нечто:

— А его нашла на дороге. Он ведь совсем ещё маленький, да?

Егерь покачал головой, уставившись на слепого кутёнка, бывшего по размеру с трёхмесячного щенка алабая. И только и смог, что удивлённо присвистнуть:

— И не говори...

Генерал-майор медицинских войск МО РФ, Василий Гробовой сидел, выпрямившись в кресле негнувшейся восковой куклой. Кресло было металлическим, обтекаемой формы, похожее на каплю с отрезанной половинкой. И находилось в доселе неоткрытом отсеке Ковчега. Помещение было высоким и просторным, с ребристым потолком, подсвеченное слегка зеленоватым светом.

Защитный шлем генерала, с поляризованным и пуленепробиваемым стеклом забрала, лежал у самой ножки кресла, растущей прямо из пола. В нарушение всех предписаний и требований, выдвигаемых к участникам проекта по разработке объекта «Радостный-55». Шланги подачи дыхательной смеси, воды и автономного питания похожие на больших змей, свисали из разъемов исследовательского ранца-горба. Один из них касался обтекаемой крышки опытного образца автомата «Гром», входившего в состав вооружения Военно-космических сил, валявшегося рядом с креслом. Руки Гробового, в защитных перчатках, безвольно висели вдоль тела. Из краешка рта, приоткрытого как во сне, тянулась ниточка слюны. Глаза, чуть закатившиеся и помутневшие, смотрели прямо перед собой.

На металлических стенах, с рядами мерцающих огоньков, насаженные на острые штыри, висели тела двух лаборантов, отправившихся с ним в неожиданно открывшийся отсек. Под ними, сидя на корточках, примостились две массивных силуэта, с переливающейся бриллиантами чешуек кожей, покачивающиеся на толстых коротких хвостах. Возле кресла сидела вытянутая кошачья фигура, умываясь когтистой лапой. Лапа до жути напоминала деформированную человеческую кисть, также как и голова, украшенная гривой спутанных кожистых наростов. Вытянутые глаза с узким и вытянутым зрачком на фоне жёлтой в красную крапинку радужки, с полным отсутствием белка, старательно следили за застывшим человеком, пускавшим слюни.

Перед креслом, зависнув над полом на уровне около метра, зависли три высоких тела, закутанных в тёмные балахоны с глухими капюшонами. Между ними и креслом крутилось несколько тёмных, смахивающих на металлические, шаров. Один, зависнув перед закатившим глаза Гробовым, светился изнутри мягким жемчужно-серебристым светом. Рядом с ним находился невысокий и коренастый, шестирукий индивид, одетый во что-то, напоминающее красный рабочий комбинезон. Его серые, землистые губы что-то тихо шептали, обращаясь к генералу. Кукла, одетая в защитный скафандр, послушно кивала головой, соглашаясь со всем, что ему говорили.

Прошло совсем немного времени, когда покачиваясь и придерживаясь руками за стены, Гробовой вышел из помещения. Чуть позднее его движения стали чёткими и осмысленными, смахивая при этом на действия робота с заложенной программой, используемого при проникновении в наиболее подозрительные участки Ковчега. Он дошёл до первого из предварительных постов охраны, выставленного у самого выхода из туннеля. Вызвал бригаду медиков, и без того готовую сорваться с места после того, как связь с группой Гробового прекратилась. Сам же, проследив мутным взглядом за быстро убежавшими фигурами в защитных скафандрах, пошёл чётким и бодрым шагом в сторону пункта контроля за Объектом «Радостный — 55». Входя в операторскую, внутри которой находился пульт дезактивации Ковчега, нацеленный на использование недавно расставленных зарядов новейшей взрывчатки, вскинул «Гром».

Заблокировав дверь, Гробовой подошёл к пульту, перешагнув через несколько тел в камуфляже, лежащих среди быстро расплывающихся красных луж. Сам профессор был смертельно ранен, но ему было на это наплевать. Несколькими нажатиями определённых кнопок, он привёл в действие несколько зарядов, заложенных в тех местах, про которые ему было сказано там, в зале со сверкающими парящими шарами.

Спустя менее, чем несколько минут, сверкающая изумрудной зеленью мельчайших капель Волна — пошла в сторону спящего города.

Район (Несостоявшийся репортаж) — пролог

Не каждый «Кайман» или «Аллигатор», не говоря уж о морально устаревшем 24-ом «Крокодиле», долетит до середины Района по диагонали сразу после Всплеска...

И далеко не каждый опытный бродяга-рейдер сможет быстро дойти до его относительно «безопасных» границ сразу после него. Свежие ловушки громоздятся друг на друга. «Конфорки» активно полыхают рядом с «добрым утром». «Ежи» наползают на «провалы», а «разряды» искрят так, что их видно и без датчиков. Одуревшее и попрятавшееся зверье вылезает оттуда, где его никогда раньше видеть не видели и слышать не слыхивали. И потому опытные рейдеры никогда не спешат, выбирая дорогу к дому, если на пути их застал Всплеск. И не важно, какой он, ожидаемый или наоборот неожиданный.

Через пролесок, находящийся недалеко от ГПЗ, цепляясь за ветки, сбивая дыхание и всхлипывая, торопилась девушка по имени Настя. Датчик ловушек, вмонтированный в недорогом и изрядно «заюзанном» КПК, сходил с ума и бешено верещал, заставляя её постоянно крутить головой. Но пока, по абсолютной случайности и везению, свойственному редкому количеству новичков, ей благополучно удавалось обойти все ловушки, встреченные на пути. Изменённые ещё не вылезли из нор и укрытий, и там же сидели самые страшные местные хищники — люди.

Да она и сама бы ещё недавно и не подумала, что будет вот так бежать там, где только вчера боялась сделать шаг в сторону без разрешения проводников. Да к тому же, и бежать на ГПЗ, где в самом лучшем случае она сможет найти рейдеров-одиночек, а при плохой альтернативе — военных, проводящих очередную зачистку. Вот только куда деваться, если позади бесшумно и спокойно движется твоя личная, слегка отсроченная смерть.

Там, на небольшой поляне, остался лежать Лёшка, с которым она проработала вместе три года. Лёшка, смотревший остекленевшими глазами на остатки портативной камеры, был первым, кого она увидела, выйдя из-под низкой притолоки давно разваливающегося погребка, где они пережидали выброс. Чуть поодаль от него изломанной куклой лежало тело Скопы, в разодранном от шеи до паха комбинезоне, с вывернутой набок головой. На стволе старого тополя, прямо напротив неё, в полуметре от земли висел Пикассо, прищипленный как жук.

А в сторонке, потрескивая и постреливая искрами, разгорался небольшой костерок, над которым грелись громадные, заросшие жёстким чёрным волосом кисти рук. Эти мощные лапы, так похожие на лапы большой гориллы, из передвижного цирка-шапито, принадлежали третьему члену команды проводников, подрядившихся довести их до Радостного, Большому. Сам же он смотрел на неё из-под покатога лба и улыбался.

Она тогда не закричала, хотя, наверное, должна была бы, особенно после того, когда Большой неторопливо поднялся, подошёл к ещё дышащему рейдеру, висящему на дереве, и выдернул то, что держало его. Зазубренный тесак. Большой никогда раньше не снимал его со специального зажима на левой стороне «разгрузки», а при необходимости пользовался вторым, раскладным, который носил на поясе.

Потом он спокойно объяснил Насте, что сейчас ему немного неинтересно заниматься ей, и что если она хочет, то может спокойно посидеть у костра, пока ему снова не захочется развлечься, либо он может отпустить её...пока. И такой вариант ему более предпочтителен, так как даёт возможность ещё немного повеселиться. И он даже не будет забирать у Насти

коммуникатор с датчиком, потому что понимает, что она есть «зелёная» салажня, которая без приборов даже и метров сто сама пройти не сможет. Да, в качестве бонуса Большой пожалеет её ещё больше, и даст ей с собой «Гюрзу» Пикассо... но только с одной обоймой. «И не смей даже и думать возмущаться, маленькая сучка, ты мне сразу не понравилась, бери, что дают, и беги. Время пошло, раз-два-три-четыре-пять... через пятнадцать минут Большой идёт тебя искать», — сказал он, глядя на неё из-под кустистых бровей.

И тогда Настя пошла вперёд. Пошла, не оглядываясь, судорожно вспоминая всё, что успела заметить за два дня, проведённых с бродягами в Районе, поглядывая на экран КПК, который уже тогда начал пищать через каждые двадцать шагов, и сжимая в вспотевшей ладони рифлёную рукоять пистолета, отсчитывая про себя секунды, долгие девятьсот секунд....

Район (Несостоявшийся репортаж): Глава 1.

Кротовка — Черта

Кротовка — это небольшой посёлок, километрах в тридцати от Радостного. Того самого Радостного, которого когда-то построили для нефтяников и газовиков. Это если официально. Неофициально — для складов Госрезерва СССР. Населённого пункта, в котором не так и давно, имела место Волна, изменившая всё для его жителей. Города, который до сих пор находится под замалчиваемым и отрицаемым властями контролем «Пуритан». От Кротовки в сторону города идёт довольно сносная шоссейная трасса и ещё есть железнодорожная ветка. И именно здесь, после последнего большого расширения Района проживает довольно большое количество рейдеров. Хотя, конечно, можно было бы иметь постоянное место жительства и в Ключах... Вот только как объяснить военным из группировки, что тебе ну просто позарез нужно жить на минимальном удалении от того места, куда доступ обычным жителям строго запрещён и не действует рейдерское разрешение?! До этого пока ещё никто не додумался. И уголовную ответственность за незаконное проникновение дальше рубежа Района, указанного в лицензии, тоже никто не додумался отменить. А постоянно находиться там ни для кого полезным ещё не было.

Поэтому мы живём здесь. Как правило, после первых ходок, если ты выжил и смог доказать, что ты не просто «отмычка», у тебя появляются деньги. Именно поэтому к концу первых шести месяцев в кармане у меня лежала лицензия на осуществление деятельности рейдера, приобретённая за кровно заработанные тугрики. Через год я смог открыть собственную контору заказов на вполне легальной основе, и нанять персонал из местных (хотя про одного человека говорить «персонал» — достаточно громко). А тот факт, что её хозяин довольно часто обретается не в её пределах и даже не в пределах, где должен находиться каждый законопослушный гражданин Российской Федерации, пусть и со своеобразным родом занятий... это нестрашно. Это всегда можно скрыть с помощью своевременно и грамотно переданных плотных бумажных конвертов с исключительно притягательной для любого госслужащего начинкой.

Кстати, после последнего расширения Района года четыре назад наш посёлок успел превратиться во вполне приличный городишко. Перевод в него всех органов администрации, размещение командования временного контингента сил сдерживания и приток законопослушных граждан весьма и весьма подняли экономический и демографический потенциалы и даже смогли расширить территориальные границы. В первые месяцы администрация пыталась бороться со спонтанным притоком граждан с территории бывшего Совка, но, судя по всему, после подсчётов состриженных во время этой анархии купонов, кто-то сверху явно решил закрыть на всё глаза.

За прошедшие годы наша скромная обитель неуклонно росла, хорошела и обростала всеразличнейшей инфраструктурой, из которой лично меня волновало всего несколько мест. В одно из них, кабак «Solyanka», я на данный момент и направлялся.

«Solyanka»...ну, с названием ничего не поделаешь, традиции следует блюсти. Заведение Сдобного — самый главный пункт поставки свежего пушечного мяса для Района. Сто квадратных метров безграничного рейдерского счастья в виде ласкающих взгляд барной стойки с напитками, тёплой компании давно знакомых бродяг и замечательнейшего помоста для стрип-танцев. Именно в таком порядке. Хотя...иногда первое менялось с последним по

значимости в моей личной пофигистской шкале ценностей, и только тёплая компания стабильно занимала «серебро».

— Здорово, Пикассо. — Лениво подпирающий стенку на входе Немец соизволил поздороваться. — Как дела, бродяга?

— Здравствуй, мой тевтонский друг, дела как в сказке, чем дальше, тем страшнее. У себя ли Сдобный?

— У себя, все глаза уже просмотрел, тебя высматривая, — ухмыльнулся гордый потомок псов-рыцарей, родившийся, судя по неистребимому акценту, где-то далеко за Уралом — оружия с собой нет?

— Что ты, я всего лишь скромный конторский служащий, изредка ходящий до Сахарозавода. И слов таких даже и не знаю, так как всегда иду под прикрытием военных — Немец даже гоготнул, выслушивая мою пургу. — Передашь Сдобному, что я пришёл?

— Передадут, не беспокойся. Заходи, пока места ещё есть. У нас сегодня уже дым коромыслом.

Нда... Дым коромыслом — это как раз про сегодняшний случай. Несмотря на довольно раннее время, народа уже много. Судя по всему, практически одновременно в город вернулось достаточно много и одиночек и небольших команд. Из числа моих хороших знакомых — за стойкой, накачиваясь тёмным бархатным «Вакано», сидели Дым и Валий. Судя по приветственным жестам, похожим на работу ветряных мельниц и сопровождавшимся радостными воплями, а также по густым клубам дыма, парни уже успели добраться до Соломенного Джо и купить у него дурман-травы. Ну, каждый вне Района расслабляется так, как хочет.

В левом углу, поближе к подиуму для девочек, степенно и неторопливо попивали явно дорогую, густо-янтарного цвета высококалорийную жидкость Барин, Чугун и Казак. Три местных Годзиллы, каждая под два метра ростом и весом немного за сто. Слаженная и дружная команда под началом отсутствующего сейчас Сокола. С ребятами мне приходилось пересекаться, и работать с ними было одно удовольствие. Единственное, что меня смущало, так это разрушения, которые они за собой оставляли. Правда, только если сильно на кого-то обижались. Не грех было подойти, поздороваться с ними и немного потрепаться ни о чём.

Тем более что как раз по соседству с ними оставался ещё один незанятый стол с вполне приличными и не совсем продавленными креслами. Туда я потом и направился, по дороге попросив официанта Мишу принести мне сваренный в джезве кофе и прибавить звук у телевизора, висевшего на нашей стороне бара. Как раз должна была начаться новая серия «Историй Зоны». И тут откуда-то сбоку возник, улыбаясь своей неотразимой улыбкой, Соколище с кружкой бархатного:

— Гамарджоба, дорогой!

— И тебе не хворать, Серый, — я искренне был рад его видеть целым и невредимым, — как ходка, бродяга?

— Отличненько, дошли с парнями до Топи. Тяжеловато идти было, но сходили не зря. Теперь минимум недельку можно будет ничего не делать, тока попить всяко разно, есть экологически чистые, вкусные и полезные продукты, дрыхнуть, да к девочкам ходить. Кстати, если не занят будешь, то давай через неделю вместе махнём. А?

— Да я и не против, только сначала со Сдобным пообщаюсь, он просил зайти. Сижу вот, жду, когда снизойдёт. А чего вдруг тебе, Сереж, моя помощь понадобилась?

Сокол откинулся на спинку кресла и довольно заулыбался:

— Да понимаешь, мы и так-то сходили хорошо, притащили столько всего, что просто держись. А когда назад шли, то наткнулись на мародёров. Они как раз закончили потрошить двух молодых. Ну, мы их положили всех, бандюков то есть. Пацаны-то ещё живые были, одного успели к Айболиту дотащить, может и выживет. А он слил нам в благодарность информацию. — Сокол склонился ко мне и заговорил заметно тише: — Шкатулку они нашли, друг, далеко правда, почти у самой Площади. Вот и хотим сходить. Шкатулка-то, она ведь никуда не денется. Снайпер нам нужен будет, это точно, и пулемёт всенепременно. Ну и твой ствол лишним там не окажется. Так к кому мне обращаться-то, как не к вам со Скопой?

Да уж, сразу же подумалось мне, друг Пикассо, вот и думай, что тебе сейчас Сдобный предложит и про что говорит сидящий напротив проверенный партнёр.

«Шкатулка», если кто не знает, это законсервированное самим Районом хранилище артефактов. Как правило, артефактов дорогих и высококлассных. Встречаются они редко, найти их крайне сложно, и как двое молодых бродяг смогли это сделать, не совсем понятно. Скорее всего — случайно наткнулись. А ведь если дело выгорит, то чем чёрт не шутит, можно будет попробовать и свалить отсюда к чертям собачьим. Ведь тогда не только самим хватит, но и детям останется, если, конечно, будут они, дети, после местного климата и всего прочего. Нда... вот и ломай голову, друг Пикассо.

— Знаешь Серый, спасибо тебе за доверие, брат. Не буду ничего обещать, пока со Сдобным не поговорю. Если не смогу, то сразу предупрежу тебя. Хорошо?

— Хорошо брат, мы с парнями подождём. Утро-то, оно сам знаешь, всяко вечера мудренее. Бывай, если драться будешь — зови.

Серёжка удалился, наградив меня напоследок ещё одной сногшибательно широкой улыбкой.

Помню, как долго мучился, думая, кого он мне напоминает, пока не понял. В детстве, когда я был добрым и домашним мальчиком, очень любил смотреть матчи сборной России по футболу. Тогда ей командовал золотой голландец. Как раз, когда они взяли подряд и чемпионат Европы, и следующий за ним чемпионат мира, играл там ветеран-нападающий, то ли Плющенко, то ли Павченко. Вот он так же добро и по-детски улыбался, особенно когда вколотил в матче-реванше финала ЧЕ-2012 три мяча испанцам.

Тем временем в баре значительно прибыло народа. Прямо напротив меня приземлились сразу набывчившиеся в мою сторону Бек с Жаном, парни лихие и отчаянные. Бывшие в прошлом «спецами», имевшими привычку, подвыпив, нацепив свои красивые красные шапки идти брататься с армейским спецназом в казармах. Метали они в мою сторону угрожающие взгляды неспроста. С ними у нас недавно случилась конфронтация по поводу справедливого распределения практически одновременно найденных нашими командами двух «Сердец». Ну и ладно, будь я сегодня один, может, тогда бы напрягся. Но, зная, что скоро появятся Большой и Скопа, можно было особенно не переживать.

У шеста уже накручивала круги первый номер сегодняшней программы, какая-то новенькая девочка. Делала она это настолько умело, азартно и вдохновенно, что я даже просмотрел появление у моего стола Скопы и Большого, что само по себе было необычным, принимая во внимание нестандартные габариты последнего.

Минут через пять после их появления ко мне подошёл Масло и вежливо попросил проследовать в кабинет Сдобного.

Сдобный — бывший рейдер, такой же независимый бродяга, как я или любой из парней,

сидевших сейчас в его баре. Довольно давно по нашему местному летоисчислению, целых три года назад, мы начинали вместе. Заходили туда, где дед Макар трёхголовых псов не гонял. Бралась практически за любое мало-мальски интересное предложение, набивали шишки, зарабатывали шрамы и евры, попеременно с рублями и баксами. В какой-то момент Сдобный решил остановиться и начал понемногу копить деньги для открытия собственной точки. И вот уже года полтора его «Solyanka» активно функционировала, принося всё более возрастающий доход.

Через него, как и через любого торговца среднего уровня, проходило большое количество принесенной из Района нелегальной и контрабандной добычи, распределялись настоящие, а не лицензионные, заказы, поступала необходимая экипировка. Сдобный относился к бродягам с уважением, и если обманывал, то так, что никто и не подозревал. Наши же с ним отношения складывались на основе старого партнёрства, без подстав и взаимного недовольства.

Кабинет находился в задней части бара, рядом с чёрным входом. Но, насколько я Сдобного знаю, то... За металлическим оружейным шкафом у него наверняка есть дополнительный выход. Скромное у нашего торговца деловое обиталище. Крепкий деревянный стол, несколько стульев, уже упомянутый оружейный шкаф и массивное, привезённое по заказу из Центра, кресло самого Сдобного, вот и вся обстановка. Ну и ноутбук на столе, само собой.

Сейчас, кроме самого хозяина, крепыша среднего роста, с наполовину седой головой, в кабинете сидели ещё два человека. Парень лет двадцати пяти, в поношенном, но добротном «натовском» камуфляже и канадских «берцах». И девушка того же приблизительно возраста, в чёрном армейском свитере, широких брюках защитного цвета и изрядно стоптанных туристических кроссовках.

— Здравствуй дружище, — Сдобный, не чинясь, привстал из-за стола, протягивая руку, — садись, пообщаемся. Как сам? Как дела, настроение и бодрость духа?

— Привет. Да ничего дела-то на самом деле. Не говоря уже про настроение и бодрость. В Город собираюсь скоро сходить. Только вот нас Сокол с собой зовёт на следующей неделе. Я ему пообещал дать ответ после того, как с тобой поговорю. Ты ж меня не просто позвал?

— Ну да. Вот это Настя и Алексей, они журналисты. Хотят репортаж из Района сделать. Канал платит хорошо, возьмёшься провести?

Ага, возьмусь... И ведь знал, кого позвать, понимает, что не откажу. Хотя, почему бы и нет?хлопотно, конечно, туристов в Район водить. Но если провести их максимум до какого-либо из брошенных блокпостов, чтобы они там флору и фауну нашу снимали, то ничего страшного в этом нет. Только почему журналисты обращаются к вольным рейдерам? Вот в чём вопрос.

Понятно, что репортажи из Радостного не редкость на всех более-менее крупных телеканалах. Он всегда давал интересный материал для съёмок. Но обычно они велись под прикрытием военных, вблизи блокпостов, либо, в совсем уже исключительных случаях, в районе лагерей учёных под бдительнейшим наблюдением не менее взвода тех же самых вояк.

— Ясно. Я то не против, только уточним, куда идти? Думаю, по окраинам прошвырнёмся и назад? До Всплеска ещё дней пять как минимум. Наснимать можно много, обезьян там, и собак, и ловушки само собой, ну, а если повезёт, то может, и пару-другую медвежат встретим. Или львов.

Сдобный выслушал всю мою тираду, посмотрел на меня немного странно, как будто сомневаясь в чём-то. Выдвинул ящик, достал непечатую пачку «Данхилла», открыл, предложил мне сигарету и закурил сам. Телевизионщикам не предложил, а когда девушка явно захотела что-то сказать, жестом попросил её помолчать.

Да уж, что-то будет. На моей памяти курить он бросал раза, наверное, два или три. В последний раз — аккуратно так месяцев восемь назад. С той поры вроде бы держался. А каждый раз, когда закуривал, то что-то происходило. И что-то весьма серьёзное, вроде того случая, когда нас с ним прижали в районе развалин дач у «Раздолья». Тогда там ещё не окопалась новая «Анархия», «Пуритане» ушли достаточно давно, и дачи переходили из рук в руки. Шли мы большой группой, с приличной добычей, напоролись на засаду наёмников и вшестером держались против почти полувзвода около двух часов. Пока до нас не добрались все наши, кто был рядом. Не думаю, конечно, что из-за журналистов может быть что-то похожее, но помяните моё слово, сейчас Сдобный выкатит мне какой-то шар.

Так оно и получилось.

Хозяин кабинета глубоко затянулся, грустно посмотрел на меня и рассказал: куда и за какую сумму он просит меня проводить телевизионщиков.

— До Площади и обратно? Он что, рехнулся?! С ними вот — и в Город?!!! Не, вот ты мне скажи, брат, Сдобный с дуба рухнул или на ужин поел грибов из Района?

Скопа возмущённо смотрела на меня, дымя второй сигаретой подряд, и я её вполне понимал и не осуждал за такое насилие над организмом. Большой пока отмалчивался, спокойно пережёвывая свою любимую котлету по-киевски. Только иногда — искоса посматривая на журналюг, которые тихо, как мышки, наблюдали за разгневанной фурией.

Ну да, наш друг и благодетель нашёл нам очень высокооплачиваемую работу, настолько высокооплачиваемую, что очень хотелось за неё взяться. Была только одна заковыка.

Конечным пунктом маршрута для серии репортажей из глубины Района была Площадь. Место, в которое мы ходили редко, не желая напороться на цвергов в городской канализации и подвалах брошенных домов, на большие стаи церберов и орфо-псов, густо шныряющих по округе и солидного количества Изменённых-зомби. Ну, и самая главная причина — клан «Новые пуритане», который с годами никак не хотел успокаиваться и упорно продолжал считать себя основой новой людской расы. Изуверы, мать их за ногу, считающие всех с нашей Стороны и большую часть Изменённых — демонами и слугами Дявола. Именно, что Дявола. Со всеми выходящими из этого факта последствиями, выраженными в нанесении всем, слишком близко забредающим к ним рейдерам или местным, а им, сектантам, и без разницы, увечий, никак не совместимых с нормальной жизнедеятельностью.

Ведущий российско-германский коммерческий ТВ-канал хотел несколько репортажей из самого сердца Радостного. И, судя по всему, хотел серьёзно. Как объяснила девушка, подготовка к безоговорочной оккупации прайм-тайма на грядущие большие праздники велась всюю. Я так и видел очами души своей броскую ТВ-рекламу:

«Мир Района изнутри! Все тайны и загадки Радостного-55 на нашем канале! Весь ужас творящийся там, у нас, глазами рейдеров, отважных первопроходцев в сердце чуждого людям мира! Только у нас в праздники! Тайнственные мутанты-Изменённые, леденящие душу секреты брошенных лабораторий, кланы и одиночки! Смотрите с нами и с пивом спонсора показа, марки...»

Да хрен его знает, какой марки, оно и не важно. Нам и подавно не интересно. Интересно другое. Если выгорит, то думаю, что пастеризованную гадость из бутылки мне не пить довольно долго, а вот двенадцатилетний «Гленнливет» я точно смогу себе позволить. Кто и как вывел руководство РДТВ на Сдобного, для нас, понятное дело, было неясно. Да то и не суть. Суть заключается в предложенных денежных компенсациях за оказание сопровождения и конвоирования.

— Хватит возмущаться. В любом случае я согласился.

— А ты не подумал прежде у нас спросить, хочется мне с Большим тащиться туда вот с ними? А?! — Моя возмущённая снайпер немного успокоилась и проявила деловой интерес: — А ты подумал, как с ними идти-то? Ладно, если бы по краю прошлись, а к Площади лезть с совсем зелёными, да ещё и смотреть за ними?

Настя, до этого молча слушающая и нервно катающая в ладонях бутылку «Миллера», не выдержала:

— Да кто вам сказал, что мы совсем беспомощные? Мы с Лёшкой и на Кавказе работали, в Иране были, думаете, там просто? А ещё...

— А ещё помолчи, — тихо и убедительно сказал Большой, — я очень рад, что ты и твой напарник уже что-то видели и где-то побывали, кроме загородных турбаз во время корпоративов. К сожалению, Район даже близко не похож на те места, где вы были. Здесь всё куда как хуже. У нас нет минных полей, зато повсюду натканы ловушки. Нет миномётных обстрелов, зато есть Изменённые. Отсутствует авиация противника, но небо барражируют смоки. Для того, чтобы немного понять это место, здесь нужно пробыть долго. Как Пикассо вон, или как я. Поймёшь — проживёшь. А так...туристы вы и есть туристы, забежали и ушли. Мы- то вас проведём, раз взялись, только как в пословице: шаг в сторону — побег, прыжок на месте засчитывается как попытка улететь. Одна правда — стрелять не буду. Надаю поджопников и самолично, в случае неисполнения приказа, пинком отправлю в сторону ближайшего центра цивилизации. Я понятно излагаю? Ну а раз понятно, то предлагаю вам забрать вещи, если они здесь, и отправляться к нам. Готовиться к вашему самому интересному турпоходу.

Когда явно оторопевшие телевизионщики отошли за вещами, которые и на самом деле лежали на местном складе, Скопа изобразила аплодисменты. Да и мне пришлось заметить, что наш обычно очень немногословный друг, судя по всему, решил сегодня выдать недельный запас красноречия. В среднем его повседневный словарный запас состоял из «ну да», «а то», «пошли уже», «давай пожрём» и бесконечно постоянных «слабаков» в наш со Скопой адрес.

После того, как клиенты вернулись с вещами, смысла оставаться в кабаке я лично не видел. Выходить завтра, так что засиживаться и выпивать нам сегодня не придётся. Надо потратить часа два на экипировку и ложиться спать.

Да, вы бы видели, как расстроились Бек с Жаном, когда поняли, что нам сегодня не подраться. Счастливо вам, бродяги! Надеюсь, ещё получим шанс качественно размяться.

Встречный ветер хлестал прямо в лицо, гудя провисшими проводами на накренившихся столбах. Дрезина на аккумуляторах, принадлежавшая Сдобному, везла нас к границе Района, от которой дальше нам придётся пиликать пешком. Мы уже свернули налево. Аппендикс основной «железки», идущий в сторону бывшего сахарного завода в посёлке у Радостного

под боком.

Километра за три от войскового поста, наблюдающего за сохранившимся куском «железки», нас встретит проводник Сдобного, который пойдёт с нами на тот случай, если придётся выходить на сам блокпост. Место для перехода здесь удобное. Сразу можно попасть в небольшой пролесок, в котором нас и при желании очень нелегко будет заметить. В чём ещё плюс? Вояки здесь свои братья-славяне, давно и надёжно «прикормленные». Договориться с ними всегда можно.

Большой оставшееся время решительно и категорично тратил на ещё одну проверку собственной амуниции и вооружения. Оператор Алексей уже несколько раз пытался снять его, и каждый раз останавливался, услышав, как Большой начинал ворчать, поминая всякими нехорошими словами журналистскую братию. Я вполне понимал телевизионщика. Посмотреть было на что. Наш молчаливый друг в полной своей боевой экипировке напоминал маленький танк. Ну, или лихого техасского рейнджера из голливудского боевика. Что, в принципе, наверняка одно и то же.

Помнится, когда в «Солянке» в первый раз по телику показали пилотные серии «Историй Зоны», про украинских сталкеров, мы со Скопой здорово поржали. Студия, снимающая сериал, решила провести интерактивное голосование среди зрителей. С целью выявления наиболее интересных сюжетных линий. Судя по всему, у них тогда было около десяти основных сценаристов, среди которых они проводили конкурс на выбывание. Нам больше всего понравились серии, в которых фигурировал Хемуль, был он настоящий какой-то. Не иначе как у автора были хорошие консультанты, либо чувак просто хорошо знал, о чём писал. Мы как раз за эти серии отправили свои голоса.

Ну, так вот, в половине серий сталкеры ходили, обвешанные с ног до головы оружием и снаряжением до такой степени, что было непонятно, как они вообще идти-то могут. Когда я в первый раз на экране увидел такую чуду-юду, то даже пивом поперхнулся. Правда, дальше было ещё смешнее, там один крутой, как варёные яйца, сталкер палил с рук из пулемёта калибром 12,7 мм. А какой-то другой «бэтмен» — ножами повалил стаю каких-то матёрых кровососов. Мутантов, типа наших вурдалаков... Один. Ничего не видя. На слух. Рэмба, едрит его за ногу. Ну да не о том речь.

Короче, именно на третий день после просмотра пилотных серий о похождениях крутых сталкеров нам встретился Большой, отбивающийся от мародёров. Тогда моя непоколебимая уверенность в том, что в кино всё всегда враньё, дала крупную и объёмную трещину.

Конечно, с рук из старых НСВ или «Корда», да даже и с облегчённого новейшего «Сармата», Большой палить не умел. Ему вполне хватало своего любимого модернизированного «Печенега-13», калибра 7,62. Но при этом он умудрялся таскать на себе ещё две запасных коробки, по сто патронов каждая, укороченный автоматический «Вепрь», «Кедр», абсолютно пижонский «Дезерт Игл-11» и полный боекомплект к ним. Не считая ножей, рюкзака, двух контейнеров для артефактов и всякой прочей мелочи. А после того, как присоединился к нашему со Скопой дружному коллективу, взялся таскать вторую винтовку нашей красавицы, её бережно лелеемый «Уэзерби». Естественно, что с двойным боекомплектом.

Попытки Алексея украдкой включить камеру закончились, когда Скопа в простой и доступной форме объяснила ему, что если он не успокоится и будет настаивать на немедленной съёмке рейдера без защитной маски на лице, то она немедленно произведёт в его сторону действия, классифицируемые УК как насильственные. После чего Лёшеньке

достаточно долго будет абсолютно нечем заниматься, так как камеру он держать не сможет. Но!

Если телевизионщики будут паиньками, то так уж и быть, когда наши милые и добрые лица скроются за масками, Скопа лично для них устроит сессию с позированием и красивой демонстрацией всех имеющихся образцов вооружения. И если на отснятых кадрах будет нефотогенична, то пусть потом пеняют на себя. От дальнейшего прослушивания страшных альтернатив, озвучиваемых нашей валькирией, меня оторвала Настя:

— А почему Пикассо? — Журналистка сидела на рюкзаке, зябко обхватив плечи руками. — Откуда именно такое прозвище?

— Да это в принципе и не прозвище уже, скорее второе имя. Почему? Был у нас здесь один шутник, Пумба. У него любимый фильм был, про какую-то, ещё советского периода, войну. Цитировал его постоянно.

— И что?

— Пили как-то раз вместе. Ну, я взял салфетку и абсолютно на автомате стал на ней чего-то чиркать. Он увидел... и процитировал. Знаешь, со вкусом с таким. Пикассо, говорит, бля. Ну, и прижилось. Пардон за мат, Настя, передал в оригинале.

— Да ладно, чего извиняться то, — девушка потянулась, насколько это позволяла ширина дрезины, — скоро приедем?

— Ещё минут пятнадцать. Машинист аккумуляторы бережёт, не гонит. Ехать то всего ничего на самом деле. Страшно, Насть?

— Есть немного. Столько слышала про ваш этот Район. Читала, передачи смотрела. Перед тем, как ехать сюда, столько всего в сети скачала. Нас даже на модулятор водили. У шефа подвязки есть, в какой-то госконторе. У них там специальный тренажёр, шлем одеваешь и ещё кучу прибабасов электронных, и вперёд. Меня в первый раз на пятой минуте убрали. Эти, мародёры ваши местные. А как там вообще, по-настоящему?

Да уж вопрос, как там вообще и по-настоящему?

Эх, Настя, Настя. Да разве можно это как-то объяснить человеку, который там не был. Понятно, что когда ты именно идёшь в Район, а не сидишь в каком-нибудь навороченном компьютерном шлеме, то хочется узнать хотя бы немного про него. Только ведь это запросто так и не объяснишь. А ведь девчонка вроде и не боится. А если и боится, то не очень. Нда... Как бы в результате у нас не прибавилось ещё одной женщины-рейдера. Если, конечно, всё будет хорошо.

— Как там? Сама увидишь. Смотри направо, видишь водонапорку?

— Да.

— За водонапоркой лесок. Это уже Район. А вон тот парень, которого ты пока ещё не видишь, наш проводник до Черты.

Наш машинист, хмурый и не улыбчивый дядька из местных, нажал на тормоз, и дрезина начала останавливаться:

— Ну, всё, господа рейдеры, приехали. Остановка конечная, контролёров, слава те господи, нема. Вон, тока Кондуктор сидит.

Кондуктор неторопливо поднялся из талантливо уложенной кучи всеразличного хлама, где прятался до этого:

— Здорово, Пикассо, Большой. Привет, Скопа. Это и есть ваши туристы?

— Они самые. Как военные?

— Вояки ужинают. Покурим и пойдём? Или как?

Я посмотрел на наших подопечных, которые быстро и ловко навьючивали друг друга. Не вняли, когда сказали про то, что вдвоём работали в точках. А Лёша, как выяснилось, ещё и срочку служил в тех же местах, что и я. Правда, немного позднее. Настя в армии не служила, но имела вполне хорошую подготовку в горном туризме. Это тоже послужило одной из причин, по которым отправили именно их.

— Давай курнём, времени немного займёт. Акулы микрофона и объектива, пойдём за мной, на вводный инструктаж. Сейчас перекурим и — вперёд.

Мы подошли к проржавевшей за прошедшие годы неиспользования стрелке, торчащей из зарослей крапивы незамысловатым фрейдистским символом. Я показал на неё им обоим:

— Это местный погранстолб. Здесь они такие. За ним — Район. Докуривай, Лёх, и маски на лицо. Сейчас я проверю, как у вас снаряжение, и пойдём.

Сдобный довольно хорошо их прибарахлил. Дал поношенные, но качественные защитные комбинезоны, грамотно подогнанные дыхательные маски и хорошо настроенные, хотя и подержанные КПК, которые мы проверили ещё дома. Из оружия — у Алексея был 9-ти миллиметровый «Хеклер и Кох Полис» и ПМ. У Насти — израильский УЗИ. Машинки хорошие и надёжные, хотя Лёша настаивал на знакомом и проверенном АКС-103. Мне пришлось объяснить ему, что снимать камерой и одновременно нести на животе даже пускай и сложенный «Калашников» у него особо хорошо не выйдет. Всё остальное было их собственное: хорошие рюкзаки, удобная обувь, вместительные фляги для воды. Ну, понятно, что контейнеры они тоже потребовали. Как же это, вернуться из Района без маломальски артефактного сувенира...

Право слово, как дети. Нет бы, думать про то, чтобы вообще вернуться. Ну да ладно, чем бы дитя не тешилось...

У оператора пришлось подтянуть несколько ремней, а в остальном вроде был полный порядок. Ну, всё, пора надевать маски, а Алексею включать свою камеру и ловить нас видеоискателем.

Ну, дорогие зрители, сейчас камера нашего оператора наблюдает один из исконных и нерушимых ритуалов вольных сталкеров, корни которого находятся ещё в...

— Здравствуй, Район, — не знаю почему, но до сих пор не могу сдержать какую-то дрожь в голосе каждый раз, когда говорю это, — я вернулся.

— Здравствуй, Район, — голос Скопы в эти моменты мягок, глубок и ласков, как будто она говорит это своему самому любимому человеку, хотя, как мне кажется, такого никогда не было, — я вернулась.

— Здравствуй, Район, — громадный и страшный Винни-Пух по имени Большой в этот момент становится похожим на русского былинного богатыря, стоящего перед каким-то очередным идолищем, которому он бросает честной вызов, — я вернулся.

Я давно успел отвыкнуть от того, что услышал после этого, и мне стало немного не по себе.

— Здравствуй, Район, — Настя стояла, крепко сжав кулаки, было видно, как побелели её костяшки от скрученного нервного напряжения, которое всё-таки было в этой смелой девочке, — я пришла в первый раз.

А её оператор сказал это одними губами, ловя нас камерой. Ну а Кондуктор, наверное, уже успел поздороваться с ней, и поэтому промолчал.

Через несколько минут мы уже шли по первому километру Района. Его, родного, как и

обычно, казавшегося живым. Смотрящего на нас глазами выбитых стёкол развалин у железнодорожного полустанка, дыркой ствола брошенного БТРа старой «девятистой» модели, громадной стаей серых местных ворон, сидящих на ветках искорёженных осин и тополей. Встречающей нас запахами озона и дождя, принесённого откуда-то ветром запахом дыма, густым ароматом рыхлой земли, в которой рылся одинокий кабан. Где-то впереди слышался вой небольшой, головы в четыре, стаи туманных волков.

Кондуктор решил дойти с нами до первой отправной точки, небольшого брошенного здания МТС. Я был ему благодарен за это. Меня уже около часа не отпускал непонятный мандраж, и ствол его «Вала» в такой ситуации я не считал лишним. Запас патронов, как известно, сильно рюкзак не оттянет, расплатимся добычей.

Сейчас он шёл впереди, что было понятно и логично, так как эти места Кондуктор знал, как свои пять пальцев. За ним, шаг в шаг, шли туристы. Мы со Скопой — по бокам, на расстоянии метра в полтора, Большой и его пулемёт двигались в арьергарде. Когда Кондуктор уйдёт, я пойду впереди, а Скопа сместится между нашими подопечными.

Пока ничего страшного и неожиданного не встречалось. Несколько раз мы обошли подозрительные места, телевизионщики слушались команд безукоризненно, при необходимости — вращали в землю и не шевелились. За что были награждены замечательными кадрами, на которых одинокий и неразумный орфо-пёс пал смертью храбрых от столкновения с «добрым утром». Правда, в последний момент Лёха не успел вовремя присесть. Пришлось затормозить минуты на три, пока он оттирал объектив камеры и себя от ошмётков бедного животного.

Разумные, разговаривающие и прямоходящие «хомо рейдерус» нам ещё не попадались. Остальная флора и фауна активно начала пробегать и перемещаться на сороковой минуте нашего пешего похода.

Упомянутый орфо-пёс был первым. Метров через сто мимо нас прорвалась через заросли «бешеной ежевики» довольно большая землеройка. Правда, судя по её торопливому улёпётыванию в противоположную от нашего отряда сторону, сама себя она большой и опасной не считала.

Минуты три перпендикулярно направлению нашего движения двигалась группа из пяти хищных стиго-лемуров. Так долго они двигались по простой причине — стрелять нам не хотелось. Определённо разведчики основной стаи, которая точно появилась бы минут через пять после нашей гипотетической «зачистки местности». А воевать с ними, не имея хотя бы какого-то подобия возвышенности, очень неудобно. Тем более, что мы их по какой-то причине не интересовали. Деловито бегущие по своим, сугубо лемурийским делам и абсолютно игнорирующие нашу команду, хищные приматы подверглись тотальной съёмке Лёшиной камерой. Через вышеуказанные три минуты они свернули в сторону и упрыгали куда-то дальше.

Пользуясь тем, что пока вокруг было относительно спокойно, вошедшая в ритм ходьбы отряда Настя попыталась взять у моей персоны подобие интервью:

— Уважаемые зрители (безумный взгляд оглянувшегося и удивлённо зашевелившегося под маской своими унтер-офицерскими усами Кондуктора), сейчас я нахожусь в пограничном районе Района Радостный-55. Как вы уже знаете, данный репортаж ведётся в присутствии настоящих, так называемых вольных рейдеров. Нашу съёмочную группу на данный момент сопровождает группа из четырёх представителей этого не совсем законного объединения. И я, журналист канала РДТВ Анастасия Ефремова, попытаюсь взять интервью у командира

нашей группы. Только что, уважаемые зрители, вы были свидетелями того, как мимо нас пробежала стая довольно опасных местных животных, известных как стиго-лемуры. Какую опасность они могли нести нашей группе?

Как известно, у каждого человека в нормальном демократическом (обязательно демократическом) государстве могут быть свои пять минут телевизионной славы. На мою же долю, судя по всему, этих минут выпадет куда как больше. Вот только сейчас они никому из нас не нужны абсолютно:

— Убери микрофон, Настя. Интервью ты у меня возьмёшь вечером, если всё будет спокойно, и мы дойдём до места ночёвки. И лемуры — не «довольно опасны». Они смертельно опасны, как и всё в Районе. Убери микрофон и крути головой по сторонам. Быстро!

Настя послушно убрала микрофон и, судя по устремлённому по сторонам взгляду, обиделась. Не страшно, лишь бы не расслабилась. Эта хищная местность может убаюкать тихо и незаметно, а потом неожиданно ударить резко и смертоносно.

Слишком спокойно мы шли. Чересчур спокойно. Значит, наш глумливый господин Район в ближайшее время подкинет нам что-то этакое. Через сто метров мы все дружно в этом убедились.

Кондуктор успел вскинуть автомат, но на курок его палец жал уже рефлекторно. Ствол повело в сторону и уткнуло в землю. Его худое долговязое тело начало заваливаться назад, а то, что осталось от головы, запрокинулось так, что было видно, как брызгает струйками кровь из месива, оставшегося на месте подбородка и верхней части шеи.

Древесный сколопендроморф — метровая тварь в твёрдом хитиновом панцире. Эта сволочь появилась сравнительно недавно. Умники из Лаборатории считают её мутировавшей сороконожкой. Может, оно и так, конечно. Вот только что-то я не помню сороконожек, которые бы плевались сгустками кислоты, мгновенно пожирающей любую органику и некоторые виды пластика. Очень большое, агрессивное и опасное, но, к счастью для рейдеров, не обладающее даже зачатками разума насекомое. Кондуктору не повезло: сколопендроморфа очень тяжело увидеть на искорёженных деревьях Района, Изменение подарило ему свойство замечательно маскироваться на любых поверхностях.

Сердечники моих жутко дорогих патронов бронебойные, очень убедительные. Сороконожка брызнула во все стороны грязным жёлтым студнем. На них нельзя экономить патроны: эти сволочи слишком живучие. Самый лучший вариант — сразу же по обнаружению разнести гадине голову в клочья и откатываться в сторону, чтобы не задела острыми концами лап, или, что ещё хуже, не попали брызги кислоты.

После того, как Скопа осмотрела ближайший кустарник, Настя дёрнула туда со спринтерской скоростью. Оператор оказался не таким стеснительным и содержимое желудка выблевал прямо себе под ноги.

Потом мы закопали Кондуктора с помощью складной «сапёрки», которую обнаружили в его рюкзаке. КПК и армейский жетон с эмблемой ВДВ и кулака в звезде и с автоматом я убрал к себе. «Вал» и подсумок с патронами к нему — пришлось припрятать в обломках каких-то бетонных труб, не пойми для чего и когда оставленных в этом пролеске.

Вот так мы лишились ещё одного рейдера. Когда я спросил наших туристов о том, что, может быть, они теперь захотят повернуть назад, то получил отрицательный ответ.

Ну и ладно, их дело. В конце концов, работа у меня такая — ходить в Радостный. А то, что приходится тащить ещё и пару людей, которые полезли сюда из-за денег и по причине какого-то непоправимо глупого упрямства желают и дальше продолжать съёмку...

Ну и что я сделаю с ними? Это ведь их собственный выбор. Не знаю, что им пообещало руководство за репортажи. Подозреваю, что ничего из ряда вон выходящего. Видел я таких там, на войне. То ли по природе своей не понимают, что могут погибнуть, то ли у них какое-то непонятное мне восприятие мира. Хотя, во второй мировой тоже были фронтовые корреспонденты, и сейчас их считают героями. Может быть, через какое-то время и этих ребят будут считать кем-то вроде тех, великих журналистов.

Одно ясно, что на смерти Кондуктора прайм-тайм они заработают. Это точно. В первый же вечер.

Дальше шли ещё более осторожно. Через коммуникатор я отправил информацию по всему списку контактов. Скополопендры всегда роятся рядом, перемещаются в подобии колонии, и вполне можно ожидать, что здесь их довольно много, поэтому предупредить ребят было необходимо.

Из леска мы вышли через полчаса. По дороге ещё два раза приходилось стрелять по древесным гадинам. Как и предполагалось, какая-то колония перебралась и сюда. Это плохо, размножаются они быстро. Уже на самом выходе Большому повезло. За поваленным деревом он успел заметить хвост очень большой многоножки. После того, как мы расстреляли её, найти кладку с яйцами было достаточно просто. Фосфорная граната быстро решила вопрос, связанный с увеличением поголовья ползучей мерзости в этом районе. Подозреваю, конечно, что таких вопросов нас ожидает довольно много в ближайшее время. Наверняка придётся палить лес, либо прочёсывать полностью, а иначе проход через него скоро будет абсолютно невозможен. Особенно для тех, кто в Районе недавно и обзавестись дорогой и качественной защитной экипировкой ещё не успел.

Местность здесь сложно-пересечённая. Никак больше и не определишь это скопление холмов, разделяющих их оврагов и просто глубоких канав, частых перелесков и постоянно встречающихся уже на пятом километре притопленных низменностей, которые ближе к Радостному превращаются в непроходимые болота. С севера они вообще давно слились в одну систему, нашу знаменитую Топь. Весь этот геологический кавардак, вкупе с близостью к аномально насыщенной электричеством Чертой, часто давал сбой в аппаратуре.

Но первых встреченных рейдеров наши КПК засекали вовремя. Три фигуры в хорошо подогнанных армейских костюмах неторопливо, не прячась, шли нам навстречу.

— Бес, Зотыч и Конь, — Скопа убрала монокуляр в футляр, — ушли давно. Всплеск наверняка переждали ещё в старых районах.

— Здорово, бродяги. — Наушник ожил, передавая хриловатый басок Коня, — Выпить ничего с собой нет?

— Найдётся, Сивка-бурка. Своё закончилось, что ли?

— А то. Хорошо, что тебя, художник доморощенный, встретили.

Поделившись с парнями имеющейся огненной водой, мы ненадолго задержались, послушав последние новости.

После Всплеска они рискнули возвращаться по довольно знакомому маршруту и в принципе не прогадали. Он был средним, и новых ловушек появилось немного. По дороге им пришлось два раза отстреливаться от зверья, но в целом обошлось без приключений. Любителей попотрошить возвращающихся на Землю бродяг группа Коня не встретила. Тем

не менее, Конь предупредил, что патрули «Арийцев» видели в районе станции перекачки группу из пяти или шести человек. Судя по виду и сноровке, проявленной в процессе отрыва от «чистых», это наверняка были либо мародёры из «стариков», либо, того хуже, наёмники, идущие на задание.

Как и предполагал покойный Кондуктор, станция по дороге между Радостным и Тимашево, была свободна. Конь предупредил, что туда может подойти ещё одна группа. Не наших, из новой группировки «Рейнджеры». Они связывались с нашими коллегами как раз перед тем, как отряд Коня уходил с МТС. Команда была из пяти человек. Все знакомые: ведущим был Клим, при нём два стажёра, Седой и Лебедь, и две «отмычки», Корней и Снегирь. Со всеми мы были знакомы, подставы с их стороны ждать явно не приходилось.

— Пикассо, вы будьте осторожнее, когда пойдёте по лесопосадке, — Конь сплюнул жвачку, заменив её новой порцией, — детектор показал, что там вполне может целая стая псов околачиваться. А может и чего похуже. Мы соваться не стали, и на нас никто не вышел, Бог миловал. Но беспокойно там было, скажи, Зотыч?

— Ну да... э-э-э... вы там типа аккуратнее, в натуре, — буркнул всегда недовольный Зот, — не понравилось мне там, ага.

Опа-па... если Зот, который обычно на любое взбрыкивание Района только начинал больше ворчать, как ему тут надоело, и практически никогда не говорил, что ему не нравится здесь, заявил такое, то нужно призадуматься.

Район уже давно не тот, что был в самом начале. Такие местные долгожители-патриархи, как церберы, серые львы или туманные волки, позиций, конечно, не сдавали, но потесниться в последнее время им пришлось изрядно. Кроме сколопендр, которых наши журналюги сняли в лесу, их ждёт ещё много новых сюрпризов. Рептилоиды, классифицировать которых не брались даже умники из Лаборатории. Конкуренты големов — гиперурсусы, про которых те же учёные говорили, что это обычные медведи из передвижного зооцирка, неведь каким образом забравшиеся в Радостный перед Волной, и Изменившиеся. Впавшие в состоянии спячки и потом, спустя годы, пришедшие в себя и оккупировавшие Город с катастрофической скоростью. Громадные лесные пауки, в некоторых местах заплетавшие деревья настолько, что из паутины не могли выбраться даже такие крупные Изменённые, как големы. Да и рейдеры, слишком долго находясь в Районе, превращались в очень странные создания, сталкиваясь с которыми лишней раз не стоило. Не говоря уж, про Местных и тварей. Хотя в большинстве случаев догадки сводились к военным. Эти, отвоевав для себя в самом начале большой кусок старых подземных коммуникаций Росрезерезва, сразу же развили там активную и бурную деятельность. Рейдеры в основном сходились во мнении, что в «закрытых» коммуникациях постоянно проводятся исследования на предмет использования особенностей Района для нужд министерства обороны. И именно оттуда на свет постоянно выползают всё новые и новые ползучие, бегающие, плавающие и летающие мерзопакости.

Так что стая, к примеру, орфо-псов в лесопосадке, это ещё куда ни шло. Справимся. Пришло время поднимать туристов и идти дальше, тем более что тихо и незаметно день катился к вечеру, и нам пора было навёрстывать время, потраченное на Коня и его ребят.

Дальше шли ровно, аккуратно обходя ловушки, количество которых постоянно и неумолимо увеличивалось. Пару раз нам пришлось шугануть небольшую стаю собак. Поводыря с ними не было, и твари трусливо ретировались, получив вдогонку несколько горячих подарков.

Журналисты по дороге развлекались, бросая болты-маркеры. Минут на пять нам даже пришлось приостановиться. Виртуоз-оператор заставил Настю несколько раз подряд швырять маркеры в большой «разрядник», чтобы запечатлеть как можно больше разбрасываемых в разные стороны электрических разрядов. Девушка послушно закидывала ловушку своими металлическими «датчиками», та в ответ старательно шипела, шкворчала, плевалась кусочками болтов и искрами, изображая большой злобный бенгальский огонь. Наконец Лёша решил, что кадр получился и можно следовать далее, чем мы не замедлили воспользоваться.

Стало ясно, что пока отношения «проводники-туристы» постепенно налаживаются всё больше и больше. Скопа и Большой перестали коситься в сторону журналистов каждый раз, когда замечали что-либо опасное, могущее вообще не лежать по курсу движения группы. Последний даже ворчал не чаще одного раза в пять минут, что доказывало его хорошее настроение. Про Кондуктора вспоминать никому не хотелось. Не знаю уж, по какой причине не рефлексировали журналисты, а мы относились к этому философски. Район есть Район, тут ничего не изменишь, нам всем уже давно пришлось обрасти коркой чёрствости, загораживаясь от того безумия, что творилось вокруг. Вернёмся, выпьем за него, помянем хорошего рейдера-проводника. А пока нужно думать о себе и подопечных. О них — в первую очередь.

При нормальном раскладе идти до тракторной станции нам оставалось не более сорока минут. И учитывая курс, который Конь отметил на моём КПК, именно в это время мы должны были уложиться. Впереди замаячила лесопосадка, о которой нас предупреждали. Когда мы подошли ближе, стало ясно, почему Конь шёл через неё.

С обеих сторон плотным строем расположилось скопление «конфорок». За ними, потрескивая и сверкая, были заметны уже хорошо знакомые нашим журналистам «разрядники».

— Вот гадство, — с чувством матюгнувшись, пробурчала Скопа, — надо же, такая подлянка. Как нарочно, самый короткий путь и такое попадалово. Если возвращаться и в обход попробовать, то время потеряем. Чего-то хочется засветло добраться.

— Ага, — не согласиться с ней было невозможно, — смеркается уже. Пойдём напрямик. Держаться рядом с нами. Камеру убрать. Стволы в руки, ребята.

Скопа убрала винтовку за спину, достала и взвела оба своих «Стечкина». Алексей снял «Хеклер» с предохранителя, убрав перед этим камеру в кейс, закреплённый на рюкзаке. Настю поставили между ним и Скопой. Я вышел вперёд, Большой с пулемётом остался сзади, прикрывая нас с тылов.

Лесопосадка не очень длинная, метров двести от силы, но довольно густая. В основном — заросшая берёзами и непонятным кустарником. При не самой большой длине она умудрялась после первых ста метров выдавать резкий поворот, в конце которого уже было видно светлое здание станции. Отрезок короткий, но опасный. Бывало, что и на последних десяти метрах до выхода из основного периметра тебя подкарауливала какая-нибудь особенно агрессивная форма местной, с позволения сказать, фауны.

Рассредоточившись вышеуказанным порядком, мы начали движение вперёд, спокойно и осторожно. Следя глазами по своему сектору, я старательно «прокачивал» ситуацию, учитывая то, что сказал Конь. Датчик движения пока молчал. Тепловизор «наглазника» шлема — ничего не фиксировал. Никаких подозрительных звуков вокруг не раздавалось: ни хруста старых веток, ни шороха раздвигаемого кустарника. Церберы или волки, если бы они

здесь присутствовали, всё равно выдали бы себя чем-нибудь. Туманные львы и вурдалаки, которые так близко от границ Района встречались редко, атаковали бы нас незамедлительно по входу в пролесок. Гиперурсусы никогда не сидят в засадах, а сразу ломают на тебя в лобовую атаку. Сфинксов здесь, а впрочем, как и везде, видом не видывали, слыхом не слыхивали. Изменённые-зомби или Местные давно уже открыли бы стрельбу, либо, при отсутствии оружия, использовали бы кабаний метод охоты. Оставались те самые лемуры или обезьяны, что было плохо, или, ещё хуже, кто-то из новых видов животного мира. О поведении последних пока было известно очень мало. А это означало только одно: нужно держать уши на макушке.

Пока я всё это прокручивал в голове, наша группа почти дошла до поворота. Прямо перед нами валялся ствол старого, большого и толстого дерева, упавшего от ветра. Перейти через него можно было только с левой стороны, на которой веток было значительно меньше. Ближе к правой, где находилась крона, они торчали сплошным частоколом. К тому же, густо оплетённым «красной крапивой». Пришлось переходить по одному.

Я перешёл первым. Следующим, осторожно, косясь на лениво шевелящиеся растения, перелез Алексей. Повернулся, помог Насте. В это время в кустах, густо растущих на повороте, заскрежетало, защёлкало и захрустело.

Громко застучал «Печенег». Чуть позже захлопали пистолеты Скопы. Мне в это время уже пришлось поливать от бедра, надеясь, что журналисты сзади успеют сообразить, что нужно делать. Не ошибся. Лёха стрелял экономно, чётко отсчитывая «двадцать два», прикрывая Настю.

Гибкие, серо-зелёные в разводах, прижавшиеся силуэты возникали из кустарника стремительными прыжками. Щёлканье и скрип, которые они издавали, было слышно даже за очередями. На наше счастье, они успели всё-таки выдать себя.

Таких экземпляров я ещё не видел. Похожие на ящериц-переростков, решивших передвигаться на манер давно вымерших динозавров, маленькие, прыгучие и очень злобные. Их было много. Передо мной валялось уже не меньше полутора десятка этих варанов, а они явно не собирались заканчиваться.

— Прикрой! — Оператор уже успел расстрелять свой первый магазин. — Пикассо, прикрой, перезаряжусь.

Эх, ё-моё, не было, что ли, у Сдобного длинных магазинов? У меня первым всегда стоял диск на шестьдесят два патрона, который я как-то нашёл на «Реметалле» и ни за что теперь бы не оставил, при любом раскладе. Вот только скоро мне тоже нужно будет перезаряжаться. И желательно побыстрее.

Когда журналисты выдвинулись вперёд, я быстро заменил диск на двойной магазин от РПК. Собираясь отвести затвор, краем глаза уловил сбоку смазанное движение худого, вытянутого тела в грязно-жёлтоватых разводах.

«Чёрт, не успеваю!» Мысль мелькнула быстрее, чем тело начало разворот.

«Вертушка» плавно неслась над землёй, вспарывая воздух винтами на высоте не более шестидесяти метров. Неслась плавно и обманчиво неторопливо, как и положено Ми-26, тяжёлому транспортнику.

Внутри, на жёстком металлическом полу, на отстёгивающихся скамейках, на сложенных в кучу рюкзаках, спальниках и вещмешках сидели молодые парни, одетые кто в новенькие «комки» только вводимого образца «Хамелеон», кто в ещё более фильдепёрсовы «натовки». Присутствовали, правда, в небольшом количестве, и заношенные, застиранные до белёсого состояния «горизонталки». Но никто вокруг не обращал внимания на внешний вид соседа. И почти никто не разговаривал, стараясь перекрыть гул двигателей. Напряжённость и ожидание не просто висели в воздухе, они давили со всё более нарастающей силой.

По обеим сторонам «коровы» летели стремительные, оцетинившиеся всем возможным вооружением два «крокодила». Морально устаревшие и донельзя отлетавшие весь возможный запас. Но от этого отнюдь не ставшие менее страшными.

А внизу проносилась земля. Покрытая лесами и невспаханными полями, с горами, видневшимися на горизонте, с небольшими аулами и крупными деревнями, в каждой из которых торчал минарет мечети. Своя и чужая, опасная и ласковая одновременно. Откуда в любой момент могла взмыть вверх ракета «земля-воздух».

Те, кто сидел по бортам — смотрели вниз, запоминая и одновременно узнавая те места, где были ещё недавно. Там, за бортом и за временем, остались пройденные километры разбитых дорог, брошенные дома, сгоревшая техника. И друзья, которых они никогда больше не увидят.

Где-то там остался поворот серпантина, на котором колонну с беженцами расстреливали двуногие «волки», пришедшие воевать за деньги и кричавшие в горящие автобусы: «Умирайте, предатели!».

Бессонные ночи, с постоянными дежурствами. Холод, напряжённые нервы, каждодневное ожидание нападения.

Изредка проходящие с «вертушками» письма из дома. Затрёпанная книга, перечитываемые по нескольку раз. Одна сигарета на троих и спирт, разведённый «палёным» пивом.

Город с давно разбитым цементным заводом, на рынке которого гордые местные не брали банки с тушёнкой, если на них был нарисован силуэт упитанной и вполне симпатичной хрюшки.

Бывший детский лагерь, в котором под верандами домиков стояли сваренные клетки, где держали явно не баранов, а в комнатах с разбитыми окнами — на полу всегда находились книги с непонятной вязью текста и брошенные «инсулинки».

И там оставались навсегда ушедшие остатки детства, в котором «война» была на экране монитора, а в запасе всегда оставались несколько «жизней».

На двух откидывающихся бортовых сиденьях сидели два молодых парня, познакомившихся на аэродроме. Как оказалось, оба были земляками, жили в одном городе и даже имели общих знакомых. Один, выглядевший постарше крепыш с наполовину седой головой, дремал, одев кругляши наушников и включив плеер. Второй, повыше и помоложе,

смотрел в иллюминатор и чиркал что-то карандашом в простеньком клетчатом блокноте.

Они не думали о том, что их ждёт впереди и придётся ли им когда-нибудь опять брать в руки оружие. Не ожидали, что отгуляв положенный месяц, не сговариваясь, навсегда уедут из своего городка в областной центр. Как раз вовремя. И встретятся там спустя несколько месяцев после полёта на «корове», а потом снова разойдутся.

Не знали, что один займётся игровым бизнесом, и дело пойдёт, но в какой-то момент его подставит партнёр, и придётся влезать в долги, а потом, стиснув зубы в бессильной ярости, искать лазейку, в которую он ещё сможет уйти. Ему придётся две недели метаться в каменных городских джунглях, уходя от преследователей в погонах и погони без погон, но на шикарных иномарках с наглухо тонированными окнами. Что, торопливо сбегая по лестнице метрополитена, отворачиваясь от натканных камер, уходя из очередной, снятой на сутки комнаты, ему придёт в голову совершенно безумная идея, от которой он отмахнётся. Но через два дня снова вернётся к ней, и, забрав оставшиеся долги с тех, кто был должен ему и не отвернулся, когда он попросил отдать сразу, отправится по полученному в обмен на шикарные часы «Омега» адресу.

А второй, закончив довольно посредственный коммерческий институт и получив ненужный диплом, будет несколько лет мыкаться по разным сферам деятельности, охреневая от того, что нигде не может задержаться надолго. Ему придётся биться головой о непробиваемую стену, воздвигаемую рыночными отношениями и диктуемыми ими правилами поведения. Что нигде и никем он не будет понят, потому что костюмам из бутиков предпочитает джинсы и не лезет за бумажником по случаю дня рождения младшего помощника старшего заместителя первого топ-менеджера компании, в которой он безуспешно будет пытаться построить карьеру. И что в какой-то момент ему в голову придёт мысль, от которой сначала станет не по себе, но которая всё больше будет занимать. А позже, продав всё, что сможет продать, пойдёт по купленному за пятьсот «баксов» адресу.

Они встретятся в дворике уютного трёхэтажного дома, в спальном районе, на окраине города. И каждому станет ясно, что пришли они по одному адресу и по одному вопросу. Дорога была одна. В их, недавно погибший, родной город. И нет нужды искать судьбу где-то вдалеке. А потом будут долго идти плечом к плечу, вытаскивая друг друга и убирая с дороги любого, кто попытается им помешать.

Но всё это будет впереди, а пока — они летели домой, и впереди была целая жизнь.

Район (Несостоявшийся репортаж): Глава 2. МТС — Ров

Ветки в костре потрескивали, отдавая жар. На тлеющих углях грелись открытые банки с кашей и тушёнкой. Большой уже второй раз протирал масляной ветошью детали «Печенега». Оператор спал, завернувшись с головой в спальник. Рядом похрапывали «климовские» отмычки. Сам Клим ушёл к выходу автостанции, прихватив с собой Седого. Скопа уже с час торчала за уложенными мешками на крыше, наблюдая за округой и обсуждая с Лебедем достоинства и недостатки различных «снайперок».

Мы с Настей сидели у костра. Я следил, чтобы было чему гореть, ожидая момента, когда можно будет запихнуть в огонь большую валежину, которую Большой отломал от того самого поваленного дерева на повороте. А Настя брала у меня интервью, записывая его на диктофон. Пользоваться камерой я не разрешил. Слишком уж хотелось хотя бы немного побыть без намордника от маски.

То, что я мог сейчас говорить, объяснялось просто. Клим со своей группой, услышав выстрелы, не стал разбираться, кто устроил войну в ста метрах от его ночлега. Сталкеры сразу бросились к нам. И как нельзя вовремя.

Ту прыгучую ящерицу на лету сбил Лебедь, ходивший с Климом в качестве снайпера. С остальными управились мы сами. Когда я развернулся в сторону отлетевшего рептилоида, первое, что увидел, была Скопа. Перепрыгнувшая через поваленный ствол и палящая с обеих рук. Воплощение скандинавских валькирий, фурия, вооружённая двумя громадными «Стечкинами». А появление Большого и его пулемёта быстро принесло нам окончательную победу.

Теперь я «торчал» Лебедею изрядную долю хабара. Такое не забывается. Выстрел был мастерский. С ходу, не прицелившись, как следует, практически просто вскинув «драгуновку», он свалил пресмыкающееся попаданием в голову.

Час спустя мы сидели в уцелевшем здании межрайонной технической станции, готовили ужин и обсуждали с корреспонденткой происшедшее. Настя, кстати, перенесла первое серьёзное столкновение с Районом на удивление спокойно. Выпив разбавленного спирта, она совсем успокоилась и вспомнила о своих профессиональных обязанностях. Так что теперь мне пришлось выполнять данное обещание и отвечать на вопросы.

— Скажи, Пикассо, вот те... э-э-э... существа, которые напали на нас в лесопосадке, не кажется ли тебе, что они действовали настолько организованно, что можно говорить об их достаточно высоком интеллекте?

— Скажем так, Настя, не усматриваю я в них никакого высокого уровня интеллекта. Охота стаяй свойственна большому количеству животных. Я не стал бы думать о том, что в Районе появились новые разумные создания.

— Ясно. Ну, хорошо. Если не сложно, то расскажи, пожалуйста, о том, как он изменился за последние несколько лет. То, что видел ты сам, либо то, что знаешь от тех людей, которые не стали бы врать.

Да уж, расскажи ей. Спать уже пора укладываться. Тем более что мне с Большим выпала «собачья», с трёх до шести утра, вахта. Ну да ладно, спать мне всё равно пока не очень хотелось, устал я за день не так уж и сильно. Расскажу, что смогу, мне ведь правды для каких-то далёких зрителей не жалко.

— Район, район... Я не буду говорить про то, что тебе и так наверняка известно. Про Волну, которой я не видел. Про первые контакты и про войну группировок и кланов. Это ведь все давно знают. Те рейдеры уже настолько обросли легендами, что даже никто из старожилов не разберётся, где там правда, а где полная и откровенная хрень. Но кроме них, Рыжего, Бешеного, Сварога и прочих, были и есть Изменённые. Про них тоже рассказывают сказки и снимают сериалы. Те же самые Егерь, Крюк, Танат и прочие... Самые первые, оставшиеся там, в городе и ставшие теми, с кем нельзя не считаться.

Говорят, что Егерь так и не ушёл из Района. Даже после гипер-Всплеска, который похоронил Ключи, старые базы «Арийцев», остатки «Анархии» и забравший его новую семью. Говорят, что он где-то здесь, ходит и помогает тем, кто попал в беду. Может, и правда, сам не видел. Танат, который вместо того, чтобы убивать — спасает. Если, конечно он и вправду есть. Я знаком с Крюком, вот это чистая правда..

Что было после этого? А что было... да как обычно. Сначала обыкновенные бардак и неразбериха, военные утюжили Район всем, чем могли. Их тогда прижало так, что просто держись. Изменённые добежали чуть ли не до Черкасс в одну сторону и доходили до Кротовки — в другую. Мы со Сдобным приехали сюда как раз тогда, когда периметр всё-таки ужасно. Было жарко. Первый опыт мы получали на зачистках Района от остатков местных тварей. Тогда же начали находить первые артефакты.

Устаканилось всё в течение месяцев двух. Рейдеров-ветеранов было так мало, что какое-то время казалось — никто больше в Район не полезет. Только таких, как мы со Сдобным, оказалось куда как больше. А ведь многие погибали в первую-вторую ходку...

— Как вы смогли выжить, если сами почти ничего не знали про новый Радостный, — Настя наконец-то прервала мой монолог вопросом, которого следовало ожидать, — как смогли стать теми, кто вы есть сейчас?

— На чужих ошибках учились, — Большой отвлёкся от протирания затвора, — на них, и на опыте тех «стариков», что всё-таки остались. Когда я с ними, с Пикассо и Сдобным, встретился, они уже были почти профессионалами. Мне-то повезло чуть больше. Я начинал как раз в то время, когда Район ещё не расползся так далеко. И Егеря я видел, кстати.

— Надо же, вот этого я не знал.

— А я и не рассказывал. Что толку-то, видел и видел. Да и то пару раз всего. Знаком лично не был.

— Да и ладно. Вот видишь Настя, сколько всего интересного можно узнать. Рассказываю дальше.

В самом Районе три года назад оставались только «Новые пуритане» и Местные, та их часть, которая осталась в живых. Уровень биологически опасного вещества Всплесков приходил в «норму» в течение полугода. Столько же приходили в себя окрестные жители, вольные рейдеры и военные. Периметр был значительно усилен. Командование войсками сил сдерживания ввело дополнительный контингент, создали три тактических группировки в зоне ответственности Казахстана. Смешно? И мне тоже, но политика штука такая... В Черкассах была размещена усиленная дивизия внутренних войск. Спешным порядком по периметру возводились новые фортификации, устанавливались автоматизированные защитные системы, защищённые от воздействия выбросов.

Рейдерская братия начала приходить в себя намного раньше. Именно тогда предприимчивый Грек, оставивший дела бывший «конторщик», воплотил в жизнь свою давнюю мечту и создал Лабораторию. Именно там, основываясь на данных и материалах

группы учёных, ранее работавших на Минобороны, и используя накопленный ими опыт — были созданы костюмы нового типа, в которых можно работать в условиях повышенной радиации и высокого фона биологически-активного вещества Всплесков.

Первым «корпоративным» клиентом стали бывшие «арийцы». Они и остаются самыми лучшими потребителями лабораторных изделий до сих пор. Поговаривали, что на их базе, заложенной после того, как ситуация вошла в норму, жила достаточно крупная группа «грековских» умельцев. Именно благодаря их работе «чистые» не превращались в Местных, даже постоянно находясь в Районе. Хотя в этом я лично уверен не был. На мой взгляд, постоянно жить там нельзя.

Таким вот образом в Радостный-55 вернулись «Арийцы», усилившиеся за счёт притока бывших военных и наёмников, да и просто рейдеров-нейтралов, потерявших в гипер-Всплеске большое количество друзей. Люди, которым некуда было идти, донельзя озлобленные на саму сущность Района. Командовал «арийцами» бывший командир бригады оперативного реагирования, полковник Лисовский. У него, по доходившим до меня слухам, погибла вся семья, приехавшая его навестить и находившаяся в Ключах. Каким образом выжил сам полковник, неизвестно. Но с его приходом к рулю у Района появился очень опасный противник, не щадивший ни себя, ни подчинённых.

Как бы то ни было, возвращение этой группировки сыграло на руку всем вольным рейдерам. У нас появилась перевалочная база, на которой нас всегда могли принять. Хотя лично я их и недолюбиваю. Методы у них, больно уж нехорошие. Не говоря про эмблемы и прочие штуки с молниями и коловратами. Но, они сила, с которой нельзя не считаться. И их, как мне кажется, очень и очень поддерживает кто-то в аппарате власти. И, в конце концов, их помощь никогда не была лишней. Особенно почувствовалось это после того, как начали возвращаться мародёры. С ними «чистые», как и раньше, повели войну на уничтожение.

Немногим позже вернулись анархисты. Поначалу дела у них шли далеко не так хорошо, как у наших военизированных друзей. Но после того как правительство Союзного государства начало широкомасштабное искоренение агрессивных политических группировок и молодёжных объединений, как правого, так и левого толков, последователей у «Анархии» стало очень много. Молодые и не очень, радикалы потоком хлынули в Район. Служащие Конторы и «менты» брали большинство из них ещё при переходе внутренних границ. Но! Самые отчаянные упорно шли до конца, и в результате становились рейдерами. Конечно, не все из них бежали сюда для пополнения рядов самой анархичной местной группировки. Но, тем не менее, последователи Бакунина и Нестора Ивановича очень быстро смогли встать на ноги и даже несколько раз попытались забрать назад Раздолье, свою давнюю и исконную вотчину. В последний раз им это удалось, и вот уже полтора года они всю там хозяйничали.

Нейтралы также достаточно быстро смогли прийти в себя, тем более, что в результате катаклизма на какое-то время возник дефицит артефактов. Многочисленные корпорации уже привыкли к их использованию. Тогда-то и были введены лицензии, дававшие нам возможность ходить до Черты. Ведь только до неё военные могут спокойно контролировать всё средствами слежения, потом всё, аллес капут. Электроникадохнет, машины встают и всё. Преимущество силовиков теряется. На этой волне, когда энтузиастов лёгкой наживы было хоть пруд пруди, кое-кто сильно наварился. Да и что далеко ходить за примерами? Лаборатория Грека спокойно кредитовала рейдеров-одиночек, ни капли не прогадав. Все, добытые в первые два месяца после «гипера», артефакты — полностью ушли к ним.

Грек, старая, хитрая и продувная bestия, нажил себе на этом целое состояние. Он обнаглел настолько, что позволял себе такие финты, как покупка специальной боевой техники у самых «прошаренных» военных с большими погонами. С помощью своих «головастиков» — увеличивал электронную защиту купленного транспорта, и отправлял на нём вглубь Района, до самой Черты, собственных сталкеров-наёмников. Те поначалу гибли реже нейтралов, так как Грек переманил к себе большое количество опытных военных сталкеров, но потери несли. Тем не менее, на сегодняшний день «греческая» объединённая группировка имела очень большой вес. Учёные работали над улучшением аппаратуры и снаряжения, рейдеры активно таскали хабар, а созданная Греком легальная торговая организация, нагло названная «Золотым руном», удачно всё это сбывала. Грека никто не трогал, ни бандиты всех мастей, зарёкшиеся после проведённой его бойцами акции устрашения в одной из Центральных штаб-квартир местных мафиози, ни госструктуры, получавшие с него громадный «навар». С нейтралами «грековская» братва предпочитала дружить. Особенно после того, как стало ясно, что наша корпорация окончательно восстановилась, и неписанные законы поведения внутри и за пределами Района действуют, как и раньше.

После того, как радиация и биологически опасный фон вошли в норму, нам, обычным бродягам, стало немного проще. Сами собой появлялись сработавшиеся команды, да и одиночки тяготели к какому-либо подобию корпоративного объединения. Мы набирались опыта, матерели, зарабатывая шрамы и набивая шишки там, где спустя всего несколько недель проходили без особых потерь. У нас стали появляться свои базы, типа той же «Солянки». Налаживались постоянные каналы сбыта и снабжения. Наша группа, к примеру, работала с тремя постоянными скупщиками. Естественно, что большая часть добычи уходила к Сдобному. Остальное делили между собой Мартин Лютер Снуп Дог, единственный известный мне чернокожий, проживающий возле Района и не состоявший в контингенте частных иностранных корпораций, и один старый москвич, откликающийся на смешное «погоняло» Децл. Кроме смешного прозвища, у него были не менее смешные внешний вид и причёска из множества косичек. Децл очень неплохо организовал торговлю необходимыми медикаментами. А также, на пару с Соломенным Джо, подпольно торговал наркотой и галлюциногенами.

Иностранцы? Ну да... это ещё та загадка. Если после создания Союзного государства нельзя было удивиться наличию казахов и белорусов рядом с Районом, то иностранцы вызвали удивление. Понятно, что многие из артефактов нужны не только в России, это закономерно. И не смейся, Настя, как смог, так и объяснил. Я, к слову сказать, регулярно оформляю от своей конторы заявки на доставку «чушек», к примеру. Или макулатуры. И абсолютно законно, так как они свободно, хоть и в небольшом количестве, находятся до Черты. А вот «Орион», к примеру, мда...

Но, тем не менее, иностранные компании появились. Как и кто умудрился их запустить, я не знаю. И сроков их разработок — тоже. Не очень много по количеству, зато хорошо по качеству. Интервенция, так сказать. Наверняка, что кто-то очень глупый и жадный не кисло нажился на якобы «ошибке» при подписании контрактов. Ведь все эти корпорации, в какую не ткни, с обязательным участием какого-либо государства. И нет бы, к примеру, Бангладеша! Или Буркина-Фасо. Как-то так уж вышло, что все эти государства состоят в НАТО. Так вот и получается, что здесь, в самом сердце России-матушки, на вполне законных основаниях и в пределах самого странного участка нашей территории, находятся

представительства основных разведок мира. И имеющие законное право на собственные службы безопасности из частных контор. Западных, разумеется. Не знаю, какие они там охранники, но то, что каждый из них минимум морпех или «сасовец» — это точно. Так, возвращаемся к истории, да?

Позже всех вернулись бандиты. И практически сразу они стали проблемой «номер один». Куда там до них было всему местному зверью. Количество молодых рейдеров, умерших за неполные два месяца, до сих пор было неизвестно. Особенно чётко стал вопрос о решении этой проблемы осенью прошлого года. После проведения собрания всех откликнувшихся бродяг — было принято решение о том, что кончать с бандитами нужно как можно быстрее.

Результатом стало событие, вошедшее в нашу, никем пока официально не ведущуюся летопись, под названием «Октябрьская мясорубка». Настоящая охота на мародёров. После нее бандюки не появлялись достаточно долго.

— Как-то вот так, моя дорогая журналистка. Подробности — потом. Сейчас пора всё-таки немного поесть и отдохнуть. А то нам с Большим уже скоро на дежурство.

— А можно мне с вами? Лёшка же вон будет дежурить.

— Оно тебе нужно? Нам завтра много идти предстоит. Ты устала. Хотя, если ты, конечно, хочешь... Почему бы и нет. Тогда давай — быстро ешь и спать. Ты не против, а, Большой?

Большой состроил отвратную рожу, обычно олицетворявшую согласие, но в компании с некоторым недоумением. Подумал и спустя пару секунд — утвердительно кивнул.

— Только смотри, Настя, если будешь с утра еле плестись, то никто из-за этого останавливаться и тормозить не будет. Компренде муа, ма филь?

— Бьен, командор, — корреспондентка улыбнулась и вернулась к поглощению армейского пищевого смешанного мясорастительного концентрата, который в просторечии называется гречкой с мясом.

Большой тем временем будил «отмычек» и нашего оператора, которым предстояло заступать на дежурство. Я взял пару разогретых банок, пачку галет, и полез на крышу, по приставной лестнице, сколоченной из найденных целыми досок.

Пристроившись на двух сложенных мешках с песком, в углу тихо посапывал Лебедь. Скопа сидела под самодеятельным навесом из двух плащ-палаток и, судя по висящему на груди «ночнику», периодически просматривала местность на предмет возможных угроз. Рядом стоял на разложенных сошках её любимый «Уэзерби Специал Супер-Магnum» с закреплённым универсальным прицелом, приобретённым за абсолютно бешеные деньги у нашего африканского дружка.

— Ты чего одна-то караулишь? — спросил я у неё, кивнув на дрыхнувшего Лебеда. — С какого перепуга, этот перепончатопалый на массу так активно давит? А девушка вообще работает. Э?..

— Ну и урод же ты, Ван-Гог недоделанный, — проворчал Лебедь, переворачиваясь на другой бок. — И на хрен я тебя спасал, спрашивается? Мы с ней договорились. Как профессионал с профессионалом. Дай поспать, не мельтеши.

— Да ладно, пускай дрыхнет, — шёпотом вступилась за него Скопа. — И говори потише, ладно? Я до двух, потом его разбуду. Наверное. Ребята устали куда как больше нас. Говорит, что дошли до Реметалла. Вполне его понимаю, тем более что я ему должна. За тебя.

Угу, должна. Наша снайпер действительно переживала за лесопосадку. Это было видно

сразу, особенно если знать её так же хорошо, как знаю я. Да уж, доставил несколько бешено неприятных минут, ничего не скажешь. Кивнув, я протянул ей еду, забрав «ночник» и сев на её место.

— Что рассказал? — спросил шёпотом, дождавшись, когда она перестанет скрестись ложкой по стенкам банки.

— Да ничего особенного. Похоже, что сходили хорошо. Пришлось пострелять. Вроде как те самые шестеро, которые ушли от «арийцев». Лебедь одного точно зацепил... Те ушли, вязываться не стали. Да, говорит, когда шли назад, у Качалок видели непонятную скотину. Большую. И быструю. Даже не успели рассмотреть толком. Издалека была похожа на очень крупную собаку. Цвет непонятный, грязный какой-то. Сразу и не заметили из-за этого, Лебедь сказал, что совсем сливается с местностью.

— Военные не активничают? Ничего не говорил?

Скопа наклонилась над своим чудо-ружьём, проверяя заряд батарейки у прицела.

— Видели «частников». Не наших. Два пиндосовских «Хаммера» стояли у поворота на Топь. Забитые людьми под самую крышу. Что характерно, там были не все из себя «навороченные» типа рейнджеры или морпехи... Лебедь сказал, что в машинах сидели их, пиндосовские, настоящие «спецы». Ну, помнишь, те, которые пару раз влезали, когда их учёным разрешили начать исследования, и два раза подряд у них грохались вертолёт?

Вот так так... Что же это должно было произойти, чтобы американцы пешедралом попёрли в Район? Это уже интересно. Обычно им хватало поездок по Периметру и полётов на «вертушках». До Черты, разумеется. Те два случая, про которые помянула Скопа, скорее редкое исключение.

Когда войска наконец смогли нормально усилить участки периметра, то американцы первыми потребовали разрешить допуск своих учёных специалистов. Скорее всего, союзному командованию и правительству не хотелось устраивать лишних препирательств. Особенно, как ни крути, приходилось учитывать тот факт, что частные корпорации выделили «нашим» силам сдерживания целый взвод экзоскелетов нового поколения, типа «ATR». Для тех, кто не в курсе — «All Terrain Rangers». Влезая в это чудо вражеской техники, любой задохлик мгновенно превращался в грозу всех окрестных садов и огородов, включая также военные городки с гарнизоном численностью до одного батальона. Даже если этот батальон был бы усилен полноценным танковым взводом, состоящим из одних «Т-95». За такой «магарыч» военное руководство дало добро на проведение трёх полноценных допусков в Район иностранных учёных. Два первых раза вышли не совсем удачными. А если быть полностью честным, то не получились вовсе.

Оба раза американское корпоративное командование, или специалисты из Лэнгли, что наверняка есть одно, и тоже, тупо следовало одной и той же схеме. С аэродрома наших войск в Черкассах, поднимались в воздух три вертолёт, то ли «Команчи», то ли «Апачи», а может и ещё какие-то «Делавары». В отличие от прекрасных российских винтокрылых аппаратов, даже устаревших «крокодилов», эти машины, названные в честь героически истреблённых самими «янки» коренных американских национальностей, были очень плохи. Оба раза в них к чёртовой бабушке летела электроника и вертолёт падали. Даже не дотягивая до Черты. Вернее, пилоты пытались совершить экстренную посадку. В первый раз все три машины ухнули аккуратно в Топь. Во второй — смогли дотянуть до Пустыря, куда немедленно были отправлены стоящие наготове два наших «Ми-24 УМ». Правда, на борту у них в качестве спасателей находились те самые пиндосовские частные «спецы». Ребята профессиональные

и тёртые-перетёртые. Им повезло, половину своих людей они вытащили. В третий раз в ход пошли «Хаммеры», усиленные теми же «морскими котиками», или как они там себя в прошлом называли. Четвёртого раза не было, так как наше командование смогло проявить чудо дипломатической изворотливости и доказать иностранцам, что те, первые, попытки были засчитаны как проведённые до конца. Неизвестно, что произошло на самом деле, но факт — больше забугорных специалистов в Районе не наблюдалось.

Ну, судя по всему, в этой ходке нас ожидает много интересного. Кроме непонятных мародёро-наёмников и группы явно опалевших «мериканьских» вояк, нам положительно везёт на новые активные животные формы. Прямо-таки первооткрывателями нам грозит стать. Хотя мне это и не надо.

Пожелав Скопе как можно более скучного дежурства, я спустился вниз. Большой, не тратя время зря, уже спал. Настя лежала неслышно и, подозреваю, тоже давно спала. У костерка сидел стажёр Клима, Женька Седой. Натуральный голубоглазый блондин, чью почти плакатную внешность, времён Третьего Рейха, нарушал только хищно-кривоватый нос, перебитый когда-то давно. Он жарил на огне, наколов на шомпол, куски давно засохшего батона местной выпечки.

— Чего не спится-то? — поинтересовался я, разворачивая собственный спальник. — Устал или не особо вашим новеньким доверяешь?

— Ага, — Седой потрогал начавший пригорать кусок и немедленно начал дуть на обжёгшиеся пальцы, — не доверяю. А особенно твоему туристу. Ты ему сам-то доверяешь?

Прежде чем ответить, я подумал, между делом расстёгивая ботинки. Особых причин для недоверия вроде не было. Вёл себя оператор грамотно, когда дело дошло до стрельбы, не растерялся, показав, что действительно знает, с какого конца за «ствол» держаться нужно. Немного настораживало кое-что, но делиться этим с Седым я не считал нужным.

— Да вроде не к чему придирааться. Тем более, Седой, рекомендацию на него мне Сдобный дал. С какой стати ему мне врать?

— Ну да ладно, Сдобный так Сдобный, — Седой критически осмотрел результаты своих трудов. — А за своими гавриками я всё-таки присмотрю. Спокойной ночи, Пикассо. Спи, я покараулю тут, да и за костром посмотрю, ночи-то всё холоднее становятся.

Устроившись, я задремал под хруст уничтожаемых Седым собственноручно произведённых кулинарных изысков.

Разбудил меня Большой. Пинком по пяткам, эсесовец здоровый. Он сидел возле костерка, попивая дымящегося «купца» из своей старой стальной кружки, с ручкой, тщательно замотанной толстыми шерстяными нитками и довольно жмурился. При этом донельзя напоминая медведя-шатуна, добравшегося до пчельника. Никогда я не понимал вот этой его страсти к употреблению густого, чёрного как дёготь, крепчайшего чая, по температуре близкого к кипятку. Но на вкус и цвет, как говорится...

— Вставай, — он прихлебнул своё адское варево, — пора молодых менять.

— Ага. Седой спит?

Большой ткнул пальцем в направлении непонятной кучи тряпья, лежащей в углу. Присмотревшись, я понял, что это был тихо похрапывающий Седой, завернувшийся в своё, давно ставшее притчей во языцех, самодельное пончо.

— Встал минут сорок назад. Приспичило отлить мне, понимаешь. Не иначе как аденому

подхватил. Пришлось встать. Эх, Пикассо, старый я стал, авно стал...

— Да и молодой был, чать, то же самое был, — я ухмыльнулся. Под настроение наш терминатор любил вот так вот пожаловаться на возраст и болячки, которые на самом деле боялись его как огня. За всё время, что его знаю — хоть чихнул бы разок. Да и лет было ему, по самым жестоким прикидкам, явно не больше сорока. — Ну, встал, и чего?

— Чего, чего... Отправил его спать, а то он чуть в костёр носом не сунулся. Чай вон весь выдул. Ты не знаешь, чего это он весь в крошках был?

Проигнорировав вопрос, я выбрался из спальника и собрался будить журналистку. Жалко, конечно, будить девчонку, но нечего напрашиваться было. Сама виновата.

Большой остановил меня в самый последний момент, просто придержав рукой и не сказав ни слова. Отставив кружку, мотнул головой в сторону выхода, взял «Печенег» за ручку и пружинисто поднялся, бесшумно растворяясь в дверном проёме. Делать было нечего, надев шлем и накинув капюшон, я взял свой «Калаш» и пошёл за ним.

«Отмычки» и Алексей сидели за импровизированной баррикадой из обломков бетонных блоков, ржавого сейфа и кучи железа непонятного происхождения. Баррикаду соорудили тремя командами, сразу после того, как определились с этим маршрутом. Несколько раз её уже приходилось проверять на прочность.

— Спокойно, — поинтересовался Большой у Снегиря, — или как?

— Нормально. Только волков шуганули разок, — Снегирь, маленький и плотный колобок, гордо продемонстрировал свой старый «АКС-74», с накрученным на ствол «бесшумником». Ну-ну, вот ведь продуманный перец. Пять баллов в его «зачётку» за то, что додумался стрелять один и никого не разбудил при этом.

— Кто наверху? Лебедь или Скопа?

— Если честно, то не в курсе, — оператор недоумённо пожал плечами, — у них там не слышно ничего.

Большой повернулся в его сторону:

— А никто не додумался посмотреть, что ли? Они там вообще живые?! Снегирь, вы тут что, анекдоты рассказывали друг другу, и думать про них забыли?!!!

Мне было очень интересно, каким образом новички выкрутятся из сложившейся ситуации. Ясно было, что на крыше всё в полном порядке, но я полностью одобрял действия Большого. В Районе, поначалу, случается такое, когда начинаешь считать, что полностью контролируешь ситуацию. А это всегда очень опасно. Расслабишься — и рраз, тебя уже, радостно и довольно похрюкивая, обглаживает голодный и злоющий вурдалак. И хорошо, что сейчас им это доходчиво объяснял Большой. Руки он распускать не будет, а вот тот же самый Седой запросто мог заехать в ухо и был бы прав. Нашему монстровидному пулемётчику хватит и того, что сейчас он нависал над Снегирём всей своей громадной тушей, ревя вполголоса, как раненый гризли

Конец этой моральной экзекуции положил Лебедь, высунувшийся из-за мешочного бруствера и доходчиво, применяя очень интересные выражения, объяснивший, что наверху всё в полном порядке и не хрен орать. После этого «отмычки» и оператор отправились отдыхать. А нам с Большим — пришло время обстоятельно поговорить.

Вообще-то и внешность нашего последователя легендарной Анки из «Чапаева», и манеры, в особенности разговора, абсолютно не давали даже намёка на его немалый интеллект. Но под его массивными, нависшими бровями и мощным, покатым лбом скрывалась звериная интуиция и острый аналитический ум. И не думаю, что разговор нам

предстоит о построении утреннего маршрута.

Так оно и оказалось. Само собой, разговор пошёл о наших подопечных. Большой присел за двумя бетонными блоками на старое сиденье от «Беларуси», поставив «Печенег» рядом, выудил из кармана «разгрузки» полиэтиленовый мешочек с жареными семечками и, повернувшись лицом к своему сектору, начал выкладывать свои сомнения и наблюдения.

— Я им не доверяю. Конечно, сомневаться в Сдобном варианта нет. Но что-то не то. Чую, что пытаются нас в чём-то наколоть. Но не могу понять, в чём?

— Что именно тебе не нравится? От нашей прогулки вроде ничем, типа подставы, не пахнет. Ну, обратил я внимание на то, что слишком профессионально Лёха работает с оружием. Странного-то в этом нет ничего. Говорит, что служил в разведке, обращаться должен уметь.

— Это как раз не настораживает. Ты ж не видел, как его напарница работает. Пусть и «еврейка» у неё модернизированная, облегчённая и всё такое. Она же даже не вспотела, когда эти зверюги на нас накинулись, и ей тоже отстреливаться пришлось. А стреляла-то до чего красиво. Без задержек, навскидку, шила, как хорошая швея в «Зималетто»... По три выстрела. И все в голову. А потом уже — вокруг, типа кучно легло.

— Ну, ты загнул, Большой. А блевали они как, на пару с оператором своим? Да и не сказать, чтобы она всю дорогу спокойная была. Может ты чего-то зря так мандражируешь?

Большой сплюнул, сложил на четверть пустой пакет обратно в карман, и, вздохнув, ответил:

— Да правильно ты всё заметил. Вот только не подумал, что им действительно страшновато в Районе-то? И блевали-то они, как кошки, только от того, что выглядело там всё паршиво. Себя-то вспомни, пёс войны, за ногу тебя. Когда в первый раз с зомбарём в кустах вы, со Сдобным столкнулись, помнишь? Всё у тебя тогда в порядке было? Ага, то-то и оно, что всё дело в самом способе, которым тот таракан Кондуктора убрал. Стрельба началась: они ведь и не растерялись. А прикрывали-то друг друга как, ведь загляденье просто. Короче, Айвазовский, ты давай делай вид, что вообще ни о чём не подозреваешь, включи дуру. Ну а мы со Скопой позаботимся о том, чтобы эти ребяташки нам какое-нибудь говно не подложили. Ну, чё, срост?

— Срост, чего ж ещё то. Скопа, надо полагать, тоже в курсе... Скажем так, Большой, мне тоже не всё нравится. Сам понимаешь, некогда мне было смотреть, как они в паре отработали, там, на повороте. Мне немного другое не понравилось. Сразу, как со Сдобным переговорил. Так они гладко всё причесали, и про рекламу через Сеть, и про то, что репортажи их подадут как купленные у каких-то энтузиастов-любителей. Да вот только не очень мне в это верится. Сам посуди, много ли кого в Район лишних пропускают? Ага, правильно киваешь, почти никого. Мне Сдобный рассказал как-то раз, как его «фэйсы» к себе таскали. Уже после того, как он «Солянку» открыл. И про то, что вели нас с ним от Центра, и как в Кротовке нас уже брать хотели. А мы с ним, два Штирлица, поначалу даже гордились, как же, прошли до Района и никто нас не остановил. Так и тут... Ну не верю я в то, что у них так гладко всё прошло. Ладно бы, они сафари тут решили затеять, это же почти легально сделать можно. Заходы до Черты так вон вообще по заявкам разрешают. Так то — до первого периметра и обратно. А охотники, те вообще только через военных идут. А дуру-то я ещё в баре включил. Не резон сейчас внаглую на них давить, подождать нужно. Боюсь только, как бы Сдобного кто на крючок не взял. Провернул что-нибудь, чересчур «левое», а теперь, может, кто его за это и трясёт. Не верю я, что он нас подставить решил... Ох ты ж ё-

мое...

«Данхилл», мать его, с золотистым ободком у фильтра. Сигарета, которую закурил мой бывший напарник. Вот та самая сигарета, которая тогда не давала мне покоя, вот оно что. Ну, молодец, додумался ведь, как дать знак. Вот ведь жучара, ведь он же предупреждал. И выходит, что совсем не зря меня с утра так внутри колбасило. Ну и ладно хоть так, всё лучше, чем думать да гадать.

Репортёры, етить-колотить. Неужели у нас опять заваривается какая-то каша? Куда и зачем им нужно попасть на самом деле, вот что главное. И постараться понять, кто они такие.

Большой, посмотрев на меня и наверняка догадавшись о том, что у меня в голове сейчас со скрипом ворочается всё, что может ворочаться, довольно кивнул и со своим обычным невозмутимым видом пошёл будить Настю. То ли журналистку, то ли «конторщицу», причём, возможно, что и не нашу, посконно-лыковую. Вероятнее всего — макдональдоштатовскую. Хотя она вполне может быть и коллегой вечно живого мистера «просто Бонда».

Мои размышления были прерваны появлением растрёпанной и зевающей анонимности, которую Большой, пообщавшись со мной на волнующую его тему, наверняка разбудил самым бесцеремонным способом. Я смотрел на неё, вроде бы сонную и не совсем понимающую, что от неё хотят, и пытался понять, так ли, или всё это шелуха, кокон, скрывающий настоящую начинку этой милой девочки.

Когда я в первый раз увидел тюльпан-мясоед, то чуть было не поверил в его беззащитную красоту. И только наставления, которыми нас со Сдобным пичкал старый и наполовину свихнувшийся пьянчуга Полоскун, спасли мне жизнь. Через некоторое время нам пришлось отдирать эту дрянь от лица шедшего за нами Нострадамуса. После пяти операций в Лаборатории его лицо так и не восстановилось полностью, хотя мы успели как раз вовремя.

Как мне хотелось бы поверить, что весь наш полуночный разговор был результатом постоянного нервного напряжения, которое никак не снять, пока ты ходишь в Район. Ну а если наши «подопечные» на самом деле окажутся с двойным, а то и тройным дном... Ну что ж, в Радостном много мест, из которых запросто можно не вернуться.

До рассвета оставалось достаточно много времени, и в сон начинало клонить всё сильнее. Вокруг всё было относительно спокойно. Никто из тех, кто совсем не прочь подхарчиться упитанными рейдерами, не подкрадывался, не подползал и не подлетал. Где-то далеко, на самом пределе слышимости, выясняли отношения местные обитатели. Судя по разъярённым взрыкиваниям и рваному лаю, я бы рискнул предположить, что разбирались волки и орфо-псы. На КПК никаких сигналов не поступало, так что вполне возможно дрались они из-за какой-то местной падали.

Настя сидела на старых, крошащихся крышках, подняв горло свитера и натянув на уши вязаную шапочку. Интересно, ведь вся экипировка у них стандартно-полевая, а шапка явно ручной работы с аккуратно сделанной мордочкой-смайлом на лбу. Кто-то из родных, мама или бабушка вязали.

Стоп, рейдер. Не увлекайся. Не старайся отвлечься и даже если у тебя появилась какая-то симпатия к ней, убери её подальше и не вспоминай.

КПК завибрировал, причём, судя по тому, как дёрнулась Настя, не только у меня одного. Да и Большой зашевелился на своём королевском тракторном кресле, явно намереваясь

проверить входящее сообщение. Но потом сообразил посмотреть на нас с журналисткой и передумал, поворачиваясь в обратную сторону и усмехаясь. Да и мне тоже стало понятно, о чём меня собирается известить мой коммуникатор.

— Реметалл, Ламберт, бэньши, 04:25, - Настя подняла голову, посмотрев по очереди сначала на меня, потом на всё ещё усмехающегося Большого. — Это правда? Сообщения об очередной смерти из-за бэньши регулярно приходят?

— Ага, приходят. Постоянно. — Мне пришлось понимающе закивать головой. — Ты думала, враньё? Очередная рейдерская байка? Регулярно сообщения поступают в Сеть, уже чёрт его знает сколько лет. Я в первый раз тоже не поверил, подумал, кто-то прикалывается. Потом привык. Даже уже спокойно как-то, если долго не приходят сообщения про рыжую крикунью

— Так это что, значит, и остальные тоже все есть? — Журналистка, или кто она там, замороженно смотрела на меня. — Танат, Крюк? А, да... про них ты уже говорил... Кто ещё из тех, кого считают легендами Района, есть на самом деле?

Большой, пользуясь тем, что девушка не смотрела в его сторону, нахмурил брови и отрицательно покачал головой, мол, не верь и не поддавайся. Что-то он чересчур рьяно ринулся подозревать наших клиентов в двуличности. Хотя, мне уже и самому становилось всё интереснее и интереснее, хотелось бы понять, кого же на самом деле мы ведём. Сейчас я видел перед собой только профессиональную девушку-репортёра, пытающуюся получить хорошую тему для репортажа. Вон, даже диктофон достала, хорошо, хоть за камерой не пошла. Вздохнув, я быстренько влез в шкуру общительного и ни о чём не подозревающего рейдера Пикассо и начал рассказывать, впрочем, не отрываясь от своего сектора наблюдения.

Легенды Района... Люди, когда-то бывшие такими же, как я, Большой или дрыхнувший в здании Клим, обычными. Необычными в них была лишь их способности, которое они приобрели после Волны. Или оказавшись уже потом в центра очередного Всплеска. Или те, кто добрался, несмотря ни на что, до Ковчег.

Ковчег. Что в нём правда, а что ложь? Никто не знает. Я не очень верю в него, якобы ставшего причиной всего этого безобразия вокруг. Изменённые-легенды?

Про большинство из них знают практически все, имевшие хотя бы какое-то отношение к Району. Сварог, когда-то прошедший Район взад и поперёк. Рыжий, якобы нашедший Ковчег. И те, Изменённых, которых никто и никогда знал или давно забыл: всё те же Егерь, Хозяин, Тренер. И Рыжая бэньши. И сфинксы, которых никто и никогда практически не видел.

Некоторые, как Егерь или тот же самый Мирон, друг голема Крюка, были осязаемыми или, как в случае с Танатом почти осязаемыми. Великого Поводыря и Хозяина Кира никому из нас троих видеть и встречать не приходилось. Тем не менее, это не являлось поводом для того, чтобы не верить в их существование.

Были и такие, про кого рассказывали истории, больше похожие на самые настоящие сказки. Типа того, что у «Реметалл» бродит навсегда застрявшая в пространстве и времени боевая тройка «чистых». Возникавших из ниоткуда в аккурат тогда, когда кому-то из нейтралов нужна их помощь. Сами «Арийцы» эту информацию ничем не подтверждали, полностью игнорируя все попытки вытащить какие-либо сведения из своих бойцов.

Или байка про парня, которого называли Бигфутотом. Якобы есть такой в районе Лагеря, вреда не чинит, только бегаёт себе меж деревьев, да изредка подкрадывается к костру, у которого кто-нибудь из бродяг брэнчит на гитаре.

Говорили про изредка встречающуюся девушку в каком-то странном белом и металлизированном комбинезоне. Ходит тут да там, иногда может позволить поправшемуся по дороге рейдеру помочь чем-нибудь. Ну, типа того, что бы завалить особо крупную особь вурдалака, который её преследует с неизвестными целями, или допереть до схрона, известного только ей, десяток контейнеров с хабаром. А если добрый молодец справлялся, то она, значит, приводила его в гости к себе и всячески там ублажала... Нда, эту историю явно родил избыточный тестостерон в голове слишком часто ходящего в зону и не особо удачливого бродяги. Типа того, что кровососы встречаются как мужского, так и женского пола. И естественно, что упырихам, ошалевшим от недостатка мужского внимания к ним соплеменников, нужно одно. Вот хлебом, а вернее мясом, их не корми, а дай затащить к себе одинокого рейдера. А лучше двух.

Вот во что верить не хотелось, но, тем не менее, приходилось, так это в Вестницу. Её мне встретить довелось. Как-то в прошлом году, когда мы, скооперировавшись с группой Блохи, шли назад, мне под утро привиделся тоненький девичий силуэт возле спящего Эдика Берсеркера. Я тогда, как и сейчас, торчал на собачьей вахте в компании Скопы. Если бы не она, то, абсолютно честно, подумал бы, что позорно заснул на посту. Но наша валькирия тоже видела девушку с букетиком обычных васильков, которые, к сожалению, в Зоне не росли.

Эдик погиб в полдень, напорвшись на пулемётную очередь, которой нас поприветствовали скрывающиеся в засаде наёмники. После этого я долго прислушивался к ходящим между рейдерами слухам и байкам. Как потом оказалось, видели её не только мы. И каждый раз её появление чётко говорило о смерти того, кому она дарила василёк...

Тем временем с востока всё больше и больше напознала полоса ярко-багрового, пробивающегося сквозь низкие серые тучи рассвета. Воспользовавшись тем, что стало заметно светлее, я отправил Настю кипятить воду, загодя натасканную из чистого родника за станцией, в старом, но верно служащем закопчённом большом чайнике. На крыше завозились, и через пару минут с мешков свесилась заспанная Скопа. Зыркнула вокруг, зевнула. И обычным, недовольно-утренним тоном, осведомилась у нас с Большим о текущей ситуации и планах.

— Через час выходим, так что давай, сворачивайся там. Поедим и вперёд.

Снайпер согласно кивнула и, судя по шаркающим звукам, побрела для начала в сторону лестницы.

Два часа спустя наша группа бодро топала по старой, разваливающейся асфальтовой дороге, направляясь в сторону ГПЗ. Конечно, можно было пойти другим путём, через заброшенные дачи, но крюк давать не хотелось.

По пути нам пришлось немного размяться, отстреливаясь от чрезмерно нахальной стаи орфо-псов. Стая состояла из восьми голов здоровущих, но крайне растрёпанных и худых уродливых тварей, ведомых одним цербером. Сбить с него спесь у нас получилось довольно быстро, особенно после того, как пуля из «Винтореза» Скопы благополучно снесла ему половину его тупой собачьей башки. И следом — у второй.

— Если будем так и дальше идти, — оператор сравнил проложенный в его КПК курс с нашим текущим маршрутом, — то скоро доберёмся до... Складов, правильно?

— Не говори гоп, пока не перепрыгнешь. — Большой раздражённо сплюнул под ноги. — Нам до завода ещё пилить и пилить. Как до Китая... в одной сексуальной позиции.

Ни Алексей, ни Настя в спор вступать не решились, и разговор не продолжился. Лёша снова вооружился своей камерой, активно водя ей из стороны в сторону, и хорошо, что при этом он не забывал двигаться в моём кильватере и часто смотреть по сторонам.

Район уже давно проснулся и всячески доказывал нам этот факт. По невысокому холму справа пронеслась стайка молодых кабанов. Из недалёкого леса доносился чей-то довольно мощный рёв. Кто бы там ни был, нападать он явно не собирался, но тем не менее, пришлось держать лесок на прицеле до того времени, пока мы не отошли от него метров на сто.

По дороге нам постоянно попадались всякие местные достопримечательности. То в виде проржавевшего до громадных, голова пролезет, дыр МТЛБ. То в виде насаженных на кол из арматурины высохших и мумифицированных останков в «натовском» комбеше. Один раз нам пришлось обходить большой «фонтан», весело подкидывавший нечто, ещё недавно бывшее какой-то большой кошкой. По бокам «бетонки» весело искрились после утренней росы дуги «разрядников», а Настю пришлось за шиворот оттащить от начавшей раскручиваться «с добрым утром». В низком и сером небе гордо парила тройка грифов, первых, после вездесущих ворон, крылатых местных созданий. Грифами, правда, их называли только из-за вытянутых, красноватых и морщинистых шей. А вообще они мне напоминали индюков, научившихся летать, отрастивших зубы и сходявших на приём к гримёру фильмов ужасов.

Если наши «туристы» всё-таки были теми, за кого себя выдавали, то материала они уже наснимали в аккурат на премию «Тэфы». В разделе «лучший документальный фильм о животном мире на вновь открытых планетах Солнечной системы». Хотелось бы мне, что бы так оно и было. Не было никакого желания проверять правильность догадок, пришедших в три наших умных головы.

Вдали, наконец, появился первый ориентир старых районов, бетонный, наполовину разрушенный забор вокруг заброшенной свинофермы. Чем хорош наш кусок нового Района, так это тем, что он куда как меньше других. Если идти со стороны Черкасс, то на переход требуется как минимум два дня. Мы, учитывая «тормозящий» фактор «журналистов», смогли пройти за день. Лишь бы не пришлось столкнуться с кем-то из совсем непокорных личностей.

— Привал. Лёха, Настя, вон за те две плиты, и быстрее. Большой, мы со Скопой идём на разведку. Остаётся с ними. Если что, то действуй по ситуации.

— Давай. Только погоди немного, прицел проверю.

Большой раздвинул сошки, примостив пулемёт на большом куске армированного бетона, лежавшего у обочины. На проверку прицела у него ушло не больше минуты, после чего он кивнул нам головой, опуская «флажок» предохранителя и глазок нашлемного видоискателя.

А мы со Скопой двинулись в сторону развалин фермы, стараясь двигаться как можно незаметнее и быстрее.

До чего же хорошие вещи всё-таки делают «грековские» ботаники. Наши костюмы обошлись нам в несколько серьёзных партий добычи, но ни разу ещё жалеть нам не приходилось.

Комбинезоны были идеально подогнаны по фигуре, ничем не стесняя движения. В состав ткани и внутренней начинки я никогда не вдавался, но ткань продырявить можно было, только очень постаравшись. Пули среднего калибра комбинезон гасил полностью. 7,62 держал до трёх попаданий подряд. Понятно, что девятимиллиметровые, не говоря про 12,7-

мм прошивали его достаточно легко, но и то, «девятку» он мог остановить. Шлемы это вообще отдельная история. Небольшие, из комбинации металлокерамики и прочнейшего пластика, лёгкие, идеальной анатомической формы внутри и донельзя обтекаемые снаружи, с коммуникатором, встроенной и легко отстёгивающейся маской с фильтрами и противогазом, видоискателем, работавшим в нескольких режимах и с возможностью приближения предметов. И замечательным, спрятанным во внутренностях забралом из тонкого и прочнейшего армированного пластика.

Плюс ко всему — дальнейшая разработка маскировки стандартного армейского «хамелеона». Иногда в наших «комбезах» можно было подкрасться к кому-то практически незаметно и вплотную.

Всё это удовольствие часто давало нам возможность опередить наших противников, ожидающих в засадах таких же, как и мы, бродяг. Надеюсь, что сегодня нам придётся попотеть без толку, и никого мы на ферме не встретим.

Но, судя по всему, надеждам моим сбыться не предстояло. Снайпер с размаху приземлилась на живот, падая в высокие заросли крапивы и вскидывая винтовку, и мне ничего не оставалось, как последовать её примеру. Скопа пальцем ткнула мне в сторону здания непонятого назначения, высоко поднимающегося над территорией свинарника. Посмотрев в ту сторону и включив функцию зумма у своего «наглазника», я опять удостоверился в её безоговорочном чутье на неприятности.

То ли нам повезло, и караулившая нас тройка бандюганов на время отвлеклась от наблюдения, то ли просто в очередной раз нам помогли наши «хамелеоны» — для нас так и не стало ясным. Но нас ещё не заметили. Потому что никто даже и не подумал выстрелить в нашу сторону.

— Тоже вижу, — наушник тихо выдал в эфир рокочущий бас Большого, — и ещё трое внизу. На одиннадцать. За цистерной.

— Понял тебя. Скопа, что скажешь? Попробуем обойти, или как?

Скопа ответила кратким и выразительным жестом, проведя ребром ладони по горлу. После того, как в засаду мародёров угодил её последний друг, Вовка Укроп, она не пропускала никого из этой шатии-братии.

Показав на градирню, она выставила три пальца:

— Все мои, все трое. А вы постарайтесь уложить оставшихся. Большой, если что — уведи журналюг. Ок?

Наушник коротко хрипнул, передав нам всё, что думает Большой по этому поводу. Бросать он нас явно не собирался, при любом раскладе.

Ну и ладно, Бог, как известно не выдаст, а свинья, пусть даже местная, изрядно изменившаяся, нас точно не возьмёт. Поехали веселиться...

..Скопа вскидывает винтовку, выцеливает первого, жмёт на курок и тут же делает ещё два выстрела, мгновенно внося поправку. В наушниках слышится её шипящее «сукааа...», значит, она сняла не всех.

..Моя «гэпэшка» коротко «хакает», устремляя ВОГ в сторону выбитого окна кирпичного строения, где инфракрасный прицел «засёк» активно передвигающийся тепловой силуэт.

..Пригибаясь, устремляюсь к навалу щебёнки справа от пролома в стене, добегаю, и, падая на одно колено, начинаю бить по быстро меняющему дислокацию третьему «наблюдателю».

..Со стороны второго этажа «кирпички» слышатся захлёбывающиеся, торопливые

очереди из ПК. И, хотя стрелок там явно никудышный, мне приходится с головою зарываться в щебень. Пальцы автоматически засаживают вторую гранату в «подствольник».

..Сбоку, мелькая в паре десятков сантиметров от земли, скользит Скопа с винтовкой наперевес.

..Второй «ВОГ» разбрызгивает бетонную крошку, снеся один из торчащих кусков стены, за которую забежал противник.

.. «Печенег», отстреливая экономичные очереди, не даёт высунуться пулемётчику на втором.

..Скопа взмахивает рукой, опять приходится вжиматься в землю, и спустя пять секунд замедления за стеной грохочет взрыв, поднимая в воздух кучу пыли и бетонной крошки, смешанных с дымом.

..Торопливый стучащий грохот за спиной даёт ясно понять, что наши «подопечные» не остались в стороне, сзади слышится торопливый топот, и рядом со мной приземляется «оператор»:

— Настю, суки, зацепили, — Лёша выплёвывает слова перекошенным ртом, глаза бешеные, побелевшие от злости. — Влепи ещё одну в окно, и я пошёл!

..Пока я заряжаю, спрятавшаяся за остатками непонятного сельхозустройства Скопа, тщательно водит стволом «Винтаря» по второму этажу, ствол замирает на мгновение и плюётся, отправляя в полёт 9-миллиметровый подарок.

..Со стороны торчащего в проломе остова «ЗИЛка» трещат очереди из «Никонова», Алексей прыгает вправо, уходя от возможной линии поражения и не успевая добраться до того места, откуда можно проникнуть во двор.

..Большой, продвигаясь вперёд, затыкает того, который за автомобильной рухлядью.

..На какое-то мгновение показавшийся пулемётчик вскидывает к небу руки, выпуская старенький ПК, и валится через давно разбитый оконный проём вниз, получив тот самый подарок Скопы.

..Всё это время прятаящийся, оставшийся в живых «наблюдатель», подняв руки вверх, выходит из-за стены, делая два шага вперёд.

..Лёха вскидывает автомат, нервно дёргая ртом, и его побелевший указательный палец начинает плавно давить на спуск.

..Голова «наблюдателя» разлетается на куски, кто-то из его партнёров решил, судя по всему, что сдаваться в плен — нехорошо и нажал на спуск своего «Никонова».

..Скопа, уловив его в оптику прицела, мгновенно реагирует выстрелом, попав в район шеи. Стрелок немедленно исчезает.

..Я влетаю во двор, успеваю заметить движение в глубине помещений «кирпички» и жму на спуск «гэпэшки».

..Оператор залетает за мной, еле успеваю пригнуть его к земле.

..В глубине замкнутого помещения хлопок разорвавшегося «ВОГа» слышится куда более громким.

Ну, вот и всё. Время, ещё три минуты назад летевшее со скоростью последней модели «Сушки», останавливается. Ну а нам останавливаться нельзя.

«Зачистка», самая отвратительная часть наших повседневных забот... Оставлять за собой тех, кто потом засадит тебе пулю в спину, — самое неблагодарное занятие.

В помещениях «кирпички» — три лежащих на земле тела. Стандартные защитные

костюмы класса «А», никаких знаков принадлежности к какому-либо клану. Как и ожидалось — мародёры. Хорошо, что не те ребята, про которых говорил Конь. Те нас наверняка так близко бы не подпустили. А эти... В одном из углов виднеются несколько разбитых бутылок из-под дешёвой местной водки. Рядом, смешавшись с пылью, лежит наполовину обрезанный кусок кровяной колбасы и две перевернувшихся банки с кильками в томатном соусе. Соус уже смешался в одной луже с тем, что медленно подтекает из капюшона мёртвого бандюгана.

А вот и не совсем приятный сюрприз. Один из тех, кто лежит на полу, скребя бетон скрюченными пальцами, пытается отползти подальше, вглубь помещения. Отстёгиваю кнопку держателя кобуры на бедре, достаю «Гюрзу» и двигаюсь к нему. В самый последний момент он переворачивается на спину и смотрит прямо на меня, тянется зубами к чеке «эфки», скотчем примотанной к левой стороне разгрузки. Данг! Палец нажимает на спуск, отдача толкает ладонь, пытаюсь отвести её назад.

Всего их было восемь. Восемь человек, когда-то сознательно пришедших в Район стервятничать. Сегодня им сполна досталось от тех, которых они бы нисколько не сомневаясь, выпотрошили, если бы повезло чуть больше.

Завалив тела землёй, кусками плит и бетонным мусором, мы пошли дальше. Не оглядываясь и не вспоминая того, что осталось за спиной. Как обычно.

Настю хорошо зацепило в мякоть левой руки. Сейчас она шла без рюкзака, который на какое-то время у неё забрал Большой, даже не став слушать возражений. Девчонка держалась молодцом, сама не осознавая, что даёт всё больше поводов для подозрений.

Конечно, лёгкий анестетик, который ей ввела Скопа, временно блокировал боль. К вечеру ей явно станет хуже, и тогда, возможно, она будет не так спокойна, как сейчас. Но, даже учитывая обезболивание, слишком хладнокровно она отнеслась к своему ранению. Воспротивившись нашим попыткам повернуть назад и убедив, что сможет дойти до ближайшего «схрона», плюсов она себе не заработала.

Конечным решением было то, что мы втроём определились дождаться утра, когда всё станет яснее. Тем более что до нашего убежища в одном из строений на территории, прилегающей к ГПЗ, идти было куда как ближе, чем топать назад.

— И только пыль, пыль, пыль из-под шагающих сапог, — Лёша, напевая вполголоса старую песенку, бодро шагал, неся на плече вновь извлечённую камеру. — Насть, ты как?

Настя, идя за мной, что-то пробурчала в ответ. Не ручаюсь, но, по-моему, она послала его куда подальше. Видимо, действие наркотика начинало подходить к концу, и ее пробрало по-серьёзному.

— Пикассо, впереди стая. Небольшая, но странная какая-то, и поводырём, — Скопа, шедшая метров на пятьдесят впереди нас, подала голос. — Кажется, готовы нападать.

— Понял. Все слышали?

— Да, что делать? — в голосе «оператора» не было слышно даже малейшей тревожной ноты. Быстро привык к местным страхолюжинам, надо же. — Давай с тобой пойду, а Большой Настю прикроет.

Большой покосился на него и одобрительно кивнул. Оператор был прав. Если что-то произойдёт с нами, Настины шансы выбраться только возрастут от этого. Из всех нас —

именно он был наиболее надёжным «телохранителем» для раненой девушки, который поможет идти, если сама будет не справляться.

Скопа, сидевшая за густым кустарником на пригорке, показала на противоположную сторону неглубокого, но очень широкого оврага. На той стороне, рассыпавшись в густой траве, торчала стая обезьян в двенадцать голов, необычно крупных и массивных. Поводырь прятался за ними, постоянно выставляя уродливую башку с наростами. Наше приближение они уже давно почувствовали и теперь терпеливо выжидали. Немного странно для резусов. Они обычно стараются затаиться и напасть неожиданно, имея место для своих постоянных спиральных заходов. Вместе с характерной особенностью по сбиванию прицела эти заходы доставляли немало неприятных минут.

Часть Рва, вырытого военными сразу после Волны, отделяла нас от стаи и была не особо глубокой. Но зато — с крутыми, заросшими склонами. Сейчас во Рве густо клубился предвечерний туман, немного рановато спустившийся и не дающий рассмотреть дна. И ещё обезьяны, ждавшие нас, явно не торопились в него спускаться, хотя туман мог дать им хорошее преимущество. Впрочем, трое из этой четвероногой банды уже явно нетерпеливо поскуливали, выражая желание как можно быстрее добраться до вкусного мяса, ожидающего на противоположной стороне. Если бы не непроходимая тупость этих тварей, то с их бешеной агрессией, физическими данными и плодовитостью, они бы уже давно владели просторами Зоны. Но даже сейчас резусы не представляли для нас серьёзной угрозы, если бы поводырь. Этот поганец, которому легко удаётся отводить глаза рейдерам, запросто может натворить неприятностей.

— Что делать-то будем? — Скопа устало вздохнула. — Ночь скоро. Прямо как вчера. И в обход не пойдёшь. Я попробую снять их ведущего. Хотя он уже всю за нами следит. Собьёт оптику-то. А в нашлемнике прицел у меня с «Винтарём» несовместимый.

— Прорываться будем, — Большой опустил предохранитель, — чего ещё-то. Не нравится мне овражек этот. Пикассо?

И мне овраг не нравился, уж не знаю почему, но не нравился. Слишком густой туман для семи-то часов. Тучи низкие, но солнце ещё пробивалось через них. На экране детектора зафиксировались две лужи «битума» справа и ещё четыре слева от оптимального маршрута спуска. Но спускаться, надеясь только на электронику, в Районе нельзя. Черта уже близко. А воспользоваться болтами нам явно не дадут. Я только начал открывать рот, чтобы объяснить сложившийся в голове план, когда тройка самых нетерпеливых на той стороне не выдержала.

Они рванули с места, разом покрыв несколько метров до спуска. Поджарые серые тени с разгону нырнули в густо-молочные хлопья. Через пару секунд остальная стая рванула за ними, несмотря на протестующий рык вскочившего на ноги поводыря. А вот это он сделал зря. Изменённый не успел даже попытаться «размазаться» в прицеле Скопы, когда она, моментально вскинув винтовку, выстрелила сдвоенным. Обе пули попали точно в цель, в голову.

Атаки у резусов не получилось. Туман в самой сердцевине скрутился немыслимым клубком, обнажив дно оврага. Густой клубок полупрозрачных щупалец выстрелил в сторону обезьян, охватывая их мутировавшие мускулистые, голые тела со всех сторон, оплетал, сбивал с ног и не давал вырваться. Неизвестное существо или аномалия, таившееся на дне оврага, дало возможность порадоваться, что первыми спустились не мы.

Истошные взрыкивания, плачущий лай и визг, раздирающий перепонки на уровне ультразвука, неслись из оврага. Из середины тумана во все стороны разошлись лучи

осьминожьих конечностей, окутанных лёгкой маскировочной пеленой. Там, в своём центре, туман становился всё более красным. Поверить в это не хотелось, но глаза не лгали. Как в страшном фильме — бред стал реальностью

Большой красивый кабинет, в стиле «сити-ампир». Бархатные алые портьеры. Стол, куда как больше бильярдного, из «красного» дерева, вероятнее всего — итальянского ореха. Кресла с высокими резными спинками. И настоящий трон хозяина кабинета...

— Я искренне надеюсь, уважаемый, что мы с вами договорились? — худые, в перстнях, волосатые пальцы поводили в воздухе дымящейся «Короной». — Накладки, как в предпоследний раз, не будет?

— Нет, господин Шульцман, не будет. Я... — он запнулся, с трудом (еле заставляя себя) проговорив следующие слова, — я всё сделаю как нужно. Правда. Только...

— Заткнись, — холодный и надменный голос Шульцмана взвился вверх, сорвавшись в неожиданный фальцет, — заткнись, падла здоровая. Ты мне... мне, сучонок! Будешь! Ещё! Ставить! Условия!!!! Запомни!.. Я всё знаю, и у меня везде свои люди. Запомни это. Иди, свободен!

...Вспышки фотокамер. Свет прожекторов, заливающий ринг. Грудастые девки с номерами в руках, покачивая своими роскошными бёдрами, обходящие его по кругу.

Стук сердца в висках. Густая толпа вокруг. Орущая, матерящаяся и радующаяся. Толпа, в которой слышится рёв трибун вокруг арены римского Колизея. Во все времена — одно и то же. Хлеба у них, сидящих в зале — предостаточно. А за зрелище и кровь — они всегда готовы заплатить.

Впереди ещё три раунда. В восьмом он ложится. Хотя и не должен. Но он ляжет. Потому что там, за городом, в дорогой частной клинике лежит Она. И если он опять не сделает то, о чём говорил ему Шульцман, то...

Позади пять лет, прошедших в боях. Боях, в которых проигрыша не было. Его просто не могло быть. И не потому, что он — «Русский медведь». Потому что нужны деньги. Много, очень много денег. Потому что нельзя делать пересадку сердца. Её организм отторгнет его. Нужно искусственное. Дорогое. И операция, которую до сих пор делают очень мало человек. И деньги на артефакт «Сердце». Только он сможет поддержать Её.

И он ляжет. Несмотря на то, что его противник, высокий, гибкий американец-мулат не сможет продержаться против него. Он, американец, и сам это прекрасно знает.

Это видно, хотя он красуется сейчас перед камерами. Видно, что ему плохо и больно. И страшно...

Кто это? Кто сейчас склонился над ухом тренера??? Ведь он его видел. У Шульцмана?.. Что он ему говорит? Почему у Васильича так вытянулось лицо... Что???

Коля, младший тренер, подходит с водой и, протягивая бутылку, говорит два слова. Всего два...

Заголовки завтрашних утренних газет: «Что случилось на Большой Боксёрской в Лужниках?»... «Где «Русский медведь» Ермаков?»... «Смерть американского претендента на ринге!»...

Он ушёл. Проломился через заслон охраны, выбил окно в сортире второго этажа, спрыгнул, как большая кошка, и растворился в тёмной московской ночи. Позади остался американец, который так и не успел понять — что же случилось? Прости парень, подумалось ему, я думал, что ты крепче...

Через две недели ВВ-шник из бригады охраны ериметра оцепления района «Радостный-

55», стоявший на посту у Рва, задремал. Он не успел повернуться на хрустнувший сучок. Результатом этого стала потеря им личного оружия и удавшаяся попытка прорыва линии охранения.

Когда солдат давал показания, особист части только качал головой, дивясь про себя изворотливости солдатской мысли. Истории о подкравшемся сзади вурдалаке, по какой-то причине решившем спереть табельный ПК, особист ни капли не поверил. Срочник был осуждён за утрату служебного личного ПК и отправлен в дисбат. Особист остался при своём мнении, которое выразалось в том, что солдат продал пулемёт кому-нибудь из рейдеров.

А разводящий караула, старшина Кириллин, не мог себе простить того, что испугался. Когда увидел громадную фигуру, возникшую из ниоткуда, и уходящую с пулемётом на плече. Вглубь Района. И ничего не смог сделать. Никогда после этого случая старшина не ходил на проверку постов в одиночку.

Район (Несостоявшийся репортаж): Глава 3.

Овражье — Топь

Большой, сопя и тихо матерясь сквозь зубы, спрыгнул с последней ветви вековой сосны, искорёженным памятником торчавшей над окрестным мелколесьем. Отряхнул комбинезон от приставших иголок и паутины, отстегнул свою большую, семисотмиллилитровую флягу и надолго присосался к ней, жадно глотая воду. Оторвался ненадолго, передохнул, опять продолжил свой водопой и, только напившись, заговорил.

— В округе ничего не видно. Спокойно. Нашего здания не заметно. Идти нам нужно где-то часов на одиннадцать, тогда на него и выйдем. И тихо что-то слишком, чересчур тихо. Зверья вообще не видно, как повыбили всех. Выброс вроде только через два-три дня, а такое ощущение, что вот-вот начнётся. Не нравится мне всё это.

Скопа сплюнула сквозь зубы и, покачав головой, устало села на торчащий пенёк. Ситуация становилась всё более неприятной. Инстинктивным ощущениям Большого мы привыкли доверять уже давно, и если ему кажется, что не за горами незапланированный выброс, то, возможно, так оно и есть.

От Рва наша команда ретировалась в спешном порядке, насколько это позволяло наличие ловушек. Тварь, засевавшая в тумане, за нами вроде бы не гналась, но проверять никому не хотелось. И когда уже показалось, что можно перейти на нормальный шаг, мы нос к носу столкнулись с невесть как заплутавшим здесь големом-малышом.

Вотчина этих здоровенных, и чаще всего полоумных здоровяков находится достаточно далеко от Овражья, и зачем он сюда забрёл — так и осталось для нас тайной. Изменённая гора плоти вылетела нам в авангард так неожиданно, что мы просто не смогли встретить его во все стволы. Как следствие — нам пришлось продолжать удирать, невзирая на все препятствия, попадающиеся по дороге.

Конец гонки положил один из тех самых оврагов, давших название всему местному сектору Района. Большой, бежавший последним, исхитрился, скатившись по влажному от росы склону, заманить гиганта напрямик в сдвоенную «с добрым утром». Тем самым предоставив тому лично разбираться с такой тушей. Ловушка подхватила гипертрофированного мускулистого гоблина, подкинула вверх и, не справившись, просто придала тому серьёзное ускорение, отправившее гиганта вниз по дну оврага. Через мгновения полёта раздались громкий хруст и полный боли разъярённый вопль, доказавший, что наш преследователь приземлился весьма неудачно.

Дождаться и проверить, сможет ли он выкарабкаться, мы естественно не стали. К моменту, когда очумевший мутант смог бы попытаться выкарабкаться, нас там и близко не было.

Продравшись через низкий колючий кустарник, мы выбрались к довольно густому леску. Очень нехорошо. С леском этим мы были знакомы, и его появление говорило только о том, что наша группа круто забрала к северо-западу. Большой, воспользовавшись тем, что в округе часто торчали высокие сосны, вызвался посмотреть, что творится на видимом периметре. Сказать, что результат его наблюдений нам не понравился — означало ничего не сказать.

Изменённые жители и обитатели Района хорошо чувствуют приближение Всплеска и загодя расползаются по норам и закуткам. Находясь довольно далеко от ГПЗ, мы могли и не

успеть добраться до них, даже если пойдём в темноте. И впервые с начала вылазки во мне, где-то глубоко-глубоко в душе, зашевелился мерзкий и холодный червяк неуверенности. Слишком давно нам не случалось вот так попадать. Ну, как говорится, назвался груздём, то есть, э-э-э, рейдером, вылезай из любой ловушки, на которые так щедра мать сыра земля, носящая нас в Районе.

— Что делать будем, предложения у кого имеются?

— Имеются, — Большой, наконец повесивший на плечо, и устроивший как ему было нужно пулемёт, ответил первым. — Я, сдаётся мне, лесок этот лучше вас со Скопой знаю. Тут домик есть, только его найти нужно. То ли лесник там жил раньше, то ли кто самогона гнал. Но подвал там хороший. Знатный такой подвал. Дойдём — пересидим гарантированно. Я за то, что бы отправиться его искать. Если пойдём на ГПЗ, можем не успеть.

— Я только за. — Скопа подняла голову, и, затянувшись, продолжила: — Гарантий, что дойдём даже до этой избушки на курьих ножках, никаких. Но по отношению к Заводу шансов выжить у нас всяко больше.

«Журналисты» молчали, да и что им оставалось делать. Подумав, я тоже согласился.

Через час, когда стало заметно смеркаться, Большой, разозлившись, одним пинком развалил попавший под ногу трухлявый пенёк. Скопа закурила ещё одну сигарету, щёлкнув своим заметно опустошённым серебряным портсигаром. Ну а мне осталось только тихо материться сквозь зубы.

Ни один из ориентиров, которые упоминал Большой, нам не попались. Судя по тому, как он легко их описал, дорогу Большой должен был знать хорошо. Но найти знакомую тропинку — у него не получалось.

Ещё через полчаса, побродив по округе и ничего не обнаружив, мы в очередной раз остановились. Скопа присела на сломанное дерево, на безопасном расстоянии от зарослей лениво шевелящегося пучка «крапивы». Щёлкнула зажигалкой... и подскочила на месте:

— Пикассо! — Снайпер наклонилась, поднимая что-то с земли. — Да это ж мой бычок, мать его. Мы были здесь... совсем недавно были. Что за хрень такая?

— В круг! Быстро! — не дав опомниться, я втолкнул Настю в середину быстро образованного нами кольца, — Глаза нам отвели, сучьё. Лёха, Настя, с головой всё в порядке? Ничего не мерещится, не зовёт никто?

Оглянувшись назад и не опуская поднятого ствола, я увидел, что Настя с неподдельным испугом смотрит на нас троих. Но ответа от неё я дождался быстро.

— Ннеет... — девушка сглотнула, и немного менее уверенным, чем обычно голосом спросила: — А что такое-то вообще?

— Поводырь, а может кикимора, — Большой повёл «Печенегом» по своему сектору, — поэтому мы ничего и не нашли, хоть и искали. Глаза нам кто-то уже отвёл. Судя по всему, у какой-то из этих тварей логово рядом. Даже поводырь не рискнёт перед Всплеском охотиться далеко от него. Кикимора, зуб даю. Поводырь бы уже постарался увести кого-нибудь.

— Эт точно, — Скопа торопливо шарила наглазником по деревьям. — Ничего не видно. В трёх диапазонах просмотрела уже. Да что ж за день-то такой невезучий сегодня, а?

И в это время голос подал оператор, который, держа правой рукой «Хеклер», левой водил по сторонам своей камерой. Эге, а ребятки-то не на шутку испугались. С виду камера обычная, никаких наворотов. А на деле — похоже, что начинка у неё ещё та. И ведь не таясь ей пользуется.

— А я вижу тепловой источник. Вон там, за деревьями. Смотрите вон туда, — и ткнул стволом автомата в сторону небольшой кучки осин.

Сперва я подумал, что именно Лёша стал целью ментальной атаки, но, присмотревшись и немного подрегулировав инфракрасный датчик, увидел практически неподвижное тепловое пятно. Судя по всему — костёр. Странно, запах дыма до нас не доносился, но не доверять собственным глазам я точно не могу. В конце концов, даже сам Хозяин, как мне известно, не сможет за будь здоров удерживать четверых людей. Четверых, потому что Большой и Скопа, по очереди посмотревшие в ту же сторону, утвердительно кивали.

Ну ладно, значит, будем отступать в строгом порядке, не знаю, что нас там может ожидать, но явно что-то не страшнее выброса, грозившего с минуты на минуту разразиться над нами. В воздухе уже довольно ощутимо скапливалось избыточное количество зеленоватого тумана, характерное для такого мероприятия.

Постаравшись как можно тише прокрасться между деревьями, я первым вышел на удобное расстояние для выстрела. И непозволительно долго смотрел на открывшуюся мне картину.

Несмотря на отсутствие запаха, на небольшой поляне вовсю горел костёр. На толстом деревянном обручке напротив него, скрывшись в тени, сидела женщина в немыслимой для местных условий одежде — простых джинсах и защитного цвета, обычной натовской куртке. Без маски и в кедах. Рядом, положив голову на её колени, лежал самый громадный из всех встреченных мною когда-либо псов.

Спиной к костру, ножом открыв большую жестянку и насаживая на шомпол лежащие в ней сосиски, сидел на брошенном армейском «спальнике» крупный мужчина в вытертой и застиранной до белизны «горке». Закончив колдовать над едой, он положил на свежесрубленные деревянные рогульки ещё два, видно достаточно давно приготовленных шомпола, и, вытерев руки какой-то ветошью, повернулся в мою сторону.

— Эй, бродяги! — хриловатый низкий голос был очень хорошо слышен всем нам. — Здорово. Давайте выходите. Кушать скоро будет подано, так что, мойте руки и садитесь жрать пожалста.

Ну и что нам оставалось делать? Какой бы чудной не выглядела парочка, сидевшая у костра, но они в любом случае были лучше, чем неизвестные противники, наверняка идущие следом. Немного поколебавшись, мы стали подходить к костру.

— Пятого позовите, — мужчина ухмыльнулся, — не с его габаритами в этом лесу прятаться.

Большой неслышно материализовался между деревьев с неожиданно пристыженным выражением на лице и, последовав нашему примеру, подошёл к костру.

— Так-то оно лучше будет, — незнакомец перевернул шомпола, — вон там ещё одно бревно есть. Прикатите, а то сидеть не на чем будет. Что, заплутали? Ну-ну, можете не признаваться, это и так видно. Да уж, ну и рейдеры пошли, в березняке почти на самой границе плутать начали. Хотя...

Рейдер, или Местный, или кто он там ещё, повернулся в ту сторону, откуда мы появились, и несколько мгновений сидел неподвижно, втягивая воздух носом. Потом он хмыкнул и потянулся в темноту за собой, извлекая винтовку незнакомого мне образца. Интересное оружие, ни разу такого не встречал. Хотя... это же карабин СКС, старого образца, выпускающийся ещё до бабушкиного разговления. А вот оптика на нём серьёзная, сразу видно, что делал её какой-нибудь Ганс в Дёйчланде.

— Нет, ну надо же, кикимору с собой притащили. Какого чёрта она здесь делает, интересно? Марьенн, я пойду, прогуляюсь немного, а ты гостями нашими пока займись, пожалуйста.

— Не нужно, — раздался мягкий, слегка картавящий и очень волнующий голос, идущий из-под низко надвинутого капюшона «натовки». — Серый сходит. Правда, мой хороший?

Женщина погладила громадную морду своего пса. Тот поднялся, оказавшись, как показалось мне, высотой не меньше как по грудь мне или оператору. Такого монстра никто здесь не встречал, хотя... Вполне возможно, что именно его и видел Конь. Во всяком случае, шерсть у него была светло-серая, с небольшими чёрными широкими полосами. Серый покосился на нас, явно давая понять, что бы мы даже думать не могли о попытке причинить какой-либо вред хозяйке в его отсутствие. И в доказательство неотвратимости возможного наказания зевнул, продемонстрировав набор великолепнейшего дентина, которому мог бы позавидовать и бенгальский королевский тигр. После чего — одним прыжком оказался под деревьями и мгновенно растворился в сгущавшейся темноте.

Мужчина, в очередной раз переворачивающий начавшие шипеть сосиски, опять ухмыльнулся. Ну да, пробрало, не каждый день можно увидеть в Районе такое чудо. Мало того, что здесь очень мало нормальных собак, да и те в основном у военных, так эдакую псину вообще никто из нас никогда и не видел. Самый большой из встреченных мною церберов, был явно на порядок меньше.

— Меня Пикассо зовут, — я кашлянул, сам не понимая накатившего смущения, охватившего меня сразу после того, как мы вышли на поляну, — снайпер — Скопа, пулемётчик — Большой, а это Настя и Алексей. Мы их сопровождаем.

— Угу, наслышаны. Район слухами полнится, — он наклонился к рюкзаку, что-то ища в его внутренностях, — а кто захочет, тот услышит. Не думал, правда, что придётся с вами столкнуться. Ну, это Марьенн, пёс, как вы уже поняли, Серый. А я... а я Следопыт.

— Не слышал, — а такого имени мне слышать действительно не приходилось, — ты из тех, которые в Черкассах?

— Ага, — неожиданно сказал Большой, — я слышал. Один из стариков. Очень приятно встретиться.

— Ну да, весьма и весьма, — Следопыт потёр заросший щетиной подбородок, — а бритвы часом ни у кого с собой нет? Свою, похоже, потерял где-то.

— У меня есть, — Большой открыл рюкзак. Что за чёрт, ничего не понимаю, с какой стати наш Кинг-Конг так уважительно себя ведёт. Тем временем Большой достал футляр со своей «опаской» и протянул её мужику, — Вот. Правил недавно. Острая, не порежься.

— Вот спасибо, уж буду осторожен, — Следопыт неожиданно широко улыбнулся, — мечтаю побриться уже дня три, наверное.

— Послушай Следопыт, — Скопа, с интересом рассматривавшая чеканный римский профиль незнакомца, решительно вступила в разговор. — Тут, кажется, Всплеск незапланированный должен начаться. Мы вообще-то избушку какую-то искали. Конечно, спасибо за приглашение, и очень рада, что ты, наконец, побриться сможешь. Но мне как-то не по себе немного, как подумаю, что мы под выброс попадём. Не подскажешь, где нам эту избушку-то поискать? А бритву себе оставь, Большому я потом, как вернёмся, другую куплю. Лишь бы вернуться.

Следопыт, во время всей этой тирады внимательно смотревший на Скопу, согласно покивал головой:

— Ну да, будет Всплеск. Где-то часа через три, ты уж мне поверь. А дом-то? Да рядом он, не переживай, дорогу покажу. Посидим, поговорим. Кстати, жратва уже готова. Разбирайте.

Он взял наполненный котелок с водой, стоявший на углях и сосредоточенно начал намыливать щеку. Вот только, зуб даю, что его, котелка, ещё и минуту назад там не было. Остолбеневшая от такого поведения Скопа начала явственно закипать, но Большой что-то прошептал ей на ухо, наклонившись. И Скопа, как ни странно, не стала продолжать начавшийся, было, спор.

Только взяв свою порцию скворчащих жиром датских консервированных свиных сосисок, я понял, насколько же сильно проголодался. А когда Большой, следуя указаниям Следопыта, залез в его бездонный рюкзак и извлёк бутылку «Родника», так и вообще позволил себе немного расслабиться. Спирт холодной струйкой заскользил вниз, растекаясь по пищеводу, и в голове немного прояснилось. Не знаю, кто такой на самом деле этот Следопыт, но у меня появилось к нему немалая доля уважения. Видно, что мужик тёртый и человек неплохой. Такой в спину явно не ударит, если только его самого в угол не загонят. Стало быть, переживать особо и нечего. С таким позитивным настроем я вернулся к трапезе, подальше отогнав плохие мысли. Какое-то время на поляне было совершенно тихо, только слышался звук торопливо работающих челюстей.

Когда я почти доел свою порцию, с той стороны, откуда мы пришли, донёлся высокий пронзительный вой, оборвавшийся резко и неожиданно. Настя поперхнулась и вопросительно воззрившись на Следопыта, который к тому времени мастерски обрил сам себя и теперь неторопливо отхлёбывал из кружки водку. Маленькими глоточками. Бррр...

— Конец вашей кикиморе, — Он щёлкнул зажигалкой, прикуривая. — Достал её Серый. Ну и не хрен по лесам шататься, людям головы морочить. Как дела у вас, на вашей стороне, а, Пикассо?

— Да вроде неплохо. — Я, решив ничему не удивляться, налил чая из закопченного железного чайника, которого раньше тоже не было заметно. А может, просто мне показалось? — С военными иногда проблемы, да куда ж без них.

— Импортных «частников» у вас там много?

— Не очень, французы есть, шведы. «Пиндосы» где-то посередине, с левой стороны периметра. В основном наши славяне их уже начинают выгонять. А у вас?

— Ну, у нас как раз таки наоборот, — Следопыт вытянул ноги поближе к костру. — В основном-то почему-то не выгоняют, только прибывает. Особенно тех, с той стороны Атлантики. Есть правда бельгийцы, но их мало. Строгие очень, хотя никогда не против купить что-нибудь.

Угу. Так оно и есть, наверное. Я всё больше начал убеждаться в правоте собственной догадки по поводу встретившихся нам персон. Озвучивать её я не спешил, и думаю, что делать этого мне не нужно. Потом, если оно будет, это «потом», спрошу кое-что у Большого.

Кусты за нашими спинами зашуршали, и на поляну выбрался Серый. Плюхнулся у своей молчаливой и неподвижной хозяйки, подсунул башку ей под ладонь и довольно заурчал, когда та начала поглаживать ему брови.

— Ну и зверюга, — Лёха зачарованно смотрел на всё это действие, недоверчиво покачивая головой, — метис, что ли какой-то? А здоровенный-то до чего...

— Здоровенный, — Следопыт понимающе улыбнулся. — А умный, чертяка!..Ммм. С ним Марьенн боятся некого. Всех порвёт, кого захочет. Разве что големов пара попадётся.

— Неужели и с вурдалаком справится, — несмотря на возраст, в тоне нашего оператора явственно проскользнули нотки ребячьего восхищения. — Один?

— Ну да, и даже не с одним. Правду сказать, он как-то с тремя сразу справился. Мне только пристрелить потом их осталось. Он мутант, не знаю уж, от каких пород такой пёс получился, но точно, что не от пекинеса. Или пуделя, например.

Угу, это точно. Такой-то костогрыз не иначе как от кавказца и медведя должен был получиться.

Следопыт тем временем заинтересовался второй скоповской винтовкой, и принялись обсуждать её возможные достоинства и недостатки. Когда в ход пошли какие-то совершенно мне непонятные технические термины, типа формулы тысячной и количества прицельных угольников, я решил посмотреть, как себя чувствуют наши «туристы», отсевшие на самую границу светотени и молчаливо наблюдающие за происходящим.

Как и ожидалось, Насте стало значительно хуже. Даже в темноте было видно, как сильно она побледнела и как ее знобит. Вот чёрт, незадача так незадача. Хотя, может, оно и к лучшему. Если доживём до утра, можно будет со спокойной душой топать назад. Деньги вернуть — не вопрос. Если пойдём с Соколом, то точно сможем заработать куда как больше. И без всяких непонятных головняков.

— Настя, совсем плохо?

— Ага. Поспать бы, может и полегчает, — Девушка подняла на меня блестящие лихорадочным блеском глаза, — Ты хочешь назад, наверное, пойти? Да? Нет, Пикассо, не пойдёт так. Я смогу идти.

— Ну да, сможешь, — я присел рядом. — Зачем? Сюжета не хватит?

Настя ничего не успела ответить. Сидевшая в тени Марьенн встала и подошла к нам.

— Ну-ка, покажи, что у тебя? Руку навывлет... неприятно, конечно. Но не беда.

Марьенн достала из кармана висевшей на поясе небольшой сумки какую-то пластмассовую тубу и заставила Настю снять куртку и свитер. Размотав повязку, она внимательно осмотрела уже начавшую схватываться рану и, достав из той же сумки пластиковую каппу, всунула её девушке.

— На-ка, прикуси, и потерпи немного.

Не знаю, что там было у неё в тубе. Когда, на всякий случай, я хотел попробовать вмешаться, так как Настя вела себя, будто её Марьенн загипнотизировала, меня за локоть придержал Большой и не дал сказать ни слова.

Журналистка сдавленно охнула сквозь сжатые зубы, когда Марьенн высыпала на рану какой-то мелкий порошок, поблёскивающий в темноте сиреневыми искорками. Попыталась вскочить, но на плечи ей надавил невесть откуда взявшийся Следопыт. После этого Настя немного посидела, таращась глазами в пустоту, а потом быстро и мягко начала заваливаться вбок. Я подхватил её, и вместе с Большим оттащил к костру, положив на спальник, расстеленный Скопой.

— С утра её не будите, пока сама не встанет. Траншейник поможет.

Марьенн резко встряхнула руками, смахивая остатки порошка, и вернулась на своё прежнее место, сев в ту же, полную невозмутимости и спокойствия, позу.

— Спасибо. Даже и не знаю, — кашлянув, сказал оператор, — не знаю, как...

— Ну, не знаешь, и ладно, — Следопыт похлопал его по плечу, — всё нормально. Хабаром считаешься.

И, улыбнувшись собственной шутке, он пошёл обратно к костру.

— Пикассо, — Следопыт посмотрел прямо на меня, — пошли, поговорим.

Я присел рядом с ним, взял протянутый стакан с водкой и терпеливо стал дожидаться. После всего, что здесь произошло, мне уже стало понятно, что Всплеска бояться нам не обязательно, и до утра мы точно дотянем. Что там дальше будет — неизвестно, а пока можно и расслабиться.

— Ты Полоскуна хорошо знаешь? — Сталкер закурил и, прищурившись, внимательно посмотрел на меня.

— Знаю. Не то чтобы очень, но знаком. Советы пару раз давал, что и как делать...

— Как он там, пьёт, небось?

— Ну да... Синячит постоянно. В Район он не ходок. Не знаю уж почему, хотя, говорят, раньше одним из лучших был. Уезжал как-то. Месяца три не было, потом вернулся. Рассказывал, что не смог дома усидеть. Приехал к сестре, родители-то у них к тому времени уже умерли. Ну, он там не пил вроде, с племяшами занимался. То ли слухи как-то про него прошли, то ли что... Короче, звали его к себе и бандюки, и менты местные. А он посидел там, погулял взад-вперёд и назад поехал. А как приехал, так всего один раз и сходил в Район. «Схрон» у него где-то был, наверное. Полгода ничего не делал. А потом... Сейчас его к себе Сдобный взял, кормит-поит. Говорит, не может смотреть, как ветеран сам себя изнутри грызёт. Как-то раз попробовали его напоить и на разговор вывести. Ага... вывели. В себя пришёл только к вечеру, на следующий день, а ему хоть бы что. Так ничего и не узнали.

Следопыт, во время рассказа сидевший абсолютно неподвижно и странно сгорбившись, вздохнул и быстро затушил сигарету о каблук.

— Ты это, Пикассо, — он залез в рюкзак, доставая какой-то небольшой свёрток, — как вернёшься, передай ему. Скажи, что я дал. Самому мне к вам не дойти, наверное, опасно слишком. Если он в себя придёт, скажи — чтобы Район пришёл. Он знает куда. Эх, Рыжий...

Рыжий?.. Да, похоже, что все мои, даже казавшиеся самыми дикими, предположения — абсолютно верны. Остаётся только подивиться тому, насколько всё-таки странное место Район. Что же она всё-таки такое? Громадная аномалия, перекручивающая и переплетающая людские судьбы настолько причудливо, что и не разобраться, а не сон ли вокруг.

Следопыт, если, конечно, именно так стали звать одного из самых легендарных личностей города после Волны, встал и, не глядя в мою сторону, стал паковать рюкзак.

— С утра подождите, пока туман полностью не уйдёт. Потом только выходите. Вы ведь от Рва шли?

— Да. Что за дрянь там была?

— Овражник.

— Какой овражник? Слыхом не слыхивал никогда.

— Ну не слыхивал, и ладно, — Следопыт посмотрел на меня, — зато вот взял сразу и увидел. То ли ещё будет. Район место интересное. Ночью здесь столько бродит всяких непонятностей, что диву даёшься. Овражники раньше тоже только ночью охотились. Их просто увидеть, и обойти тоже просто. Если в тумане есть кусок, который как молоко, белый и совсем непрозрачный, то бегом беги от него. Да... Пойдёте через военные проходы под Радостным, слушайте внимательно эхо от шагов.

— Какие проходы, Следопыт? Ты о чём?

— Ты, Пикассо, вроде слушаешь меня внимательно, так что не понимаю, почему переспрашиваешь? Я же сказал, военные, под Городом. А как ещё вам пройти к запасному

командному пункту? Ну ладно, не выкачивай глаза, а то совсем выкатятся. Будете вон в доме сидеть, поговори с вашим Алексеем.

Сталкер подмигнул мне, проверил ремни своей старой «эрдэшки» и, вешая на плечо винтовку, обратился к своей спутнице:

— Марьенн, пора нам, наверное?

— Ну да. Скопа, на вот, возьми, для девочки. Завтра с утра проверь, затянулось или нет, и на всякий случай немного посыпь сверху. Если затянулось, то ничего такого, как в первый раз было, не произойдёт. А если всё же не получилось, то вам придётся ещё здесь задержаться.

— Ну, бывайте рейдеры, — Следопыт подошёл к каждому из нас, пожимая руку на прощание, — удачи вам, бродяги.

Эта странная тройца двинулась в сторону лесной темноты, наплевав на грядущий выброс. Костёр ярко вспыхнул, осветив угол старого бревенчатого дома, до сих пор скрывающегося в чернильной темноте за нашими спинами.

Марьенн, идущая позади Следопыта, ставшего уже очень давно легендой Района, обернулась, уже почти скрывшись за кустами.

— Свои васильки я собираю только во время выброса, — она откинула капюшон куртки, блеснув зелёными глубокими огоньками своих глаз, — и каждый из вас ещё получит по одному цветку. Когда? Я ещё не знаю. Пикассо и Скопа, вам никогда не уйти от Района, запомните это. А ты, Большой, правильно делаешь, что держишь на поводке своего зверя. Только помни, любую цепь можно порвать. И кто тогда сможет остановить его?..

Всплеск бушевал снаружи. Треск молний, раскаты грома, рёв ветра, не затихающий не на минуту. Что творилось сейчас снаружи нашего убежища? Кто знает...

Часы на КПК показывали уже начало первого ночи. Спать не хотелось. Тупое оцепенение, охватившее меня сразу после того, как мы спустились в погреб, не отпускало. «Оператор», который, как и предполагалось, оператором не являлся, уже давно закончил говорить. Мы втроём, слушавшие его, абсолютно не перебивая, не сказали ни слова.

Скопа курила, копаясь в электронных внутренностях прицела. Большой, достав из одного из подсумков оселок, вжикал им по лезвию своего любимого «кабаньего» ножа. Я, крутя меж пальцев зажигалку, смотрел на мирно спящую Настю.

Сотрудники ФСБ, «фэйсы», два старших лейтенанта-оперативника... Наши «туристы», подрядившие мою команду идти в Радостный. Нажавшие на Сдобного информацией о его махинациях. Несущие на один из дублирующих командных пунктов активатор для включения системы самоуничтожения научных блоков у Объекта «Ковчег».

Казалось, что совсем недавно я смеялся над выдуманными сценариями сериала про Зону. А сейчас — сам попал прямо на страницы одного из них.

Создатели Ковчеха... Существа, которые подчиняли и контролировали действия «Новых пуритан» и Местных, могущественнейшие сущности, являющиеся проводниками аномальной активности на многострадальную землю нашего родного города. Сущности, основавшие свою штаб-квартиру в подземных научных лабораториях-бункерах, после того, как пустили Волну. Могущие всё и ничего не подозревающие о своей гибели, спящей у них под ногами.

Алексей, рассказывающий про суть своей задачи, не горячился, приводя факты, за

разглашение которых его явно не погладят по голове:

— Попытки расширения Района, постоянно предпринимаемые ими, зачастую носят казалась бы хаотичный характер. Гипер-Всплеск, случившийся три года назад, явно должен это подтверждать. Но... тактика отвлекающих манёвров применялась в войнах испокон века. А то, что они ведут войну, — сомнения не вызывает.

Ваш Грек, несмотря на страсть к наживе и беспринципности, всё равно понимает, что без одобрения наших спецслужб ему мало бы что удалось. В качестве «откатов» — к нам постоянно поступают исследования из его лаборатории. Какое-то время назад учёные из нашего Центра вывели интересную закономерность о количестве появляющихся новых артефактов и их дальнейшего использования.

Так вот, новые артефакты появляются не спонтанно, а нацеленно. Некоторые из них кажутся абсолютно непригодными ни для чего, пока их не попытаешься совместить с некоторыми другими. А взаимодействие получается настолько интересным, что иногда даже страшно становится. Нам показывали записи исследований. Чёрт, там такое творилось... Не помню, как называется такая хренотень, похожая на серебристую ровную сферу... Короче, когда её обвязали «спиралью» — открылся портал. Маленький, но открылся.

Гипотеза такова. Те самые, из Ковчега, ведут хитрую и продуманную игру. Каждый обнаруженный новый артефакт после исследований поступает по предписанному назначению. Количество используемых артефактов вне Района — точному подсчёту не поддаётся. Как бы его ни охраняли, но контрабанда артефактов идёт постоянным потоком. Подумайте, что будет, если в нужное время нужные люди грамотно совместят имеющиеся в наличии производные? И тем более — в районе потенциального источника ядерной энергии.

За последний год оперативники отделов «А» и «В» уничтожили семнадцать групп ядерных террористов. Семнадцать!!! Подводные лодки и атомные ледоколы, АЭС и даже стратегические объекты министерства обороны. Постоянные попытки проникновения...

Взять кого-либо из террористов живыми чаще всего — не получается. Но те, которых всё-таки взяли, — рассказали немало интересного. Заказы они получали через посредников, которые в свою очередь работали под руководством ещё более законспирированных людей. Всего три «прокола» нам удалось спровоцировать. Результат — мы сейчас здесь. Кроме нас — есть ещё три группы, но они идут под прикрытием военных, отвлекая внимание Создателей. Мы с Настей — должны дойти до Радостного. У нас с собой контейнеры с катализатором для проведения химической реакции. Если мы их используем, то Район скорее всего станет чем-то типа заповедника, не более того. И никакой угрозы.

Рассказал я вам всё это по одной причине. Видно было, что вы нам не доверяете. Понятно, что наша «легенда» белыми нитками шита, а тут ещё и с Настей такое случилось... Рано ли, поздно ли, но рассказать всё равно бы пришлось. Вот. Без вас мы не дойдём. Подумайте, я понимаю, что все вы здесь оказались не от сладкой жизни там, за периметром. Ясно, что вы здесь деньги зарабатываете, и не малые. Ну и что с того-то?!?! Но неужели кому-то из вас хотелось бы увидеть Район на месте Москвы, Питера, Новосибирска? Да на месте даже ваших родных городов?! А если всё сделаем, то в накладе не останетесь, это точно. Пикассо, Большой, Скопа... Что скажете?

Да уж, что мы скажем... Что на месте моего родного города я и так уже знаю. Эх, чуял ведь: что-то не то здесь, но не до такой же степени. Ёлки-палки, нет бы мне в рейд простой уйти. Тоже мне, оратор хренов, патриот, бля... Москва, Питер... да я там был-то, в той

Москве, раза два, наверное.

Деньги приплёл, психолог... Эх, Лёха-летёха, кто ж тебе сказал, что Район — это только деньги? Заповедник... А подумал кто-нибудь про то, что делать без некоторых артефактов? Без того же «Сердца» или «Янтаря» на сложных операциях...

Да и мы тоже, хороши, ничего не скажешь. Ну, показал Алексей запаянный в пластик прямоугольник удостоверения с универсальным электронным ключом, и что? Где гарантии того, что он сам не какой-то фанатик, несущий то, что спровоцирует ещё один гипер. А нету никакой гарантии. Кроме того, что нас отправил с ним Сдобный.

— Короче, наследник Феликса Эдмундовича, — решение созрело и оформилось, — поступаем так. Завтра утром — сеанс связи со Сдобным. Полагаю, аппаратура для этого у вас есть. Не знаю уж, подо что она заделана, под микрофон или под фотоаппарат, но то, что есть, я уверен. А там и посмотрим. Давайте спать, ребята. Я первый на часах. Потом разбуду тебя, Большой. До рассвета часов пять всего. А с утра нам много ещё идти предстоит. Отбой.

Вот и получилось, что теперь я смог подумать в полном одиночестве, хотя бы попытаться разобраться в сумбуре, свалившемся на наши головы, и определиться с тем, что делать дальше.

Если всё на самом деле так и есть, нужно всё взвесить и разобраться, наконец, стоит идти в Город или нет. Я патриотом себя считать не люблю, глобально мыслить не умею, но если рассказанное Алексеем — правда... то тогда призадуматься не просто стоит. А стоит заняться этим делом. Как бы я не зависел от Района, мне совсем не хочется, чтобы где-то ещё бегали вурдалаки и летали грифы. Хватит одного этого, многострадального куска моей родины.

Если всё это правда, то я пойду с ними. Проведу и помогу сделать всё, всё для того, чтобы их затея удалась. Хотя это, конечно, проще сказать, чем сделать. Подозреваю, что нас по пути в Радостный будет ждать много сюрпризов. И далеко не все будут приятными. Скопа пойдёт со мной, это-то как раз понятно. А вот Большой...

Я ему, конечно, доверяю, если бы не доверял, то вместе столько не ходили бы. Но он для нас со Скопой всё равно до сих пор загадка. Кто он на самом деле, мне стало понятно достаточно давно. Труда это не составляло нисколько, с его-то комплекцией. А пластикой на лице сейчас мало кого удивишь. Но вот ради чего он здесь — непонятно до сих пор. Одна безысходность, как у нас со Скопой, в его случае явно не причина. Внутренний излом Большого иногда проявлялся. Тогда лучшим средством он считал либо одиночный поход в Район, либо запой.

В первом случае — Большой возвращался с большим количеством трофеев типа головных гребней вурдалаков, хвостов церберов, либо ушей мародёров. Всё это добро потом продавал в сувенирную лавку, умудряясь заработать даже в такой ситуации.

Во втором — предпочитал в гордом одиночестве напиваться в «чипке» у казарм. Как правило, после этого нам приходилось вытаскивать напарника из комендатуры, куда его запихивали отцы-командиры, разозлённые подрывом боеспособности собственных подразделений, выраженной в многочисленных травмах различной тяжести, полученных в ходе драк с нашим героем.

Утро вечера мудренее.

Думаю, с утра мы решим этот вопрос. Позитивно или негативно, но решим. Вряд ли Большой уйдёт назад, слишком сильно он привязан к нам, и слишком много нам пришлось пережить вместе.

Радостный. Конечная точка маршрута. Лабиринт улиц и подземных коммуникаций. Постоянно висящая над головой угроза. «Пуритане», зомби, цверги, и прочая фауна. Плюс — ловушки, которые в условиях городских развалин очень плохо фиксируются и определяются.

Маршрут пути у меня в голове нарисовался быстро. В самом Радостном будем действовать по ситуации, надеюсь, что у наших «гэбэшников» есть какой-то план в запасе.

Тяжеловато будет, конечно, но вполне выполнимо. А деньги, ну что деньги... Если получится, так будем в шоколаде и с карт-бланшем от ГБ. Нет — такая, значит, наша рейдерская доля.

Надо же, встретить одновременно две легенды и даже получить что-то типа предсказания. Синие васильки, которые каждый из нас наверняка обретет в дальнейшем... И какого зверя она имела в виду, когда обращалась к Большому, вот что интересно. Что прячет от нас наш друг? Стоит ли иногда задумываться про это и вести себя более аккуратно по отношению к нему?

Я так и не стал будить никого до самого утра, пока снаружи не закончил бушевать выброс. Потом растолкал Большого и Скопу, пинком поднял Алексея и пошёл наверх, пригнувшись под низкой притолокой полуразрушенного дома.

Кровь быстро стучит в висках, ноги часто мелькают, еле касаясь растрескавшегося асфальта подошвами «гриндеров». Чёрт, до чего же в них тяжело-то!!!

..Дверь, дверь с электронным замком, по какой-то причине не закрывшаяся до конца. Шанс спрятаться. Шанс остаться в живых. Быстрее, быстрее!.. Из-за поворота уже нарастает топот тех, кто торопится достать её...

-.. твою мать! Куда она, блядь, делась?

— Да куда она тут деться могла?! Свернула в тот поворот, я ж тебе говорил... Вот сука!

— А...хрен с ней. Её карланьё один хрен выпасло. Никуда не денется, накроем. Ладно, валим отсюда, сто пудов, та тварь с ларька ментов вызвала.

Голоса смолкли. Торопливые шаги удалялись.

Высокая, спортивного сложения девушка сползла по толстой металлической двери. Вытерла взмокшее, покрасневшее лицо «палестинкой», полезла в карман за сигаретами. Закурила. Пальцами нащупала разбитую правую бровь, потрогала начавший опухать нос, провела по ребрам, несколько раз резко выдохнула, прислушиваясь к собственным ощущениям.

Потом свернулась в клубок и долго, тихо, обхватив колени руками, плакала. Захлёбывалась беззвучными слезами, размазывая их вместе с кровью по лицу.

...Прошное никогда не уходит бесследно. Оно просто ложится в спячку. Как большой и хищный зверь. И когда ты думаешь, что никогда не столкнёшься с давно прошедшим, зверь просыпается. И, проснувшись, он может ласково и нежно потереться о тебя. А может и ударить. Жёстко, страшно и исподтишка. И всегда неожиданно.

Очень давно, целых два года назад, она пыталась перестроить мир вокруг себя. И конечно — в лучшую сторону.

Боролась за экологию, кормила бездомных, бросила курить и есть мясо бедных животных. А ещё — объявила войну парням с наголо выбритыми головами, носившим высокие ботинки, чёрно-жёлто-белые шарфы и закатанные джинсы.

Через какое-то время, быстро повзрослев, поняла, что добьётся только того, что её либо «закроют» на много лет, либо пришиблят заточенным канцелярским ножом в подворотне, предварительно запинав до полусмерти.

С головой ушла в работу и даже смогла восстановиться в институте. По выходным ездила в один из районных центров, навещая маму. Пока...

Несколько раз пыталась встречаться с обычными, нормальными парнями. Изменила причёску, купила длинное чёрное пальто и сапоги на каблуках. А потом в Город приехал Он, тот, из-за кого она влезла во всё это дерьмо. И она решила встретиться с ним. Даже надела старые вещи, долго пылившиеся в шкафу.

Живой ли он сейчас — неизвестно. Нисколько не поменялся, вместо вечера, проведённого вдвоём, они оказались на одной из акций. «Бритоголовые» появились когда она ещё не закончилась. Была драка. Одного она полоснула своим старым скальпелем. Потом — долгая гонка, когда бежавшие за ней кричали, точно называя её имя. А услышанный разговор только подтвердил то, что казалось ей паранойей. Следили, действительно следили. И здесь, и там, куда ездила к матери. Никто и ничего не забыл. Прошлое шло по следу.

Через два дня раздался звонок из областного отдела «конторы». Вежливо и настойчиво ей предложили явиться к такому-то часу и по такому-то адресу. И напомнили, что всё это время её не забывали и здесь. А блестящее владение хирургическими инструментами — запросто обеспечит ей место в исправительном учреждении. Но они всегда будут рады помочь избежать этого. В обмен на некоторые услуги, конечно.

Они все, и с той, и с другой стороны, просчитались только в одном. Никто не знал про ежемесячный междугородний звонок. И он пришёлся как раз на второй день после того, как она плакала в подъезде.

Вместо того чтобы отправиться по адресу, названному чекистами, девушка пошла в парикмахерскую, из которой вышла коротко остриженной брюнеткой. Потом были несколько недель попутных машин и автостопов, переход внутренней границы за последние деньги. И долгожданная встреча с тем, кто звонил один раз в месяц.

Девушку, попадающую без прицела в самые сложные мишени, назвал Скопой старый пьянчуга Полоскун, в прошлой жизни бывший орнитологом. Назвал так в честь красивой хищной степной птицы, видевшей зайца за несколько километров.

Район (Несостоявшийся репортаж): Глава 4. База 5

— Лагерь

Майор Квасков, командир группы специального назначения номер «два», входившей в состав гарнизона военной базы «Черкассы-5», наконец-то добрался в казарму своего подразделения.

Протопав по скрипучим дощатым полам, отмахнувшись от выскочившего дежурного и хлопнув дверью своего «кубрика», майор с размаху упал на кровать, скрипнувшую сеткой.

Пинком отправил в угол изгвазданные в глине «берцы», кинул на стол обязательную на совещаниях планшетку и, закинув руки за голову, устался в потолок, по давешней привычке бормоча себе под нос:

— Чудилы — мудилы штабные, чтоб вам пусто было.... Как обычно — наплели, походили кругом да около А толку-то? — Майор закурил и перевёл взгляд на выцветший портрет Горбачёва, когда-то давно повешенный на стену одного из кабинетов в здании бывшего горкома. — Вот вы, Михал Сергеич, как считаете, нужен ли плюрализм мнений в армии?.. Молчите, нечего вам сказать? Дежурный!!!

Дверь скрипнула, приоткрывшись. В образовавшуюся щель проникла голова старшего сержанта Филиппова-Ефимчика:

— Дежурный по группе...

— А-а-тставить! — Майор критично оглядел подчинённого. Придаться, к сожалению, было не к чему, — Через пятнадцать минут командиров взводов, их заместителей и старшину — в каптёрку. Кофе есть?

— Щас сварим, — за прошедшие с момента призыва почти два с половиной года, сержант вкусы своего «батяни-комбата» выучил наизусть, — чёрный, с молоком, или как?

Квасков пытливо посмотрел на дежурного:

— «Или как» — не палёный? Местный?

— Никак нет, — сержант довольно улыбнулся, — «или как» качественный, ямайский. Разведка с Ключей привезла.... Махнулись с «пиндосами» на «батарейки». Тока «батарейки» — некачественные были, кроме одной.... Ну, те только её почему-то и проверили... Бараны.... Варить?!

Майор одобритительно мотнул головой.

Когда Квасков зашёл в каптёрку, заменяющую комнату для совещаний, все вызванные находились на месте. Он сел, оглядев так давно, по меркам Района, знакомые лица подчинённых:

— Так, господа офицеры, сержанты и старшины, — майор сел за стол, поставил кружку с дымящимся кофе, расстегнул планшет и извлёк из него потрёпанную общую тетрадь, — значитца... слушайте приказ командования.

Подчинённые напряглись и подтянулись.

— А приказ, орлы мои сизокрылые, следующий.... Твою-то в бога дивизию!!! Чубайс!!! — Квасков подскочил на стуле.

«Орлы» дружно гоготнули. Чубайс, здоровенный, хвостатый, рыжий котище, прибившийся к «спецам» сразу по их прибытию в Черкассы-5, ошалело смотрел на вскочившего командира. Имя политика, давно ставшее «своим» для таких котов, точно передавало суть представителя кошачьих. Энергии в Чубайсе было хоть отбавляй. Что он

только что и доказал, сиганув прямо с подоконника, на который перепрыгнул с дерева, росшего напротив окна

Бедный кот, решивший, что майор обрадуется ему, как обычно, скакнул на стол. И сбил кружку, с горячим, чёрным как смоль кофе. Согласно «закону падающего бутерброда», вся жидкость оказалась на командире.

Когда Квасков, ругаясь сапожным матом и злой, как пять голодных гупер-урсусов, ушёл переодеваться, «орлы» гоготнули серьёзнее. Да так, что дремавший на тумбочке первогодок Хлопов испуганно дёрнулся, стукнувшись головой о висевший за его спиной противопожарный щит.

— Так, — отхотавшись, командир одного из взводов, капитан Александров, по прозвищу Бармаглот, закурил, — господа офицеры и прочие ястребы с соколами, хватит ржать. Командир не железный, разгневется и сокрушит.

— Угу.... сокрушит, как пить дать, — один из сержантов снова прыснул в кулак, — такова доля наша, видно. А если серьёзно, то сейчас он нам тут выдаст. Чую, одним местом.

Господа офицеры и прочие кивнули, соглашаясь.

— Ну, значит так, — Квасков вошёл тихо и незаметно, — идём в Зону, товарищи командиры. Завтра с утра.

— Эх! — тоскливо вздохнул старший лейтенант Кубанец, гася сигарету в банке из-под тушёнки, заменявшей пепельницу. — А я-то думал...

Командиры, напыжившись и надувшись, покраснели. Смеяться было нельзя. Майор покачал головой, закурив. Всем было известно, что Кубанец при первой же возможности мчится в лагерь учёных, в котором у него имелась таинственная зазноба. Квасков, единственный из всех присутствующих, знал, с кем крутит шашни его подчинённый. Поэтому в караул на охрану учёных, отправляемый регулярно, ставил только его.

— Всё бы вам ржать, жеребцам стоялым, — майор налил воды в кружку и покрутил головой по сторонам, высматривая Чубайса, — спокойно всё просто, да? И давно... расслабились вы ребятки. Кроме мародёров и вольной гопоты — ничего ведь уже с месяц уже почитай и нет.

— Да ладно, командир, — старшина группы погладил кота, довольно жмурившегося у него на коленях, — не обижайся. Хватит ржать, остолопы деревянные. Ну?!

Спорить со старшиной не решался никто. Все знали, что обычно он был спокоен и меланхоличен. Но если его конкретно раздражали, то лучше было быстро это исправить. Или извиниться.

— Извини командир, — Бармаглот извиняющее поднял ладони, — само внимание.

Квасков поднял отложенную тетрадь:

— Выходим завтра. Группа из двенадцати человек. Причём, — Квасков поморщился, — самых лучших. Старший — Бармаглот. Из «замков» — Дихлофос. Остальных подберите сами. Это ясно?

Сидящие дружно закивали головами. Кубанец что-то хотел сказать, но не стал.

— Ну, тогда дальше. — Майор подошёл к электронной карте Района, висевшей напротив входа. — Группа Бармаглота выдвигается в район Лагеря. Пешком. Оттуда — наименьшим по риску путём, определённым из текущей ситуации, идёте в Радостный.

Командир назначенной группы нахмурился. Сослуживцам это было понятно. Идти с группой из дюжины человек в Город? Конечно, рейдеры-«одиночки» ходили туда и по одному, но... двенадцать спецназовцев это вам не вольные рейдеры. Да, силу из себя они

представляют серьёзную. Но и мишень для «Пуритан» — тоже весьма серьёзная.

И при этом Бармаглот понимал, что сейчас Квасков выдаст такое, что ему, ответственному за рейд, точно понравится ещё меньше. Он не ошибся.

— С вами пойдёт группа из трёх человек. Задача простая, обеспечить безопасность, оказать прочее нужное содействие. Ну, и по окончании операции, аккуратно вывести. Уточнения получишь при выходе. Дальше...

Теперь напряглись все остальные. Если Квасков сказал «дальше», значит, ждать нужно только задач по обеспечению группы. Но это — уже лучше. Любой из сидящих за столом понимал, что если группу ведут остальные «спецы», то шансы их коллег выбраться из Радостного — намного вырастают.

Квасков прошёлся по каптёрке.

— Взвода Гремлина и Бармаглота — готовность номер один. Бармаглотовский взвод, под моим командованием, в случае необходимости выдвигается на «вертушках». До Черты, ясен пень. Гремлин со своими парнями — на бронепоезде по «железке» до Станции... Кубанец остаётся за старшего в группе и находится на коммуникационном центре. Всё ясно?.. Если всё, то расходимся, ребята. Готовьте людей. Бармаглот... задержись.

Капитан, уже привставший со стула, вернулся в исходное положение. Закурил, дождался, пока все вышедшие протопали как можно дальше. И только тогда спросил у Кваскова:

— Что такое, Влад? Кто с нами пойдёт и зачем? Если знаешь, то лучше не темни, не нужно.

— Ну да. Гриш, — майор заговорил заметно тише, — поведёшь «фэйсов». Причём — учёных. Что они несут с собой и за каким чёртом прутся в Припять, сами скажут. На месте. И ещё...

Бармаглот наклонился к нему, чтобы расслышать тихий шёпот командира ГСН-2.

Группа спецназовцев вышла в Район рано на рассвете. С ними шли три «специалиста»: двое молодых, развитых парней и один, выглядящий не таким крепким, как коллеги, мужчина постарше.

Майор Квасков проводил своих ребят до КПП, после чего вернулся в расположение ГСН, где уже вовсю велись приготовления к возможному десанту.

Территории ответственности СБ «Иринис» — Радостный.

— Давай быстрее, Кирк, шевели задницей! — Сержант Джеймс «Хэт» Хетфилд злился. — Опаздываем, джипы должны выйти через пятнадцать минут. Если по твоей вине, амиго, мы не успеем, то пеняй на себя!

Капрал, к совести которого взывал Джеймс, и, занимавший должность снайпера отделения, торопливо собирался, ворча про себя. Чёртовы местные шлюхи, не давшие вовремя вернуться в казарму!

Хетфилд хмыкнул, глядя на спешившего снайпера. Сколько лет вместе, а всё равно, достаточно один раз поднять голос. Эх, Кирк, хороший ты парняга. Сержант пригладил

длинные, нарушавшие все внутренние корпоративные требования к внешности усы и, довольно улыбнувшись, вышел к ожидавшим джипам.

База якобы сотрудников агентства «Иринис», отвечавших за охрану якобы «Омни Кемикл Индастрис», жила своей обычной жизнью:

Бодро вился на лёгком ветерке звёздно-полосатый флаг. Вразвалку протопала группа рейнджеров, шедших в столовую. Папаша ухмыльнулся, вспомнив о том, как с песнями маршировали русские во время одной из его поездок в Черкасс-5. Чего добивались их командиры, заставляя солдат распевать песни во время похода за едой, сержант так и не понял. То ли дело у них, американцев...

Подтверждая мысли «морского котика», мимо него запылила группа пехотинцев, бежавшая по центральной «улице» научного городка, дружно горланя песню о капитане Джеке. Прямо за ними, за «колючкой», огораживающей техпарк, ревя двигателем и лязгая поднимая пыль, прокатился на КПП сменять собрата «Хамви». Жаль, что нельзя было ввезти в эту варварскую страну пару-тройку взводов «Абрамсов». Политика...

В стороне от городка, скрытое рощицей «бьерёзок», уже просыпалось стрельбище. Трещали автоматические винтовки и пулемёты. Гулко ухали гранатомёты.

Сержант с удовольствием втянул запах пороховой гари, соляных выхлопов и ядрёного солдатского пота, оставшегося после пробежавших мимо солдат.

— Эх, Ларс, — сказал он своему постоянному напарнику, флегматичному скандинаву, дремавшему на переднем сиденье «Хамви», — не хватает только запаха напалма. А так — чудесное утро!

— Да, Хэт, эт точно, — Ларс потянулся и поскрёб заросший щетиной подбородок, — ничего, скоро разомнётся. Надаём пинков под зад хвалёному русскому «спецназу». Э?..

Сержант промолчал, ничего не ответив. Как ни хорошо было смеяться над срочниками союзной группировки, но с русским спецназом Хэту сталкиваться не очень хотелось. Их группе ещё не доводилось воевать с ними, но наслышан он был достаточно.

«Котикам» приходилось сталкиваться с русскими повсюду, где интересы США и России пересекались. И сказать, что они постоянно выигрывали у бывших «красных», было нельзя. Хэт понимал, что в Районе стоят не «Альфа», «Вымпел» или «Витязь». Но от этого ему не стало. Тех данных, что позавчера выдали в штабе, с избытком хватило, чтобы понять: легко операция не пройдёт. Понимал это и командир группы «Морских котиков» капитан Тайлер.

Но, в конце концов, здесь они защищали интересы демократии, так что рассуждать о том, как оно будет, Хэту не хотелось. Он солдат и выполняет приказы. Защищает свою страну здесь, на территории бывшей «империи Зла». Вот только от кого? От шелудивых мутантов?! Папаша сплюнул и пошёл в сторону джипа командира.

Через десять минут ворота городка открылись, выпуская автомашины, которые, тихо пофыркивая дизелями, направились в сторону блокпоста на въезде в зону отчуждения. Официальная версия поездки была проста: вновь выбитое разрешение на исследовательские научные работы. И связанные с этим заборы анализов почв, воздуха и биологического материала. Капитан Тайлер и связист группы, капрал Шульдинер, уже сидели облачённые в комбинезоны «яйцеголовых». Но как подозревал Хэт — дело не обошлось и без э-э-э... «магарыча» кому-то из состава офицеров русских, отвечавших за допуски в Район.

Григорий «Бармаглот», исходивший Район вдоль и поперёк, как в «старых», так и в «новых» его районах, людей зря никогда не гнал. Тем более что путь был неблизкий и весьма опасный.

Он никогда не переоценивал собственные способности, не считал себя суперменом и трезво смотрел на сложившуюся ситуацию. Вот и сейчас, ведя группу по проторенной тропе к Лагерю, Бармаглот «прокачивал» ситуацию в бешеном режиме. Потому что знал: насколько правильно и верно поведёт своих «гоблинов» с самого начала, то настолько же больше будет вероятность возвращения.

В самом задании дойти до Радостного капитан не видел ничего особо страшного. Понятно, что такое количество «спецов», пробирающихся вдоль границ «Пуритан», неминуемо привлечёт внимание. Да и ладно бы, но вот «конторщики»... Довести до коммуникаций под самим городом, найти вход в один из старых командных пунктов, в лабиринтах Росрезерва. Там они сделают своё дело, пока спецназовцы будут их прикрывать, и потом назад. Казалось бы, всё очень просто. Ага...

Бармаглот хорошо понимал, что простоты-то как раз добиться не получится. Интуиция, позволившая ему так долго продержаться в Районе, подсказывала, что нужно быть предельно осторожным. Будь его воля, он пошёл бы максимум с четырьмя бойцами. И тем самым наверняка гарантировал бы вероятность успеха. Но спорить с командиром не решился. Понимал, что тот сам наверняка доказывал это дядькам с большими звёздами, отправившим их сюда.

Тем временем группа продолжала идти, продвигаясь всё глубже и глубже в Район. Вставало солнце. Ветер трепал пожухлую и желтоватую траву, ковыль, превращённый Изменением в сплошной волнующийся ковёр. Местами чётко выделялись стальные проплешины «разрыв-травы». Перекрученные прошедшими Выплесками деревья со скрипом покачивались, трясая свисающие гроздья «крапивы».

— Дихлофос, — Бармаглот щёлкнул переключателем переговорника, — через пять минут остановка. Понял?

— Да. — Идущий впереди с тремя бойцами сержант поднял руку, махнув ей в сторону опор ЛЭП, видневшейся в прорехи начавшего редеть леса. — Вон там.

— Хорошо, — капитан кивнул, — все поняли? Ну и молодцы.

Подождав, пока сержант выставит охранение, а остальные расположатся наиболее оптимально, Бармаглот подошёл к «конторщикам». Те расположились у бетонных блоков, поддерживающих опоры. Один из молодых, не сняв рюкзака, стоял, держа руку на рукояти «Никонова». Второй — сидел, привалившись спиной к арматурине. Старший расположился на сброшенном рюкзаке. Покуривал и осматривался. Увидев подходящего к ним Бармаглота, он привстал:

— По наши души, капитан?

— По ваши, — Бармаглот расстегнул карман «разгрузки», — да, что ж вы вскочили-то? Посидим, поговорим. Да и познакомиться нам лучше надо. Согласны?

— Ну а что ж не поговорить-то? — собеседник капитана понимающе улыбнулся. — Майор Забелин. А это мои коллеги, капитан Петров и капитан Иванов.

— Ну да, — Бармаглот чуть было не поперхнулся дымом, — редкие у них фамилии, по нынешним-то временам.

«Да уж, — капитан улыбнулся про себя, — комики блин, Иванов, Петров, Сидоров... Майор он. Ага, а я тогда балерина».

— Здесь меня зовут Бармаглот, — спецназовец улыбнулся, увидев вполне понятную реакцию собеседника, — прозвище такое. Принято так в Районе.

— Нда... — Забелин посмотрел на затухшую сигарету. — А нас как называть будете?

— Да никак не будем, — капитан щёлкнул зажигалкой, давая Забелину прикурить, — прозвище, оно ведь само по себе появляется. Вернёмся — поймёте. Ну а теперь поговорим о серьёзном, майор?

Бармаглот посмотрел на Забелина. Сейчас, находясь здесь, в месте, где опасность зашкаливала, он мог сделать это более внимательно. Перед выходом времени присматриваться, у него, не было. По какой-то причине потрёпанный УАЗ «Патриот» третьей модели, доставивший «контрощиков», непозволительно опоздал.

Забелин, или как его там звали, был немного постарше капитана. Невысокого роста, сухощавый, с ранними морщинами и рыжеватыми усами. Обычный стандартный мужчина лет сорока.

Его подчинённые ничем не выделялись на фоне группы. Лет по двадцать пять, высокие и крепкие парни. Одеты и экипированы так же, как и все прочие «спецы». Комбинезоны, разгрузки, шлемы. Ничего, что может их выделить среди остальных членов группы.

— Мы идём в Город, так? — капитан повернулся к Забелину.

— Так.

— Влезаем в катакомбы под городом и находим командный пункт номер три?

— Да, именно так, уважаемый Бармаглот.

— Что мы делаем там?

Забелин помолчал, крутя между пальцев сорванную травинку

— Что там? А там, капитан, нас ждёт поиск специальной изолированной камеры. В этом помещении находится то, ради чего мы туда и идём. Что это такое, я расскажу вам позже. Больше я ничего сказать пока не могу. Не обижайтесь.

Бармаглот согласно мотнул головой. То, что рассказал майор, уже давало повод относиться к подопечным более доверительно. А пока — большего и не надо.

Кивнув Забелину, капитан отошёл к Дихлофосу.

— Поднимай группу, отдохнули. Пора идти.

«Замок» передал команду через переговорник. Бойцы начали подниматься, закидывая «эрдэшки» на плечи и поправляя экипировку. Подошли двое, охранявшие тыл группы. Спецназовцы, действуя быстро и умело, вытянулись в цепочку и, оставив по флангам четырёх человек, гуськом двинулись по еле заметной тропе.

«Контрощики» двигались в середине колонны, поставив Забелина в середину.

С боков их прикрывали, чуть выдвинувшись в стороны, два бойцы группы. Хотя если присмотреться внимательно, то казалось, что они не так уж и нужны.

Бармаглот, шедший в арьергарде, обратил внимание, что «контрощики» двигаются абсолютно не нервничая, как это обычно бывает с пришедшими в Район впервые.

«А они молодцы, — скользнула невольная уважительная мысль, — даже и не верится, что в первый раз идут. Даже Забелин, которому по возрасту давно пора на пенсии быть, и то, гляди-ка, как бодро вышагивает».

Дихлофос, находившийся в голове колонны, внимательно смотрел по сторонам, отсекая всё лишнее и пытаясь углядеть возможную опасность. Спецназовец уже давно «ходил» сюда и понимал, что здесь никогда не бывает мирно и тихо.

А Район разлегся вокруг, раскинулся широкими славянскими пейзажными красотами,

прямо как кустодиевская русская барышня. Ведь по-своему он, Район, был прекрасен.

Гигант-спецназовец, умевший руками разбивать кирпичи, имел одну тайную страсть. Он писал неумелые и грубые, но при этом — очень честные стихи. Про друзей, про свою тяжёлую работу. И про Район. Он почему-то понимал, в отличие от многих других, что, несмотря на все таящиеся в нём опасности, он может быть очень красив. И доказывал это постоянно.

То полыхая серебристыми зигзагами в тёмно-фиолетовом небе во время частых гроз, то переливаясь под скупым солнцем блестящими волнами местного, Изменённого ковыля.

Или закручиваясь серыми спиралями столбов пыли «с добрым утром», бликуя сполохами «разрядников» в катакомбах разрушенных зданий, еле-еле светясь бирюзовыми озерцами «ведьминого студня».

Ловушки... Они создавали то, чего не было больше на всей Земле. Страшные, завораживающие и опасные. Берущиеся из ниоткуда, кажущиеся чем-то, что не может быть настоящим.

Они — самая главная опасность Района. После людей, обитающих в нём. И среди этих двух финалистов идёт постоянный конкурс.

Каждый из рейдеров и военных, постоянно находившихся здесь, мог долго перечислять тяжести столкновений с тем, или иным местным порождением.

Голема, большого льва-грея, цербера, рептилоида, мертвяка, туманного волка и резуса — увидеть легко. Вурдалака, цверга, сфинкса или даже бэньши, если она существует, сложнее. Но против каждого из них всегда найдётся аргумент: пуля, граната, нож, приклад или кулак, если больше ничего нет.

А против аномалий? Что можно сделать против электричества «разрядников», которые загнали тебя в угол между старым зданием мехмастерской и бетонным, разваливающимся и высоким забором?

Как справиться с «добрым утроом» или двумя, прямо перед тобой и выходом из подземных коридоров? Когда за тобой слышится хриплое и не по-человечески учащённое дыхание пары вурдалаков. А у тебя — остался только «Макар» с тремя «патриками» и всё?

Дихлофос ругнулся под нос, заметив еле видимое марево перед собой, и поднял вверх руку. Группа остановилась.

— Что там? — В наушниках сержанта раздался голос Бармаглота. — У меня на детекторе ничего нет.

— У меня тоже, а вот конфорку я уже заметил. Странно... Я сейчас проверю, постоите пока.

Сержант отстегнул кнопку бокового карманчика разгрузочного жилета, доставая болт, с примотанной к нему ленточкой из бинта. Самый надёжный детектор в Районе, не зависящий ни от батареек, ни от воздействия местного аномального электричества.

Бойцы, оставаясь на тех же позициях, где их остановила команда Дихлофоса, спокойно присели, аккуратно взяв на прицел свой сектора.

Сержант покрутил болт в пальцах и кинул его перед собой.

Полыхнуло. Столбы «конфорки» резко взвинтились в небо, мгновенно превратив в головёшку ворону, пролетавшую над аномалией, и, гудя, как пламя в мартеновской печи, лениво съжились, опускаясь.

Дихлофос достал целую пригоршню маленьких металлических маркеров и начал методично определять оптимальный маршрут для прохождения.

Через пару минут он понял, что столкнулся с чем-то не совсем обычным даже для Района. И дело было не только в количестве взрывающих вверх фонтанов высокотемпературного пламени. Дихлофосу показалось, что это скопление подземных горелок — вообще нестандартно.

Он кидал болты в сторону марева над предполагаемым эпицентром ловушки, а пламя поднималось чуть сбоку. Как будто у «конфорки» хватило ума выделить из себя ложноножку. Но, ёлки-палки, она же не живая...

В наушниках раздался голос Бармаглота:

— Ну, чего там?

— Н-е-п-а-а-н-я-т-н-а-а-а.... — Дихлофос хмыкнул. — Ни хрена не понимаю, командир. Вектор пламени у ловушек нестандартный, и вообще странные они какие-то. Честно, если бы мы только вышли, я бы назад повернул. И постарался их обойти. Не понимаю, как их пройти.

— Подожди-ка, сейчас подойду. — Бармаглот отключился.

Подойдя к подчинённому, Александров недолго смотрел на то, как Дихлофос пытается понять: где можно пройти?

— Д-а-а... но назад уже не пойдёшь, — Бармаглот зло сплюнул, — с графика собьёмся. Будем пробовать здесь.

Он включил общий канал связи:

— Группа, слушай приказ. — Александров немного помолчал, собираясь с мыслями. — Идём шаг в шаг. Направляющий — Дихлофос. Первые трое, пройдя через аномалии — занимают оборону. Ещё двое — замыкающие. Всем ясно? И идём очень аккуратно, ребята.

Квасков ругался, старшина ругался и злился, а Кубанец ругался, злился и продумывал планы наказания своих подчинённых. Но если первые двое ругались и злились вслух, то старший лейтенант это проделывал про себя.

Всё шло не так, как планировалось. Станция, которую унесла с собой группа, должна дать им возможность беспрепятственно выходить на связь, молчала в первый сеанс связи. И во второй тоже.

Из двух полагающихся для десанта «крокодилов» командир первого взвода признал годным к выполнению задачи только один. У второго капитану не показалась надёжной электроника.

«Бэтэры», подогнанные к кирпичному сараю, где старшина хранил «энзэшные» боеприпасы, оказались хорошими. Только водителей выделили — хуже некуда. Срочников из предпоследнего призыва. В результате молодые бойцы были отданы на растерзание старшине, который отправил их на чистку картофана. Кваскову пришлось согласовать замену присланных водителей на двух своих, проверенных.

Потом оказалось, что ящики с патронами, которые принесли со склада АТВ — не те. Вместо стандартных девяти миллиметровых, для «Валов» и «Калашниковых 13М9», на складе выдали «семьдесят шестые» для обычных «Калашей».

Проверить должен был сержант Злой, ходивший на склад старшим. А так как в подчинение он входил к Кубанцу, то именно поэтому тот сейчас и злился.

— Вот ты мне скажи, Лёва, — Квасков ругался сидя, а старлей при этом старался стать меньше и не нависать над майором, — командует взводом кто?!...

— Я... — Тот тоскливо поник, предвкушая любимую присказку майора.

— Я, я, — Квасков постучал пальцем по столешнице, — головка... от кумулятивного снаряда!!! А за каким, спрашивается?! Товарищ старший лейтенант! Твою за ногу!!! У нас здесь! На площадке! Лежат не те патроны!!! А?!!

— Командир...

— Чего командир?!! Если в «десант» прямо сейчас, что ты с собой возьмёшь, а?!

Кубанец молчал. Крыть ему было нечем. Если бы сейчас срываться в «десант», то у бойцов с собой были бы только патроны из подсумков и «разгрузок». Дополнительные боеприпасы бросят на площадке перед расположением. За полной ненужностью.

Квасков ещё несколько продолжал распекать подчинённого. Потом дал тому задание: взять один из «бэтэров» и мигом обменять патроны. Сам со старшиной остался дожидаться следующего сеанса связи с группой Бармаглота.

Майор злился. Ему не нравилось задание. Не нравилось то, что его пытаются использовать вслепую. Казалось бы, что здесь, в Районе, этого быть не должно. Но ведь нет!!!

Очередные «подковёрные» игры больших шишек...к чему они приведут на этот раз? Сколько нормальных ребят он уже успел похоронить? Из-за недомолвок, не до конца поставленной задачи, чьего-то желания «нагреться».

В этот момент, наконец-то вкнутла, оживая и потрескивая, станция, настроенная на волну группы Бармаглота:

— Клён-50...Клён-50...Я Клён-51, я Клён-51...как слышишь?..

Квасков, успев одеть наушники и опустить гарнитуру, облегчённо вздохнул. Сквозь треск помех, неизбежных даже для работающего на закрытой волне, мощнейшего «Радия-08/ДД», то есть обладавшего повышенной дальностью диапазона, он не услышал ни треска выстрелов, ни разрыва гранат.

— Клён-50...Клён-50...

— Слышу тебя, Клён-51. Я Клён-50. Как ты, Гриша?..

— Хреново... Я... — голос Бармаглота пропал, теряясь в вихре помех, создаваемых Чертой, — два «двухсотых» у меня уже...слышишь...

Квасков с хрустом сломал в руке карандаш, который до этого бездумно крутил между пальцев:

— Кто?

— Бармалей и Дуб... напоролись на «конфорку»...вытащить не удалось...слышишь?..

— Слышу Бармаглот, слышу. — Квасков помолчал. — Как вообще идёте?

— Идём-то хорошо, командир, — приём выровнялся, Александрова стало слышно намного лучше, — спокойно. Пришлось прижать мародёров, пятерых. Не то бы сдали.

— Специалисты?

— Всё окей, командир, — Бармаглот вздохнул в динамик, — идут как заведённые. Ну, всё, извини, что раньше не вышли на связь. Забрались в район Дельты, заглушило начисто. Ребят жалко, Влад... Ладно, до связи.

— До связи, Гриша.

Радио потрескивало, передавая в динамики только статику.

Майор щёлкнул тумблером, отключая «Радий». Встал, сжав в ладони берет, и пошёл к себе, аккуратно обходя всё, что встречал на пути.

Бойцы, знающие привычки и повадки командира, тоскливо смотрели ему вслед. Они

уже понимали, что кто-то не вернётся назад. И пока неясным для них было только одно. Кто?

Солнце заходило, ныряя в низкие, ставшие багровыми тучи. Ветер, дувший с запада, натащил их на полнеба, сразу после обеда.

На разбитой бетонке, ведущей в сторону старого Лагеря, вихрились пылевые смерчки. В пролеске, тянувшемся с обеих сторон дороги, с хрюканьем носились кабаны. К группе они перестали подбегать после того, как двоих одной удачной очередью срезал пулемётчик. Людей было больше, и мутанты это понимали, несмотря на свою непроходимую, звериную тупость.

Группа Бармаглота бодро шагала вперёд. Правило, говорившее каждому о том, что переживать о потерях можно будет, только вернувшись, действовало безотказно.

Терять внимание, отвлекаясь на гибель товарищей, было нельзя. «Спецы», уже несколько лет ходившие в Район, прекрасно это понимали.

— Забелин, — Бармаглот позвал «фэйса» по переговорнику, — подойдите ко мне.

Капитан остановился на обочине, поджидая «конторщика» и осматривая людей, пытаясь понять, каков ритм группы.

Бойцы шли ровно, отвлекаясь только на помехи, носившие угрожающий характер. Никто не отставал и не выбивался вперёд. Прикомандированные «специалисты» — тоже шли хорошо.

— Да, капитан? — Забелин подошёл к Бармаглоту. — Что-то важное?

— Да. — спецназовец посмотрел на армейский КПК, закреплённый на предплечье. — Сейчас будем становиться на «лёжку». Впереди старый Лагерь.

— Понятно-о-о... — протянул Забелин. — Так там вроде бы есть блокпост? Хоть и разрушенный, но...

— Майор, — Бармаглот посмотрел на «конторщика», — здесь я командую.

— Понятно, — тот пожал плечами и развернулся, собираясь двинуться к группе, — не поспоришь. Ваша правда.

Спецназовец хмыкнул. Протянул руку и придержал его за рукав:

— Да не обижайтесь вы... А, кстати, как вас полностью?

— Лев Георгиевич, а что?

— Не обижайтесь, Лев Георгиевич! — улыбку Бармаглота было хорошо видно даже через забрало шлема, — Нельзя на блокпосте ночевать. Там... плохо там, короче.

— А что именно?

В глазах майора появился блеск, с которым Бармаглот уже сталкивался. Такое вот выражение глаз ему доводилось видеть только у одной категории людей, постоянно посещавших Район.

Учёные. Люди, которых «спецам» постоянно приходилось водить в Зону. Типы, готовые залезть в нору наверняка ополоумевшего от этого вурдалака, — если могли получить от такого поступка нужный им толк.

Поэтому Бармаглоту, определявшему таких людишек за километр, стало ясно, что Забелин — из них же.

— Хм... Подозреваем, майор, что там какая-то разновидность призрака. Не

стандартная, возможно уникальная.

— А в чём это проявляется? — Забелин поймал ритм Бармаглота, пропустившего мимо себя почти всю группу и только тогда шагнувшего ей вслед. — Как выявили, что именно призрак?

— Я смотрю, — спецназовец покосился на него, — вы, Лев Георгич, разбираетесь в местных животных?

Майор, перевесивший поудобнее автомат, утвердительно кивнул головой:

— Что есть, то есть, капитан. Доводилось работать со многими образцами.

— На большой земле? Или как?

— Да и здесь тоже бывало. Я же не первый раз в Районе. Разве что, — Забелин немногосбился с шага, — раньше вот такими прогулками не увлекался.

Бармаглот сделал себе зарубку в голове, подтверждающую мелькнувшую недавно догадку. Как он и предполагал, «конторщики» здесь уже бывали. То-то же, идут и не волнуются, не удивляются ничему...

— Ну, так вот...

Блокпост, бывший когда-то одними из ворот в Район, давно превратился в место, где человеку находиться нельзя.

Сразу после гипера и созданной им катавасии, военные пытались восстановить это место, вернуться на блокпост, удобный для наблюдения и контроля за проходящими в Район рейдерами.

Не срослось. Несколько попыток занять блокпост заканчивались одним и тем же. Смертью минимум трети личного состава.

Разводящий караула отходил от поста на несколько шагов, а когда оборачивался, постовой уже лежал с разорванной глоткой.

Боец отворачивался от своего товарища на минуту, поправить шнурки на ботинках, повернувшись — видел того посиневшим, висящим под потолком и удерживаемым непонятной силой.

Сканирование в различных диапазонах ничего не дало. Никаких следов ни призраков, ни кого-либо ещё. И, как ни странно, на территории недалёкого Лагеря не было ничего подобного. Там переночевать можно было спокойно. Если, конечно, не напороться на обычных противников.

— Вот в связи с этим, — Бармаглот посмотрел на Забелина, — мы в Лагерь и топаем.

— Ясно. Ну, в лагерь, так в Лагерь.

Тем временем группа втягивалась на территорию разрушенного места детского отдыха, бывшего некогда главной отправной точкой вольных бродяг...

Старые, обветшалые коробки корпусов с провалами окон-глазниц...

Перекосившийся забор с облупленной от времени краской на досках...

Стены, покрытые густым слоём «чёрной плесени»...

Заросли сухих бустылей, торчащих повсюду...

Выцветшие сигаретные пачки, каким-то чудом не унесённые ветром...

Проржавевшие пустые консервные банки, валяющиеся в избытке вокруг...

Стекло бутылок, хрустящее под подошвами тяжёлых ботинок...

Много пожелтевших, отшлифованных дождями костей...

И гильзы, гильзы, гильзы ...

— Командир, — возникший в проёме Дихлофос кашлянул, — посты расставил. Сейчас поесть приготовим. Я схожу, окрестности гляну.

— Хорошо, — Бармаглот одобрительно кивнул, — возьми с собой капитана Иванова. Он просил.

Сержант ушёл. Через какое-то время за окном, затянутым куском полиэтиленовой плёнки, найденной бойцами в подвале, послышались его отрывистые команды.

Майор Забелин и капитан Александров расположились в одной из трёх комнатушек полуразвалившегося дома, где остановилась группа. Сейчас они полулежали на снятых рюкзаках. Бармаглот, закинув ноги на снятый «броник», курил, вспоминая прошедший день.

Группа прошла первую часть пути хорошо. От графика не отклонились. Завтра с утра, при условии раннего выхода, должны были добраться до Колымы. Этим капитан был доволен.

А вот потеря двоих проверенных бойцов, вспыхнувших живыми факелами, угнетала его всё сильнее и сильнее. Казалось бы, что он лично мог сделать? Как помешать?! Ведь оба были в Районе постоянно, знали все его ловушки...

Бармаглот чуть прикрыл глаза, отматывая назад плёнку собственного документального фильма:

Вот он осторожно шагает за идущим впереди него пулемётчиком. Сзади — аккуратно идут «конторщики». Краем глаза Бармаглот замечает, как колышется горячий воздух справа, показывает им на него рукой.

Дихлофос, движущийся в голове маленькой колонны, тщательно выбирает каждый участок грунта, на который наступает. Узенькая, еле заметная тропинка между тесно посаженными «конфорками», ограниченная неоплавленными головками болтов, проходится группой очень медленно.

Но, тем не менее, они идут вперёд. Постепенно уже становится видно — где кончается этот странный коридор, созданный Районом. Через двадцать минут после начала прохождения, Дихлофос наконец выходит на чистый кусок земли. Крутит головой по сторонам, проверяет маршрут оставшимися болтами. И одобрительно машет рукой.

Группа выбирается следом за ним. Бойцы смахивают пот, густо выступивший на лице каждого. Дошли!

— Молод... — Бармаглот не успевает сказать начатое ...

Сзади — бешеные человеческие крики и торжествующий рёв двух взметнувшихся огненных гейзеров. И двое его, капитана Александра, людей, вспыхнувших газовыми факелами, где-то ошибшихся и сейчас погибающих. Страшной, как и любая в Районе, смертью.

В дверь кто-то аккуратно постучал, оторвав его от воспоминаний:

— Да!

Один из бойцов, появившись в дверях, занёс разогретые банки и кружки с кипятком, парившие в холодном вечернем воздухе. Поставив всё богатство на покосившийся подоконник, он залез в карман, достав сублимированный хлеб в упаковке из фольги.

— Спасибо, Саша, — Бармаглот опустил ноги, — сами-то поели?

— Да, командир, — спецназовец повернулся в дверях, едва не задев притолоку

коротким ёжиком волос, — сейчас половина отбиваться будет. Дихлофос не сказал, во сколько выходим. Не подскажите?

— Как рассветает нормально, так и выйдем. — Бармаглот распечатал хлеб, понюхав со свистом улетающий воздух. — Так что давайте спать, кто свободен. Сам дожидись Валеру. Решите, кто и как на посты выходит, зайдёте доложить.

— Гут. — Боец повернулся и вышел.

Какое-то время Забелин и Бармаглот молчали, поедая рис с говядиной из стандартного армейского сухого пайка. Есть после последнего марша хотелось очень сильно. За время перехода группа умудрилась сделать всего один привал. Оно того стоило. Бармаглот рассчитывал выйти к цели через полтора суток. Но не загадывал. Этого он не любил.

Капитан корил себя за то, что тогда начал хвалить ребят раньше, чем вышли из ловушек те, последние. В Районе приходилось считаться с приметами, как бы глупо это не казалось тем, кто не находился в ней постоянно. Вот и сейчас, ему думалось, что не скажи он тогда «молодцы», то...

— Ээм... — Забелин взял в руки кружку с крепко заваренным кофе, — Бармаглот?

— Нда, Лев Григорьевич? — капитан вопросительно поднял вверх брови.

— Не желаете ли? Армянский, настоящий. — Майор достал из внутреннего кормана «штурмовки» серебристую фляжку. — Может, плеснём, вы как, не против?

— Абсолютно, — Бармаглот подставил кружку, наслаждаясь запахом густой смоляного цвета жидкости, льющейся в кружку тонкой струйкой, — немного не повредит. Как настроение, майор?

Забелин, глотнув обжигающего кофе, помолчал, похлопал по карманам, разыскивая зажигалку. Достал «Зиппо» в кожаном чехле, прикурил абсолютно выпендрёжную «Диабло Неро», затянулся и только тогда ответил:

— Настроение пока очень хорошее, капитан. Дай-то Бог, и дальше бы так. Ну, время покажет. Жаль, конечно, ваших ребят. Честно, от всей души. Но это же Район...

— Нда...

Сидели, курили и молчали. Забелин начал что-то насвистывать под нос. Возможно, просто хотел поднять настроению спецназовцу, кто знает. Того и гляди, подумалось Бармаглоту, сейчас ещё анекдоты начнёт травить.

— Бармаглот?

— Да, Лев Георгиевич?

— Ведь вы один из тех военных, кто остался в живых после гипер-Всплеска?

— Ну да...один из тех самых, немногих. Кто остался в живых.

— И не попросил потом о переводе?

Бармаглот, отрицательно мотнув головой, прилебнул ароматный кофе, глядя на растрескавшуюся штукатурку стены, и откинулся на стену, вспоминая...

— Р-р-р-о-о-о-т-а-а-а... в р-у-у-у-ж-ь-ё-ё-ё!!!...

Ввалившийся в расположение десантников дежурный, с побелевшим лицом и выпученными глазами разевал в крике перекошенный рот:

— Быстрее, пацаны, быстрее!!!

Спавшие вповалку на койках бойцы вскакивали. Ошалело смотря по сторонам, пытались понять, в чём дело? Боевая тревога или учебная?! Ведь только что пришли с Района, где торчали две недели, сменив на Выезде «эмвэдэшников» республики Казакстан.

За стенами казармы — рвала воздух визгом сирена. Было слышно, как в техпарке, взрыкивая движками, заводятся БМД-эшки и БТР-ы. Что это?! Что это, мать вашу?!!

Старлей Александров, вылетевший из своей комнаты, торопливо застёгивал кнопки куртки. Только чтона его командирский КПК поступил сигнал «Шторм». Вариант, который просчитывался в штабе группировки только гипотетически.

— Кот! К-о-о-о-т!!! — Александров заорал, заставив дежурного подбежать к себе. — КХО открыл?

— Так точно, тов...

— Давай быстрее, Кот. — Лейтенант затянул ремни набедренной кобуры. — Знаешь, что точно произошло?

Сержант покачал головой:

— Да ничё не знаю, Грищ, — Кот растерянно пожал плечами, — над Зоной что-то творится. Эфир забит помехами. Слышал, что волна гона идёт через периметр. Слышишь?

Старший лейтенант Александров, которого вызывали позывным «Бармаглот», прислушался.

Издаликат накатывалась какофония звуков, в которой ему привычно удалось выделить отдельные ноты.

Сухой треск «Калашей» и «Никоновых»...

Громкий кашель крупнокалиберных ЗУ-шек и «Утесов» с «Сарматами»...

Отдельно звучащие таканья «ПК» и «Печенегов»...

Басистые разрывы «восемьдесят вторых» и «сто двадцатых» мин артиллеристов...

Быстрые хлопки пушек «БМП» и «БМД»...

Взрывы срывааемых волной мутантов «монок» и «озээмок»...

И накатывающий через эти знакомые звуки рёв, в котором не хотелось ничего выделять.

Потому что и так было всё предельно ясно...

Сейчас там, прорвав проволоку ограждений, снеся ряд минных полей и прикрываясь бушующим, бешеным и аномальным электричеством Черты, сюда неслись, забыв вражду:

Отдельные особи поводырей, обманывающих прицелы снайперов...

Стаи орфо-псов, воющих в ожидании скорой добычи...

Группы массивных церберов, сносящих всё на своём пути...

Громады големов, опрокидывающих пулемётные гнёзда...

Торопливо рыскающие группы резусов, трясущих окровавленными рылами...

Вырывающиеся вперёд, смазанные туши ревущих вурдалаков...

Толпы задевающих друг друга Местных, поливающих всё впереди свинцом...

Скользящие тени смоков, кислотой поливающих сверху...

И тьма других, которых знали намного хуже...

Ожившая картина Босха, изображающая развёрзнутый Ад. Ад здесь. На земле...

Волна Изменённых захлестнула позиции военных, подминая под себя тех, кто их не оставил, или не успел уйти. Рота Александрова была уже на марше, когда...

— Капитан, капита-а-а-н... — Кто-то тряс его за плечо, не давая успеть пристегнуть оставшийся магазин и прикрыть ребят...

— А?! Что?! — Бармаглот вскинулся, откидывая от себя Дихлофоса. — Что за на...

Капитан сел, положив руки на колени. Рядом, печально смотря на него, сидел

Дихлофос.

— Роту выводили, командир? — «Замок» участливо наклонился. — Вот ведь...

Бармаглот откинулся к стенке, шумно глотая воздух. Сердце бешено колотилось, подавая в виски тревожные сигналы пульса. Капитан потряс головой, отгоняя наваждения кошмара, приснившегося за те полчаса, которые он себе позволил.

— Забелин-то где? — Бармаглот торопливо щёлкнул зажигалкой. — А?!

— Да он уже с десять минут как на улице. — Сержант успокаивающе похлопал командира по колену. — Ничего не видел и ничего, стал быть, не слышал. Не переживай, Сергеич, всё в порядке. Я вовремя зашёл, как раз как вы начали в разгрузку за магазином лезть... Ну, и разбудил.

Бармаглот затянулся горьким сигаретным дымом. Такого с ним давно не происходило. Что смогло спровоцировать вот такое, чёткое и реалистичное возвращение воспоминаний о гибели его ребят? Этого он не знал.

Может быть, давящая обстановка в Лагере, может быть, какое-то воздействие оказало присутствие Забелина. Новый человек, которому он явно хотел рассказать про гипер-Всплеск, но не успел, соскользнув в пропасть сна.

Как бы то ни было, сейчас думать про это — явно поздно. Хорошо ещё, что «конторщик» не видел и не слышал того бреда, что он наверняка бормотал в забытьё. Ничего не скажешь, замечательное мнение сложилось бы у чекиста о командире одной из самых лучших спецгрупп Района.

— Так, ладно, — капитан потёр вспотевшее лицо, окончательно пытаясь прийти в себя, — давай, Валер, докладывай. Что и как в окрестностях?

Дихлофос кивнул и, встав, начал рассказывать:

— В общем — спокойно. Прошлись по два километра во все стороны. Ловушки не зашкаливают. Зверьё бегаёт как обычно, не сильно нагляя, но и не очень опасаясь. Судя по всему, давно здесь никто не шлялся в большом количестве. Либо шли очень умело. Следов, в общем, подозрительных не обнаружили. Видели двух рейдеров, но те прошли мимо. Мы не показывались. Они с «Солянки», Саб их знает. Башкир какой-то и дружбан его. Парни лояльные и ни на кого, кроме Сдобного, не работающие.

— Ясно. Ну да ладно. Люди на постах?

— Да. Вокруг тихо. Чекисты просятся в караул. По одному. Брать?

— Бери. Все трое?

— Нет. Только эти два близнеца, неодинаковых с лица. А они ещё те «кэмелы», командир, весь день под грузом топали, и хоть бы хны. Не нравятся они мне.

Бармаглот вздохнул:

— Мне, Валера, представь только, они тоже не очень нравятся. А что делать?

— Ну да. Дальше идти, наверное?

Дихлофос тихо прыснул. Бармаглот неодобрительно покосился на него:

— Чего ржём, жеребец ты мой ретивый? Смешинка, что ли, в рот попала?

— Да не... Просто подумал, а если бы Кубанец здесь был, что бы он сейчас предложил? Объявил бы, что группа подверглась неизвестному излучению и срочно требуется полная госпитализация в районе лагеря учёных. И сам бы, раз, и к своему бабцу?

— Во ты даун, а, Дихлофос? — Бармаглот покачал головой. — Я тя в отпуск отправлю. Когда вернёмся. А то, как посмотрю, у тебя крышу рвать начало. Ладно, давайте, воздухом подышим, и спать.

Выйдя из дома, капитан увидел «конторщиков», тихо разговаривающих у старого, засохшего, тополя. Завидев появившегося командира «спецов», Забелин оторвался от разговора с подчинёнными и подошёл к нему.

— Вздремнули, капитан? — На лице чекиста Бармаглот не увидел ни капли насмешки, только понимание его состояния человеком, знакомым с подобными ситуациями. — Я даже немного занервничал, когда вы отрубались. А потом — понял, что просто заснули.

— Да, Лев Георгиевич, — капитану было мучительно стыдно, несмотря на то, что причин стыда он не понимал, — всё ж таки, наверное, не выспался вчера. Да и ребят жалко, которые в «конфорку» угодили. Никак не привыкнешь к такому полностью.

— Не оправдывайтесь, Бармаглот, — Забелин внимательно посмотрел на собеседника, — вы же не экзамен по аутотренингу сдаёте, как на выпуске в «Рязанке». Я всё понимаю. Вы мне лучше скажите, ничего против иметь не будете, если мои ребята тоже покараулят ночью?

Капитан ответил, практически не задумываясь:

— Да нет, конечно, Лев Георгиевич. Не понимаю, правда, зачем? Но ничего против этого не усматриваю.

— Ну и хорошо. Тогда они сами разберутся, кто первый, кто второй. А я, с вашего разрешения, пойду, подремлю.

— Спокойной ночи, майор.

— И вам скучного дежурства, капитан.

Майор Лев Георгиевич Забелин, находящийся в Районе по призыванию и долгу, поднялся в дом, намереваясь поспать несколько часов.

Капитан Григорий Александров, ненавидевший Район лютой ненавистью и из-за этого не позволяющий себе уехать, пошёл на первый обход постов.

Бойцы группы, стоявшие на постах, просто несли караул и думали об одном: как вернуться на базу в полном составе.

Они и близко не могли понять, как непредсказуемый Район относится к ним. А он погрузился в сон — чтобы стать с утра ещё опасней.

Майор Квасков, давно прошедший очередной сеанс связи с группой Бармаглота, лежал на койке, дымя «Явой» и почёсывая за ухом наглеца Чубайса.

Командир ГСН-2, давно и прочно решивший, что больше не станет бросать своих ребят, терпеливо ожидал развязки, понимая, что она не за горами. Единственным его желанием было успеть.

Во что бы то ни стало успеть вмешаться тогда, когда его парням это будет особенно необходимо. И, если бы он знал о группе рейдера Пикассо, сейчас ночевавшей на старой МТС, неизвестно, как бы развивалась дальнейшая ситуация с заданием Центра.

А еще, и тем, и другим, было неизвестно, что отправленная вслед Насте и Алексею группа из семерых «конторщиков» сейчас агонизировала.

Зажатая наёмниками между зданиями старой свинофермы, отстреливающая последние патроны, лишённая «глушилками» всей связи.

А если бы и знали, разве могли бы что-то поменять?..

Группа «котиков» капитана Тайлера также готовилась ко сну. «Хамви», доставившие их к максимальной для автомобилей отметке, оказались как нельзя кстати. Дошедшие за оставшуюся часть дня до старых развалин на окраинах Радостного солдаты теперь имели большое преимущество перед русскими.

Тайлер, высокий и худой кентуккиец, сидел на куске бетонной плиты, смотря в ночную темноту. Он полностью доверял Папаше, который сейчас, проверив посты, осматривал позицию снайпера.

Задание, полученное «котиком» в штабе, было простым и ясным. Дождаться группы русских военных, которые наверняка выйдут в данную точку. В случае изменения маршрута, о чём Тайлеру сообщат через спутниковую связь, перегруппироваться. При контакте с русскими — уничтожить всех. За исключением одного человека. Мужчины лет сорока, без серьёзного защитного снаряжения и с рыжеватыми усами. Его доставить в штаб.

Тайлер и его люди терпеливо ждали.

Квасков стоял на крыльце военного госпиталя в Новочеркасске. Одинокий, грустный и разом постаревший, опирающийся на трость. Бедро всё ещё не хотело слушаться его, как раньше.

На груди — золотистая звезда. Краповый берет, который он всегда с гордостью носил на голове, сейчас был аккуратно заправлен за погон френча. Новые «бегунки» с одинокой большой звездой, одетые кем-то на форму, ещё ни разу не побывали в стирке.

Он стоял, прислушиваясь к гудкам машин, пробегавшим по шоссе, весёлым крикам ребятни в соседнем детсаду, воркованию голубей, топтавшихся возле лавочек с выздоравливающими. Смотрел, впитывал и слушал эту мирную жизнь. И вспоминал...

Разрывы гранат на склоне горы, находившейся далеко отсюда...

Захлёбывающиеся очереди из пулемётных гнёзд, которыми хлестали по солдатам, поднимавшимся по склонам, надёжно прикрытые толстыми слоями бетона пулемётчики.

Крики раненых, валившихся на землю и пытающихся ползти в сторону высоты, окружённой огнём.

Всё как обычно. Всегда одно и то же. Кто-то либо проморгал, либо не захотел увидеть, что, в принципе, уже было неважно. Сейчас, когда «полевой» полк Ахмеда ибн-Хафизы захватил очередной раз горный район Дага.

Три отряда спецназовцев-срочников ВВ. Артиллерийский дивизион бригады быстрого реагирования, находившийся неподалёку на учениях. Отряд местного ОМОНа и ополченцы.

Они пытались сотворить невозможное и несбыточное. Штурмовали давно подготовленные позиции. Шли вперёд, не дождавшись серьёзной артподготовки. Их поддерживало три «крокодила», сейчас жирно дымящих у подножия горы. Ракеты у перешедшего границу зверья имелись.

И, все-таки, они пытались. Как известно, к цели движется тот, кто хотя бы ползёт. И сейчас им приходилось это доказывать на собственном, очень дорогом, примере.

Зенитчики, засевшие на высотах напротив, держались, как могли, сметаемые выстрелами из гранатомётов и миномётов...

Ополченцы, те, которые постоянно держат дома оружие, залёгшие за грудями битого кирпича у подножия горы, обстреливали высоту, несмотря на огненный шквал...

А спецназ и омовцы, вжавшись в пожухлую осеннюю траву, терпеливо поднимались вверх, падая под пулями, но все равно — вцепляясь в каждый метр отвоёванного склона...

Тогда его, залитого кровью, своей и чужой, струйками и ручейками сбегавшей по запылённой форме, на руках вынесли три бойца отряда. Но он не хотел уходить из боя...

— Сержант, сержант, ё... твою мать! Куда ты меня тащишь!!! Пусти б...ь! Пусти!!!

— Да держите его, дауны сраные. — Сержант, исполняющий в отряде обязанности медика, торопливо сдёргивал пластиковый колпачок одноразового инъектора. — ИПП доставайте быстрее, шевелитесь, гамадрилы беременные!

Квасков мутнеющим взглядом смотрел в сторону высоты, где сейчас:

Летел, вскрикнув тонким голосом, поражённый пулей снайпера, коротышка Маугли, когда-то давно мечтавший попасть на войну и получить «крап», как у старшего брата...

Падал, скрюченными пальцами загребая землю, здоровяк Дизель, напорвшийся на

«растяжку»...

Тащил на себе обмякшую громаду пулемётчика Бабачачи сержант Младшой, ещё совсем недавно получивший письмо от девушки, которая скоро должна была родить ему ребёнка...

И ещё, вдалеке, на белеющей полоске грунтовки, уходящей к внутренней границе, он видел столб пыли, вихрем несшийся вперёд, вздымаемый тяжёлыми гусеницами и колёсами техники.

Техники бригады ВДВ, спешившей на помощь. И это было последнее, что он увидел перед тем, как провалится в благословенную мглу забытья.

Майор Квасков, выписавшись из госпиталя, недолго думая подал рапорт об отставке с действительной службы. Его отпустили. Неохотно, но всё-таки отпустили.

Два месяца и всю компенсацию за ранения он потратил, чтобы проехать все места, откуда были родом его ребята. Несмотря на просьбы, нигде не задерживался дольше, чем на день, не вынося боли, отражавшейся в глазахродителей, братьев, сестёр, жён и детей...

Но, спустя полгода не выдержал и поддался на просьбу бывшего однокурсника, командовавшего одной из групп специального назначения, находящихся в Районе «Радостный-55». Восстановился в звании. Через год, после гибели своего товарища, принял на себя командование ГСН-2.

Район (Несостоявшийся репортаж): Глава 5. Топь — Парк

Страх накатывал всё сильнее и сильнее, пока не достиг того пика, когда терпеть его стало просто невозможно. Тёмной, сплошной стеной закрыл всё вокруг, навалился невнятной, душащей громадой на грудь. Необъяснимый и нерациональный. Выход, где он?! Какой?! Где?! Как, куда сбежать от ужаса?!

Настя вырывалась из чёрного омута сна... Рвалась вперёд, ломая хрупкие стены забытья, выдираясь из глубин, которые засасывали её всё сильнее...

Что-то оставалось во сне, что-то важное, что-то предупреждающее... Только какое предупреждение, о чём?! Девушка потрясла головой, оглядываясь вокруг, восстанавливая угасающие остатки сна, говорившего о том, что сейчас на улице погибают её спутники. Нож. Большой зазубренный нож в руках того, кого рейдеры привыкли считать своим другом. И сейчас он там, снаружи, их всех!..

Настя вскинулась, отбрасывая в сторону куртку, которой её кто-то заботливо накрыл. Задыхаясь, глотая воздух, вода выпученными глазами по сторонам. Взглядом хватаясь за всё, что могло помочь поймать реальность, настоящую и живую. Пусть не самую лучшую и добрую, но хотя бы знакомую. Близкую. Свою...

Она сидела, прислонившись спиной к стене земляного погребка, в котором группа переждала Всплеск. Стена была холодная, когда-то давно закрытая досками, плотно сколоченными друг к другу. Сейчас доски по большей части были вырваны на растопку. Из прорех постоянно сыпалась земля, сбиваясь в кучки на полу.

Настя шумно вдохнула воздух, проталкивая его в лёгкие. По шее сползла вниз тонкая струйка холодного пота. Девушка оглянулась по сторонам: в погребке было пусто, попутчики отсутствовали.

Что-то настойчиво стучало в голове, пытаясь ворваться в сознание. Какое-то невнятное и неопределённое чувство, которое Настя сейчас пыталась понять. Наполовину стёртое воспоминание, заставляющее все внутрисжаться, словно в ожидании чего-то плохого, просочившегося даже в сон.

Что же случилось, пока она спала?! Какая напасть могла произойти?! Где все?! Она ничего не слышала с улицы, что ещё более убеждало её в мысли о том, что не всё в порядке. Утихающий было страх опять начал медленно подниматься, заворачиваясь ледяным шпопором адреналина где-то в районе солнечного сплетения.

«Что за хрень! Что это было?!»

Настя встала. Рука ещё болела, хотя и не так сильно. Левой она перехватила «УЗИ», повесив автомат на плечо, и, придерживая его, начала подниматься по старым, трухлявым ступенькам, ведущим наружу.

Первым, что бросилось ей в глаза, был небольшой костерок, над которым грелись громадные, заросшие жёстким чёрным волосом, кисти рук. Эти мощные лапы принадлежали третьему рейдеру из команды проводников, подрядившихся довести их до Радостного. Большому. Сам же он смотрел на неё из-под покатого лба маленькими глазами, и улыбался. Настя коротко вскрикнула и вскинула автомат...

Скопа курила, сидя на пеньке. Сколько раз она обещала бросить — я даже и вспомнить

не смогу. С последнего раза прошло, наверное, около двух месяцев. Но, пока это не начало мешать ей совершать все те физические экзерсисы, которые нам приходилось вытворять в Районе, она точно не бросит окончательно.

Большой варил на костерке кофе. Он отыскал где-то в кладовке этой полуразвалившейся избушки старый, металлический кофейник, и теперь, раскопав на дне своего рюкзака пакет молотого полуфабриката, колдовал над его готовкой.

Алексей сидел на коньке, который, несмотря на солидный возраст, ещё вполне мог выдержать его вес. Сидел не зря, не с дури великовозрастной, и не уподобляясь малолетнему дачному хулигану. «Конторщик» выполнял функции наблюдателя, внимательно следя за округой.

Я попытался выйти на связь с «Солянкой». Лже-оператор, как и договаривались, с самого утра предоставил в наше пользование спутниковый телефон, который давал надежду услышать Сдобного. Наши КПК транслировать сигнал, к сожалению, не могли. Прошедший Выплеск насытил Черту, которая была уже близко, огромным количеством аномального электричества, сводящего с ума большинство приборов. Пока связаться с Кротовкой у меня не выходило. Но попыток я пока не оставлял.

Дверь погребка, где мы пережидали выброс, заскрипела, открываясь. Скопа захохотала, глядя на Настю и показавшийся ствол «УЗИ». Через несколько секунд и мне стало ясно, почему, и, одновременно, не до смеха.

Настя, выползшая на свет божий, являла собой зрелище удивительное. Если не сказать больше. Растрёпанная, как швабра, что, в общем-то, удивительным не было, как и то, что её комбинезон не отличался чистотой. Но как раз это и не привлекало.

А вот ее глаза...

Глаза отражали готовность драться со всем, что только встретится на пути. Будь то стая рептилоидов, толпа зомби или банда мародёров. Да хоть отряд американских морских пехотинцев или имперских штурмовиков из «Звёздных войн». И автомат, направленный в сторону Большого, который немедленно откатился вбок, только способствовал тому, что девушка воспринималась очень серьёзно.

Она ошалело глянула нас с Алексеем, на замолчавшую Скопу, остановилась на затаившимся за старым пнём Большом, и, пристально посмотрев на него, стекла по стенке и разревелась, зашмыгав носом.

— Дураки-и-и! — Настя всхлипывала, уткнувшись лицом в крепко сжатые кулаки. — Чего смешного-то?! Я же чуть с ума там не сошла-а-а... Идиотка! Подумала, что вас....

— Настя! — Скопа, одним прыжком оказавшаяся возле девушки, крепко прижала её к себе. — Да ты что?! Всё хорошо, что ты... Не плачь. Ну, прости меня, пожалуйста. Ты такая грозная вылезла... Как тут не поржать-то?!

- Да уж. — Я прокашлялся, сплюнув на пожухлую траву. — Некрасиво получилось. Настя, как себя чувствуешь? Рука?! И чем, прости, вызван такой взрыв эмоций?

«Журналистка», уже почти успокоившаяся, отстранилась от Скопы и только тихо всхлипывала. Она подняла на меня зарёванные глаза:

— Рука-то? Да хорошо, вроде. Не смотрела ещё. Действует. Чуть ноет, правда. — Настя покрутила головой по сторонам, усмотрела Большого и явственно вздрогнула.

Так... Что-то здесь совсем не то, разобраться бы, что именно. И тут ожил спутниковый, поймавший сигнал. О чём он не замедлил нас известить, выдав целую трель попискиваний.

Мне пришлось незамедлительно набирать номер Сдобного, который я мог бы

оттарабанить даже глубокой ночью и спросонья. На этот раз он ответил....

...Группа топала вперёд уже с полчаса. Сеанс связи даром не прошёл, расставив всё на свои места.

Мой друг подтвердил всё, о чём ночью рассказал Алексей. О том, что мы действительно шли в Радостный из-за специальной операции. Основной целью которой было устранение Создателей. Сдобный, когда-то попавшийся на махинациях с нелегальной перевозкой редких «артефактов», был вынужден сотрудничать с «беспекой». Оказывать всю необходимую помощь и поддержку, и, в том числе, живой силой. То есть нами.

Эх, Серёга, Серёга... Старый перестраховщик, етить-колотить! Ну, неужели нельзя было рассказать всё там, на месте. Неужели я бы отказался? Плюнул бы на нашу с тобой, давно ставшую нерушимой, дружбу?! Хотя....

Может, и прав был мой старый напарник.... Кто его знает, как повел бысебя Большой. Скопа пойдетсо мной в любом случае, а вот он? Агр-о-о-о-мадный вопрос. Зато теперь точно идёт, не отворачивая и не оглядываясь назад.

— Впереди спуск в овраг. — Голос Скопы возник в коммуникаторе. — Идите осторожно. Прямо перед ним — «провал», небольшой, но неудобный для обхождения.

— Понял тебя, спасибо. — Оглянулся, глазами отыскивая Настю. Нужды в этом не было, она и так шла за мной след в след. — Большой, присмотри за тылами, когда спускаться будем.

Ох, Настя... Что ж ты темнишь, зачем молчишь? Что ты умудрилась увидеть во сне во время Всплеска? Не знаешь простейшей вещи, о которой вам наверняка не говорили инструкторы. Про то, что каждый раз, когда над Районом проносится безумный энергетический поток, многие рейдеры начинают сходить с ума. Видеть то, что никогда не случится. Разговаривать с теми, кто давно умер. Совершать безумные поступки, которые никогда бы не совершили в другое время. Дай только добраться до относительно спокойного места... Устрою допрос с пристрастием о том, что же тебе примерещилось, раз ты чуть не пристрелила нашего пулемётчика.

Спуск в овражек был довольно пологим и удобным. «Провал» мы быстро обошли, благо, что он легко фиксировался не только датчиками, а и просто глазами. Скопа уже сидела за стволом почерневшего от времени дуба, шаря по сторонам стволом винтовки. Мы начали спускаться. Я первый, за мной Настя. Потом — «оператор», и под конец должен был спуститься Большой.

Беда, как известно, не приходит одна. Нас ждали.

Скопа всё-таки успела за заметить пару непонятных кустов, которые её насторожили. И выстрелила по ним прежде, чем с двух сторон по нам открыли огонь.

Я столкнул на землю «журналистку», сам грохнулся рядом, открыв ответную стрельбу. Из-за большого берёзового пня торчал ствол «Печенега», плюющего свинцом куда-то влево. Алексея слышно не было. Что было и немудрено. Тяжело стрелять в ответ, когда в тебе несколько кровоточащих дырок.

У нападавших не получилось взять нас полностью врасплох. Сейчас они постепенно превращали бой из активной стадии нападения в пассивную осаду.

Судя по звукам выстрелов, их было пятеро, хотя не исключено, что сначала было больше. Всё-таки Скопа промахивается редко, а, раз так, то, вероятнее всего, это были те шестеро, про которых нам говорил Конь. Но от осознания этого легче почему-то не

становилось.

Ну, ладно... Нужно закончить эту ситуацию, ставшую абсолютно нехорошей. Поехали!

...Я не знаю, почему наши противники не применили гранат, да и не хочется интересоваться. Только мне точно никто не запретит этого сделать. Отстёгиваю кнопку на кармане, достаю гранату, отжимаю усики, и вытаскиваю чеку. Еле слышно в динамик шлема: Ч-ц-ц-ц!!!

...Скопа, услышав этот смешной, и давно знакомый условный знак, выстрелами заставляет прижаться тех, что справа. Нападавшие вжимаются в землю, безрезультатно отстреливаясь.

...Большой, успевший, как оказалось, заменить коробку с лентой, так же успешно не даёт и головы поднять двоим слева.

...Взмахиваю рукой, и, дымящая сгорающим порохом запала, устаревшая, но, тем не менее, весьма адекватная к подобным ситуациям «эфка» летит вправо от меня. Настя успевает откатиться за большой поваленный ствол, прижимаясь ко мне...

...Взрыв, громкий и рвущий перепонки тех, у кого уши ничем не защищены...

...Справа — мгновенная мёртвая тишина...

...Скопа, быстро сменив позицию, стреляет по тем двум, которых так удачно прижал Большой. Ствол её винтовки чуть дёргается, отправляя в полёт маленьких смертельных насекомых.

— Всё. — В наушниках слышится её голос. — Все шестеро. Большой, подстрахуй, я спускаюсь.

Встаю и иду к Алексею. Настя оказывается рядом с ним раньше, и сейчас сидит рядом на коленях, прижимая к груди его голову. Лейтенант хрипит, пуская из разом обмётанных губ кровавые пузыри и вязкую слюну. К гадалке не ходи, чтобы понять, что «оператору» осталось не так уж и много. Пять пуль, причём три в лёгкие, а две в район селезёнки. Явно бронебойные, потому как комбинезоны у наших подопечных всё-таки были не каким-то фуфлом.

— Лёшка, Л-ё-ё-ё-ш-к-а-а... — Девушка чуть покачивается, не замечая слёз, пробивающих дорожки на её покрытом пылью лице. — Как же ты так, Лёшка?!

Как же... Нда... Жалко парня. Сколько раз сталкивался со смертью таких как он, моих ровесников, а всё равно — переживает что-то в груди.

На какое-то время...

Прихрамывая и ругаясь, в овраг спустился Большой. Его правая нога уже была перетянута жгутом, и кровь начала подсыхать, поблёскивая на камуфляже комбинезона. Вот это ещё хуже. Если у него что-то серьёзное, то не знаю, как мы продолжим путь дальше.

Скопа, матюгнувшись и сплюнув, позвала меня. Направившись к ней и продравшись через заросли крапивы и лебеды, я увидел, что спустилась она не зря.

Один из трёх наёмников, затаившихся справа, был ещё жив. В том, что это были наёмники, сомнений у меня не осталось. Слишком хорошая экипировка и абсолютно незнакомые лица под снятыми Скопой шлемами.

Последний из них, тяжело хватая воздух открытым ртом, сейчас лежал передо мной. Чуть старше тридцати лет, короткий ёжик чёрных волос, приметный шрам, по диагонали пересекавший лицо, светло-зелёные глаза.

— Ты кто? — Присев на корточки, поинтересовался я. — А, земляк?

— А тебе не всё равно? — Отхаркнув вязкую слюну, прошипел «пёс войны». — Какая

хрен разница, если ты меня сейчас вальнёшь, Пикассо?

— Ну вот. — Достав из кармана сигарету, я щёлкнул зажигалкой, прикуривая. — Ты даже знаешь, кто я такой. А мне, представь себе, очень интересно узнать, как тебя зовут, и на кой ляд, спрашивается, вы нас здесь караулили? И почему именно здесь?

— И ради чего мне тебе что-то говорить? — Наёмник уставился на меня побелевшими от боли глазами. Хорошо по нему прошлись осколки, распахали всю левую сторону на хрен. — В чём мой профит, если я один чёрт скоро загнусь? Сигарету дай лучше, хоть курну напоследок...

— Да на, такого дерьма-то не жалко. — Я воткнул ему в зубы прикуренную табачную палочку. — А в чём профит, говоришь? Да в том, что у меня с собой есть несколько волшебных ампул. Впрысну тебе содержимое одной, и всё, ты уже сразу с друзьями у привратника Петра в «козла» режешься, ожидая очереди на комиссию. А нет, так валяйся здесь до вечера, один чёрт раньше ведь не сдохнешь. Сам понимаешь, что по-всякому можно здесь загорать до того момента, как окочуришься. Мне бы вот не хотелось, чтобы на моих собственных глазах, мне какая-нибудь гнида кишки начала выгрызать. Что теперь скажешь? Желаеть сразу помереть, или всё-таки хотца помучиться?

— Даааа... — Он закашлялся. — Говорили мне, что скотина ты редкостная, несмотря на то, что выглядишь пай-мальчиком. Считаю, что уговорил. Меня Волком кличут. Андрюха Волков я, с Новосибирска.

— Вот и умница. — Я отвлёкся, попросив Скопу, к тому времени закончившую потрошить вещи наёмников, присмотреть за остальными нашими компаньонами. — А теперь — ври по порядку. Кто, как, и зачем вас нашёл и послал за нами, да так умно, что вы постоянно впереди шли. Рассказывай, птица-говорун, не стыдись...

— Ну, ты и гнида всё-таки, художник засратый. — Волк ещё раз сплюнул становившуюся красной слюну. — Знаешь, чем прижать. Ну, слушай, раз такое дело... Наняли нас обычным порядком, через куратора. Выплатили аванс, очень хороший, к слову. Знал бы, чем кончится, послал бы нахер такой заказ... Переоценили себя, да уж... Кто заказчик, точно не знаю. Подозреваю, что со стороны американцев кто-то был. Хрен бы кто из наших, «совковых», такой аванс выплатил... Данные дали точные, на твою группу и на этих двух... А про маршрут, которым вы шли, нам вчера только известно стало. Мне же куратор и передал, по станции, в аккурат перед Всплеском, пока она не гикнула... Ох ты ж чёрт, больно-то как...

Наёмник заметно бледнел, и дышал всё тяжелее. Видно, он и в самом деле переоценил себя. А, может, дело было в болевом шоке. Не знаю. Мне-то сразу было ясно, что до вечера он не дотянет. Максимум час-полтора ещё, и всё, прими Господи душу раба твоего, Александра Волкова... Блефовал я, конечно, намеренно, но как ещё-то было поступать?

— Слышь, Пикассо... — Волк уже начинал сипеть. — Мне-то теперь по барабану... За вами ещё наверняка кто-то идёт... Чую я, что так и есть... Слишком уж куратор серьёзный был...

Да уж, спасибо тебе, Саша... Хоть и перед смертью, а поступил как хороший человек...

Он не успел ничего понять, когда я воткнул иглу уже давно готового инъектора ему в шею. П-ш-ш-ш... «Блаженная смерть» — средство безотказное. Оно проверено временем и боевым опытом....

Наёмник Саша Волков, родившийся в Новосибирске и бывший когда-то самым любимым мальчиком для своей мамы, улыбнулся, задрожал всем телом, и, вытянувшись,

успел навсегда. Спи спокойно, «пёс войны». Надеюсь, ты простишь меня, понимая, что я только защищал себя и друзей. Придёт мой срок — встретимся...

Алексей, к тому времени, как я подошёл, уже умер. Настя успокоилась и сидела рядом с ним, положив его голову к себе на колени. Я не знаю, насколько хорошо они друг друга знали и были ли близки... Но сейчас мне было искренне жаль и её, эту хорошую и славную девушку, и её напарника. И пускай они пытались нас обмануть... Какая разница? Да никакой. Просто ещё одним хорошим человеком стало меньше.

Мы закопали его в зарослях бурьяна, под молодой берёзкой, прикрепив к её стволу небольшую картонку, на которой написали имя и фамилию. Никто не гарантирует того, что в скором времени её кто-нибудь не сорвёт, но, тем не менее...

Из найденных на телах наёмников гранат я устроил несколько растяжек. Небольшой сюрприз для мародёров и местного зверья, если кто-нибудь из них решит порыться в его последнем пристанище.

«Диких гусей», пришедших по наши головы в Район, мы дотащили до ближайшей конфорки, куда их и покидали. Вспыхнув факелами, они быстро вознеслись на небеса, подобно древним язычникам здешних мест. Dust to dust, как говорится...

Пора было двигаться дальше, несмотря на то, что Большой был ранен. Ладно, хоть обработанная гемоклеем и перетянутая ИПП рана не мешала ему двигаться в хорошем темпе.

Топь — не самое гостеприимное место в Районе. Здесь хватает таких тварей, что перед ними может поблекнуть весь зоопарк самого Радостного. А уж сколько из них встречается чуть ли не в единичном экземпляре — это вообще не известно. Но от своего ярко выраженного индивидуализма они явно не становились менее опасными. Так что идти нам приходилось быстро, но очень и очень осторожно, постоянно оглядываясь по сторонам.

Тем временем жизнь вокруг кипела и была ключом. И хорошо, что не ключом на «тридцать два» и по нашим головам.

Топь, как ни странно, регенерировала более-менее нормальную природу куда как раньше остальных областей Района. Во всяком случае, даже из птиц здесь были не только вороны, как в других местах. Пару раз мимо с криканьем пронеслось несколько уток. Хотя, конечно, охотиться на них я бы точно не стал. Мало ли....

Идти теперь стало сложнее. Хотя Большой и расстрелял две из своих трёх коробок с лентами, груза у нас не убавилось. Пришлось взять с собой «Хеклер» погибшего Алексея, чтобы как-нибудь уравнивать наши потери в боеприпасах. Захватить все подходящие патроны из снаряжения наёмников. Вторую винтовку Скопы пришлось нести мне, так как наш богатырь после кровопотери явно стал уставать.

Поворачивать назад мы не рискнули. Возможно, что Волк и врал, возможно, что и нет. Проверять не хотелось. Идя вперёд, мы могли наткнуться на кого-то из наших ребят, и тогда будет проще. В голове уже давно появилась твёрдая убеждённость в том, что до Радостного я пойду в любом случае. Даже если останусь один.

Я ни хрена не спаситель мира. Не верю в то, что меня, за моё участие, ожидает что-то грандиозное. Но если за нами посылают несколько групп наёмников — значит, дело серьёзное, и довести до конца его нужно из принципа. Да, вот такой я дурень. И плевать мне, что и кто про меня подумает. Тупо пойду вперёд, насколько хватит сил и везения, дотяну, и, стиснув зубы, закончу начатое дело.

Датчик ловушек тихо щёлкал, выявляя новые опасности. Идти было не тяжело. Здесь, на Топи, серьёзные ловушки увидеть можно издалека. А мелкие здесь не попадают. Такой вот парадокс.

Тропинка заметно сужалась, углубляясь в высокий, в человеческий рост, камыш. Эх, хорошо, что здесь змеи почему-то не водятся. Терпеть не могу этих гадин. Любых, включая ужей. И это не значит, что я не умею их готовить, как кошек из «бородатого» анекдота. Как раз таки готовить и умею. И есть тоже, если придётся. Что, вполне возможно, совсем не за горами. Хоть и расходуем мы еду аккуратно, она у нас не бесконечная. А артефакта типа «скатерть-самобранка» ещё никто не находил. И хорошо, что у каждого из наших врагов-наёмников при себе оказалось по нетронутому армейскому сухпаю.

Мы шли вперёд, хлюпая подошвами ботинок по влажной и глинистой земле. Вот что-то, а почвы в районе Топи гадостные до невозможности. Помнится, как-то раз пришлось шпать здесь в самом начале рейдерской карьеры. У нас со Сдобным были тогда абсолютно одинаковые «берцы» российского производства. Стандартные, унифицированные. Мне-то повезло, а вот ему — не очень. В какой-то момент до него дошло, что правая подошва отсутствует. Оторвало полностью. Засосало в тягучую жижу и вырывало вместе с гвоздями. Приколотив её прикладом, мы повернули назад. Как раз после того случая серьёзно занялись экипировкой. Вышли на «грековскую» Лабораторию, в которой заказали своё первое дорогое снаряжение.

Скопа, как обычно, шла впереди. Вот только теперь ей не приходилось удаляться дальше, чем на пять метров. Нужды в этом не было, так как мы всё более превращались из группы, способной выдержать любое нападение, в группу санитаров и раненых. Большой, которого я заставил идти в середине нашей четвёрки, всё сильнее сопел и побряхтывал, не давая нам ускоряться. Настя, пришедшая в себя и всё более уверенно ворочавшая по сторонам головой, сгибалась под тяжестью дополнительного груза. Позволить себе помочь ей и тащить вес, который помешал бы мне нормально следить за обстановкой, я не мог. Наше положение и так уже напоминало трагифарс. Нужно было найти нормальное место для отдыха и разобраться в дальнейших действиях.

Подходящее место попало достаточно нескоро. К тому времени Большой захромал ещё сильнее. Ну, а Настю начало всё больше и больше гнуть к земле.

Камыш стал заметно реже. В одном из просветов Скопа усмотрела небольшую поляну, со всех сторон окружённую ивами и густым кустарником. Туда, после оперативного сканирования и поверхностного визуального осмотра, мы и направились.

— Ф-у-у-х, — Настя скинула рюкзак и шлёпнулась на задницу, блаженно вытягивая ноги перед собой. — Сейчас бы ботинки снять. И в душ, или в ванну... Э-э-э-х, мечты, мечты.

— Да уж, мечтать не вредно, эт точно. — Большой, поморщившись, опустился рядом с «журналисткой». — Чёрт, ребята, а ведь меня не на шутку колбасит...

Скопа, поднявшаяся на небольшой взгорок в зарослях кустарника, торопливо метнула в меня озабоченный взгляд. Ситуация принимала нехороший оборот. Абсолютно непохоже на Большого прозвучало то, что он сказал, совсем непохоже. Видно, всё же укатали нашего мустанга-иноходца крутые горки. Нашлась и на старуху проруха.

— Плохо... — Настя немного отодвинулась от Большого. — Сильно болит?

— Да болит уж. — Тот поморщился. — Мешает. Пикассо, а ведь я вам тоже мешаю, а? Нельзя мне с вами дальше-то тащиться. Давай, я здесь где-нибудь останусь, а?

— Вот давай, чудище лесное, ты не будешь хрень тут всякую пороть, а? — Зло и отрывисто бросила Скопа. — И, может, нам стоило прямо там тебя добить? Ну, чтобы вообще не переживать. Не находишь?

— Это уж совсем кардинально как-то, — Большой усмехнулся. — Хотя... Кто знает?

Гхмм... Это уже я поперхнулся и воззрился на нашего здоровяка с явно читаемым в глазах вопросом: «А всё ли у тебя с головой в порядке»?!!

— Хорош пургу-то гнать, Большой! — Такого ему говорить мне ещё не приходилось. — Ты чего? О чём говоришь-то?! И не стыдно ведь... Значит, так. Сейчас выходим на открытую волну, узнаём, есть ли кто-нибудь из наших рядом. Потом, Настя, ты объясняешь нам со Скопой, куда и зачем нам идти. Что делать на месте. А ты сама остаёшься с Большим. Если, конечно, нас и правда команда мальчишей-плохишей не догонит.

— Я не останусь! — Девушка встала на ноги. — Свою задачу на вас не переложу. Ясно, Пикассо?! Я офицер ФСБ, иду с конкретным приказом и целью. Указывать мне ты не имеешь права. Всё ясно?

Угу. Действительно, она же офиц-е-е-е-р ФСБ. Ну, надо же, и как я забыл? Всё вроде верно, но... Ведь она не просто боится нарушить приказ, а ещё и перепугана тем, что может остаться с Большим. Хватит, наверное, тянуть с разговором, о котором думал совсем недавно.

— Настя, на пару минут. — Я направился в сторону одиноко торчащего дерева, полощущего ветвями над болотной гладью.

Девушка встала и пошла за мной. Отойдя ровно на то расстояние, которое позволяло говорить, не боясь, что Большой нас услышит, я задал давно вертевшийся на языке вопрос:

— Зачем ты хотела стрелять в него? Там, возле избушки? Что это было такое?!

Настя немного замялась, не решаясь рассказать что-то сразу. Ну, а потом...

Как я и думал — это был сон. Страшный, нелогичный, и кажущийся абсолютно естественным. Сон, в котором Большой нашинковал нас всех, одного за другим. Что спровоцировало его?! Да кто же сможет сказать точно...

Всплеск, усталость, потрясение от первого знакомства с Районом, усугублённое и его легендарными обитателями, встретившимися нам. Наверное, всё это вместе и родило тот безумный коктейль, который растёкся по её нервам плотными потоками адреналина и заставил поверить в его реальность. Она до сих пор верила в него! Боялась остаться один на один с нашим пулемётчиком, когда-то сбежавшим с «Большой земли», совершившим убийство противника по рингу и казавшемуся ей каким-то ожившим кошмаром.

И это — у офицера Конторы. Пускай и у девушки, ну и что? Вон стоит Скопа, которая сразу приняла Район таким, какой он есть. Ставшая той, кем она является сейчас. А, положив руку на сердце, кем её можно назвать, кроме как высококвалифицированным убийцей? На нашей с ней совести очень много жизней. Да, мы никого и никогда не «утилизировали» за деньги. Хотя предложения поступали регулярно. Нет, убивали только тогда, когда приходилось защищать собственные жизни.

А Настя? Подготовленный, и, наверняка, прошедший кучи тестов и испытаний сотрудник ФСБ. Организации, кого попало в свои стройные ряды не берущей. Да и приказ для нее остается Приказом. Именно так — с большой буквы.

Это даже радует и греет душу. Возможно, она действительно честный и хороший человек, пытающийся защитить свою Родину. Ну что же... Мы ей поможем.

Громкий хруст ломаемого камыша прервал мои размышления. Твою м-а-а-а-ть!..

Пушечными ядрами ломая хрусткие стебли и продираясь сквозь кустарник, на нас летели высокие, оплётённые жгутами мышц, фигуры с серо-зеленоватой кожей.

Вурдалаки... Гуманоидного типа твари, похожие на одновременно скрещённых безумным генетиком прямоходящего комодского варана и чемпиона по бодибилдингу. Новые дети Района, появившиеся на свет как раз перед самым гипер-Всплеском. Большие, кровожадные и хитрые донельзя страхолюжины.

Они не могут при атаке «смазываться» как серые львы, и они не такие большие. Но это не мешает им быть намного быстрее и сильнее, обычного человека.

Эти мутанты не пользуются оружием, как местные, но могут собираться вместе — в такие вот стаи. И ещё. Как и всех прочих Изменённых, их останавливает только продырявленная голова. Желательно при помощи большого калибра и с первого выстрела.

Я рванул с места вперёд, рвя на ходу ремешок кобуры «Гюрзы», и понимая, что стрелять из «Калаша» нельзя. Слишком сильно закрыли своими спинами мой сектор стрельбы эти поганцы. Одна очередь бронебойными патронами, которые прошьют их насквозь, и всё, конец ребятам.

Десять тварей, живучих и сильных. Пятнадцать метров до них я преодолел за несколько секунд, когда меня сбил с ног последний, до времени затаившийся в камышах.

Я полетел на землю. Боком проехал по скользкой траве и постарался быстро развернуться в его сторону. Не получилось...

Вурдалак с размаху впечатал мне своей корявой ступнёй в живот. В глазах потемнело, воздух с хрипом вылетел из лёгких. Единственное, что я успел сделать, так это не выпустить «Гюрзу», и ткнуть ею наотмашь в район, как мне показалось, его головы. Попал. Громкий хруст нижней челюсти мутанта чётко дал мне в этом убедиться.

Тварь откинуло от меня, чем я не замедлил воспользоваться, быстро передёрнув ствольную коробку и всадив ему пару пуль в голову. И тут сзади громко и отчётливо крикнула Настя, зовя меня на помощь.

Возле неё валялась сломанной грудой мышц туша одного из сероватых упырей. Второй мутант, сумевший выбить её короткий автомат, сейчас, сбив её с ног, сгрёб девушку за кевларовую ткань воротника, нанося свободной рукой удары по защищённому комбинезоном корпусу. Пока только это и спасало её от острых когтей, украшавших его длиннющие узловатые пальцы.

Со стороны моих ребят успокаивающе слышались хлопки одного из «Стечкиных» Скопы. Не знаю, как там Большой, но явно он не станет лёгкой добычей для этих уродов.

Примерно так я подумал, подлетая к Насте. Ну, разве что думал не так складно и спокойно. Вурдалак, своим звериным чутьём почуявший меня, успел обернуться. Ровно на столько, чтобы мне стало как можно удобнее воткнуть ствол своего пистолета прямо в раскрытую, рычащую и слюнявую пасть, утыканную длинными зубами, сделавшими бы своим наличием честь для любой из больших белых акул. Б-а-а-а-н-г!!!

Умница, лейтенант ФСБ! Она успела опустить забрало своего шлема, благодаря чему и выжила. Правда, сейчас оно было полностью покрыто содержимым уродливой, шишковатой головы мутанта. Ну, так то — не беда. Отмоет. Если живой останется.

Развернувшись в сторону ребят, я наконец-то увидел греющую душу картину. Трое из нападавших мутантов уже валялись на земле и не двигались. С места рванул в их сторону, на ходу всадив три пули в голову ближайшего мутанта. Их осталось шесть. Тем временем

Скопа, подхватив дробовик Большого, откатилась в сторону, отвлекая на себя ещё троих. Вот это они сделали определённо зря...

Наш здоровяк заряжал патроны собственноручно, и всегда только картечью. Восемь выстрелов из «Вепря», и, как результат, на земле прибавляются трупы мутантов. С развороченными грудными клетками и наполовину снесёнными гипертрофированными «тыквами».

Как оказалось — у Большого перекосило ленту. Что не помешало ему использовать свой «Печенег» не менее убойно. С той лишь разницей, что вместо ствола, выплёвывающего пули, он применил приклад. Да, да... Именно превратив пулемёт в импровизированную дубину. С результатом воистину ошеломительным.

Взмах и удар! Хруст! Одного из вурдалаков откидывает на соседа, заляпывая того вылетевшим содержимым головы.

Следующий мутант напарывается на мощный тычок концом приклада прямо в морду. Лицевые кости вминаются внутрь. Кровь густого багрового цвета брызжет во все стороны. Тварь, успевая издать рёв, валится навзничь.

Последний вурдалак, забрызганный липкой смесью из мозгов и крови, стекающей по сероватой коже, успел отскочить с биссектрис наших со Скопой стволов. Сейчас его закрывала от нас широченная спина Большого, не давая возможности стрелять. Вот чёрт!!!

— Пикассо, Скопа, стойте! — Большой опустил пулемёт и остановил нас взмахом руки. — Давненько я не разминался как следует, хех...

Он медленно и аккуратно опустил «Печенега» на землю, поставив его на разложенные сошки.

Вурдалак, спиной прижимавшийся к двум сросшимся ивам, ворча и порывая, смотрел на него. Мышцы мутанта, шевелящиеся под кожей клубками больших потревоженных змей, напряглись. Тварь, наклонив набок голову, с хрипом прогоняла воздух через вывернутые ноздри. И, подрагивая острыми кончиками ушей, внимательно следила за Большим буркалами своих глубоко посаженных и косоватых глаз.

— Что он хочет делать?! — Подошедшая Настя удивлённо смотрела на эту сцену. — Скопа? Он с ним что, драться собрался?!

Скопа, никак не прореагировав на слова «контрщицы», немного переместилась влево, начав поднимать ствол второго АПС-а. Вурдалак рыкнул и незаметно качнулся в сторону, снова спрятавшись за спину Большого.

Вот хитрая скотина... И, сколько бы не твердили мне всякие «яйцеголовые» умники про то, что интеллекта у многих мутантов нет и в зачаточном состоянии, никогда им не верил. И, наверное, поступал правильно. А то, что наш бывший чемпион-супертяж неожиданно решил развлечься?! Успеет ли со Скопой, в случае чего.

Большой сделал шаг вперёд, взмахнув левой рукой. Вурдалак, зашипев и подняв свои когтистые грабки, дёрнулся в сторону, тут же напорвшись на молниеносный хук справа. Ч-п-о-о-о-к!

Левая сторона «лица» Изменённого немедленно вмялась куда-то внутрь. Не знаю, как вёл себя Большой когда-то на ринге, но надеюсь, что бил не так...

Тварь кинуло на прогнувшийся ствол росшего сзади деревца. Глухой удар мощной спины, столкнувшейся с отпружинившей её ивой!

Большой, уже шагнувший ему навстречу, быстро провёл серию-связку из пяти ударов, слившихся в одну размытую линию....

Удар правой рукой в нижнюю, выступающую вперёд челюсть, с торчавшими из неё клыками...

Нижний прямой, свободной левой, под рёбра, заставивший мутанта согнуться пополам...

Правой рукой Большой гвозданул вурдалаку прямо в левое, оттопыренное ухо, заросшее реденькой паклей шерсти...

Ещё один удар левой последовал точно в область грудины только начавшего распрямляться уroda. Сухо щёлкнула треснувшая кость...

И завершающий, взрывной выпад кувалдой правого кулака, пришедшийся прямо в приплюснутый нос вурдалака, вгоняя тому переносицу внутрь черепа...

Порождённая Районом большая и сильная тварь сползала по двойному стволу росшей за ним ивы. Закатившиеся белки и поток, именно поток, бурой, резко пахнувшей крови, текущий из полностью перекорёженного носа...

Только что, прямо на наших глазах, Большой сотворил легенду. И, как оказалось, эта легенда была заснята камерой, невесть каким образом оказавшейся в руках Насти. Нда...

КПК заверещал, сразу привлекая к себе внимание. Взглянув на него, мне почему-то немедленно захотелось убраться отсюда. Шесть точек, засечённых коммуникатором не так уж и далеко от нас, никак не внушали доверия.

— Быстро! — Скопа понимающе кивнула головой, сразу метнувшись в сторону наших вещей. — Валим отсюда. Большой, идти сможешь?

— Да... Но, насчёт пробежки, если придётся, не знаю.

Мы торопливо уходили от места недавнего побоища. Движущиеся точки, засечённые хитрым прибором, прошедшим курс тотального апгрейда в Лаборатории, не собирались останавливаться. Наоборот, они приближались к нам со всё более возрастающими скоростью и уверенностью.

Кто это мог быть, меня волновало мало. Переданный на закрытой волне сигнал «свой-чужой» наши преследователи проигнорировали. Спокойно дожидаться столкновения с ними не хотелось. Не та ситуация и не тот расклад. Если эти — такие же ребята, как те, что были с Волком, ничего хорошего ждать не приходилось. И я почему-то был уверен, что мы с ними можем не справиться даже из засады.

Время шло. Солнце начинало скатываться за горизонт всё быстрее. Мы шли вперёд, стараясь оторваться, пересекали Топь, стремясь выйти как можно ближе к Парку. Там были остатки полуразрушенных строений, в которых можно принять бой.

Большой тяжело дышал и всё больше и больше бледнел, тихо матерясь сквозь зубы. Скопа часто оглядывалась на него, и в её глазах начала мелькать обречённость, так ей не свойственная. Я понимал, что сейчас мелькало в голове моего снайпера, моей замечательной девчонки. И, как ни старался не думать про это, сбежать от собственных мыслей не мог.

Вполне возможно, что скоро нам придётся принять последний бой. И весьма сомнительно, что, даже выиграв его, все мы останемся целы.

Периодически мы по очереди отправляли в эфир сообщения о помощи. Но вокруг как будто всё вымерло. Ни одного рейдера в округе не было. И это тоже не давало никаких поводов для позитивного взгляда в будущее.

— Настя. — Я, догнав девушку, повернулся к ней. — Возможно, нам придётся отбиваться. Бросить Большого мы не можем. Никто из наших ребят здесь сейчас не шляется.

Так что я не знаю, каким образом ты сможешь закончить своё задание. Могу скинуть тебе на КПК самую короткую дорогу, по которой ты сможешь выбраться...

— Пикассо. — Настя сдунула с лица прилипшую, мокрую от пота, прядь волос. — Ты мне бы лучше скинул дорогу до Города. Я одна пойду. Может, смогу отвлечь тех, кто висит на хвосте. Если подам им знак о том, что это меня они ищут.

— Ты не сдурела, часом? — Услышав о предлагаемой девушкой перспективе, я чуть было не споткнулся. — Ты как себе это представляешь? Я не знаю, как мы все вместе туда дойдём, не говоря уж про тебя одну. Нет, Настя, это не вариант.

— Послушай, сталкер! — Девушка резко остановилась. — Это — моя работа. Мой долг, в конце-то концов. Пойми ты, Пикассо, что я просто должна. Хотя бы в память о Лёшке, чтобы он не просто так погиб. Понимаешь?!

— Да хватит уже, брат! — Скопа тоже остановилась, повернувшись к нам. — Что ты с ней споришь?! Надо — пусть идёт. Я, конечно, всё понимаю. И насчёт долга, и насчёт приказов. Но Большой мне дороже всех тех, про кого они нам говорили. Да плевать мне на то, что, то ли произойдёт, а то ли нет. Вот мой друг. Он меня вытаскивал неоднократно из такой задницы, что мне самой вспоминать страшно. Неужели я его брошу? Хочет — пускай идёт. А маршрут... Я тебе сама маршрут скину. Не будешь тупить, так пройдёшь.

— Согласен Скопа, — я покивал головой. — Выберемся с Топи, Настя, так иди куда хочешь. А бросать Большого я тоже не собираюсь.

— Ну, спасибо, — Большой хмыкнул. — Ща заплачу просто...

Под ногами всё так же хлюпало и чавкало. Конца и края не было видно этой жиже и всему, что на ней жило и росло.

Я очень не люблю её... Очень-очень. И потому, что здесь и без отсутствующих змей, немеряно всякой ползучей гадости. И потому что здесь всегда сыро. А также из-за того, что здесь куда как сложнее отслеживать ту пакость, что Зона подсовывает нам постоянно.

Не говоря про то, что, благодаря буйной растительности и высокому радиационному фону, флору здесь стоило опасаться так же, как и фауну.

Мы шли как можно более осторожно. Обходили вывороченные и гниющие стволы деревьев, на которые наши приборы просто заливались писком. Старались не сходить с еле видной, кем-то протоптанной дорожки, изгибающейся причудливыми зигзагами.

Несколько раз Настя умудрялась проваливаться в какие-то ямы, наполненные зелёной, отвратительно пахнущей, водой. Её тут же вытаскивал Большой, шедший прямо за ней. К счастью, это была просто вода, но адреналина эти случаи добавляли здорово.

На экранчике КПК чётко фиксировались точки, всё быстрее и быстрее догоняющие нас. Остановились они только раз, и, судя по всему, именно в том месте, где недавно был наш бой.

Приходилось торопиться, рискуя вляпаться в какую-нибудь дрянь. Ну, а куда нам было деваться? Тем более что приборы начали выдавать информацию о том, что, согласно данным карты, мы всё ближе и ближе к выходу из болот. Дополнительных сил это нам не придало, но бодрости явно прибавило.

И тут мы увидели это...

Ряд невысоких, голубоватых огоньков, лижущих всё вокруг своими языками. Штук семь-восемь, перегородивших нам путь, и тихо перемещающихся по замкнутой дуге. Таких красивых, и, на взгляд неопытного сталкера, абсолютно неопасных.

Болотные огни. Эльмы, холодные убийцы...

В кругу, который они описывали, виднелись кости. Крупный скелет и остатки старого ручного пулемёта без цевья и приклада. Эльмы поедают практически любую органику, в том числе деревянные части оружия. Почему они и эти кости не слопали? Да кто их мутантов знает?

И ещё — они очень и очень быстрые, чуткие, и охотящиеся подобием стаи.

Нам не доводилось сталкиваться с ними так близко. Как-то раз, когда я и Сдобный бродили в этих местах, мы чуть было не напоролись на такую же стайку. Тогда мы их увидели метров за двести. И сзади нас никто не преследовал.

А сейчас за нами шла погоня. С обеих сторон была болотная жижа, и в неё я бы не полез и под дулом наставленного на меня пистолета. Счётчик биоактивности затрещал как обезумевший, когда я направил его в сторону воды. Вот чёрт, а...

— Д-а-а-а, — протянула Скопа. — И чего делать будем?

Я пожал плечами, стараясь отогнать накатывающее чувство бессилия. Вернуться назад и сесть в засаду, ожидая тех, кто шёл за нами? Тоже вариант, конечно... Если не учитывать физического состояния нашего героического войска. С-и-т-у-ё-в-и-н-а-а-а...

Эльмы всё так же монотонно двигались по кругу, ожидая новых жертв. И входить в их состав мне не хотелось. Категорически. Думай, Пикассо, думай. Ты ж в голову не только ешь и куришь, ты ж ею, типа, ещё и мыслишь. Хомо сапиенс-рейдерус — существо хитрое и изворотливое, как-никак.

Идея пришла. Возможно, не самая удачная, и, возможно, невыполнимая. Но не стоять же просто так? Не ждать, с какой стороны придется встречать смерть?! Правильно, не стоять, а действовать.

В-о-о-н то деревце, которое справа от этих мелких зелёных ухарей, что-то кренится чересчур, ага... А если мы его да гранаткой, да под корешочки, а?!

Пальцы привычно пробежались по нижнему ряду карманчиков разгрузки, нащупывая ВОГ. И не натолкнулись ни на одну из тупых головок гранат для подствольника. На какой-то миг я почувствовал, как по спине пробежала вниз одинокая холодная капля пота.

А потом я нащупал знакомую до слёз ребристую поверхность. Есть!!! Да не одна, а целых три. Жить можно.

— Ты это, Пикассо. — Большой присел за невысоким холмиком, рукой прижимая Настю к земле. — Давай, пальни, как следует. А то, если не получится вдруг, нет у меня ни сил, ни желания изображать из себя кенийского бегуна на дальние дистанции. Не побегу. Лучше сдохну, и буду потом к тебе по ночам являться. Греметь цепями и завывать.

— Угу, — буркнул я, прицеливаясь. — Стреляю!

Фыркнув, подствольник отправил гранату в полёт. Нам повезло. ВОГом тяжеловато свалить дерево, но тут была Топь, и корни не выдержали. Дерево рухнуло.

Эльмы ринулись в его сторону, подтверждая гипотезу о том, что они реагируют на то, что можно было бы назвать тектоническими колебаниями. Хотя по мне — на то, как дерево грохнулось.

А мы рванули вперёд, с места взяв скорость, которую возьмёт не каждый олимпийский чемпион. Хорошо, что у Большого не было задето ничего, что помешало бы ему бежать.

Голубые огоньки, несмотря на то, что дерево было для них сейчас первостепенной целью, всё-таки среагировали на нас. Слившиеся в одну большую, ярко-голубую полосу, огни метнулись к нам, стелясь над землёй. А мы неслись вперёд, благо, что впереди не

отмечалось никаких других аномалий. Было ли это результатом того, что здесь появились эльмы, или нет, я не знаю. Но то, что нам это помогло, было ясно, как дважды два.

Скорость нас спасла. Эльмы гнали нас ещё около трёхсот метров, потом всё-таки отстали, уйдя в сторону. Но не назад, за ногу их, а то пришлось бы нашей погоне хоть немного, но напрячься. Впереди посветлело, деревья, заслонявшие собой низкое небо, заканчивались. Стали попадаться первые следы того, что до остатков цивилизации осталось немного. Попался остов ЗиЛка, проржавевший насквозь. Чуть в стороне, заросшая бегунком, торчала кирпичная, разрушенная автобусная остановка. И, самое главное, не так уж и близко, но и не так далеко, как три часа назад, виднелись большие плиты бетонного забора, опоясывающего территорию бывшего складского комплекса. Дошли, всё-таки, почти до самого Радостного.

— Быстрее! — Скопа, оглянувшаяся через плечо, подстегнула нас криком. — Быстрее, они нас догоняют!

Свистнула пуля, пролетевшая мимо Насти. Я оглянулся...

С десятков фигур в разномастных комбинезонах, выбегали из тех кустов, которые скрывали за собой выход с Топи, оставленный нами недавно. А впереди возникла полоса тёмной голой земли. Черта. Приборы вырубались...

Пули отсекали кирпичную крошку от стен разбитых зданий, находящихся в пригороде Радостного. Большой, прижав щеку к прикладу «Печенег» отсекал нападавших последними очередями. Патронов у него осталось всего ничего.

Нас всё-таки прижали возле Парка. Да, пройти через Черту удалось почти без потерь. Почти...

Они смогли нас догнать, и с ходу начали бить по нам. Невезучий Большой, уже получивший в этом рейде свою пулю, схлопотал ещё и осколками от близко разорвавшегося ВОГа. Они здорово сумели прорвать ему комбинезон, разодрав в хлам ткань и бронепластины и повредив часть спины.

Мы отправили Настю по предложенному Скопой маршруту, а сами, засев в старых зданиях, отбивались от преследовавших нас наёмников.

Они крепко нас обложили, и, к слову, их оказалось не шесть, а девять. Двух Скопа сумела снять ещё издали. Одного зацепил я, и сейчас он не подавал признаков жизни, валяясь сломанной куклой в зарослях крапивы и лопухов. Но это радовало меня всё меньше и меньше, так как их оставалось как раз таки шестеро, а у нас явно заканчивались патроны.

— Большой, ты как?! — Через коммуникатор поинтересовалась у пулемётчика Скопа, сидевшая на чердаке, и методично пытавшаяся подбить ещё кого-нибудь.

— Средняя степень паршивости, — буркнул пулемётчик. — От потери крови не умру. Но один хрен, неприятно. У меня всего очереди на три «патриков» осталось. Потом кирпичами откидываться начну.

— Лови. — Я кинул ему «Хеклер» Алексея и подсумок с магазинами. — Аккуратнее, больше нет.

— Понял тебя, спасибо. — Большой, прицелившись, выпустил одну длинную очередь. После чего, аккуратно сложив сошки, отставил «Печенег» в сторону. — Попал всё-таки, хех...

— Ай, малацца. — Скопа коротко хохотнула в переговорник. — Так держать, братишки!

Судя по всему, теперь их осталось пятеро. Ну что же, попробуем ещё немного с ними поиграть. Авось, и в этот раз мы подтвердим славу одних из самых удачливых бродяг Района и выкарабкаемся?

Я попытался прикинуть все возможные варианты, при которых мы точно сможем победить. И, как ни крути, а придётся мне попытаться зайти к ним с правого фланга, где меня сможет прикрыть большая автоцистерна, упрямо догнивавшая под открытым небом. Если, конечно, удастся нормально проползти через полуподвальное помещение соседнего здания.

Скопа, которой, поднявшись к ней на чердак, я объяснил всё, что хотел, согласно кивнула головой, и выставила вверх большой палец. Большой, взявший себе мой «АКС», решительно подполз к моей бойнице, не забыв пальнуть в свою из «Хеклера».

Ну, а мне придётся идти с пистолетом и ножом. Да и ладно. Если всё будет хорошо — вполне хватит одной из двух оставшихся у меня гранат, чтобы накрыть их всех и сразу.

Перекинувшись через бетонную плиту, перегораживающую выход из нашей разваливающейся крепости, я торопливо прополз несколько метров до окошка соседнего барака, ведущего в подвал. Вжавшись в землю, покрутил головой по сторонам. Убедился, что никого вокруг нет, и «щучкой» нырнул в окно...

...И влетел выставленными руками аккуратно в грудь нашедшемуся всё-таки смышлённому «псу войны», собиравшемуся подкрасться к нам тем же способом.

Наёмника отбросило к стене, довольно хорошо приложив об неё. И, к счастью, его автомат оказался у противоположной стены. К сожалению, я не успел вытащить «Гюрзу», когда он, ошалело потряся головой, кинулся на меня.

Первый его выпад, классический маваси-гири, я удачно отбил контрударом. Второй, незамысловатый прямой в голову — тоже. А вот третьим, быстрым левым хуком, он отправил меня в сторону окна, из которого я только что сверзился.

О-о-о-х!!! Бедный мой хребет, вошедший в фулл-контакт с ребристой кирпичной стеной...

Тем временем наёмник, судя по всему, не решившийся кинуться за автоматом, двинулся в мою сторону, прокручивая между пальцев хищное щучье лезвие «Полковника Боуи», бывшего любимой ухорезкой этой категории обитателей Района.

Ну-ну... У меня есть для тебя сюрприз. Сказано ведь — ищи пророка в своём отечестве.

Моим сюрпризом был НР. Нож разведчика, не протерпевший изменений с самого своего выпуска, в девяностых годах прошлого столетия. И патрон калибром девять миллиметров, выстреливаемый из его рукояти.

Он понял свою ошибку, но было достаточно поздно. Глупая гордость, которая шепнула ему мысль о том, что попавшегося на его пути бродягу он сможет нашинковать как свинью, погубила его. Выстрел прозвучал совсем неслышно.

Наёмник попытался уйти с траектории пули. Это спасло его. Ненадолго.

Девятимиллиметровая пуля пробила щиток на правом плече, чуть развернув в сторону и отбросив назад его распластавшееся в прыжке тело. А потом мой нож с хрустом вошёл слева в шею, разрубая хрящи и со скрежетом зацепив позвоночник...

Я отскочил, отбив успешную сделать выпад руку с «Боуи» и уклонившись от карминовой струи, ударившей мне в лицо. Сделал шаг навстречу и прямым, сильным ударом, ещё раз вбил в него нож. На этот раз — в стык пластин комбинезона, точно меж рёбер. И провернул, вытаскивая.

Тяжёлое тело сползло по кирпичам, на которые его откинул мой последний удар. Хрипя, он зажимал руками раны в горле и груди. Кровь била тоненькими струйками, уже выпустив первый фонтан алого артериального наполнителя.

А теперь — вперёд. И, к слову, мне достался «Абакан» с девятью магазинами, что не могло не радовать.

Потом я зашёл в тыл «диким гусям», азартно расстреливавшим окна дома, из которого в их сторону огрызались три ствола Большого и Скопы. Всё остальное было делом техники. Одна граната, раскидавшая троих из них в стороны. Несколько очередей из автомата в спину оставшимся двум. Обычная, грязная и кровавая работа, ставшая, как ни страшно это прозвучит, привычной и надоевшей.

Мы опять выкрутились. Большой теперь дотянет до прихода Дыма и Валя. Ребята, по всем законам подлости, откликнулись именно сейчас, когда всё уже закончилось. И никаких угрызений совести у меня не было... Я не заставлял «диких гусей» идти по нашим следам и пытаться прикончить нас у Парка.

Настя торопливо шла вперёд, постоянно сверяясь со встроенным в КПК навигатором. Пока ей удалось не сбиться с курса, проложенного Скопой. Она торопилась, пытаясь успеть попасть в Город до окончательного наступления ночи, всё больше и больше опускавшейся на Район.

Девушка нервничала, причём намного больше чем могла себе позволить. Сейчас, когда она всё ближе и ближе подходила к конечной точке маршрута, Настя окончательно поняла, насколько сложно выполнить возложенный на неё приказ.

Казалось, вот только она была на приёме у директора своего департамента, полковника Зубарева. Совсем недавно проходила инструктажи, знакомилась со всей имеющейся информацией о Радостном.

Только чего стоили недели подготовки в сравнении с тремя неполными сутками здесь? Смерть Лёшки, давнего и надёжного напарника, бывшего ей почти родным. Возможная смерть проводников, что до сих пор отстреливались от наёмников, которых Пикассо не позволил ей увести за собой. Те мутанты на Топи, которые чуть не вытрясли жизнь и из неё...

Да что там говорить... Всё шло не так, как планировалось, но... Она должна дойти. Обязана закончить начатое. Загрузить вирус в систему обеспечения. Уничтожить этот гнойный нарыв, постоянно терзающий всё, до чего только сможет дотянуться.

Старший лейтенант ФСБ России Настя Ефремова, крепко сжав рубчатую поверхность рукояти «УЗИ», закрепив на плече мини-камеру, носимую до этого Лёшкой, и, сжав зубы, отбивающие невольную чечётку, шла в Радостный...

Лёшка Грачёв, молодой и подающий большие надежды лейтенант Конторы, встал со старого, продавленного диванчика в прихожке стандартной трёхкомнатной «хрущобы»:

— Ну, мам, а мам, хватит тебе! — Он крепко обнял маму, чмокнув её в макушку, которой та еле доставала ему до груди. — Да всё нормально. Стандартная командировка же. Сувениров тебе привезу, магнит вон на холодильник, или ещё чего там. Ну, всё уже, хватит. Машина ждёт...

Его торопливые шаги быстро протопали вниз. Хлопнула подъездная дверь. Нестарая ещё женщина, с абсолютно седыми волосами, постоянно окрашиваемыми ею в тёмный цвет, вышла на балкон. Щёлкнула зажигалкой, прикурив «Вог», и торопливо затянулась. Да, стандартная командировка, одна из тех, которых за последние годы у её Лёшки было немало. Вот только почему не хотело успокаиваться сердце, которое и так работало на пределе. Последние лет семь...

Тогда Он ушёл в армию. Просто служить. И она считала, что Он «просто служил» до того самого дня, когда пришло первое письмо со штампом Моздока. После него каждый вечер она обязательно проводила за экраном телевизора, просматривая все новости на основных телевизионных каналах.

Приходили на выходных подруги. Они пили чай. А иногда водку, горькую и невкусную. Но дающую возможность хотя бы ненадолго забыть про постоянную напряжённость.

Потом, ранним весенним утром, когда за окном распускались свежие и ещё не запylённые листочки берёзок, Он позвонил в дверь. Вернувшись целым и невредимым оттуда, откуда недавно привезли мальчишку из соседнего подъезда. Учившегося с Ним в параллельных классах, а теперь, через три года после выпускного бала, привезённого с вокзала в «цинке».

Потом было поступление в государственный ВУЗ без экзаменов. Сын учился на юриста. Как тогда она была счастлива, пока...

На третьем курсе Его вызвали в одно из зданий в Старом городе. После чего Он перешёл на «заочку», получил вне очереди свои первые звёзды на погоны и уехал назад. Туда, откуда приходили письма со штемпелем Моздока.

И всё закрутилось снова. Как ей хотелось, что бы Он хотя бы женился. И пускай бы привёл жену в дом. Если бы у неё был внук. Или внучка... Не так было бы страшно отпускать Его в эти командировки.

И ведь Он радовался, как мальчишка, ещё вчера. Радовался тому, что едет в Район. Место, про которое передавали странные и непонятные репортажи.

Да, она была согласна с тем, что там, возможно, не так страшно, как там, где постоянно идёт непризнанная война.

Но почему же тогда так сильно заболело сердце, когда хлопнула за Ним старенькая подъездная дверь?!..

Лёшка Грачёв, молодой и подающий большие надежды офицер Конторы, смотрел в небо своими большими серыми глазами. Смотрел, и не мог насмотреться. Потому что...

Потому что ему сейчас было очень и очень больно...

Потому что это было последнее, что он мог увидеть в своей короткой жизни...

Потому что он знал, что где-то далеко сейчас его мамка дёрнулась от непонятной и неясной тревоги, а он ничем не сможет ей помочь, а сможет только смотреть в это небо...

Потому что напоследок он всё-таки успел сделать хорошее и доброе дело — закрыл собой Настю Ефремову, которой так и не успел сказать, как она ему дорога...

Потому что она сейчас была жива, и держала его голову у себя на коленях, и от этого тепла и ласки становилось немного легче...

Да просто потому, что небо было безумно красивым...

Это низкое, закутанное в серые тучи небо Района, которое было последним, что он увидел...

Где-то далеко ещё не старую женщину скрутило от неясной тоски.

Район (Несостоявшийся репортаж): Глава 6. Город

— поверхность

Настя шла через негустой пролесок, откуда было рукой подать до первых пятиэтажек города-призрака. Ненадолго остановилась, ловя тепловизором бинокля возможную опасность. Пока ей не удалось заметить никого, и не из «Пуритан», и не из какой-либо другой группировки. Одиночек хитроумное изобретение ижевских мастеров-оружейников тоже не засекало. Девушка присела на ствол поваленной яблони-дички и сняла с пояса флягу с остатками воды.

Ночь она провела в одном из тех заброшенных зданий, что встречались на её пути. Забралась на чердак, скинув приставную, прогнившую лестницу, и прокемарилась всю ночь, вздрагивая от непонятных звуков. Как ни крути, а почти весь путь до Радостного она шла в обществе рейдеров, знавших всё про Район и его обитателей. Под утро девушка всё-таки не выдержала, забывшись тяжёлым сном.

Её разбудила вибрация КПК, уловившего движения большой стаи орфо-псов, пронёсшихся рядом с домом. «Журналистка» огляделась вокруг, осторожно выглядывая в чердачное оконце, и, убедившись в том, что всё в порядке, решила спускаться вниз. Быстро перекусив, Настя двинулась в сторону города.

Она осторожно шла вперёд, аккуратно обходя ловушки, которые засекал прибор, стараясь вспомнить всё, о чём ей говорили проводники. «Узи», который она перевесила на грудь, давно был снят с предохранителя.

Впереди, метров за двадцать до неё, из кустов выбрался цербер. Девушка замерла, наблюдая за Изменённым. То, что он был один, не расслабляло, а наоборот, настораживало. Насколько она успела понять, местные собаки редко передвигались в одиночку, предпочитая охотиться стаями. Настя присела за развалившимся ящиком для песка, с давно облупившейся красной краской, и подняла оружие.

Пёс стоял, вода обеими своими отвратительными головами по сторонам, втягивая воздух и недовольно поскуливая. Он был большим, явно крупнее большинства тех псов, что ей довелось увидеть в Районе. Тёмно-коричневого окраса, с лоснящейся редкой шерстью, через которую просвечивала тёмная кожа. С торчащими рёбрами и увеличенными, гипертрофированными суставами на лапах. Пасть, полная редких, жёлтых зубов, несколько раз клацнула в такт сменившему скулёж рычанию. Тонкий, облезлый хвост бешено гулял, хлеща пса по бокам. Чёрные губы, покрытые блестящей на солнце слюной, спазматически подёргивались.

КПК коротко завибрировал на левом запястье, отмечая показания детектора движения. Звук прибора, по совету рейдеров, Настя отключила ещё вечером, чтобы — не дай Боже — не выдать себя. Девушка покосилась на небольшой экранчик, вмонтированный сверху прибора, и прикрытый прочным пластиком... Чуть позади появились две движущиеся точки, крадущиеся по направлению к ней.

— Дерьмо! — Девушка тихо выругалась сквозь зубы. — Вот этого мне только и не хватало.

Патронов оставалось всего два с половиной магазина. Был пистолет, но против трёх церберов?! Избавьте, такой дурой Настя себя не считала. Пусть собаки и казались большими и неуклюжими. Как быстро и уверенно они двигаются, девушка уже насмотрелась. Она

покрутила головой по сторонам, выбирая место, на которое смогла бы взобраться. Ага! Рядом, справа, торчал старый грузовик.

Пёс, застывший перед ней живой статуей, поднял голову, и, дёргая раздутым горлом, глухо и угрожающе проворчал. Точки на экране заметно ускорились.

Девушка метнулась в сторону недалеко стоявшего КамАЗа, опиравшегося на растрескавшиеся и разваливающиеся крыши.

Цербер издал торжествующий вой и рванул за ней. А сзади, там, где прибор зафиксировал движущиеся объекты, из кустов с треском выломались его чуть меньшие по размерам собратья.

Настя добежала до грузовика, подпрыгнула, вцепившись в борт. Доски подозрительно хрустнули, но выдержали. Она подтянулась, переваливаясь через борт, когда в ботинок вцепились челюсти одной из голов первого, успевшего её догнать, пса.

Она рванула ногу, подмётка затрещала, и, оставив кусок подошвы в челюстях Изменённого, Настя кувыркнулась в кузов.

Машина заметно вздрогнула, когда один из бежавших из кустов четвероногих преследователей не успел затормозить и ударился всем телом в левую сторону.

Настя осторожно высунулась из-за борта, и тут же отпрянула назад, еле успев убрать лицо от щёлкнувших прямо перед ним клыков коричневого пса. Она опрокинулась навзничь, жёстко впечатавшись задницей в доски пола, и торчавшие из них головки болтов. И краем глаза успела заметить что-то в дальнем углу кузова, рядом с кабиной с выбитым задним стеклом.

Перекатившись влево, Настя быстро вскочила на ноги, нависнув над бортом, и успев дать короткую очередь в голову не успевшего отскочить в сторону цербера. Он коротко тьякнул, и жалобно заурчал, растянувшись на земле. Район, разрушивший структуру их клеток, дал громадный запас живучести этим несчастным, в сущности, животным. И сейчас, получив две, как минимум, пули в обе уродливых, деформированных башен, пёс всё равно ещё жил.

Но Настю это волновало мало, куда как больше её интересовало то, как отстрелить двух оставшихся тварей. Они, в конце концов, не два из пятнадцати оставшихся в живых уссурийских тигров, да и Настя не состояла никогда в «Гринписе».

— Где же вы, пёсики, а? — «Корреспондентка», помня про прыгучесть слепышей, не наклоняясь, оглядела то, что находилось внизу. — Идите к мамочке, она из вас пирожки сделает. С потрошками и прочими субпродуктами. А, собачки?! Где вы, коврики меховые, драные?! Твари блохастые!!!

Из-под днища КамАЗа глухо заворчали в ответ. Девушка покачала головой, понимая, что сейчас ситуация патовая: она сверху в кузове, псы снизу, прикрытые дном. Стоит ей попытаться спрыгнуть, как они точно не дадут ей нормально встать на ноги. А прыгать далеко Настя не решалась. Очень уж не нравились ни ей, ни её детектору вихрящиеся чёрные точки, в трёх местах торчавшие по периметру грузовика.

Девушка покосилась в сторону того, что заметила краем глаза, и поморщилась.

Солнце и ветер сделали своё дело с рейдером, когда-то давно заползшим умирать в кузов старого грузовика. Провалами глаз на Настю смотрела мумия, обтянутая потемневшим от времени старым армейским костюмом средней степени защиты, пробитым в нескольких местах пулями. Осторожно наступая на трещавшие под ней доски, девушка подошла к останкам бедолаги. Мало ли, что может быть у него с собой? Вон, торчит из набедренной

кобуры ребристая рукоять «Кольта», а в карманах на внутренней стороне бедра явно есть две обоймы.

Тяжёлый пистолет легко вышел из кобуры, матово блеснув на солнце, пробивающемся между туч, воронёным металлом. Аккуратно потянув на себя затвор, Настя обнаружила, что пистолет в отличном состоянии. Смазка, когда-то заботливо нанесённая владельцем, сохранила его в целости и сохранности.

Ага... Настя увидела, что рейдер, видимо, уже умирая, засунул под себя старенький вещмешок.

— Извини, бродяга. — Девушка аккуратно потянула его на себя, освобождая от почти невесомого плена бывшего владельца. — Тебе-то он уже давно без надобности. А мне...

Быстро развязав петлю, державшую горловину мешка, Настя распахнула его. И что тут у нас?! Так...

Две банки консервов, без этикеток, только со старыми клеймами, покрытые слоем чего-то, напоминающего солидол. Что это такое, Насте было хорошо известно. Этот бродяга залез на один из брошенных армейских складов, достав несколько банок из хранимых там запасов, и поступил правильно. Она была уверена, что с консервами ничего не случилось. Это была не та продукция, что поставлялась на полки обычных магазинов. По госзаказу всё делалось в лучших традициях ГОСТов СССР, и, хоть и не на века, но на десятилетия точно. Хорошо, подумалось девушке, запас карман не тянет.

Старая аптечка из набора химзащиты. Стандартный набор давно уже ставших неактуальными средств защиты от радиации, биологического и химического заражения. В сторону её...

Две РГД-шки, и, отдельно, запалы к ним, бережно завёрнутые в навощённую бумагу. Ой, как хорошо! И что это?..

Девушка долго смотрела на большую пузатую бутылку, лежавшую перед ней, а потом повернулась к мумии рейдера:

— Спасибо тебе, бродяга. Вернусь, свечку за тебя поставлю, обязательно. Узнать бы ещё, как тебя звали. Где ж твой КПК, а? Нету ведь нигде, вот странно.

То, что девушка держала в руке, было известно давно. Этой штукой пользовались экстремисты в Северной Ирландии и революционеры на баррикадах в Венгрии, бойцы Красной армии под Москвой и иракские ополченцы на улицах Багдада. Горючая смесь, известная повсюду под названием «коктейль Молотова». Самопальная жидкость, залитая в стеклянную бутылку, снабжённая надёжным фитилём, и даже приклеенной полоской «чиркаша» от спичечного коробка. И самой спичкой, большой, с зелёной головкой охотничьей спичкой, аккуратно приклеенной скотчем к самому фитилю. Настя улыбнулась, аккуратно подбираясь к борту:

— П-ё-ё-ё-с-и-к-и-и! — Девушка чиркнула спичкой, поджигая фитиль. — А у меня для вас подарок, от сраного Деад-Мороза... Ловите!!!

Блеснув боком, кругнувшись в воздухе, бутылка полетела под днище КамАЗа...

Полыхнуло и взвыло!!!

Настя мягко приземлилась на потрескавшуюся землю, откатываясь в сторону от взметнувшегося клуба рыжего пламени, с треском вцепившегося в сухие доски кузова.

С визгом мимо пролетел горящий пёс, устремившись куда-то в кусты. А потом, вырвавшись одним прыжком, вытянув ощеренные оскалившимися зубами пасти, на неё кинулся последний, тот самый, тёмно-коричневый.

Девушка, поваленная им на землю, успела выставить перед собой ствол «УЗИ», об который тут же кляцнули клыки пса. Вторая голову безвольно болталась, почти полностью опалённая огнём. Но Настя не собиралась давать ни одного шанса этому, дымящему подпаленной клочкастой шкурой, мутировавшему монстру.

«Корреспондентка», с усилием отодвинув корпусом оружия голову пса, упёрлась в его поджарое брюхо ногами, и с силой распрямила их.

Рыкнув, цербер взвился в воздух, растопырив в сторону свои непропорционально длинные лапы, и приземлился... В тех самых тучах каких-то чёрных, похожих на мошку, точек...

Пёс взвыл, пытаясь рвануться в сторону, но его не выпустила метнувшаяся к нему чёрная, густая, и кажущаяся, а может, и бывшая живой, вуаль.

Изменённого подкинуло вверх, закрутило в мгновенно зародившейся воронке, густо облепившей его изломанное Районом тело, тысячами маленьких убийц. Пёс открыл вытянутую пасть, успев выдавить из себя последний, тут же захлебнувшийся, тоскливый вой. Его ещё больше крутануло, не опуская вниз, не давая возможности упасть.

— Охренеть! — Потрясённая Настя заворожено смотрела на то, что сейчас происходило перед её глазами. — Вот где... А-а-а!!!

В какой-то момент тело несчастного цербера неожиданно сжалось, ненадолго застыло в таком состоянии, а потом, разом надувшись, лопнуло, окатив всё вокруг внутренностями и кровью.

Девушка отползла в сторону от горевшего и нещадно чадающего грузовика, обрётшего своеобразное языческое погребение мумии рейдера и этой непонятной, потрясшей её ловушки, уничтожившей крупного пса за несколько секунд.

Забрало шлема было покрыто уже начавшими запекаться кровью и слизью. Настя, перчаткой смахнув основную их часть, дико посмотрела на себя. С головы до ног она была заляпана чем-то бурым, карминовым и коричневым. Думать про то, чем же и как она сейчас пахнет, Насте не хотелось. Желания поплевать в кустах у неё тоже не было.

— Ну... — Девушка хмыкнула. — Отмоюсь. Потом...

Подобрав вывалившийся из кармана «Кольт», и поправив ослабившиеся ремни рюкзака, стараясь не оглядываться, Настя торопливо направилась в сторону уже видневшихся невдалеке домов Радостного.

Город потихоньку вырастал перед Настей. Опасный, брошенный и запущенный. Старые, ветшающие дома. Кучи мусора и листьев, завалившие землю. Ветер, гоняющий куски какой-то полиэтиленовой плёнки на задворках ближайшей пятиэтажки. Уже заметная телевизионная антенна, которая являлось визитной карточкой заброшенного Радостного. Если не считать трёх горящих газовых факелов, чьи макушки виднелись на самом горизонте.

Согласно карте, что Скопа вбила в её коммуникатор, Насте нужно было пройти около двух кварталов. Найти обычный, неприметный дом. Спуститься в подвал и открыть кодовый замок, спрятанный за одним из фальш-кирпичей.

Ну, а потом пробраться через лабиринт коммуникаций, который выведет её к одному из дублирующих командных пунктов, контролирующих подземную часть города, тех самых складов Росрезерва. Ввести в специальную систему то, что лежит в контейнере на поясе. Активизировать систему подачи вещества, необходимую для его передачи, через специально спроектированные и созданные для этой цели трубы, в заброшенный исследовательский

комплекс. И реагент делает всё сам. Создатели Ковчега будут уничтожены. Теоретически.

Настя оглянулась и ещё раз проверила всё через тепловизор. После того, как она справилась с церберами, бодрости и уверенности в своих силах у неё значительно прибавилось. Если бы не давящая тишина, которую не нарушало ничего.

— Первым делом, первым делом, реагенты. — Напела она под нос, чтобы услышать хотя бы что-то. — Ну, а остальное всё потом...

Через несколько минут перед ней оказались первые два дома. Обычные, панельные, многоквартирные дома. И пока не было видно нечего, что помешало бы найти тот, который она искала, хорошо отличимый от других по крыше красноватого оттенка, резко отличающейся от соседних серых.

Настя вошла в узкий дворик, вытянутым оврагом пролегший между домами. Двор как двор. Металлический, с давно слезшей краской, грибок песочницы. Окна домов наполовину отсутствуют. Те же кучи разного хлама, скопившегося за прошедшие полвека. Одна из дверей дома с правой стороны моталась на ветру, скрипя петлями. Город-призрак, живущий своей, зачастую непонятной для непосвящённого, жизнью. И то, что отсутствовало в любом другом таком же, брошенном жителями, населённом пункте, ещё больше делало его сюрреалистичным, подобным картинам Дали.

«Перекасти-поле», катящееся по земле. «Крапива», облепившая старенькие качели, и лениво покачиваемая ветром. Голубоватый отсвет в выбитых подвальных окнах, что, как знала из изученного материала Настя, указывало на «ведьмин студень». И то, что осталось от тела в драном военном комбинезоне, лежавшего возле сгнившего остова «Москвича». Вот в этом и была самая главная разница.

Девушка шла меж домов, глядевших на неё провалами окон, дырами в стенах и дверными проёмами, оставшимися без дверей. Она уже дошла до середины дворика, когда из одного из подъездов начал вытекать зеленоватый, густой туман, низко стелящийся над землёй.

Настя не стала дожидаться результата и быстро припустила в сторону прохода между домами.

Она вылетела на открытый кусок асфальта, некогда бывший, судя по количеству машин, стоянкой. И поняла, что немного, но всё же отклонилась в сторону от маршрута. Запущенный и разросшийся сквер, который оказался перед ней, она не должна была встретить. Но возвращаться назад? Этого ей точно не хотелось. И «журналистка» смело пошла вперёд.

Настя прошла совсем немного, когда раздался экономичный одиночный выстрел.

Переждав ночь в развалинах, предварительно очистив их от тел, утром мы двинулись за нашей «конторщицей». Как Скопа ни материлась на Большого, но наш упрямец решил идти с нами. Расул Валий и Тоха Дым, так удачно вышедшие на нас, посоветовавшись, также решили нас поддержать.

Валий, прибывший в Район откуда-то с Южного Урала, был потомственным степным табунщиком. И очень неплохо разбирался в следах. Шла Настя аккуратно, но, тем не менее, наследила изрядно. Чем мы и воспользовались, идя вперёд вытянутой цепочкой. Меня волновало состояние нашего пулемётчика, и, как оказалось, зря. Всем нам на удивление, Большой почти не хромал. То ли скрытые резервы его громадного тела дали ему такую

возможность, то ли аптечка, которую он по случаю прикупил недавно в Лаборатории, содержала в своём составе какое-то чудо-средство. Да то, конечно, было и неважно. Наш друг бодро топал в середине строя, под присмотром заботливой Скопы. Я, предварительно поругавшись с ним, заставил отдать мне его пулемёт и шёл сейчас предпоследним. Дым замыкал нашу маленькую колонну, внимательно крутя головой по сторонам.

Где-то через полчаса после начала похода мы добрались до места Настиной ночёвки. Обойдя цепочку «разрядников», сердито трещавших искрами, Валий зашёл под притолоку какого-то домика. Появившись через три минуты, он показал брошенную девушкой упаковку из-под сухпайка. Одного из тех, что мы забрали у наёмников на Топи. Это обнадежило нас ещё больше. Если девчонка с утра спокойно завтракала, значит, уже смогла освоиться. И шансы догнать её, найти целой и невредимой, у нас только увеличивались.

Через какое-то время, откуда-то со стороны Города, раздалось несколько очередей.

— А ведь это Настя. — Скопа напряглась. — Её «УЗИ» то... Дерьмо!

Настолько быстро, насколько нам позволяла раненая нога Большого, мы двинулись дальше. А потом в той стороне, откуда слышались очереди, стал подниматься высокий, чёрный столб дыма:

— Это чего ж там такое гореть может?! — Большой захотел даже почесать затылок, но вовремя вспомнил про шлем. — У неё ж с собой огнемёта-то не было. А полыхает так, как будто напалмом прошились...

— Ага. — Валий согласно кивнул головой. — Странно как-то. А вообще... Там КамАЗ старый стоит. Или стоял? Резиной пахнет, а там кроме его покрышек и нет ничего, что так вонять может. Сейчас увидим. Пошли туда.

На небольшом, открытом, и свободном от кустов участке земли догорал тот самый грузовик, про который вспомнил Валий. Жарко чадили доски кузова и старые покрышки. В стороне валялся цербер с разmozжёнными пулями головами. По дороге нам в кустах встретился ещё один, обгоревший, жалобно скулящий. Почувяв нас, он попытался заползти поглубже. Скопа пристрелила его.

— Да уж. — Дым покачал головой, глядя на пламя. — Как же так, а? В нём же бензина-то, уж сколько лет и близко не было. С чего полыхнуло так?

— Какая хрен разница... — Большой показал пальцем на что-то, лежащее в глубине кузова. — Сдаётся мне, что это человек был. Если Настя, то...

— Никакая это не Настя. — Валий, внимательно рассматривая траву на тропке, ведущей к видневшимся крышам Радостного, обернулся к нам. — Это не она. Девушка пошла в Город. Значит, всё-таки идём за ней?

— Значит идём. — Я закурил, почувствовав, что наш друг Валий почему-то колеблется, и мы не сразу тронемся с места. — Ты передумал, или по какой-то другой причине спрашиваешь?

Валий помолчал. Потом мотнул мне головой, отзывая в сторону:

— Короче, Пикассо... Когда я в ту халупу залез, где ваша конторщица ночевала, то нашёл там кое-что. Слышал, наверное. Про цветочки такие, которые голубенькие?

Да-а-а... Меня как морозом по коже продрало:

— Ты уверен? Может пок...

— Не показалось, друг. Понимаешь, как тут не поверить. Я же видел, как ребята погибали. Из тех, кому такие цветы на глаза попались. И вот поэтому — я пойду. Я-то точно

могу погибнуть, раз нашёл их первым. Ты мне вот что пообещай, слышишь? Прикройте Дыма, если что. Хорошо?

— Хорошо. То есть, цветок был не один?..

Валий тяжёло вздохнул, прежде чем ответить:

— Три их было, Пикассо, три...

Мы прошли совсем немного, когда перед нами выросла окраина Радостного, с её разваливающимися домами.

Настин след вёл нас вглубь ближайшего квартала и проходил через сквозной двор между двумя пятиэтажками.

Когда мы вошли в него, пытаюсь отработать заход «тройкой» (Валий, Скопа, Большой) и, соответственно, нашей с Дымом «двойкой», нас ожидало два очень неприятных сюрприза.

Во-первых, непонятный клубок тумана, растёкшийся пролитой сметаной посреди двора.

И, во-вторых, с той стороны, куда, как считал Валий, пошла Настя, донёсся хлесткий, как удар плётки, выстрел.

Группа Бармаглота, вышедшая спозаранку и прошагавшая до самого Города, втягивалась в ущелья дворов. Дошли хорошо, ни разу не задержавшись где-либо. Если бы командир группы не был в какой-то мере суеверен, он уже мог бы сплунуть и перекреститься по поводу того, что пронесло.

Но многоопытный Гриша Александров суеверным был. Нет, он не верил в тёток с пустыми ведрами, чёрных котов или зайцев, перебежавших дорогу, и прочую мутотень. Он просто не любил заговаривать наперёд. Придерживался собственного правила, гласившего: не дели шкуру неубитого медведя гризли, бродящего в Скалистых горах. И добавлял: а лучше дождись, пока он найдёт себе медведиху, и они забубенят много гризлят. Вот тогда-то и выходи на охоту, поискать кучу меховых половичков.

Пока всё шло хорошо. Единственное, что напрягло Бармаглота, так это разговор с Большой Землёй. Вместо Кваскова с ним разговаривал начальник штаба Базы. Сеанс связи был краток. Гриша получил от него новые вводные, касающиеся продвижения к основной цели. И теперь вёл группу по слегка изменённому маршруту.

Он сомневался. Шёл вперёд, рыская глазами по сторонам, и думал о том, что услышал.

Спутники не просматривали территорию Района. Ну, практически. И свежая оперативная информация о том, что «Пуритане» перебросили большой отряд в сторону планируемого маршрута его группы, казалась ему странной.

Бармаглот понимал, что эти данные могли передать лояльные рейдеры, или внедрённые в их группировки стукачи. Но его не оставляло какое-то нехорошее предчувствие, грызло изнутри. И с каждой пройденной сотней метров оно становилось всё сильнее и сильнее.

Три бойца, ведомые Дихлофосом, уже зашли за угол ближайшей пятиэтажки. Оставшиеся спецназовцы и «контрощики», отстающие на десять метров от разведчиков, были готовы зайти во двор.

К Бармаглоту подошёл Забелин. «Фээсбэшник» выглядел нервничающим.

— Да, Лев Григорьевич, вы хотели что-то спросить?

Усатый «учёный» немного помялся, чем сильно удивил Бармаглота:

— Мы ведь уже почти на месте, командир. И чего-то я нервничаю. Слишком спокойно

мы дошли. Я вам не сказал... Было ещё две группы.

— Д-а-а вы что? — протянул спецназовец. — И почему я не удивлён, интересно? Мы должны с ними встретиться?

— Теперь не знаю. Если у них бы ничего не вышло, они должны были бы встречать нас здесь. Но не вышли на связь, и...

Бармаглот, не сдержавшись, рявкнул:

— Вы ополоумели, что ли, майор?! Когда вы умудрились выходить на связь, и как?!

Забелин виновато пожал плечами:

— Гриша, ну ночью, естественно. Да и не мог я по-другому. Ты пойми, что задание у меня такой сложности, что постоянная корректировка информации нужна. Ну, так вот... Дальше рассказывать?

— Рассказывайте, чего уж там. — Бармаглот дал знак группе остановиться. — Чего я ещё не знаю?

— Одна группа, такая же, как и наша, пропала два дня назад. — Забелин чуть покачал головой. — По поводу них сомнений быть не должно. Скорее всего группа уничтожена кем-то, кто для нас пока неизвестен. А вот вторая... Всего два человека, которых отправили под прикрытием рейдерской команды. Под видом журналистов. Они выдавали в эфир небольшие кодированные сообщения, и всего несколько раз за сутки, в одно и то же время. Есть основания предполагать, что мы можем с ними встретиться. Во всяком случае, приборы слежения, которые у нас с собой, недавно зафиксировали сигнал их маяков.

Бармаглот удивлённо помотал головой:

— Зачем «жуков» то цеплять на них? Ведь...

— Ничего не «ведь», уважаемый Бармаглот. — Забелин улыбнулся. — Маяки включаются на отсылаемый сигнал. Каждый настроен индивидуально. Прибор, включающий сигнал, только у меня. Ноу-хау наших оружейников. Никто со стороны не сможет определить.

— Ясно. И оба маяка сейчас подают сигналы?

— Именно. При этом расстояние до них чрезвычайно мало. Так что передайте вашему Дихлофосу, что стрелять нужно не сразу. Мне не очень хотелось бы потерять коллег из-за недосказанности.

«Конторщик» вопросительно посмотрел на Бармаглота. Тому оставалось лишь вызвать разведку, сейчас затаившуюся в сотне метров впереди.

— Дихлофос?

— Да, командир?

— Увидишь рейдеров, ориентировочно... Сколько, Забелин? Ага, понял. Ориентировочно из пяти человек. Две девушки. Не стрелять, постараться привлечь внимание, привести к нам. Как понял?

— Хорошо понял. Мы пошли вперёд.

— Давай, Валера. Будьте аккуратнее.

Бармаглот отключился. Развернулся к группе и дал знак начинать движение. Спецназовцы, поставив «фэйсов» в середину, продолжили путь.

Когда группа прошла первый из городских дворов, откуда-то слева сухо щёлкнул выстрел.

Папаша ворчал. Утро, несмотря на яркое солнце, ему не нравилось. Вчера им пришлось поменять обустроенную позицию, которую «котики» выбрали для засады. А на новом месте, в каком-то, то ли парке, то ли сквере, на быструю руку оборудовали полное фуфло. Хэт придирчиво осмотрел стащенные в кучу старые покрышки, какую-то газовую плиту и несколько поваленных ветром стволов, и стал ворчать ещё больше.

По последним, полученным из Центра данным, выходило так:

Кроме группы русского спецназа, в составе которой шли «клиенты» для ребят капитана Тэйлора, в Радостный почти дошли ещё несколько целей. Как оказалось, в ФСБ, этой наследнице страшного советского «комитета», дураки точно не сидели. И «счъей вальенком» явно не хлебали. Всего групп было три. Одну, загнав в ловушку, уничтожили наёмники. Вторую ждали «котики». А вот третью, про которую стало известно недавно, выводили на них же нанятые кем-то «псы войны». Всего пять человек. И это было единственным, что радовало Хэта.

Десять «котиков» терпеливо ждали появления целей, о которых получили предупреждения от «крота», надёжно врывшегося в штабе союзной группировки.

Из прохода между домами вышла высокая фигура, направившаяся в сторону сквера. И тут по ушам американцев резко хлопнул близкий выстрел.

— Твою-то мать! — рявкнула Скопа. — Эт чего за хрень такая?!

Туман лениво перетекал над землёй, выбрасывая из себя узкие тёмные плети, щупавшие то, что находилось рядом. Была ли это такая же дрянь, как та, что попалась нам у Рва? Кто знает...

Важно было то, что только что прозвучал выстрел. И именно в той стороне, куда пошла Настя. Нам нужно было прорваться через двор.

Валий внимательно смотрел на клубы тумана, щуря и без того узкие глаза. Достал из поясного кармана фосфорную гранату, чуть покачал её на руке, и, выдернув чеку, кинул в странную штуку.

Полыхнуло. Выглянув из-за остова старенького «Космича», за которым нам пришлось присесть, я увидел замечательную картину.

Туман сворачивался, жгутами уползая в подвал. Не знаю, что там всё-таки было, но высокая температурная обработка явно не пошла ему на пользу. И хорошо, что наш запасливый друг-башкир умудрился тащить с собой зажигательную гранату, не израсходовав её по пути. Наша единственная — была потрачена Большим в самом начале пути.

Не раздумывая больше ни секунды, мы бросились вперёд.

Выскочив в узкий проход между домами, нам пришлось притормозить. На территории между забетонированной площадкой за домами, служившей стоянкой, и заросшим сквериком, разгорался бой.

Было видно, что с одной стороны — абсолютно точно «пуритане». Давно переставшие носить городской камуфляж, и применявшие в качестве знаков различия серые нарукавные повязки.

Их противниками были, судя по внешнему виду, те самые пиндосы, про которых нам говорил Конь. Хорошо экипированные ребята в качественнейших костюмах высокой степени

защиты.

«Консерваторов» было явно больше. И хорошо, если это «больше» было всего в два раза по отношению к американцам. Сектанты не успели занять каких-либо хороших позиций, и сейчас старательно компенсировали это плотностью огня, стараясь не дать американцам шансов на выживание.

Но пиндосов это явно не смущало. Несмотря на то, что два тела в натовском снаряжении уже лежали ничком, не подавая признаков жизни, американцы не собирались сдаваться.

Они действовали грамотно и слаженно, навёрстывая собственные потери. К их чести можно было сказать, что пиндосы чётко подошли к вопросам собственной обороны. Судя по всему, они-то окопались здесь минимум с вечера, успев создать довольно хорошие позиции из местного хлама.

Сейчас эти баррикады из натасканных стройматериалов, газовых плит автомобильных покрышек давали им хорошее преимущество. Грамотно укрываясь за ними, американцы вели аккуратный и экономичный отстрел лейб-гвардейцев Района. Результат хорошей выучки был налицо. «Пуритане» потеряли минимум пятерых за неполные две минуты боя, и, судя по действиям американцев, потери эти должны были только возрасти. Если только сектанты не возьмутся за дело со всей ответственностью, и у их противников не окажется с собой необходимого количества боеприпасов. Что было весьма и весьма вероятно.

Но всё это отошло на задний план, когда нам стало видно Настю.

Девушка пряталась за старым тополем, неловко подвернув под себя левую ногу, и отстреливалась от тройки сектантов, держа «УЗИ» левой рукой. Правая висела вдоль тела обломанной веткой.

«Серые» не могли подойти ближе и взять её в клещи. Несколько «с добрым утром», выстроившись в одну линию, надёжно прикрывали Настю с фронта. И тем приходилось просто поливать в сторону «контрощицы» свинцом из автоматов.

Скопа, тут же занявшая позицию между двумя проржавевшими «жигулями», вскинула винтовку, целясь в ближайшего, из стрелявших в Настю «пуритан». Большой остался с ней, прикрывая с флангов и тыла. А мы с Дымом и Валием, рванули вперёд, к девушке.

«Винторез» Скопы тихо фыркнул. Один из «серых» завалился набок, уткнув голову в асфальт. Второго подбил Валий, всадив в него сразу пять пуль. А вот третий успел нас заметить, отполз за выдранный ствол тонкой берёзы, и сейчас лежал, огрызаясь короткими очередями.

— Настя, ты как? — Я с размаху хлопнулся на живот, упав рядом с девушкой. — Сильно зацепили?

— Да-а-а... — Эфэсбэшница тихо прошипела сквозь зубы, бросив автомат, и зажав ладонью повторно раненое плечо. Правая сторона её комбинезона была плотно покрыта уже подсыхающей кровью. — Очень...

— Эх, какая девушка. — Дым приземлился рядом, доставая из подсумка индивидуальный перевязочный пакет. — Пикассо, познакомишь?

— Обязательно, Антош. — Я фыркнул, не сдержавшись. Дым, даже в бою, оставался самим собой, весёлым бабником, которого так любила вся женская часть «Солянки». — Вот прям щас познакомлю. Чуть только оторвёмся вон от тех любителей молоденьких девушек. А то обидятся ещё на тебя. Небось, они сами решили с ней первыми познакомиться, а тут мы. Да, Настёна?

— Ну, типа того. — Девушка попыталась улыбнуться. — Цветов не было, решили вон выстрелами поприветствовать. А...! Твою-то м-а-а-а-т-ь!!!

— Не бзди, подруга! — Дым хохотнул, потуже затягивая повязку. — Я своё дело знаю. Как-никак, целых три курса медицинского. Больно, но качественно.

— Да хорош звездеть то, а! — Валий выпустил короткую очередь поверх Настиной головы. — Медик он, ага. Ты, Тоша, такой же медик, как я балерина. Пикассо, давай валить отсюда. Ой, сдаётся мне, что сейчас к этим агрессорам подмога подтянется. Ложись, б-л-я-а!

Грохнуло и засвистело над головой, пробарабанив по остовам машин и стволам деревьев. Потом ещё. Гранат на нас жалеть не хотели.

Мы начали отползать в сторону Скопы, успевшей снять ещё двоих метателей гранат до того, как они начали своё чёрное дело. Валий с Дымом огрызались очередями, прикрывая меня, помогавшего Насте двигаться вперёд.

То, что Валий наверняка не ошибался, рассчитывая на появление дополнительных сил сектантов, я понимал абсолютно ясно. Это их вотчина, и они очень не любят, когда здесь творится что-либо подобное.

Не знаю, встретили бы нас американцы приветственными овациями и речами. Больше чем уверен, что салют в нашу сторону был бы. Из всех имеющихся у них в наличии стволов. Так что сейчас «Пуритане» нам даже помогли. Но злоупотреблять такой «помощью» лично мне ни капельки не хотелось.

Мы успели убраться под защиту уже хорошо продырявленных кузовов автомобилей, и стволов Большого со Скопой, когда на поле битвы появилось материализовавшееся ощущение опасности Валия. «Серые» явились.

Прибыли в составе не меньше, чем полтора полноценных взвода, мгновенно прижав попытавшихся пойти на прорыв пиндосов, и не давший нам осуществить попытку удрапать назад во дворы.

Мы лежали, укрывшись за давно потрескавшимися в хлам покрышками и выщербленными бордюрами, жалея о том, что в асфальт нельзя зарыться поглубже.

С двух сторон нас добротнo окучивали очередями. Зажимали, подталкивая к узкой, но от того не менее опасной полоске ловушек. Раненая Настя лежала на земле, вжавшись лицом в выщербленный асфальт. Дым с Валием огрызались короткими очередями. Большой рвался к убитому пулемётчику-сектанту, для того, чтобы забрать коробку с лентой. Скопа отстреливалась. А я пытался понять, как нам отсюда выбираться.

Выхода не предвиделось.

Группа Бармаглота шла вперёд, отвечая выстрелами на попытки «пуритан» сбить их с курса.

Дихлофос, оставшийся в живых после нападения на его разведчиков, тихо матерился, припадая на раненую ногу.

Один из конторщиков, то ли Иванов, то ли Петров, остался лежать возле одного из разваливающихся домов. Также там остались и двое разведчиков.

Бармаглот, прикрывающий Забелина, передвигался вперёд быстрыми перебежками, укрываясь за деревьями и мусорными контейнерами. Конторщик двигался за ним, грамотно уходя с траекторий ведения огня. Прямо за ним — шёлвторой фээсбэшник.

Горыныч и оставшиеся бойцы уже успели пройти к выходу из двора, и сейчас, грамотно рассредоточившись на местности, начали свой бой с «серыми».

Несмотря на то, что с момента выхода с Базы бойцов стало на треть меньше, группа всё ещё была серьёзной опасностью. И считаться с ней сектантам пришлось очень быстро.

Спецназовцы взяли под контроль большой участок площадки, на которой с «пуристанцами» воевали невесть откуда взявшиеся американцы, и небольшая группа рейдеров.

«Серые», оценившие всю степень опасности, которую несли им вновь прибывшие, перегруппировались. Часть постаралась зайти в тыл группе Бармаглота, а часть начала медленно и методично «отжимать» её в сторону пяти «жарок», колеблящих над собой горячий воздух.

Рация Бармаглота зашипела, принимая сигнал.

— Эй, русский, приём! Говорит сержант Хэтфилд, «котики», США.

— И чего ты хочешь, сержант? Не боишься раскрываться, а, типа сотрудник частной охраны?

— Сотрудничества. Наш капитан погиб, я остался за старшего. Надо выбираться отсюда, но у нас одних не получится. Предлагаю объединиться, и попробовать всем вместе. Что скажешь?

— Откуда у тебя моя волна?

— Ну... Выберемся — расскажу. Что скажешь, капитан?

— Сержант, мне нужно пробиться к рейдерам. А потом — посмотрим. Что ты на это скажешь?

— А куда нам деваться?

— Это точно. Слушай, сержант...

Дела становились всё хуже. «Консерваторы» обложили нас со всех сторон. Настя пришла в себя, и смогла нормально отстреливаться, но легче от этого нам не стало. Боеприпасы заканчивались.

Появление спецназа стало приятной неожиданностью. Я никогда не относился к этим хмурым ребятам так, как большинство рейдеров. Делить я с ними ничего не делил, на рожон не лез. Но и не любил, так как понимал, что, если прикажут, они всегда зажмут меня где угодно. Но сейчас я был им несказанно рад.

Ещё больше я обрадовался, когда в рюкзаке Насти что-то коротко хрипнуло и заговорило, вызывая её на сеанс связи. Девушка открыла боковой карман, и извлекла из него что-то, отдалённо напоминающее какой-то допотопный мобильник. Толстенькая труба с выдающейся антеннкой, небольшим экранчиком и маленькими кнопками. И из неё сейчас раздавался хриловатый мужской голос:

— Ефремова, это Забелин. Это Забелин. Слышишь меня?

— Да, тов...

— Без звёзд, Настя. Лёшка где?

— Нет Лёшки, вчера убили.

— Понял тебя. С изделием всё хорошо?

— Да, как раз шла по указанным координатам.

— Молодец. Сейчас дальше пойдём. Проводники надёжные?

— Лев Георгиевич, давайте я станцию их старшему дам?

— Ты уверена?

— Да.

Настя протянула мне станцию. Ну что же, пообщаемся с дядькой, у которого большие звёзды:

— Слушаю вас... Забелин?

— Да, Забелин. Пикассо, полагаю?

— Верно полагаете.

— Хорошо. Пикассо, вы, как я понимаю, в курсе того, зачем наши сотрудники шли в Радостный?

— Да. Нам Алексей объяснял. Мы согласились им помочь.

— Замечательно. Вы понимаете, что выбраться отсюда сможете только с нашей помощью? Без спецназа отбиться от сектантов вы не сможете?

— Точно-то как подмечено, честное слово. Что предлагаете, Забелин?

— Пробиваемся в сторону того самого дома, к которому шла Ефремова. Спускаемся в подземный ход. А из него мы точно сможем выбраться. Там есть система, которая не позволит «серым» пройти за нами. Согласны?

Я оглянулся на ребят, понимая, что сейчас, возможно, решаю их судьбы. Вгляделся в лицо каждого из них, таких знакомых и ставших почти родными:

Необычно серьёзное лицо всегда улыбающегося Дыма, сейчас палящего в сторону пятиэтажки. Как-то раз Антон показал мне фотографию мамы и сестры. Как же они похожи, подумалось тогда мне. Своим одинаковым взглядом серо-голубых глаз.

Худая, вытянутая физиономия Валия, который, прищурившись, искал своим карим степным взглядом подходящую цель. Расул постоянно таскал в своём рюкзаке снаряжённую пулемётную ленту. У его отца есть шляпа-стетсон, на которой он давно хотел прицепить эту самую ленту, предварительно отхромировав её как следует.

Свирепая, даже когда он улыбается, рожа Большого. Выдающиеся вперёд надбровные дуги и тяжёлая челюсть... Наш Колян — прям вылитый неандерталец. Один раз, напившись своим любимым тёмным «Колосом», Большой рассказал, как, бегая с утра, тогда, в прошлой жизни, до полусмерти напугал такую же утреннюю бегунью. Тётка драпала от него не меньше километра. Пока он не свернул в сторону.

Мягкое и доброе личико Насти Ефремовой. Конторщицы, «репортёрши», милой домашней девочки, которая по какому-то капризу пошла служить в щитомеченосцы. За эти три дня она стала мне ближе, чем большинство знакомых бродяг. И ту шапочку, с рожицей-смайлом, ей действительно связала бабушка.

Скрытое стеклом забрала и самое любимое лицо Скопы. А как мне ещё думать про свою младшую сестру, ставшей моим лучшим другом и напарником в Районе?

Я нажал на тангетку станции:

— Согласен, Забелин. Каков план?

Отстреливаясь, десять человек отходили в сторону большой железной двери.

Большой, Скопа, Настя, Забелин, два спецназовца, Дым с Валием, оставшийся в живых

американец, и я.

Все остальные остались во дворах. Пропоротые насквозь очередями пулемётов и автоматов, которых у сектантов было в избытке. Сгоревшие в незамеченных «конфорках», затаившихся так хорошо, что они не казались неодушевлёнными ловушками. Заживо сварившиеся в «битуме», который растёкся под тонким слоем песка в песочнице. Попавшие в «доброе утро» и разорванные им на кровавые ошмётки.

Спецназовцы и «котики», которые должны были столкнуться в схватке друг с другом, сейчас погибли плечом к плечу. Странная штука жизнь, может повернуться так, что нам останется только смотреть с удивлением и охать, если есть такая возможность.

У нас её не было. Позади оставался почти полностью простреливаемый коридор, а до сделанных впереди постов из бетонных плит — ещё около ста метров.

Мы сидели вдоль стены, прикрываясь её небольшими выступами. Ждали, пока Настя введёт коды, которые дадут нам возможность пройти через систему безопасности, и добраться до такой близкой, и такой далёкой, двери.

«Серые» отошли, готовясь к следующему штурму. Сколько у нас было в запасе времени? Да бог его знает.

Американец устало вытер пот, стекающий по лицу прямо на его роскошные усы:

— Попали мы, мучачос.

Спецназовец со смешным прозвищем Дихлофос согласно кивнул головой:

— Да не то слово. Слышь, янки, а ты где так по нашенски шпрехать научился?

— У меня бабушка русская. Из-под Питера. Уехала при Брежневке. Когда отбирали людей в Район, то в первую очередь брали тех, кто русский понимает.

— Понятно, — спецназовец толкнул своего товарища. — Командир, ты как?

— Хреново, Валер. — Тот коротко, с хрипом, вздохнул и закашлялся, сплюнув розовую слюну на бетонный пол. — Я останусь, прикрою. Один чёрт — идти с вами не смогу дальше. Слышите, Лев Георгиевич?

Забелин, которому Дым бинтовал предплечье, немного помолчал:

— Слышу, Гриша. Жаль, что так получилось. А прикрыть нужно. Вряд ли они на нас вышли сами. Какой-то доброхот у них есть в штабе. Так что, вполне возможно, коды от замков у них тоже есть. А изнутри дверь не заблокируешь. Спасибо тебе, капитан. Ты уж прости нас за твоих ребят, сам пони...

— Да бросьте, товарищ, кто вы там, полковник? Мне, знаете ли, Района в Саратове не нужно. Крысу в штабе бы прижучили лучше.

Я смотрел на них и понимал, что сейчас на нас пойдут снова, и тратить время на разговоры лучше бы не нужно. Понимал, что и сам не смог бы заставить себя встать и сразу пойти вперёд, бросив здесь этого «спеца».

— Не, Бармаглот, — второй спецназовец ухмыльнулся. — Я тебя не брошу. Хрен ты у меня здесь один останешься. И плевать мне на твой приказ, слышишь? Среди тех пятнадцати пацанов, которых ты смог вывести из-под гипера, мой братишка был. Я тебе не говорил никогда, а ведь он тебе приветы передавал постоянно, как узнал, что я здесь. За мной должок, Гриша.

Спецназовец Бармаглот, про которого мне доводилось слышать, только устало кивнул головой. Показалось мне, или это так и было, но он довольно улыбнулся.

Дым вскинул «Никонова», пустив очередь в сторону узкого прохода, ведущего к повороту на коридор.

В ответ огрызнулось не меньше трёх стволлов. К счастью, пули срикошетили удачно, только обдав нас крошкой облупившейся штукатурки с потолка.

— Готово. — Настя отключилась от ноутбука. — Сможем спокойно дойти до двери.

— Пошли. — Забелин привстал. — Нужно торопиться.

Первыми отошли спецназовцы, занявшие позиции за заграждениями, перекрывающими коридор поперёк. Пригнувшись, мимо них скользнул Валий, положив на плиту перед Дихлофосом, свою предпоследнюю «эфку».

Большой, после того, как Забелин ввёл ещё один код в электронику на стене у двери, навалился на железный штурвал винтового замка. Дверь отъехала в сторону.

Позади, из-за поворота, раздались отчётливые топочущие шаги.

Бармаглот открыл огонь, но не успел. Я должен был заходить последним, пропуская американца, когда он охнул и осел по стене, оставляя на ней алый размазанный след.

— Добегался. — Хэт шевельнул вмиг посеревшими губами. — Невезучий день был. Рейдер, забери мой жетон. Передашь нашим?

Я посмотрел на него. На человека, который ещё полтора часа назад, наверняка выстрелил бы в меня, не задумываясь о том, что за бродяга перед ним:

— Хорошо. Обещаю.

— Ну и славно, — американец закашлялся. — Скоро выпью пивка с ребята...

— Ты посмотри, а, командир! — Дихлофос выпустил в коридор короткую очередь. — Лезут и лезут! Как муравьи на гусеницу... На, урод, получи!

Бармаглот ничего не ответил, стараясь сделать ещё что-то, что нанесёт хотя бы какой-нибудь урон «пуристанам».

А те действительно лезли всё чаще и гуще. На них с Дихлофосом вышли уже две волны сектантов, пытающихся пробиться в подземные коммуникации.

Оба раза их пытались забросать гранатами, но бетонные плиты с козырьками, находящиеся спереди и сзади тех боевых постов, что были перед дверью, надёжно их закрывали. Пока. Впереди была ещё атака, и Бармаглот сомневался в том, что они справятся.

Половина ламп, освещавших коридор, была перебита. Оставшиеся постоянно моргали, не давая возможности хорошо видеть. Тени прыгали по стенам, извивались в странном танце, не давали сосредоточиться на чём-то одном.

— Гриша?

— Да, Валер?

— А ты думал про то, чем займёшься, когда всё-таки уйдёшь из Района?

— Да нет... — Бармаглот закашлялся, сплюнув всё более и более краснеющую слюну. — Даже и не думал. Да и с чего отсюда уходить-то? Привык уже... Жизни себе без него, паскуды, не представляю. А ты?

Дихлофос улыбнулся, прищёлкивая последний магазин:

— То же, Гриш, самое... Брат всё звал... Приезжай, да приезжай. А я так подумал... чего мне там делать-то? И как будто не отпускает что-то. Ты мне вот про отпуск говорил, да-а-а... Был я в том отпуске. Помнишь, год назад?

— И чего, что был?

— Да ну, стыдно даже. Пацаны там, какие-то местные, во дворе петарды рвали...

Бармаглот с трудом покосился на своего сержанта:

— Ты эт к чему, Рэйд, блин, антикомариный? Про петарды-то?

— Х-м-м-м, смешно просто. Я ж у бабка был. Классный такой бабек, командир, прям таки гвардейский. Веришь, нет, сиськи — во! С голову, ага... А я тут в самый ответственный момент, как значит, петарды-то рваться начали... Спрыгнул, и давай смотреть, кто, да откуда в меня стреляет... Вот, а ты говоришь, думал, или нет.

Бармаглот беззвучно зашёлся смехом, который, правда, тут же перешёл в кашель:

— Ну, ты Дихлофос и чудик, чесслово. Говоришь, в оборону ушёл?

— Ага... — Спецназовец хохотнул. — В глухую...

— Что это?! Тихо, Валера, тихо...

Тихое, еле слышное скрежетанье... Как будто чем-то металлическим провели по бетону... Вот только шёл звук откуда-то сверху, приближаясь к ним. Скрр-скррр...чуть ближе... скррр-скррр...

— Ты что-нибудь видишь?!

— Нет, командир. Сейчас, подожди. Ночник у тебя работает?

— Работает, давай, на раз-два... Мои — справа, твои — слева. Раз, два!

Дихлофос вскидывает «Стечкина», который до этого покоился в кобуре, Бармаглот поднимает ствол автомата.

Банг! Банг!! Б-а-а-н-г!!! Оставшиеся лампы разлетаются, тренькая осколками стекла по стенам. Включённые приборы ночного видения выхватывают зеленоватый коридор.

— Чёрт, ничего вроде... Командир, с твоей стороны как?

— Да так же... не то что-то. Сектантов-то нет до сих пор.

Дихлофос меняет позицию, переползая поближе к Бармаглоту. Откуда-то сверху, снова раздаётся: скррр...скрррр...и, немного позже... с-ш-ш-ш...

Спецназовец, чувствуя дорожки от катящегося по лбу пота, и уже понимая, что, а вернее, кто пришёл по их души, поднимает голову вверх:

— Вижу, Гриша... за ногу твою... да это ведь...

— Да, Валер, это ведь она самая... граната оста... м-а-а-ат-ь т-в-а-а-а-ю!!!

Очередь «Абакана» разрывает темноту сполохами. С потолка одним молниеносным, кошачьим движением, скатывается вниз чёрная как смоля капля. Скатывается, не обращая внимания на попадающие и пролетающие рядом пули. Мгновенно оказывается рядом, выпустив гибкие и длинные лапы, вооружённые загнутыми, ониковыми когтями, оскалив сабли клыков, отражая огоньки выстрелов зеркалами вытянутых, острых глаз...

Дихлофос успеет заметить, как блеснув высверком ятаганов, выдвинувшихся из мягких подушечек, мазнула Бармаглота наискось через всё тело вытянутая получеловеческая лапа. И комбинезон не выдержал, разваливаясь прямо по траектории удара, вскипя тёмной жидкостью. Пальцы Валеры Онищука тем временем делали своё дело, полетела в сторону чека от гранаты, и навстречу невообразимо широко распахнутой пасти метнулась вспышка огня, гоня перед собой куски от крупносечённой металлической рубашки гранаты «Ф-1»...

Лампы, работающие от непонятого электричества Района, тускло мерцали, освещая нам путь. За оставленной позади железной дверью всё ещё грохотали выстрелы, дающие нам возможность выжить.

Мы отошли очень далеко по узкому, изгибающемуся как аппендикс, коридору, когда позади глухо ухнуло.

— Ну, вот и всё. — Валий покачал головой. — Похоже, что нет больше спецов.

Да уж, это точно. Не думаю, что они решили бы взорвать гранату, если бы у них была возможность не делать этого. Мир вам, военные. И спасибо.

А мы упрямо шли вперёд. Два километра перепутанных ходов под Радостным. Которые нам нужно пройти, чтобы дойти до конца. До того места, про которое военные авторитетно заявляли, что его нет и в помине.

Большой, шедший сзади и тащивший две снаряжённых коробки к своему верному другу-пулемёту, стал всё чаще оглядываться. Я его понимал, и постарался незаметно отстать, чтобы в случае чего у Скопы был верный шанс уйти вперёд.

Валий, идущий впереди всех, неожиданно остановился... и резко прыгнул назад, сбивая с ног Настю и Скопу.

Грохнуло, мгновенно заложив уши. Меня не спасли даже наушники шлема, которые могли гасить звук ближних разрывов.

Когда улеглась пыль, стало ясно, что Расул сорвал невесть кем и когда поставленную растяжку.

Сейчас он лежал на полу, а рядом, скользя пальцами по крови, хлеставшей из-под его левого колена, пытался наложить жгут Дым. Тоха, не замечавший того, что видел я.

Вся левая сторона его костюма была изодрана осколками в клочья. Ещё немного, и он поймёт это. А сейчас Дым пытался спасти своего друга, уже вздрагивающего из последних, оставшихся у него, сил.

Забелин, также раненый, хотя и не так сильно, попытался обратить внимание Дыма на его собственные проблемы. Но тот только матерно рыкнул и продолжил свою борьбу за жизнь напарника.

— Сук-а-а-а!!! — Дым стукнул кулаком по полу. — Дерьмо! Сраное, вонючее, чёртово дерьмо!!!

Валий смотрел в потолок уже погасшими глазами.

Далеко позади нас сухо кашлял «Абакан» Антона. Он остался, пожав нам на прощание руки. И сейчас — начал свой последний личный бой. С бойцами «Новых пуритан», которых хотя и осталось не так уж много, но всё равно было слишком для одного Дыма.

Но он дал нам время уйти. И спасибо тебе за это, бродяга.

Лёгкий ветер гнал по земле жёлтые листья. Осень, полноправно вошедшая в свои права, дарила людям последние дни тепла и солнца. Скоро небо станет низким, будет закрыто серыми, тяжёлыми тучами. Постоянно морозящий дождь, вкупе с промозглым сквозняком, сделает всё, чтобы любое живое существо хотело скорейшего выпадения снега, который закроет грязь своим белым покрывалом.

На старой, с облупившимися деревянными сиденьем и спинкой, и чугунными боковинами, лавке, стоявшей возле колеса обозрения в небольшом парке, сидели двое.

Высокий, сероглазый парень с открытой и доброй улыбкой, и девушка, небольшого росточка, хрупкая, и с такими же, как у её спутника, весёлыми и большими глазами. Они курили сигареты, которые брали из одной пачки, пили разливное, местное пиво, и тихо разговаривали:

— Ты уже точно всё решил? — Девушка затаила рот, выпуская колечки сизого дыма. — А то, может, передумаешь?

— Ир, а что я здесь забыл? — Парень с улыбкой посмотрел на неё. — С Настей я развёлся, работы нет, ты же в курсе.

— Антош, ты в чём-то прав, конечно. — Ирина глядела прямо перед собой, попыхивая сигаретой. Было заметно, что её пальцы дрожат. — Но... американцы завод выкупили, набирают ещё три смены, можно ведь ту...

— Да хватит тебе! — её собеседник неожиданно почти крикнул, повернувшись к девушке. — Сколько можно уже! Всё определено, я полностью заплатил тем, кто меня туда отправит, и какого чёрта мне останавливаться, а?! Не подскажешь, Ирка?!!

— А ты подумал про меня?! — Девушка развернулась к нему, крича прямо в лицо. Тушь давно потекла с ресниц, оставляя размытые чёрные дорожки на её щеках. — Про маму и отца?! У тебя дочка есть, в конце концов, а ты думаешь только про себя!!!

Она сгорбилась, обняв себя за плечи, сотрясаемая почти беззвучными рыданиями, и замолчала. Её собеседник, кинув пустую полторашку в ближайшие кусты, вскочил с лавки, и, отойдя метров на десять, нервно закурил.

Какое-то время в этом кусочке старого парка, названного в честь какой-то там победы, наступила полная тишина. По асфальтовой дорожке прошла молодая девушка, толкавшая перед собой модную трёхколёсную коляску.

Антон покосился ей вслед, сплюнул, и подошёл к своей младшей сестре, молча плакавшей на старой скамье, стоящей посреди того места, которое помнило их обоих ещё совсем маленькими. Здесь они когда-то катались на каруселях, и, как-то раз, его Ирка не хотела залезать в кабинку «чёртова колеса», а он, будучи старше на пять лет и выше на полторы головы, силой затащил её туда. А потом, всё время после того, как колесо плавно пошло на подъём, держал в руке её маленькую, совсем детскую ладошку, и просил у неё прощения, глядя на то, как она молча редела, так же, как и сейчас. Только выбор тогда был не так страшен. И не нёс в себе возможной отложенной смерти.

— Прости меня, Ирка. — Антон обнял её, крепко прижав к скрипнувшей, новой кожаной куртке. — Я вернусь, слышишь. Просто заработаю немного, и вернусь. Веришь?

Она подняла заплаканное лицо, взглядевшись в его, с самого детства такие близкие глаза, и только вздохнула, ничего не ответив.

Тоха Дым, временами теряя сознание от кровопотери, внимательно вглядывался в тёмный коридор, по которому в его сторону, медленно и неумолимо, тихими кошачьими шагами, шла смерть. Несколько серых он завалил, но сколько их ещё будет?!!

Колесо обозрения, находящееся где-то в Парке, и когда-то давно поднимавшее вверх детей Радостного, было таким же, как то, оставленное им на родине. Глаза Антона уже несколько раз закрывались. И каждый раз, в этот момент, он видел маленькую, детскую ладошку сестры, и её такие же, как у него, серые глаза.

В конце коридора из мельтешения теней соткалась чёрная, длинная и низкая четвероногая фигура, метнувшаяся к нему...

Район (Несостоявшийся репортаж): Глава 7. Город

— подземелье

Лампы, закрытые в колпаки из толстого стекла и каркасы из металлических прутьев, постоянно моргали, отбрасывая от нас, двигавшихся вперёд, дёргающиеся тени.

Тени прыгали по растрескавшейся штукатурке стен. Они бежали перед нами, ныряя в глубокие и тёмные провалы боковых ходов. Ползли по красноватым плиткам, выложенным на полу, прячась в глубоких трещинах, избородивших его вдоль и поперёк.

С низкого, в рыжих разводах от потёков воды, потолка, часто капало, звеня в тёмных лужах, скопившихся под нашими ногами. Шурша хитиновыми панцирями, по нему пробегали громадные чёрные тараканы, проползали важные, раздувшиеся мокрицы, шевелящие десятками бледно-серых ножек. Попискивая, шныряли внизу большие местные крысы, пока не пытавшиеся нападать на нас.

Постоянно что-то щёлкало и потрескивало. Скрипели старые, провисшие на проржавевших петлях, двери кабинетов и лабораторий. Иногда срабатывали ревуны аварийной системы безопасности, заливая всё вокруг красным светом ещё живших остатками ресурсов ламп сигнализации.

Мы шли вперёд, ведомые эфэсбэшником Забелиным, постоянно сверявшимся с показаниями электронного планшета. Несколько раз он останавливался, что-то смотрел с помощью прокрутки на светящемся зеленоватым светом экране, и потом мы снова шагали к конечной цели.

Большой, идя впереди, мерно двигал своими мощными ногами, ни разу не показав, что ему, скорее всего, становится всё больнее и больнее шагать. Он даже, как ни странно это было, не хромал. Ствол его «Печенега», с закреплённым фонарём дневного света, смотрел вперёд, как пушка штурмового тяжёлого танка.

Настя, бережно баюкавшая раненую руку, шла вслед за ним, стараясь попадать именно туда, где наступали подошвы ботинок пулемётчика. Я не был уверен, что до конца понял то, что ей приснилось там, на лесной опушке, в разваленном домике. Но сейчас, и это было хорошо заметно, Большой стал для неё самым надёжным телохранителем, которого она только могла себе представить.

Скопа, перевесив винтовку за спину, и вооружившись дробовиком нашего тяжеловеса, шла в середине. Пожалуй, она была сейчас единственным членом команды, за которого я не переживал. Сестра была не ранена, вооружена до зубов, и зла как сто туманных волков, оставшихся без ужина. А когда она была в таком состоянии, то я не позавидовал бы и голему, если тот решит возникнуть на её пути.

Забелин шёл за ней, объясняя, где, при необходимости, нам нужно повернуть, а где остановиться. В случае остановок он подходил к абсолютно незаметным, утопленным в стенах электронным панелям, и включал ловушки. Конторщик объяснил нам, что коды, вводимые им, автоматически запускают этих запрограммированных много лет назад механических убийц на самовзвод. После того, как мы отойдём от них на десять-пятнадцать метров. И одна мысль о том, что вся эта смертоносная благодать ожидает тех, кто может идти за нами по пятам, грела мою душу как глоток качественного спирта.

Мне пришлось замыкать нашу колонну, и я, надо признаться, был этому рад. Слова о том, что надо слушать эхо от шагов, сказанные мне одной из легенд Района, покоя не

добавляли.

— Впереди будет разветвление. — Забелин кинул взгляд на экран планшета. — Нам нужно будет повернуть налево.

— Тьфу ты. — Большой сплюнул под ноги, попав на валявшийся под ногами проржавевший АКС. — Нет бы направо пойти, а?! Нет, попрёмся налево. Я, конечно всегда за, когда меня налево зовут сходить, но здесь... Эхе-хех, товарищ, не знаю, кто вы там по званию, ну вот почему у нас, славян, всё всегда через одно место, а?

Забелин хмыкнул, прежде чем ответить:

— Вы знаете, э-э-э, Большой, мнение о том, что коридор, который нам нужен, уходит налево, и что, в свою очередь, доказывает факт того, что у нас всё через одно место... Хм, наверное, это никак не учитывалось при создании ходов сообщений и коммуникаций. Когда комплекс проектировали, то, наверное, не подозревали о том, что это может вызвать неподдельное неудовольствие бывшего чемпиона мира по боксу. Вы согласитесь?

Большой покосился на него через плечо, ещё раз сплюнул, и, ничего не ответив, повернул налево, в еле-еле освещённый коридор.

Луч фонаря пробежал по пучкам кабеля, закреплённого на стенах, и остановился, будто споткнувшись. Большой замер, похожий на очередную статую великого скульптора, имевшего грузинские корни и склонность к гигантомании.

— Ты чего? — Скопа подняла ствол дробовика. — Что там?

— Тихо! — шикнул Большой. — Что-то там не то, впереди. Видите?

Я развернулся к ним спиной, взяв на мушку пространство коридора, позади нас. Где-то далеко, если верить показаниям КПК, что-то, а вернее, кто-то, двигался в нашем направлении. Переживать по этому поводу, думать о том, кто это, и что нам может грозить, я не собирался. Хотя расстояние медленно и верно сокращалось, данный факт всё равно не был чем-то из ряда вон выходящим.

Преследовать нас были должны. Это аксиома. Сектанты не может допустить того, чтобы по их территории безнаказанно шлялись посторонние, то есть мы. И интересовало меня только одно обстоятельство, а именно — когда и где произойдёт столкновение. Если оно произойдёт, конечно. Хотелось бы верить нашу товарищу Забелину, который обещал запасной путь через систему коридоров, нигде не отмеченный. И бывший, по его уверениям, настолько секретным дублирующим ходом, что про него никто, включая мифических Создателей, не должен был знать.

Вот в этом я сомневался. Мало того, что, если они существовали, то точно знали всё и про всех. В самом Районе, естественно. Так ведь ещё были и самые рядовые создания, для которых даже самая наисекретнейшая из всех секретных секретность была не более чем мыльным пузырьём.

Например, для поводырей. Эти поганцы вообще бродили повсюду и везде, где им только вздумается. И сказать, что они создавали проблему для рейдеров, значило ничего не сказать. Я их ненавижу. За то, что они могли проникнуть в мозги любого неосторожного бродяги. За то, что ещё будучи прямоходящими представителями, пускай и мутировавшими, отряда хомо сапиенс, жрали себе подобных. И за давно погибшего Прапора.

Для меня — погибшего. Так как рейдер, переживший Всплеск, и выкарабкавшийся из-под его смертельных вихрей, может остаться собой. Но, если он стал одним из этих уродов, с раздутой, видимо от переизбытка пси-способностей, головой, для меня он — труп.

А ещё есть цверги, крысы, зомби. И, конечно, ещё есть вурдалаки и призраки.

Так что у нас складывается интересное уравнение из нескольких неизвестных. Прямо задачка из учебника «Курс юного рейдера: Районоведение»: выйдя из пунктов К и Ч в пункт Р, группа из пяти «икс» столкнулась с неизвестным количеством «игрек».

Вопрос: сколько «икс» доберётся назад в пункты К и Ч из пункта Р, если будет внесена добавочная неизвестная, составленная из множества С и неизвестного количества Х. Вдобавок, физические и пси-параметры Х — неизвестны.

Ответ: а х... их знает, сколько «иксов» вернётся, товарищ полковник.

— Что там, Большой? — Скопа повторила вопрос. — Чего молчишь?

— Т-с-с-с... — Пулемётчик опять шикнул. — Не могу понять, чё это за дрянь...

Я покосился через плечо, пытаюсь увидеть то, про что говорил Большой. Да уж...

Четыре еле светящих лампы с трудом освещали небольшой, метров десять в длину, коридор. В его конце хорошо виднелась открытая герметичная дверь, со штурвалом замка посередине. Из проёма пробивался пусть и красноватый, но зато куда как более яркий свет. Он падал на что-то, лежавшее как раз перед так нужным нам дверным проёмом, и загородившее путь. Это «что-то» было похоже на сваленные в кучу куски толстой арматуры, и могло показаться грудой обычного мусора, появившегося в результате старения здания. Но оно шевелилось, и издавало странные, отвратительно щёлкающие, звуки. Как будто перед нами сразу с десятков людей, страдающих от недостатка смазки коленных суставов, решили заняться приседаниями. Щёлк... скрччч... щ-ё-ё-ё-лк... скрррчч...

Большой навёл на это нечто ствол «Печенега», и аккуратно-аккуратно сделал шагок вперёд...

Хрустнуло и щёлкнуло так, как будто физкультурники, бывшие мечтой алчного хирурга-ортопеда, неожиданно дружно подпрыгнули из полу-присяда. А потом...

Куча арматурин вздрогнула, и абсолютно молниеносно распрямилась, превратившись в какую-то извращённую пародию на громадного паука из Приречного леса. Паука, состоящего из кусков различных организмов, населяющих Район, прошедших через кислоту из желудка гипер-урсуса невиданных размеров, а потом собранных чокнутым биологом-вивисектором как конструктор «Лего»:

...вытянутое тело, склёпанное из двух, явно человеческих, торсов, с выступающими там, где должен находиться спаренный позвоночник, острыми костяными шипами...

...длинные, трёхсуставчатые, острые лапы, заимствованные, казалось, у того самого, пришедшего мне на ум паука, в количестве шести штук...

...находящиеся впереди и сзади, именно там, где располагались плечи странного туловища, вытянутые, украшенные изогнутыми когтями, мощные лапы вурдалака...

...крепкая, изогнутая и гипертрофированная шея цербера, несущая на себе заострённую голову, больше похожую на череп, с натянутой на него обожженной кожей...

...растянутый от одного вытянутого уха до другого шрам пасти, сейчас с шипением продемонстрировавшей нам ряд блеснувших в тусклом свете острых зубов...

...панцирь движущихся ороговевших пластинок и чешуек, которые, матово блестя, покрывали весь этот неизвестный и выдающийся экземпляр местной кунсткамеры...

Тварь сильным рывком подпрыгнула, воткнула острые копыта длинных лап в стены, повиснув на них, свесив вниз шевелящие когтями лапы. Узкий и вытянутый язык мелькнул в широко раскрытой пасти, облизав тёмные губы. Оно скрипнуло, и издало тихий, явственно издевательский, смешок. Существо не торопилось атаковать, по непонятной причине давая

нам возможность рассмотреть себя получше, как будто красовалось перед нами, уверенное в собственном превосходстве.

— Это что за скотина?! — Скопа тихо присвистнула. — Ну, господа офицеры службы безопасности, дали вы нам возможность увидеть такое... Мне ж не поверит никто потом.

— Когда потом? — Явно оторопевшая Настя непонимающе посмотрела на неё.

— Да когда мы её завалим, паскуду эту, а потом всё, что нужно, сделаем, и будем бухать в «Солянке», а когда же ещё-то? — Скопа нервно усмехнулась, покосившись на девушку.

А ведь она-то точно в этом не уверена, мелькнула в моей голове абсолютно трусливая мыслишка. Да и мне не по себе как-то. Вот только почему они не стреляют? Ладно, я, который тыл прикрывает, но они-то?!!

— Так нельзя стрелять, Пикассо. — Большой ответил на мой незаданный вслух вопрос, поняв, наверное, что он возник в моей голове. — Вон они, «с добрым утром»... Штук пять или шесть... Ага, больше ведь нам и не съесть... Эхех...

Ох, ё-ё-ш-е-н-ь-к-и-ё-ё... Вот этого только нам и не хватало. И всё сразу стало понятно: и то, почему ребята не стреляют, и то, над чем хохотала эта многолапая скотина.

«С добрым утром» одна из самых подлых ловушек Района. Стрелять в её присутствии нельзя, потому что пуля может резко поменять траекторию. Например, полететь назад, в того, кто её отправил в путь. Да уж... Вот и нет у нас того преимущества, из-за которого мы всё таки одерживаем верх над местными порождениями. И вопрос, который звучит так же, как он звучал у принца датского, обретает для нас ещё какую объективность! Быть нам, или не быть, когда это костяное страховидло наконецкинется на нас, вот в чём он, самый главный вопрос... Нда-а-а.

— Есть предложения? — Большой медленно водил стволом в сторону твари. — Назад можно попытаться отойти и выманить её.

Тварь хохотнула, смутно блеснув слюной на языке, и снова зашипела.

— Так он за нами и пошёл. — Настя выругалась. — Не дождёмся ведь...

— Назад нельзя... — Забелин поморщился, глядя на неё. — Там автоматы, которые я запрограммировал. Пройти их мы не сможем.

— Попадос, так попадос. — Скопа, пристально смотревшая на мутанта, мрачно констатировала данный факт. — Чего же делать-то?

Сзади, ещё далеко, ощутимо грохнуло и застучало. Никто из нас не оглянулся, хотя то, что до нас почти добрались, стало абсолютно ясно. Нужно было срочно идти на прорыв, иначе нас ожидает нечто весьма неприятное.

Автоматы — автоматами, но кто знает, насколько они смогут задержать преследователей? Правильно — на этот вопрос никто не сможет ответить. Кто знает, как себя поведёт электроника, долгие годы находившаяся в бездействии?

А оказаться между двух огней нам не хотелось.

— Ножи её возьмут? — Я сглотнул слюну, вслух высказывая мысль, которая, наверняка, сейчас пришла в голову не мне одному. — Можно попробовать, кто-то проскользнёт дальше... В любом случае, выхода у нас нет. Как бы оно ни было, оставаться здесь и ждать с моря погоды я не хочу.

— Я тоже. — Скопа тихо вздохнула, ставя винтовку к стене, и отстёгивая держатель на кармане с ножом. — Попробуем... Забелин, а вы с Настей пой...

— Нет. — Конторщик покачал головой. — Если пойду я и она, то нас запросто сможет поймать ещё какая-то тварь. Или в аномалию влезем. Детектор детектором, а ваше

рейдерское чутье ничто заменить не сможет.

— И что вы предлагаете? — Настя недоумённо посмотрела на него.

— Что предлагаю? — Забелин улыбнулся, привязывая непонятно когда и откуда извлечённый шнурок к рукояти ножа, возникшего в его ладони откуда-то из рукава. — Сейчас увидите. Дайте сигарету, пожалуйста, у меня закончились. И отойдите за угол.

Он вдел кисть в аккуратную эластичную петлю, охватившую его запястье, прикурил сигарету, взятую в одной из трёх наших, помятых пачек. Неторопливо и абсолютно спокойно извлёк из набедренного кармана второй нож, проделывая с ним ту же, что и минутой раньше, процедуру.

— Скопа, — Забелин вкусно затаился, и неторопливо, через нос, выпустил сизые струйки дыма. — Не поможете мне?

— Конечно. — Наша снайперша, недоумённо глядевшая на его манипуляции, согласно кивнула головой. — Что нужно делать?

— А вы мне гранату вот сюда вот, — конторщик подбородком ткнул на левую сторону разгрузилета, — примотайте вон той изолентой, что у меня в кармашке на боку. Там петелька есть, удобная.

— Лев Георгич, Лев Георгич. — Настя побледнела, поняв то, что собирается сделать её командир. — Зачем? Но...

— Никаких «но», Ефремова, — Забелин плюнул окурок в угол, и покосился на висящую под потолком многоногую смерть. — Вы теперь ответственная за выполнение задания. Понятно? Я так поступаю потому что...

Он замолчал, не закончив фразу, потом мотнул головой, как будто отгоняя что-то из воспоминаний, и повернулся в сторону едва освещённой твари, которая внимательно смотрела за нами.

— Но...

— Хватит Настя. — Скопа потянула её за угол, который должен был закрыть нас от осколков. — Мужик он, твой начальник. Вот и всё.

Я поспешил укрыться вслед за ними, прислонившись спиной к стене и положив автомат на колени. И стал терпеливо ожидать тех звуков, которые дадут нам понять, можно ли выглянуть, не опасаясь схлопотать гранатный осколок в забрало шлема.

Большой, спрятавшийся за противоположным бетонным откосом, смог проковырять небольшую щель в том месте, где соединявший две плиты раствор растрескался настолько, что медленно вываливался. Он приник лицом к ней, и, сощурившись, внимательно вглядывался в то, что происходило в коридоре.

Полковник Забелин аккуратно шёл вперёд, отсчитывая десять самых последних шагов в своей жизни.

Он был реалистом, и понимал, что сейчас погибнет. От чего — это уже было неважно, хотя очень хотелось, чтобы план, который пришёл в голову, сработал.

Ему не нравился Изменённый, сейчас начавший движение вниз. Он был, или казался, слишком разумным для рядового создания Района. Чего стоил его смешок, который раздался после того, как Забелин сказал о невозможности возвращения назад.

Чтобы там по его поводу не думал погибший Бармаглот, но конторщик не был учёным. Большую часть своей службы Забелин прослужил оперативником, придя в ФСБ из очень серьёзного спецназа. И ножами работать он умел, и именно на это сейчас и полагался,

решившись на самоубийственный бой.

Он никогда не верил в то, что перед смертью можно увидеть перед глазами всю жизнь, и сейчас понял, что ошибался.

Мутант, перетекая вниз, шипя, капая слюной на пол, уже метнулся к нему. А перед глазами мелькали цветные кадры того, что осталось далеко позади.

Тварь метнулась вперёд, размываясь в таком молниеносном прыжке, который тяжело было ожидать от такого крупного и казавшегося несуразным, тела. Забелин чуть улыбнулся, и, пригнувшись, рванулся ей навстречу.

Шансов победить у него не было. Первым же выпадом передних нижних лап, увенчанных острыми роговыми пиками, тварь пробила ему бедро и правое плечо над ключицей.

Нависла над ним, сжалась в острый, ошетилившийся роговыми выступами, клубок, и, резко распрямившись, подтянула его к оскаленной пасти и блеснувшим когтям.

Боль была обжигающей, пришедшей изнутри и мгновенно заполнившей собой всё вокруг. Она была раскалённой и белой, как кусок арматурины, извлечённый из печи, похожей на кусок плавящегося стекла.

Забелин захохотал, когда шипящая щель, выпустившая десятки иголок, покрытых тёмной слюной, наклонилась к нему.

Закашлялся, когда лезвия когтей вошли под рёбра, проткнув и кожу и узкий щит мышц, и снова зашёлся диким хохотом, пришедшим откуда-то из глубины сознания.

Ярость, чёрная как смоль ярость берсерка пришла с ним, проснувшаяся от этой боли и ненависти к этому, такому чужеродному, существу.

Левая, свободная и неповреждённая, рука, метнулась вперёд, погружая лезвие с зазубринами на спинке глубоко внутрь твари, пробив костяную броню грудины.

Тварь зашипела и завизжала, чуть отпрянув в сторону, и промахнувшись пастью, не зацепив лица Забелина.

А он успел воспользоваться этим, взревев от боли в правом плече, и, преодолевая её, воткнул второй, узкий и плавный клинок, прямо в кожу подбородка, погружая его глубже и стараясь закрепить там острие.

Мутант дёрнулся, брызнув на конторщика слюной, слизью из вывернутых ноздрей, и горячей, тёмной кровью.

И тогда полковник, дотянувшись зубами до кольца гранаты, с хрустом зацепил его зубами и рванул на себя...

Сведённые вместе усики легко подались, пуская ударник вниз...

Еле ощутимый запах сгорающего пороха — именно его почувствовал Забелин перед тем, как окунуться в пламя вспышки, поглотившей конторщика протуберанцем взрыва...

Большой пригнулся, вжимаясь в стену. А за ней, в замкнутом пространстве помещения, оглушающе грохнул взрыв гранаты, полностью перекрыв громкие щелчки сработавших ловушек.

Мгновением позже воздух засвистел, наполняясь осколками металла, крошками бетона и шпукатурки, выброшенными в проход взрывом. Мы закрылись руками, слыша, как они барабнят по стене напротив нас, впиваясь в неё острыми краями.

Коридор заполнился удушающее пахнувшим дымом от сгоревшего пороха и взрывной смеси, серыми клубами поднятой пыли и оседающими частицами покрытия стен.

Когда всё это наконец полностью опустилось вниз, я выглянул из-за угла, пытаюсь

понять, получилось ли у Забелина. С первого взгляда, несмотря на плохую освещённость, мне стало ясно, что получилось абсолютно и окончательно.

Красноватый свет всё также отбрасывал тени по углам, но в нём уже не было ни уродливого пауко-монстра, ни человека, ценой своей жизни подарившего нам время для того, чтобы мы могли пройти ещё немного вперёд.

Прямо на пороге валялась оторванная и полностью деформированная голова мутанта, которую я узнал по непропорционально длинной шее.

То, что осталось от конторщика, лежало в дальнем углу бесформенной кучей в обрывках одежды.

Ждать, пока разряженные аккумуляторы ловушек снова наполнятся убийственной энергией, мы не стали.

Настя оглянулась на тело Забелина, и, шмыгнув носом, скользнула в так необходимый нам дверной проём.

— Долго ещё, Настя? — Аккуратно пройдя между лениво шевелящими своими усами двумя «разрядниками», я присоединился к ребятам, ожидавшим меня в конце очередного поворота. — Чего-то идём, идём, и никак не придём.

— Ещё метров двести. — Девушка устало вздохнула, смахнув пот со лба. — Почти дошли.

— Хорошо, честное слово. — Большой бросил вперёд кусок кирпича, заставивший ещё одну злобную «электричку» шандарахнуть по нему как следует. — О! Можно идти...

Позади уже давно не раздавалось довольно долго грохотавших пулёмётных очередей. То ли сектанты смогли как-то их отключить, то ли они их тупо расстреляли из гранатомётов (а взрывы были), то ли электроника всё-таки отрубилась.

Думать о том, что за нами продолжают идти, не хотелось. Хотелось думать о чашке кофе, хорошей котлете, порции спиртного и прекрасных, третьего размера, сиськах Анжелки, бравшей с меня только половину своей обычной «таксы».

Но, как и обычно, наши желания не всегда совпадают с нашими возможностями. И потому в моей голове постоянно щёлкал внутренний детектор, отмечающий наиболее удобные для занятия обороны места.

За поворотом открылся довольно длинный, кусками освещённый просторный участок, заканчивавшийся красноватым мигающим маячком над очередной дверью.

— Нам туда. — Настя еле заметно, краешками губ, улыбнулась. — Дошли ведь...

Скопа выставила перед собой широкий, прорезиненный набалдашник детектора, поводила им из стороны в сторону и мотнула головой, показывая, что впереди чисто.

Верилось в это с трудом, но и брошенные вперёд остатки болтов показали то же самое, что и хитроумный прибор: полное отсутствие аномалий.

И тогда мы быстро двинулись вперёд, радуясь тому, что это было возможно, и тому, что наши датчики не орали благим матом, как это было большую часть пути по подземным коммуникациям.

Почти дойдя до так долго ожидаемой двери, я остановился, прислушиваясь.

Несколько секунд назад мне стало казаться, что слишком странное эхо раздаётся от наших шагов. Помня предупреждение, сделанное мне на поляне в леске, что у Рва, я не решил, что это слуховая галлюцинация.

— Слушаем, ребят, — мне пришлось сказать это остальным. — Внимательно слушаем

эхо. Мало ли?

Никто не ответил. Да и чего тут было отвечать. Подземный мир Района — он куда как страшнее того, что на поверхности. И то, что мы дошли, никак не застраховало нас от того, что сейчас сзади возникнет кто-то, кто захочет остановить нас в нескольких шагах от цели. Я развернулся, подняв ствол АКСа, и увидел...

Она скользнула из только что оставленного нами позади прохода. Вытянутая низкая фигура,двигающаяся с немного изломанной, но так хорошо узнаваемой кошачьей грацией. Сфинкс, чёртова гончая Создателей, тварь, которую мало кто мог описать. Потому что после встречи с ней нос к носу живых не оставалось.

И вот нам представилась исключительная возможность полюбоваться на неё собственными глазами. Посмотреть было на что, хотя и не хотелось.

Она была красива, очень и очень красива. Даже сейчас, вся израненная с ног до головы оружием тех ловушек, которые ей пришлось пройти. Когда она вышла на освещённый кусок, стало видно, что её кожа, покрытая иссиня-чёрными, гладкими и короткими волосами, продырявлена во множестве мест. Левая лапа была превращена в лохмотья осколками от гранаты. Наверняка, той самой, которую взорвали спецназовцы, и эхо этого взрыва мы и слышали. Густая грива из щупалец вокруг вытянутой, полу-человеческой, полу-кошачьей морды.

Но, несмотря на это, она дошла. Сфинкс вытянула из себя всё, но добралась до нас, отправленная своими хозяевами по следу. И ведь где-то, за ней, шли остатки сектантов. Да уж, ситуация так ситуация...

— Быстрее, Настя, быстрее!!! — Скопа, присела, прицеливаясь в надвигающуюся чёрную убийцу из «Стечкина». — Мы мож...

Она не успевает закончить фразу, потому что в мигающем красноватом свете:

...Сфинкс атакует, стартовав с места прыжком на боковую стену...

...Венчик огня, вырывающийся из ствола моего автомата, двигается следом за сумасшедшей чёрной молнией, рывками двигающейся к нам...

...Смазанным зигзагом, не обращая никакого внимания на зацепившую её бок очередь, тварь падает на меня сверху, размашисто ударив лапой по шлему...

...Пистолет в руках Скопы грохочет, выстреливая вперёд в, кажущемся неторопливым, полёте, тупые девятимиллиметровые пули...

...Изменённый выгибается в своём прыжке над нами, пропуская их вбок, отталкивается от стены и резким ударом длинного, с шипами на конце, хвоста бьёт её по руке, уводя ствол вниз...

...Большой, закрывая собой колдующую над кодовым замком Настю, успевает всадить в тварь очередь, отшвыривая её в сторону, не давая вцепиться зубами в Скопу...

...Сфинкс низко воет, отлетая, и тут же, пружинисто развернувшись, прыгает снова, перелетая через мою упавшую сестру, целясь в конторщицу...

...Пулемётчик встречает её прямой очередью, неожиданно захлебнувшейся заклинившим патроном, пытается остановить тычком ствола, но не успевает...

...Мутант отшвыривает его одним страшным ударом когтей целой лапы, вскрывшим его комбинезон на плече, и взметнувшим вверх капли блеснувшей в свете ламп крови...

...Я засаживаю в затылок живой смерти оставшиеся в магазине патроны, и вижу, как вздрогнув всем телом, она успевает дотянуться до тонко вскрикнувшей девушки...

...Сфинкс хрипит, скручиваясь в клубок, скрежеща когтями по бетону пола, и выдирая

целые куски в возможной агонии...

...Поднявшаяся на ноги Скопа подлетает к нему и несколько раз подряд стреляет в голову этого чудовищно живучего монстра, выбивая из него мозги и остатки жизни...

Чёрт! Ч-ё-ё-р-т!! Ч-ё-ё-ё-р-т!!!

Большой хрипел, не шевеля развороченным плечом и частью шеи, пока мы, содрав с него комбинезон, накладывали жгут и бинты.

Острые, загнутые когти прошили вскользь, сумев разодрать кевлар, и распоров плоть прямо рядом с артерией. Мы успели, но что нам сейчас делать, я не мог представить.

Настю сфинкс зацепил по спине, не задев ничего жизненно важного, но крепко поранив. Двигаться она могла. Морщась и судорожно хватая воздух широко открытым ртом, но могла.

Скопа вкатила им обоим по ампуле анальгетика, который пока отодвинул боль в сторону. Но что предпринять?!

Настя открыла дверь, и нужно было двигаться вперёд. Но как?!!

— Большой, вставай. — Я помог ему подняться. — Нужно добраться до этого сраного КП. Там постараемся отдохнуть, и придумать, как нам выбираться. Выдержишь, брат?

— Выдержу. — Прогудел гигант, опираясь на своего «Печенег», как на костыль. — Давайте двигаться. А то сейчас, не приведи господи, нас ещё и «серые» догонят.

Скопа помогла Насте дойти до двери, протиснулась с ней, и, посадив девушку на пол, взялась за ручку. Снайпер пристально смотрела в коридор, держа наизготовку пистолет.

Мы с Большим, пыхтевшим при каждом шаге, доковыляли до нашей цели. Я придержал его за локоть, помогая поднять ногу через металлический порог герметичной двери.

И ничего не успел ни понять, ни сделать, когда он одним сильным толчком отправил меня внутрь помещения за ней. А потом пинком закрыл дверь. И ещё я услышал хруст замка, который Большой разбил ударом приклада.

— Большой!!! — Скопа, отлетевшая от пинка по двери в сторону, вскочила и метнулась к маленькому стеклянному окошку, врезанному в самый верх двери. — Дурак! Что ты наделал?!! Зачем?!!

Я подошёл к ней, взглянув через давно ставшее мутным, покрытое пылью, стекло...

Он смотрел через него на нас, нахмутив свои густые брови, и улыбался. Потом поднял вверх пулемёт, показал нам кулак с поднятым большим пальцем и кивнул головой, прощаясь.

Большой решил остаться и прикрыть нас. Сломал замок, который теперь намертво заблокировал дверь, и решил дожидаться сектантов. Наш громадный, сильный, страшный и безумно добрый друг. Он дал нам ещё одну возможность выжить...

Вот так вот, такие дела... Скопа постояла, уперевшись лбом в стекло окошка, что-то шепча одними губами, потом стукнула кулаком по двери, и, не оборачиваясь, пошла вперёд.

Настя махнула рукой, и пошла за нею следом. Я попробовал вызвать Большого через встроенный в шлем переговорник, но окружающие нас стены и металл надёжно блокировали радиоволны. Махнул ему рукой, и пошёл за своими девушками. А-ля гер, ком а-ля гер, как говорится.

Нам оставалось пройти один завиток в этом спутанном клубке коридоров и переходов, в которых остались и наши друзья, и, вместе с ними, куски нашей жизни. Я шёл вперёд,

аккуратно обходя трещавшие «разрядники», механически огибая торчащие куски арматуры и искрящие провода, свисающие с потолка. Тело послушно выполняло все команды, не показывая ни грамма усталости, но я чувствовал, как устал глубоко внутри. Даже когда мы со Сдобным только становились опытными рейдерами, у меня не было такой сложной и страшной ходки.

Да, мы прошли достаточно быстро и легко большую часть пути, но зато каков её конец? И стоит ли цель того, что пришлось за неё заплатить? Не знаю...

Вот впереди уже виднеется мигающий красный маячок над ещё одной герметичной дверью, и, возможно, именно она и есть наша конечная остановка. Казалось бы, что после всего того, чем пришлось пожертвовать: жизнями друзей, и, пускай и незнакомых, но явно не самых плохих ребят-спецназовцев, нужно бы радоваться.

А радости-то и нет... Есть безграничное, всеохватывающее и оупляющее бессилие, грусть и тоска, уже давно гложущие меня изнутри. Эх, Район-Район, что же ты делаешь с нами, обычными людьми?!! Ведь мы и есть самые страшные Изменённые, мы, а не изуродованные животные и такие же, как и мы когда-то, искалеченные физически и умственно, люди.

Ведь если бы не было самого Радостного — не было бы всего этого вокруг, и не старались бы бродяги вцепиться друг другу в глотку из-за редкого артефакта.

Не было бы непонятных операций военных и чудовищных опытов учёных, каждый раз добавляющих уголька в эту аномальную топку. Не было бы...

Да кто знает? Не было бы этого Района, так был бы другой, это точно. Пусть и без големов, церберов, вурдалаков и ловушек... Были бы другие чуды-юды и непонятные физические и химические феномены.

И всё было бы точно так же. Одни бегали бы за другими, а там — как повезёт. Кого-то бы ели, кого-то убивали, кому-то отрезали хвосты и продавали их на сувениры.

И не будь Её, то кто знает, был ли сейчас я, или Скопа, да и даже оставшийся за дверью Большой? Ф-у-у-у-х... хватит заниматься самокопанием и доморощенным философским психоанализом, рейдер Пикассо, ты в Районе, а здесь расслабляться нельзя.

Мы не добрались до моргающей красной лампы, потому что, дойдя до такой же, как и остальные, окрашенной стальной двери, Настя торопливо откинула незаметную фальш-панель, скрывающую очередной кодовый замок. Для разнообразия, судя по всему, он был механическим. Дверь неожиданно подалась в сторону, утопая в стене, и открывая красноватый свет внутри.

Настя скользнула туда и тут резко, со щелчком, дверь встала на место, не дав мне возможности нырнуть следом. Вот ведь, а?!!

Чёрт!!!

Мы со Скопой, попытались открыть дверь, но ничего не вышло. Скопа устало села прямо на пол, вытянув ноги, подняв забрало и закурив. Я шлёпнулся напротив, стукнув автоматом об бетон, и посмотрел на неё:

— Чего делать-то будем? — Скопа глубоко затянулась. — Я чего-то прямо-таки никак не могу перезагрузиться. Зависла моя оперативная система и не хочет ничего выдавать. Мож, вернёмся к Большому? Попробуем дверь открыть...

— Угу. — Промычал я, откусывая половину найденного в кармане рюкзака

шоколадного батончика, и протягивая ей вторую. — Так прямо взяли и открыли, ага... Автоген поищем? Или «конфорку» заарканим и приладим к делу?

— Ну да... — Докуривая, она покрутила в руках шоколадку. — Значит, пойдём дальше?

— Значит пойдём. — Я стукнул прикладом автомата по двери, и прислушался...

Некоторое время ничего не происходило, но потом мы услышали ответный стук.

Та — та — та-та-та — тата-та — та-та...

— О-о-о... — Скопа улыбнулась. — Спартак, как известно, чемпион. У Насти, судя по всему, всё хорошо. Двинулись?

— Двинулись...

Настя, отстучав рукоятью «Кольта» с детства знакомое сочетание звуков, встала, подходя к стоящей перед ней небольшой установке.

Прозрачный контейнер-приёмник с помпой, панель управления и отходящие от него гофрированные трубки, исчезающие в герметично закрытых отверстиях, уходящих куда-то вглубь стен.

Вот и всё, вот оно, то самое, к чему она шла. Чаша Грааля, созданная демиургом из лаборатории какой-то спецслужбы. Недра искусственного Ородруина, которые должны уничтожить нескольких местных тёмных властелинов.

Да уж... Девушка грустно улыбнулась так некстати вспомнившимся аналогиям из детства.

Настя сняла рюкзак, верхняя часть которого была в клочья разодрана когтями химеры, и аккуратно поставила его у ног. Расстегнула ремень, державший основной клапан, и достала аптечку. Извлекла из неё ампулу-самовпрыску с анальгетиком, вколола в бедро, прямо через дыру от осколка, чиркнувшего её ещё на поверхности.

А потом, отстегнув крышку герметичного контейнера для артефактов, висевшего на её поясе всю дорогу, вытащила на свет моргающей аварийной лампочки пластиковый флакон с надписью «Жидкость для хранения контактных линз». Подошла к установке на столе, откинула плотно притёртую крышку и вылила содержимое флакона в принимающую ёмкость. Щёлкнула маленьким тумблером, который тут же запустил давно готовый к работе аккумулятор, несколько не разрядившийся за время ожидания.

Зажглись три зелёных лампочки, которые, как Настя помнила из инструктажа, показывали полную готовность прибора. Тускло засветился небольшой экран, выводя схему системы. Красных линий, говоривших о неисправности или повреждении, не было. Только синие, исправные.

Девушка смотрела на них, поднеся палец к кнопке старта, и не могла себя заставить нажать ее. Сомнение, возникшее где-то в глубине души, неожиданно подминало под себя желание закончить задание. Настя смотрела на слегка коричневую жидкость, мирно покоящуюся перед её глазами в прозрачной колбе установки.

Если всё пойдёт так, как было рассчитано в лабораториях её ведомства, мельчайшие частицы вещества, которое находится сейчас перед переходным мини-шлюзом, сразу же по попаданию в систему жизнеобеспечения Ковчега, и активизирует специально приготовленный при исследованиях, газ. И с гибелью Создателей, вполне возможно, пропадёт часть аномальной активности Района, и останется просто заповедник с Изменёнными.

Настя покачала головой, улыбнулась и нажала на кнопку...

Мы шли по казавшимся бесконечными коридорам. Скопа ругалась сквозь зубы, замечая ещё одну развилку, а мне ругаться уже надоело. Запас оригинальных матюков — закончился ещё с полчаса назад. А повторяться мне не хотелось.

Пока нам не встретилось ничего необычного или чрезвычайно опасного. Стандартный набор из некоторого количества ловушек, нескольких встреченных нами зомби, от которых мы просто спрятались, и трёх стаяк крыс, которые решительно не хотели столкновения с нами.

В какой-то момент у нас под ногами захлюпала вода, которая текла тонкими ручейками куда-то вперёд. А потом, пройдя очередной поворот и пробравшись через густую полосу «горючек», мы вышли во что-то, напоминающее подземный канализационный коллектор. Да, наверное, так оно и было. И все маленькие ручейки, попадавшие нам на пути, превратились в неширокую, но бурную речушку, несущуюся вперёд по бетонному руслу.

— Вроде, выбрались... — Было видно, что верить в это Скопе хотелось, но она явно боялась сглазить. — Выйдем где-то в районе Топи, брат. Видишь, вода зеленоватая?

— Угу. — Я покачал головой. — Абсолютно с тобой согласен. Давай ускоримся, что ли, не нравится мне здесь.

— Ну да... — Скопа включила фонарь, закреплённый на дробовике Большого, который мы так и не оставили. — Мне тоже, не очень как-то по себе...

Вода, с громким гулом проносящаяся мимо нас, вспенивалась бурунами, то ли наталкиваясь на что-то на дне коллектора, то ли показывая наличие каких-то местных водоплавающих.

Серые стены, густо покрытые пятнами белёсой, и кажущейся мохнатой даже на вид, плесени, давили сверху. С шуршанием мимо нас продвигались колонны каких-то местных, крупных и светящихся насекомых. Под ногами, на зеленоватых от густо покрывавшего их мха-гнилушки, плитах, что-то ощутимо чавкало и лопалось, когда их касались подошвы наших ботинок. По трещинам и стыкам, когда-то давно заботливо замазанным раствором, а сейчас полностью порыжевшим, стекали густо-чёрные маслянистые капли.

— Господи, ты, боже мой, — протянула Скопа. — Сколько же здесь мерзости-то всякой, а? Ф-у-у-у, ты посмотри, дрянь-то какая!!!

На стене, выхваченная из полумрака светом её фонаря, зацепившись руками и ногами, висела какая-то непонятная животина.

Размером со среднего человека, покрытая поблёскивающей, желтоватой кожей, с лысой, вытянутой головой... Она повернулась к нам тем, что можно было бы назвать лицом, если бы не громадные, состоящие из одной черноты, глаза, и недовольно зашипела.

— Фу ты, ну ты. — Я крепко сжал рукоять автомата, следя за ещё одной неожиданностью, встреченной нами. — Это ещё что такое?

Мутант зашипел ещё сильнее, и, уходя от света фонаря, мягко спрыгнул вниз, задом отползая от нас.

— Ого! — Присвистнула Скопа, бросив взгляд на свою грудь, которую не скрывали даже плотный комбинезон и разгрузка. — А она девочка...

Это уж точно, чудо-юда явно было девочкой, судя по двум большим и тугим шарам, которые сейчас слегка подрагивали от её движений. И ещё, если внимательно присмотреться, то становилось понятно, что тварь — беременна. Живот, точащий вперёд остроконечным бугорком, было заметно даже моим, невооружённым цейссовской оптикой,

взглядом.

Где-то впереди, дальше по коллектору, что-то глухо и яростно заворчало. А потом, спустя несколько мгновений, раздался так хорошо знакомый любому, мало-мальски опытному бродяге, гнетущий рёв. И его мог издавать только один монстр в Районе. Голем. Вот только если судить по звуку, он был куда крупнее большинства встреченных нами экземпляров.

— Твою-то, мутанто-механическую маму... — Скрежетнула зубами Скопа, до хруста сжав пальцы на цевье «Спаса». — Оно когда-нибудь сегодня кончится, или нет?!!

Беременная страховидла всё так же отползала назад, спеша, судя по всему, под защиту своего Изменённого муженька, или кем он ей там доводился. Не знаю, как там у големов с семьями, но эта вот желтокожая явно доводилась ему близкой родственницей. И он не замедлил явиться на её защиту.

Один из самых странных созданий Района предстал перед нами во всей красе. И краса была велика и страшна.

Он действительно почти превосходил все виденные мною и сестрой экземпляры. Голем был до того громаден, брутalen и могуч, что мне действительно стало не по себе. Изменённый возвышался перед нами как колосс Петра над Москвою-рекой, и был, также, как и он, страшен.

Два с лишним метра бугрящихся мышц, перевитых вздутыми венами и напряжёнными сухожилиями, под коричневой, покрытой трещинами и морщинами, кожей. С голой, блестящей головой, тёмными провалами глаз и металлическими, покрытыми бурой коркой сукровицы, частями тут и там.

И он был глуп. Либо до смешного самонадеян. Вместо того чтобы атаковать сразу и ринуться на нас, сметая массой, голем сейчас гордо стоял и сотрясал воздух рёвом. И за это немедленно поплатился.

У меня осталось всего три рожка патронов, у Скопы — семь штук в магазине дробовика. Но жалеть их сейчас нам даже не пришло в голову. Вспышки огня брызнули в сторону Изменённых, выплёвывая кусочки свинца и стали.

Здоровяка отбросило назад, ломая, как пластилиновую куклу. Он попробовал встать, но я успел сменить магазин, и заставил его навсегда успокоиться. Голем хрипнул и замер, раскинув в стороны громадные, корявые лапы, оканчивающиеся острыми кусками арматуры.

За ним, прижавшись к стене, тихо подвывала раненая желтокожая. Заряд дробы попал ей в корпус, почти полностью снеся одну из её больших грудей, и разворотил торчащий живот. Его содержимое, густое и вязкое, густо-багрового цвета, сейчас толчками выплёскивалось на бетонные плиты, кишачие сотнями каких-то жучков и личинок. Глухой, тоскливый вой рывками поднимался вверх, отражаясь от низкого потолка.

— Вроде бы и тварь, а мне жалко. — Пробормотала себе под нос Скопа, отбрасывая в сторону ставший бесполезным дробовик и расстегивая кобуру пистолета. — А куда деваться-то?

Мутантка, увидев, что в её руках появился «Стечкин», постаралась отодвинуться от нас подальше. Ей это не удалось. «Стечкин» громко выстрелил, дёрнувшись в руке Скопы. Голова желтокожей вмялась внутрь, тело рывком откинулось назад, а стену окрасило в красный цвет.

Мы шли дальше, где-то перебираясь через рухнувшие металлоконструкции потолка, где-

то пролезая через сплетения труб. Шли, шли и шли, стараясь как можно быстрее выбраться из подземелья. Часы показывали пять часов утра, когда впереди заметно посветлело, и стало видно немного освещённую всходящим солнцем арку проёма, в которую выходил коллектор.

Осторожно, держась за обгрызанные временем кирпичные выступы на стенах, мы спустились на землю. Обычную, покрытую такой привычной, пожухлой и пожелтевшей травой, землю Района. Вы себе не представляете, как же приятно было наступить на неё после суток нахождения внутри бетонных лабиринтов.

Зеленоватая вода падала с небольшой, метра в два, высоты в неширокую речушку, исчезающую в густых зарослях, метрах в ста впереди нас. Мы вылезли на окраине Топи, не так далеко от того места, из которого выбрались так недавно, направляясь в Радостный.

— Вышли... — Скопа улыбнулась, шурясь на всходящее тёплое солнце. — Всё та... а-а-а-х!!!

С хрустом пробив казавшиеся такими крепкими пластины комбинезона, и выйдя с влажным причмокиванием из левой стороны груди, из Скопы торчало костяное, острое жало.

Суставчатый, блестящий, со стекающими с него струйками, хвост водяного скорпиопаука дёрнулся, сбросив с себя тело Скопы. Низкая, покрытая острыми выступами членистоногая скотина отступила назад, наполовину погружаясь в воду, из которой только что выбралась.

Скопа влажно упала на мокрую траву, и, громко застонав, откатилась в сторону, заливая её кровью.

Скорпион, стрекоча жвалами, рывками передвинулся вбок, семена острыми ножками. Чёрный, блестящий хитин на спине переливался перламутром на ходивших ходуном широких спинных пластинах. Изогнув украшенный гранёным остриём жала хвост Изменённый чуть приподнялся, готовясь к прыжку в мою сторону.

Мои пальцы автоматически засадили последнюю гранату в подствольник и нажали на курок. Я упал на Скопу, закрывая её собственным телом, и надеюсь, что меня не сильно зацепит.

Грохнуло!!! Горячей волной обожгло ноги и спину, боль прокатилась снизу-вверх, заставив сжать зубы и зарычать. Неожиданно стало темно в глазах. Подо мной глухо закапшлялась Скопа. Нужно было вставать, нужно было идти...

Воздух с хрипом входил в лёгкие, и мне его не хватало. Тягучая, вязкая слюна, которую приходилось постоянно отхаркивать, забивала горло.

Солнце взошло высоко, и сейчас, висело на небе, по какому-то странному обстоятельству, полностью свободному от обычных, низких и серых, туч. Оно припекало так, что всё вокруг казалось только красным и коричневым. А может быть, виной тому было то, что я тащил на себе Скопу, сам потеряв недавно довольно много крови.

В висках гулко стучало, наполняя голову постоянным звоном. Ноги казались деревянными, но всё же упорно шли вперёд, давая надежду на то, что я смогу успеть. Помочь сейчас нам мог только один человек во всём Районе. И я двигался в ту сторону, где, как говорили, он жил. Глупо надеясь на то, что дойду вовремя и именно туда, куда мне было нужно.

Скопа, что-то бормотавшая в забытьё, недавно замолчала, и лишь изредка стонала, и мне, скатываясь по шлему, на лицо падала кровавая слюна, сейчас капавшая из её

обмётанного рта.

— Держись, держись сестрёнка, я очень тебя прошу, ты только держись...

Майор Квасков стоял у крайнего бронетранспортёра, смотря на то, как бойцы загружали тела его бывших солдат.

Сквер, видимый с площадки у Черты, до которой они добрались, горел. Отряд прошёл до него пешком, надеясь найти кого-то из живых, но...

Старый двор, стоянка, кусок тротуара — утопали в гильзах и крови. Майор пытался представить себе то, что здесь происходило. Такой мясорубки Район не видел уже давно.

Спецназовцы и «котики» погибли, взяв с «Пуритан» кровавую дань такой величины, что теперь секта не скоро придёт в себя. Количество тел в сером камуфляже напоминало поле боя во время серьёзной локальной войны.

Из входа в лабиринт подземных коммуникаций, находящегося в одном из подъездов полуразрушенной пятиэтажки, наконец-то начала выходить отправленная туда группа. Майор напрягся, увидев плащ-палатки, на которых бойцы несли тела.

Гриша Александров, Бармаглот...

Валера Комаров, Дихлофос...

Судя по форме, какой-то американец, со светлыми усами...

История повторилась. Квасков, сжав кулаки, проводил их глазами. Всё вернулось, как тогда, возле такой далёкой горы в Дагестане.

Никто из тех, кто полностью владел ситуацией, не дал приказа на выход. Когда его ребята погибали здесь, он со всей группой, находился в Черкассах-5. И если бы не один из связистов, когда-то вытасченный спецназом из рук мародёров, то так бы ничего и не узнали.

Квасков нарушил все мыслимые приказы, выдвинувшись с бойцами вглубь Района. «Вертушки» так и не поднялись, так как пилоты не решились на такое самоуправство. Только бэтэры с десантом на броне. Но как они ни старались — не успели, не пришли вовремя на подмогу ребятам. И вот теперь ему снова приходилось грузить «двухсотых», ставшими такими из-за чьего-то молчания

— Здравствуйте, э-э-э...

— Добрый вечер. Не затрудняйте себя вариантами моего имени или прозвища. Если хотите, то можете называть меня, м-м-м, скажем... Курьер. Так устроит?

— Хорошо... как скажете. Вы привезли?

— О да, конечно. Вот здесь, в сумке. Но сначала ответьте, вы сделали всё, о чём вас просили мои хозяева?

— Всё что смог...сделал. Да, только то, что смог.

— Что значит — «что смог»?

— Ну, то и значит! Понимаете, я заменил состав в двух контейнерах. А третий...

— То есть до конца вы задачу не выполнили?

— Да вы поймите, что я не могу забрать контейнер у сотрудника ФСБ, и ...

— Послушайте, профессор, или кто вы там. Оно-то мне понятно, как и понятно и то, что вы боитесь спать с собственной женой. Так?

— Да... да, вы правы, боюсь...

— Ну вот. И ещё — не знаете, как может повести себя ваша дочка, если вовремя не ввести ей вашу чудо-сыворотку. Только представьте, как подстёгнутый адреналином во время занятия сексом с её бойфрендом, поведёт себя тот самый ген, который вы ей самолично подправили, а?

— Послушайте, как вы смеете? Ведь я...

— Ну да, вы хотели её спасти, я знаю. Я всё про вас знаю. И про вашу семью. Про то, как вы ввели мутаген жене и дочери, да-да, из благих побуждений. Спасли их от лейкемии, воспользовались данными, разработанными в лабораториях внутри Района. Но теперь-то, они зависят от того препарата, который вам регулярно поставляют мои хозяева в обмен на ваши услуги. А вы так себя нехорошо ведёте. А-я-я-й.

— Но что я мог сделать? Да, вещество было разработано в моей лаборатории, и я контролировал весь процесс. Просто третий контейнер сразу же забрал тот полковник, который должен пойти в Радостный-55... И я никак не мог бы взять его, понимаете?! Но из-за этого вы же не лишите меня препарата? Ведь они не смогут без него... Пожалуйста!!!

— Ну что вы, голубчик, конечно... держите, вот он. Мы справимся сами. Вы же и так помогли. Обезвредили два контейнера из трёх. И нам теперь останется просто устранить все три группы. Не переживайте, всё хорошо.

— Спасибо, спасибо!!! Я могу не переживать по поводу следующей поставки препарата из Радостного, правда?!!

— Конечно же, не переживайте, конечно

Человек с глубокими провалами абсолютно чёрных глаз, сидел на крыльце дома и курил. Ждал.

Он не удивился, когда услышал тихий рокот двигателей БТРа, явно ехавшего в его сторону. Машина быстро приближалась, порывая за деревьями, окружающими дом.

С брони подъехавшего через пару минут «девяностого», спрыгивали спецназовцы в форме со знаками северной группировки. Вот они торопливо спустили две плащ-палатки, провисающих под тяжёлым грузом, и побежали в его сторону.

Один из них, судя по поведению — командир, успел к нему первым:

— Здравствуйте, Танат. Мы привезли к вам двух раненых. Подобрали недалеко отсюда. Может, они к вам и шли. Девушка — очень тяжёлая, парень — практически только лёгкие осколочные. Вы уж простите, что мы к вам.

Он хмыкнул, смотря на него снизу вверх:

— Удивили... а к кому ещё их везти? Несите в операционную обоих. Вон туда! Там всё готово.

Привстал, и прошёл вперёд, показывая на дорожку, ведущую ко второму зданию, которое давно служило местной больницей. Проследил глазами за двумя комками из разорванных комбинезонов, окровавленных бинтов и выбившейся, через дыры, одежды. Покачал головой, оценивая то, что успел заметить.

Он задумчиво покачал головой, и отправился в сторону своего «медбокса». Спецназовец, присевший на оставленное им крыльцо и закуривший, окликнул его:

— Скажите, вы знали про то, что мы приедем?

Тот чуть остановился. Напоследок затянулся посильнее. Выдохнул дым, путив его колечками. Оглянулся:

— Да. С утра был один старый друг. Предупредил.

— Кто?!!

— А вам, не всё ли равно? Я считаю, что должно быть сугубо фиолетово. Да? Вот и не забивайте голову тем, что вам сейчас не нужно.

Спецназовец посидел, докуривая и дожидаясь бойцов, выходящих из здания. Потом встал, тщательно втоптав подошвой окурок в землю. Покосился на след от громадной собачьей лапы, хорошо видневшийся на влажной почве, рядом с отпечатком мужского военного ботинка, большого размера. Покачал головой, и пошёл к машине.

Танат, надев медицинский фартук, перчатки и повязку, подошёл к девушке, больше похожей на труп, чем на живого человека. Ещё раз прошёлся взглядом по сквозной ране, разворотившей ей грудную клетку. Присвистнул, звякнул инструментами на лотке, и начал работу, пробормотав под нос:

— Ну-с, приступим, помолясь... Глядишь — оно и получится, тьфу-тьфу.

Больше книг на сайте — Knigoed.net